Ген. П. И. ЗАЛѢССКІЙ

ВОЗМЕЗДІЕ

(Причины русской катастрофы)

БЕРЛИНЪ 1925 г.

Печатано въ типографіи Об-ва „P R E S S E“. Berlin, Leipzigerstr. 59.

Предисловіе.

Страшная катастрофа, постигшая и Старую, и Новую Россію, не научила до сихъ поръ многихъ.

Слишкомъ велики: ослѣпленіе однихъ и азартъ другихъ.

А между тѣмъ, все прошлое Россіи — и давнее, и недавнее — очень поучительно для всѣхъ странъ и народовъ.

Я даю краткое историческое показаніе о жизни моей Родины, собравъ во едино и кратко изложивъ то, что я говорилъ и писалъ въ прошломъ, останавливая и предостерегая дѣятелей всѣхъ направленій отъ ихъ пагубныхъ шаговъ...

Они не остановились въ своемъ безуміи и результаты налицо!

Пусть же другіе всмотрятся въ страшные уроки прошлаго...

Я предполагаю, что читателю извѣстны событія не только міровой войны, но и русской революціи и даже гражданской войны, хотя бы только въ общихъ чертахъ; а потому изложеніемъ хода событій я не занимаюсь; подробностей же касаюсь только для иллюстраціи общихъ явленій русской жизни или войны.

Во многихъ мѣстахъ этого труда я пользуюсь случаемъ, чтобы указать: какъ слѣдуетъ поступать и что должно быть вмѣсто того, что было.

Благодаря послѣднему, настоящій трудъ является, не только историческимъ показаніемъ, но и поученіемъ, извлеченнымъ изъ долголѣтняго опыта, оправданнаго большими событіями и явленіями общественной жизни.

Авторъ.

Глава I.

СЛѢДСТВІЯ И ПРИЧИНЫ.

Россія — богатѣйшая страна въ мірѣ.

Ея тучныя черноземныя равнины, ея обширные луга; ея необъятные лѣса; ея разнопородныя горы, многоводныя рѣки и большія моря — даютъ все, о чемъ только можетъ мечтать человѣкъ, къ чему только можетъ стремиться человѣческій геній!

Своимъ хлѣбомъ она можетъ кормить весь міръ.

Своимъ сырьемъ она можетъ наполнить всѣ рынки.

И если бы эта богатѣйшая страна жила въ общечеловѣческихъ культурныхъ условіяхъ — міръ не испытывалъ бы никакихъ экономическихъ затрудненій и не жилъ бы на вулканѣ!

Но Россія живетъ ненормально, какъ тяжко-больной...

Обширныя площади земли пустуютъ необсѣмяненныя, поля обработаны плохо; луга не чищены; лѣса — хищнически уничтожаются!... Горы не разрабатываются; воды мелѣютъ или стоятъ безъ эксплоатаціи... Нефтяные и угольные промыслы — въ ужасномъ видѣ, какъ и все, что именуется: промысломъ, производствомъ, торговлей!

Въ богатѣйшей земледѣльческой странѣ люди голодаютъ съ 1918 года и умираютъ отъ голода тысячами, сотнями тысячъ.

Въ богатѣйшей земледѣльческой странѣ нѣтъ хлѣба въ избыткѣ!

Что-же послѣ этого сказать про все остальное?

Не мудрено, что въ ней нѣтъ медикаментовъ для лекарствъ, нѣтъ одежды, нѣтъ обуви; нѣтъ паровозовъ, машинъ, топлива... Нѣтъ примитивныхъ орудій сельскаго хозяйства: топоровъ, лопатъ, косъ!... А если и есть, то по невѣроятно большой цѣнѣ, мало кому доступной... Жилища разрушены или загажены; фабрики и заводы запущены; желѣзныя дороги въ ужасномъ состояніи...

Словомъ: страна разорена, производство разрушено, запасы разворованы или уничтожены; даже церкви ограблены!... Люди живутъ, какъ жили въ 16 или 17 вѣкѣ! Думы и заботы о насущномъ хлѣбѣ поглощаютъ всѣ силы и вниманіе однихъ, а развратъ и легкомысліе губитъ другихъ, особенно молодое поколѣніе!...

Большинство интеллигентныхъ людей влачитъ голодное существованіе. Только немногіе сыты вполнѣ и даже пьяны! Опьянены — кокаиномъ, алкоголемъ, женщинами, роскошью, развратомъ, властью и кровью... Кровью братьевъ!...

Только для перечисленія всѣхъ несообразностей и нелѣпостей, творившихся и еще творящихся въ Россіи, понадобились бы цѣлые томы... при чемъ нормальный европеецъ, незнакомый съ русской дѣйствительностью, не повѣритъ написанному: онъ скажетъ, что все это — мистификація, шаржъ!...

Кто же повѣритъ, чтобы дворникъ или сторожъ зданія суда сдѣлался бы вдругъ Предсѣдателемъ Съѣзда мировыхъ судей? Или — больничный служитель — завѣдующимъ лазаретомъ; цирульникъ — большимъ чиновникомъ; вчерашній прапорщикъ — главнокомандующимъ; вчерашній лакей или чернорабочій — градоначальникомъ; вчерашній смазчикъ вагоновъ — начальникомъ участка ж. дороги или начальникомъ станціи; вчерашній слесарь — начальникомъ мастерской; вчерашній убійца или профессіональный воръ — руководителемъ полиціи; вчерашній пропойца и никчемный человѣкъ — предсѣдателемъ сельскаго или волостного Совѣта, и т. д. въ этомъ духѣ?

Что же удивительнаго, что при такихъ условіяхъ страна стала ходить на головѣ, думать ногами, жить безъ

сердца, безъ совѣсти, безъ морали, безъ Бога?! Также неудивительно что отъ Россіи отпали всѣ — кто могъ: Польша, Финляндія, Прибалтійскій Край, Кавказъ... а Бессарабію оторвали Румыны!... Новая Россія обѣднѣла и людьми, и территоріей, и благами міра!

А случилось все это, — весь этотъ грабежъ, разореніе, кровавый кошмаръ и нелѣпое столпотвореніе — отъ одного только слова — грабь, брошеннаго послѣ трехлѣтней тягостной и неудачной для Россіи войны съ Германіей, въ темную и уставшую отъ войны русскую народную массу! . . . .

Но слово это, равно какъ и другія средства возбужденія народныхъ массъ не имѣли бы такого общаго и кошмарнаго дѣйствія, если бы въ Россіи не было того, что въ ней было въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ и что подготовило ей и военную неудачу 1914—1916 т. г. на германскомъ фронтѣ и упорное непониманіе верхами русской власти той тяжелой обстановки, которая сложилась къ концу 1916 года, и общее крайне напряженное состояніе страны къ началу 1917 года, и легкій успѣхъ революціи, и дикое развитіе ея по пути разрушенія культуры и государственности! Даже всѣ попытки возстановленія право-порядка въ 1918—20 годахъ разбились именно о старыя привычки и тенденціи, о старое самомнѣніе, недальновидность и легкомысліе!

Всѣ ошибки и всѣ преступленія, кои мы видимъ на протяженіи многихъ лѣтъ съ 1914 года — идутъ отъ старыхъ «посѣвовъ». Все это выросло на почвѣ крайняго соціальнаго неравенства и культивировано дѣйствіями неразумныхъ и недальновидныхъ «сѣятелей».

И темнота, и зависть, и адская злоба, и дикость — столь ярко выраженныя въ русской революціи; и бездарность верховъ, и неготовность арміи; и неорганизованность культурныхъ и государственно-мыслящихъ людей; и растерянность и шкурничество буржуазіи въ дни революціи и въ дальнѣйшихъ событіяхъ, — все это плоды одного поля и дѣла рукъ одних «сѣятелей»!...

А — «что посѣешь, то и пожнешь».

Французы говорятъ еще сильнѣе:

„Quand on sème le vent — on recolte la tempête“.
«Посѣешь вѣтеръ; соберешь бурю!»

Я охотно умолчалъ бы о массонахъ и евреяхъ, какъ о причинахъ всѣхъ русскихъ несчастій, если бы эти миѳы не поддерживались бы нѣкоторыми слоями общества.

Я прожилъ на свѣтѣ не мало; вращался въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ русскаго общества, но я ни разу не наталкивался даже на слабые слѣды масонскаго вліянія. Въ то же время я видѣлъ много дурного, пагубнаго, преступнаго, того самаго что явно толкало Россію въ пропасть.... И все это творили ежедневно самые обыкновенные люди, завѣдомо непричастные къ массонству!

Гдѣ же скрывается та «міровая» и «всесильная» организація, адепты которой не видны даже тѣмъ кто работаетъ рядомъ съ ними у одного и того же дѣла?

Я не отрицаю, что массоны существуютъ, что члены этой партіи поддерживаютъ другъ друга. Но «всемогущество» ихъ и «вездѣсущіе» это — миѳъ, сочиненный людьми, не желающими смотрѣть на жизнь просто — какъ она есть, и всюду ищущихъ вліянія таинственныхъ силъ.

Точно также нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній для того, чтобы преувеличивать вліяніе «мірового еврейства» на русскія дѣла.

Во-первыхъ, такой «міровой» организаціи нѣтъ.

Во-вторыхъ, вліяніе евреевъ на русскія дѣла вполнѣ объяснимо: еврейскимъ темпераментомъ и тѣми ненормальными условіями въ коихъ протекала ихъ жизнь въ Россіи до революціи.

А въ третьихъ — фактическая и юридическая власть въ Россіи до революціи была вѣдь въ русскихъ рукахъ, и эти именно русскія руки готовили и творили всѣ тяжкія страницы русской исторіи.

Возьмемъ только послѣднія сто лѣтъ, отъ 1805 года. Кто создалъ пораженіе русской арміи въ 1805—7 годахъ? Кто вызвалъ Императора французовъ Наполеона I-го на войну въ 1812 году и явился на театръ войны совершенно неготовымъ (и проигралъ бы кампанію, если бы не ошибки самого Наполеона!)? Евреи?

Кто проигралъ войну 1855—56 годовъ? Тоже евреи?

Не они ли были причиной неготовности русской арміи даже въ войну противъ Турокъ въ 1877—78 годахъ, и позорнѣйшихъ пораженій отъ Японцевъ въ войну 1904—5 годовъ?

Вспомните, что войну 1855—56 г. г. мы проиграли противъ д е с с а н т а, привезеннаго въ нашу Страну за тысячи верстъ!

Война эта очень рельефно указала на присутствіе смертоносныхъ бацилъ въ русскомъ государственномъ организмѣ и въ частности въ Арміи, страдавшей хронической н е г о т о в н о с т ь ю всей своей организаціи и великой б е з т а л а н н о с т ь ю верховъ.

Тутъ евреи не при чемъ!

А между тѣмъ уже эта неудачная война, завершившаяся позорнымъ для Россіи Парижскимъ миромъ, вызвала сильное недоумѣніе въ русскомъ обществѣ.

Мыслящая Россія естественно спрашивала себя: почему же такъ выходитъ: съ одной стороны власти убаюкиваютъ себя и другихъ пѣснями: «громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ!», и криками: «шапками закидаемъ»; а съ другой — пораженіе отъ дессанта и позорный миръ?!

И этотъ вопросъ, въ той или иной формѣ, поднимался въ душѣ каждаго мыслящаго русскаго человѣка при всякой военной неудачѣ. А таковыхъ было не мало. Особенно тяжела и позорна была война съ Японіей 1904—5 г. г., не давшая Россіи ни одной побѣды на протяженіи 1½ лѣтъ войны! Нѣтъ ничего удивительнаго, что эта безславная и тяжелая война вызвала оппозиціонное правительству настроеніе, и въ обществѣ и въ народѣ, и дала толчокъ къ цѣлому ряду возстаній и противуправительственныхъ выступленій. Россія не могла промолчать, глядя на акты недальновидной и легкомысленной поли-

тики, слишкомъ дорого обходившейся именно тѣмъ, кои не имѣли въ странѣ почти никакихъ гражданскихъ правъ и никакого вліянія на ея государственныя дѣла.

И она сказала тогда своимъ «управителямъ», что «такъ дольше жить нельзя»!... Отъ управителей Страною потребовали отчета въ дѣйствіяхъ и въ расходованіи государственныхъ средствъ!...

И весь этотъ протестъ народа, названный «революціей 1905 года», былъ вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ проигранной войны, а не еврейскаго или иного вліянія.

Не евреи выбирали и назначали министровъ, а потомъ Главнокомандующимъ Куропаткина для его бездарныхъ упражненій сначала въ военномъ вѣдомствѣ, а потомъ на Манджурскихъ поляхъ! Не они протежировали Безобразову въ его погубной затѣѣ на Ялу. Не они вызывали постоянныя междувѣдомственныя тренія и нелѣпое соперничество министерствъ. Не они создали праздную жизнь при Дворѣ, съ ея интригами и незнаніемъ дѣйствительности! Не они внушили Императору Николаю 2-му его легкомысленное отношеніе къ Японіи и самоувѣренность передъ злополучной войною 1904 года. Не они породили и воспитали безконечный рядъ невѣжественныхъ или недобросовѣстныхъ чиновниковъ и бездарныхъ генераловъ, проваливших войну 1904—5 г., а потомъ и войну 1914—1916 годовъ! Не они избирали и назначали на высшія военныя должности — такихъ сѣрыхъ лицъ, какъ Куропаткинъ; такихъ легкомысленныхъ, какъ Сухомлиновъ; такихъ невѣжественныхъ, какъ Линевичъ и такихъ ультра-канцеляристовъ, какъ Алексѣевъ. Не они отдалили правящихъ отъ народа. Не они поддерживали темноту и дикость народныхъ массъ. Не они противились проведенію правильной земельной реформы еще съ 1905 года!?

Не они якшались съ разными хулиганами и продажными людьми изъ «Союза русскаго народа», готовыми на все за хорошую подачку (убійство Герценштейна — члена 1-й Государственной Думы; постыдное «дѣло Бейлиса» и прочее).

Въ теченіе 35 лѣтъ я наблюдалъ работу русскихъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ ранговъ, и у меня сложилось твердое убѣжденіе, что никакіе евреи или массоны не могли и не сдѣлали Россіи столько зла, какъ ея собственные чиновники, собственныя власти!

Все было въ ихъ рукахъ, и все творилось ими или черезъ нихъ. Они могли направить и воспитать русскій народъ, какъ угодно! А потому на нихъ лежитъ и главная отвѣтственность за случившееся!

Однако, даже на нихъ — носителей власти въ послѣдній періодъ — нельзя сваливать всю вину за случившееся; сегодняшній день есть слѣдствіе всѣхъ «вчера». Катастрофа, постигшая Россію, слишкомъ грандіозна (по пространству и по послѣдствіямъ); ее не могли создать отдѣльныя лица или партіи и даже одно поколѣніе! Ее создали вѣка безумія! Она — дѣло многихъ поколѣній!

Могучая съ виду Страна страдала уже издавна хроническимъ недугомъ... Внутри могучаго русскаго Дуба накопилось много гнили, и хотя стоялъ онъ съ виду сильный и крѣпкій, занимая громадное пространство и прикрывая многихъ своею тѣнью, но катастрофа могла случиться каждую минуту!

Налетѣла міровая буря...

Не выдержалъ смертельно больной Дубъ и, какъ скошенный, упалъ!...

Но кто же виноватъ въ существованіи болѣзнетворнаго процесса внутри русскаго организма? Кто допустилъ этотъ процессъ и кто запустилъ болѣзнь?

Пусть скажетъ это сама Россія — ея исторія: за что постигла ее страшная кара?

Пусть говорятъ факты.

Глава II.

ОТЪ РЮРИКА ДО НИКОЛАЯ 2-ГО.

Начало русской Государственности считается со времени призванія Варяговъ (IX вѣкъ), которые являются первыми русскими князьями (кнэзь—главарь.)

Правильнѣе думать, что это были Скандинавы, жившіе грабежомъ («les pillards d'origine scandinave"). Никто ихъ не звалъ, а пришли они безъ зова и подчинили себѣ нѣкоторыя славянскія племена, жившія по рѣкамъ Волхову и Днѣпру. Потомъ партія варяговъ спустилась по Днѣпру ниже и основала городъ Кіевъ.

Такъ расширяли они свое вліяніе на славянскія земли.

Первоначально, разныя области (Новгородская, Черниговско-Сѣверская, Суздальская, Смоленская, Полоцкая, Галицкая, Муромская, Переяславская, Ново-сѣверская, Кіевская и Волынская) жили независимо одна отъ другой.

Затѣмъ, они — то соединялись, то вновь дробились.

Первое большое объединеніе произошло при князѣ кіевскомъ Владимірѣ — Красное Солнышко (972—1015).

Сынъ Владиміра Ярославъ Мудрый (1015—1054) еще болѣе объединилъ Русь.

Но при его пріемникахъ, началась междуусобица среди русскихъ князей и дробленіе областей, переходившихъ по наслѣдству.

Періодъ этотъ длился до нашествія татаръ (1237 г.) и именуется «Кіевскимъ» (972—1237).

Главныя черты тогдашняго быта:
рѣдкое населеніе, разбросанное по долинамъ рѣкъ; дремучіе лѣса, обширные пустыри, полудикое существованіе;

занятіе: охота, примитивное земледѣліе и такое же скотоводство.

Немногочисленные города и села имѣли общинное устройство: вѣче выборныхъ должностныхъ лицъ.

Князь находился въ «договорѣ» съ общиной (хотя, какъ видно, это не мѣшало князьямъ передавать города и области по наслѣдству своему потомству).

Князь защищалъ общину отъ враговъ внѣшнихъ. За это община содержала князя и его дружину. Впрочемъ, есть указанія и на «княжескій» судъ и на «княжескіе» законы. И это вполнѣ вѣроятно: у кого была вооруженная сила — тотъ, несомнѣнно, имѣлъ наибольшее вліяніе на дѣла.

Однако, селякъ былъ свободенъ, лично, какъ и люди другихъ профессій; селился — гдѣ хотѣлъ, дѣлалъ — что хотѣлъ. Даже витязь могъ выйти изъ любого состоянія (Микула Селяниновичъ, Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ).

Съ татарскимъ владычествомъ (1238—41) картина мѣняется.

Господами на Руси стали Татары. Имъ всѣ кланялись, всѣ подчинялись. Князья русскіе, опережая другъ друга, спѣшили на поклонъ къ татарскимъ ханамъ, ханшамъ и сановникамъ... Чего только не дѣлали эти князья, чтобы устранить соперника и добыть «ярлыкъ на княженіе»! У татаръ они переняли всякіе азіатскіе пріемы — хитрости, коварства, обмана, лжи, лицемѣрія и жестокости!

Подкупивъ сановниковъ и ханшъ, поклонившись хану и идолищу, внеся соотвѣтствующій «ясакъ», русскій князь получалъ «ярлыкъ», т. е. право — распоряжаться данной областью по своему произволу!

Затѣмъ князь являлся въ полученную имъ отъ хана область на правахъ полноправнаго владыки, какъ откупщикъ. Все повиновалось ему! Не только сельское и городское населеніе были его «холопами» и данниками, но таковыми являлись всѣ «придворные», всѣ служилые и даже потомки бывшихъ владѣтельныхъ князей — Рюри-

ковичи. Всѣ они неуклонно именовали себя передъ княземъ: «недостойный рабъ твой Иванушка», «рабъ твой Петрушка», и т. д. А просьбы именовались — «челобитныя», ибо подавая ихъ, проситель дѣлалъ земные поклоны, т.е. билъ челомъ о земь!...

Вотъ откуда уже идетъ русское рабство, наше холопское подчиненіе произволу и насилію!

Еще недавно Императору Павлу писали «челобитныя», еще Императору Николаю 1-му цѣловали руку и онъ говорилъ всѣмъ «ты» и не стѣснялся ни въ чемъ въ проявленіи своей Высочайшей воли!

Когда именно началась на Руси «помѣстная система» — точно указать нельзя. Вѣроятно, она стала появляться постепенно — какъ подъ вліяніемъ татаръ (для сбора дани), такъ и подъ дѣйствіемъ наслѣдственнаго раздѣла, колонизаціи и дарственныхъ актовъ... Сначала давали и закрѣпляли за придворными, дѣтьми боярскими (дворянами) только земли, а потомъ постепенно подчиняли имъ и тѣхъ, кто на этихъ земляхъ жилъ. Уже въ 15-мъ столѣтіи служилые люди, т. е. дворяне обязаны были являться въ случаѣ войны — «конны, людны и оружны». Уже тогда населеніе раздѣляется на «тяглыхъ» и нетяглыхъ людей... Юридически селякъ былъ лично свободенъ, но фактически свобода эта постоянно сокращалась рядомъ стѣснительныхъ мѣръ и договорами съ владѣльцами земель (отдача себя въ «холопы»).

Въ Московскій періодъ, т. е. въ періодъ образованія Московскаго Царства (15—17 стол.), мы видимъ уже бояръ-владѣтелей большихъ помѣстій, населенныхъ «тяглыми» и «подлыми» людьми, а при дворахъ боярскихъ — многочисленную «челядь» изъ «холоповъ», «холуевъ» и «смердовъ»...

Какъ жилось этимъ «тяглымъ» и «смердамъ», этимъ «подлымъ» людямъ, показываетъ фактъ непрерывнаго бѣгства ихъ отъ властей и бояръ на пустыя окраины Государства, гдѣ они образовали «казачьи» поселенія (впослѣдствіи войска), до послѣднихъ дней сохранившія любовь къ свободѣ и обычай самоуправленія.

Закрѣпленіе сельскаго населенія на земляхъ боярскихъ и дворянскихъ произошло постепенно. Но еще въ

царствованіе Іоанна Грознаго сельское населеніе имѣетъ право перемѣщенія къ другому владѣльцу, но только одинъ разъ въ году (Юрьевъ день). Упраздненіе этого права при Царѣ Борисѣ вызвало большія волненія и недовольство въ народѣ.

Подводя итогъ 400 лѣтнему татаро-московскому періоду, приходится отмѣтить слѣдующія особенности русской жизни къ концу 16-го столѣтія (царствованія Іоанна Грознаго):

1) Дикій произволъ самодержавной власти, не знающей предѣла жестокости и изувѣрству!

2) Не только народъ, но и бояре смиренно сносятъ произволъ и издѣвательства Царя. Только немногіе (Курбскій, Морозовъ, Митрополитъ Филиппъ) осмѣлились говорить Царю правду въ ту пору, когда онъ былъ въ разцвѣтѣ своихъ злодѣяній.

3) Въ теченіе 400 лѣтъ всѣ и вся привыкли пресмыкаться: холопы и смерды передъ дворянами и боярами; дворяне и бояре передъ Царями (а раньше — передъ князьями).

4) Всѣ вели рабскую жизнь; каждый боялся за свое существованіе; общественной жизни почти не было... Свое отношеніе къ общественнымъ дѣламъ народъ выявлялъ пословицей: «моя хата съ краю»....

5) Но народъ охарактеризовалъ себя и другими словами народной мудрости: «стыдъ не дымъ — глаза не выѣстъ»; «непойманный — не воръ», «плохо не клади — вора въ грѣхъ не вводи»....

Со времени татарскаго ита русскій народъ жилъ въ атмосферѣ крайней темноты, суевѣрія, лжи, воровства и дикости нравовъ; хорошаго примѣра сверху онъ видѣлъ мало.

Никто не думалъ о народномъ развитіи и просвѣщеніи. Съ народа требовали подати въ княжескую, а потомъ въ Царскую казну; требовали личныхъ повинностей, когда это вызывалось нуждами государства или владѣтелей земель. Но заботами о немъ никто себя не утруждалъ. Жизнь со всѣми ея потребностями укладывалась въ очень узкія рамки примитивнаго существованія.

Смутное время, конечно, не улучшило, а ухудшило общее положеніе; особенно разнуздало нравы, открывъ путь всякому произволу и всякимъ возможностямъ.

Время первыхъ Романовыхъ было тяжелымъ временемъ возстановленія внѣшняго порядка и правовыхъ началъ жизни.

Иностранцы тѣхъ временъ (17 столѣтіе), посѣщавшіе Московское Государство, свидѣтельствуютъ о необычайной дикости и жестокости нравовъ всѣхъ сословій, о крайнемъ развитіи пьянства и всѣхъ видовъ разврата.

Достаточно сказать, что священно-служители попадались въ содомскомъ грѣхѣ, совершенномъ въ алтарѣ во время богослуженія!... Пьяныя оргіи и убійства съ цѣлью грабежа на улицахъ Москвы были заурядными явленіями! Даже такая большая фигура, какъ Патріархъ Никонъ, былъ полонъ самой мелкой порочности! Ложь, лицемѣріе, взяточничество, лихоимство, процвѣтали открыто также, какъ и разбой среди бѣла дня!

Даже люди, избираемые для такихъ ролей, какъ «представитель» Москвы за-границей, царскіе послы держали себя такъ, что вызывали общее недоумѣніе и протестъ среди жителей и представительствъ тѣхъ странъ, куда посылались.

Можно себѣ представить — каковы были въ тѣ времена отношенія между начальниками и подчиненными, боярами и холопами и вообще жизнь «тяглыхъ» и «подлыхъ» людей!?

Понятно почему окраины тогдашней Россіи быстро заселялись «бѣглыми» людьми не вынесшими гнета сверху (отъ бояръ, чиновниковъ и всякихъ властей) и ушедшими за новой жизнью на берега Дона, Донца, Днѣпра и Урала... На Днѣпрѣ, къ его низовьямъ и порогамъ уходили преимущественно малороссы, бывшіе почти до конца 17 столѣтія подъ властью Польши. Но причины бѣгства были вездѣ однѣ и тѣ же — гнетъ чиновниковъ и владѣльцевъ земель, кои къ тому же въ Польшѣ зачастую арендовались евреями *).

*) Эти бѣглые основали на Днѣпрѣ Запорожское войско, на Дону — Донское; имъ же принадлежитъ честь завоеванія Сибири, ибо и

Кромѣ бѣгства на окраины, народъ выражалъ свой протестъ и возстаніями. Возстанія крупнаго размѣра всегда носили характеръ дикій, полный мщенія по адресу владѣльцевъ земли и чиновниковъ.

Въ 17 столѣтіи — бунтъ Степана Разина (на Дону и на Волгѣ) и возстаніе на Украинѣ (противъ Поляковъ) имѣли совершенно одинаковыя внѣшнія формы и почти одинаковыя причины...*) Удивительныя звѣрства казаковъ и населенія Украины въ 1648 г. надъ польскими панами и паннами не уступятъ звѣрствамъ атамана Разина!.. Видимо въ народѣ сильна была ненависть ко всему «правящему», и мщеніе было полно ужасныхъ картинъ, сообразно нравамъ вѣка, дикости и темнотѣ народа!

Казалось бы эти возстанія и массовые побѣги должны были бы указать правящему сословію истинный путь управленія: свѣтъ знанія, смягченіе нравовъ съ помощью религіи и просвѣщеннаго примѣра сверху и улучшеніе всего народнаго быта. Но этого сознанія нѣтъ, по крайней мѣрѣ его не видно въ мѣропріятіяхъ правительства и въ дѣятельности правящаго класса.

Всюду дикость, жестокость, грубый развратъ и невѣжество!... Стремленіе къ просвѣщенію только зарождается, и то лишь въ ограниченномъ кругу придворныхъ людей, окружающихъ царя Алексѣя Михайловича.

Только «верхи», и то боязливо, обращали временами взоры свои на Западъ, чувствуя безпросвѣтную темноту и дикость Родины!... Свѣтъ нуженъ былъ ей; свѣтъ знаній, свѣтъ мысли, работавшей уже много тысячелѣтій и давшій уже богатые плоды во всѣхъ областяхъ человѣческаго генія не исключая и области морали, этики!

Окно къ этому свѣту прорубилъ Великій Петръ.

Но вмѣсто того, чтобы медленно и постепенно освѣщать и просвѣщать Матушку Россію, онъ силою потащилъ ее къ этому окну, и началъ «раздѣлывать» по сво-

Ермакъ и его товарищъ Иванъ Кольцо, и вся ватага Ермака, конечно, состояла изъ бѣглыхъ, кои занимались разбоемъ, а потомъ нанялись къ Строгоновымъ въ качествѣ „охраны“.

*) Политическій характеръ возстанія 1648 года на Украинѣ приняло потомъ — когда надо было подвести итоги избіенію пановъ и польскихъ чиновниковъ.

2

ему, чтобы она хоть съ виду походила на «просвѣщенную» страну.

Много, очень много сдѣлалъ Великій Преобразователь для будущаго блага Россіи. Онъ расширилъ предѣлы государства; онъ географически приблизилъ Россію къ Западу; онъ завязалъ дѣятельныя сношенія съ Западомъ; онъ заставилъ русскихъ людей многому научиться; онъ привлекъ работниковъ Запада во всѣ области жизни Россіи; передѣлалъ или вновь создалъ всѣ отдѣлы народнаго хозяйства; основалъ флотъ; реорганизовалъ и расширилъ армію; создалъ весь государственный аппаратъ!... Но онъ не передѣлалъ россійской нравственности, а главное его скороспѣлое дитя пріобрѣло смертельный порокъ сердца!... Сердце *) его и безъ того работало не важно, а послѣ Петровой« гонки» и совсѣмъ захирѣло!...

Великій Преобразователь измѣнялъ матерію Россіи, ея хозяйство. На все это требовались средства, много средствъ (всякихъ — и денежныхъ и въ видѣ рабочей и военной силы). Чтобы лучше и вѣрнѣе ихъ извлекать, онъ произвелъ первую перепись населенія и принялъ цѣлый рядъ мѣръ къ прекращенію побѣговъ и переселеній простого народа. Въ то же время онъ обязалъ дворянъ службою государству и возложилъ на нихъ отвѣтственность за живущихъ на ихъ земляхъ хлѣбопашцевъ... Такъ произошло окончательное закрѣпощеніе крестьянъ, а слѣдовательно и естественное отчужденіе ихъ отъ правящаго сословія (ненависть къ рабовладѣльцу). Но это не все: кромѣ правъ однихъ надъ другими; кромѣ различія въ матеріальномъ благосостояніи; кромѣ различія въ образѣ жизни — какъ слѣдствія матеріальнаго и правового различія, — пропасть между крестьянами и дворянами увеличилась еще въ силу просвѣщенія — которое было доступно почти исключительно дворянамъ. Эта разница въ просвѣщеніи и въ образѣ жизни впослѣдствіи еще болѣе усилилась и образовала двѣ группы въ русскомъ населеніи: «образованныхъ» — господъ, и «необразованныхъ» — простой народъ.

*) Отношеніе между правящими и управляемыми.

Первые пользовались всѣми благами культуры и средствами государства; вторые — остались въ темнотѣ 17-го столѣтія по сей день!... Первые не знали вторыхъ; вторые — ненавидѣли первыхъ!...

Вотъ гдѣ порокъ сердца, привитый Россіи Петромъ въ его потонѣ за Западомъ!

Это самое главное зло.

Но кромѣ того: гоняясь за иноземными инструкторами, Петръ Великій насадилъ въ Россіи нѣмцевъ.

Нѣмцы пустили корни; развились весьма интенсивно; но рѣдко смотрѣли на Россію, какъ на второе отечество. Даже лучшіе изъ нихъ (Минихъ) мечтали о своемъ «фатерландѣ». Нѣмцы не знали русскаго народа, относились къ нему свысока, а главное — заботились не о Россіи, а о себѣ (какъ бы «услужить» верхамъ и пріобрѣсти благосостояніе). Нѣмцы сильно пробирались всегда къ верхамъ. Нѣмецкіе верхи, это — новое увеличеніе пропасти между народомъ русскимъ и его управителями.

Наконецъ, Великій Петръ, сдѣлавъ многое въ области правовыхъ отношеній и формальныхъ обычаевъ (раскрѣпощеніе женщины, требованіе грамотности при вѣнчаніи дворянъ, борьба съ суевѣріемъ, съ взяточничествомъ, нищенствомъ, праздностью и т. д.), въ то же время почти ничего существенаго не сдѣлалъ въ области смягченія нравовъ и улучшенія нравственности.

Правда, и въ эту область проникала его реформаторская рука, но не съ прямой цѣлью улучшить нравственность, а съ другими цѣлями, цѣлями государственнаго порядка и лучшей работы государственнаго аппарата.

Такъ, Петръ Великій предпринялъ рядъ мѣръ: къ подготовкѣ и организаціи духовенства, къ соблюденію благочестія (посты, говѣніе, запрещеніе торговать въ праздники), къ прекращенію праздности и разврата въ монастыряхъ; къ ограниченію нищенства; къ введенію благочинія, простоты жизни и добраго примѣра среди духовенства (его Регламентъ). Цѣлымъ рядомъ указовъ и жестокихъ расправъ со взяточниками (не исключая г. г. министровъ) онъ борется съ недобросовѣстностью чиновниковъ; требуя вниманія къ подчиненнымъ, запрещаетъ

незаконные поборы и постои съ населенія, даже о плѣнныхъ непріятеляхъ заботится, проявляя гуманность!..

Но на ряду съ этимъ, его личная жизнь, жизнь Царя, на виду у всего народа, полна самаго грубаго разгула и даже пьянства; произвола, грубости и даже кощунства (избраніе «Папы» для «всепьянѣйшаго собора»). Царь часто пьянъ. Царь не стѣсняется открытыми кутежами и оргіями. Царь жестокъ и сердце его не знаетъ жалости даже къ родному сыну! Но этого мало: онъ не стѣсняется ложью, обманомъ, не только въ политикѣ, но и вездѣ — гдѣ находитъ это нужнымъ... Выманивъ сына изъ Италіи, обѣщавъ ему прощеніе и жизнь частнаго человѣка, онъ не исполнилъ даннаго слова!

Нѣтъ предѣла царскому произволу, какъ нѣтъ предѣла петровой энергіи и жестокости! Всюду дѣятельная ломка старины (хотя бы и дурной, и отжившей), сопровождаемая: казнями, кнутами; рваньемъ ноздрей и всевозможными застѣнками и открытыми пытками!...

Такой примѣръ сверху не могъ смягчить нравы, а расширившаяся пропасть между «правящими» и «управляемымъ» дала обширное поле для примѣненія этихъ «несмягченныхъ» нравовъ.

Самъ Петръ Великій говорилъ о своей манерѣ проводить реформы такъ: «Съ другими европейскими народами можно достигать цѣлей человѣколюбивыми способами, а съ русскимъ не такъ: если бы я не употреблялъ строгости, то бы уже давно не владѣлъ русскимъ государствомъ и никогда не сдѣлалъ бы его такимъ, каково оно теперь. Я имѣю дѣло не съ людьми а съ животными, которыхъ хочу передѣлать въ людей».

Вотъ вамъ еще подтвержденіе указаннаго выше о допетровской Руси. Петръ не только Царь, но и умный, геніальный человѣкъ, и вотъ что онъ говоритъ о русскомъ народѣ въ его цѣломъ: «животное»!

Что же сдѣлалъ онъ съ этимъ животнымъ?

Раздвоилъ его на двѣ части: владѣльцевъ и «подданныхъ»; людей съ правами и людей безъ правъ; людей — двинутыхъ (хотя и медленно) по пути прогресса, и людей — застрявшихъ во тьмѣ, предразсудкахъ и бытіи 17 вѣка!

Это великое несчастье Россіи было усугубленно нѣмецкимъ засиліемъ—тоже явившемся съ Петра Великаго.

Петръ Великій вознесъ до небывалой высоты Самодержавную власть: все исходило отъ него и черезъ него; онъ во все проникалъ, онъ за всѣмъ наблюдалъ; онъ до всего доходилъ!... И вмѣстѣ съ тѣмъ — противорѣчить и возражать ему нельзя было! Царь былъ настоящимъ деспотомъ.

А рядомъ съ самодержавіемъ усилилась и власть тѣхъ, на кого эта власть опиралась, т. е. власть дворянъ — господъ. Самъ Царь называлъ крестьянъ «подданными» ихъ владѣльцевъ!

Эти «подданные», жившіе въ нищетѣ, невѣжествѣ и суевѣріи, боялись и ненавидѣли и своихъ владѣльцевъ, и ихъ главу!

Многіе не выдерживали гнета поборовъ и гнета обращенія — безправія, жестокости и злоупотребленій, и бѣжали всюду, куда могли: въ степи — къ казакамъ, въ лѣса — къ старовѣрамъ, на большія дороги — къ разбойникамъ; въ Турцію, въ Польшу, за моря!... А иногда, подстрекаемые предпріимчивыми людьми, поднимали и знамя возстанія. Такъ было въ Астрахани; такъ было на Дону, гдѣ «булавинскій» бунтъ продолжался два года.

А на знамени томъ было написано: «противъ князей, бояръ, прибыльщиковъ и нѣмцевъ!» «За вѣру и другъ за друга»! «За всѣхъ маломочныхъ людей».

Вглядитесь въ эти призывы. Вдумайтесь — чѣмъ и кѣмъ они порождены; почему находили такой откликъ въ народныхъ массахъ? Сравните ихъ съ призывами Разина, Пугачева, Хмѣльницкаго (1648 годъ), Налевайко, Желѣзняка и Гонты!...

Вотъ, напримѣръ, воззваніе нѣкоего Петрика (зять Кочубея), хотѣвшаго освободить петровскую Малороссію отъ «королей, царей, старшинъ и пановъ»:

«Не сажали-ли они братьевъ нашихъ на колья, не топили-ли въ прорубяхъ; не обливали водой на морозѣ; не принуждали-ли казацкихъ женъ варить въ кипяткѣ своихъ дѣтей?»

Такъ говоритъ Петрикъ о Полякахъ.

А о власти московской повѣствуетъ дальше:

«Ненавистные монархи, среди которыхъ мы живемъ, какъ львы лютые, пасти свои разинувъ, хотятъ насъ поглотить, т. е. учинить своими невольниками»... «Позволили нынѣшнему Гетману раздавать старшинамъ мѣстности; старшины позаписывали себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчное владѣніе нашу братію и только-что въ плуги ихъ не запрягаютъ, а ужъ, какъ хотятъ, такъ и ворочаютъ ими, точно невольниками своими»...

Вотъ какими простыми, но страшными словами разсказываетъ исторія о положеніи простого народа въ петровскій періодъ, о власти господъ о самодержавіи Царя и о протестѣ народа противъ этой власти и этого самодержавія!

Но ни самодержавіе, ни г. г. «князья, бояре, прибыльщики и нѣмцы» не учли истиннаго положенія вещей, не подумали о плодахъ его въ будущемъ, а придержались, видимо, поговоркѣ французскаго короля, любившаго жизнь въ свое удовольствіе, передѣлавъ ее на свой ладъ: «на нашъ вѣкъ хватитъ», — рѣшительно пошли прежнимъ путемъ, не учитывая послѣдствій темноты, нищеты и безправія народнаго!...

Государство ширилось, организмъ его разростался, политика усложнялась, міровое вліяніе увеличивалось, дворъ блисталъ уже, многіе владѣльцы — тоже, а массы народныя застыли въ первобытномъ состояніи и даже хирѣли въ нуждѣ и рабствѣ!

Преемники Петра Великаго не исправили ошибокъ Петра, а еще болѣе усугубили ихъ вліяніе.

Впрочемъ, иначе и не могло быть при той плеядѣ совершенно неспособныхъ и неподготовленныхъ къ государственной дѣятельности людей, которые занимали престолъ Россійскій до Екатерины II-ой и послѣ нея.

Въ теченіе почти ста лѣтъ на русскомъ престолѣ сидятъ самые разнообразные люди — по происхожденію и весьма однообразные по безталанности (кромѣ, конечно, Екатерины Великой, внесшей диссонансъ во второе свойство, но не испортившей перваго признака русскихъ вѣнценосцевъ).

Чего можно было ожидать отъ неграмотной прачки, сдѣлавшейся Императрицей по волѣ Петра. При ней власть была въ рукахъ смышленнаго, но недобросовѣстнаго и жаднаго Меньшикова, думавшаго о себѣ, а не о Россіи. Еще менѣе могъ дать нервный, неразвитый, лѣнивый и слабовольный юнецъ — Петръ второй, сынъ анемичнаго, больного и безвольнаго Алексѣя, замученнаго и отравленнаго отцомъ. Юнецъ былъ весь во власти царедворцевъ; сначала Меньшикова, а потомъ князей Долгорукихъ. Затѣмъ на престолѣ появляется совершенно неожиданно (по волѣ восьми членовъ «Верховнаго Совѣта») — дочь фактически не царствовавшаго слабоумнаго брата Петра — Іоанна Алексѣевича, Анна Іоановна — лѣнивая, неряшливая, чванная, злая, грубая, чопорная, мелочная и совершенно неподготовленная къ роли Правителя большой Страны.

«Ивановна» (такъ называли при Петрѣ всѣхъ многочисленныхъ дочерей царя Іоанна Алексѣевича) не смѣла и во снѣ мечтать о россійскомъ престолѣ, и вдругъ—«Самодержица Всероссійская», самодержица, не смотря на попытку «верховниковъ» ограничить самодержавіе!

Но эта самодержица держала себя на престолѣ хуже своихъ предшественниковъ, (неуспѣвшихъ еще начудить): она открыто жила съ бывшимъ конюхомъ своего покойнаго мужа (герцога Курляндскаго), возведя его въ «герцоги»; она цѣлыми днями занималась охотою или самыми плоскими, примитивными забавами съ придворными и шутами; она обратила въ шутовъ трехъ русскихъ князей (Голицина, Волконскаго и Апраксина) — одного по злобѣ къ его женѣ, дочери своего бывшаго фаворита Бестужева, а двухъ — за переходъ въ римско-католическую вѣру! Петръ Великій — чистокровный деспотъ — не глумился такъ надъ своими подданными, какъ это дѣлала мелкая по натурѣ и воспитанію, злобная и безсодержательная Анна Іоанновна! «Шутъ» Балакиревъ былъ битъ кнутомъ при Петрѣ именно за то, что — «получивъ за-границей техническую выучку — занялся шутовскими дѣлами»... А Анна Іоанновна изъ русскихъ бояръ-князей дѣлаетъ шутовъ для своего почтеннаго

развлеченія! Она заставляетъ ихъ: бить другъ друга, ѣздить верхомъ одинъ на другомъ, кудахтать по куриному!... А фрейлинъ своихъ, т. е. дочерей и женъ боярскихъ и княжескихъ, она бьетъ по щекамъ и командуетъ, какъ въ «дѣвичей» у владѣльцевъ: «пойте дѣвки»!...

Полюбуйтесь на эти придворные нравы и представьте себѣ — что при этихъ условіяхъ дѣлалось въ рабовладѣльческой средѣ ея подданныхъ? Какъ вели себя эти подданые и какъ они обращались со своими рабами?

11-ти лѣтнее царствованіе Анны Іоанновны есть время безпросвѣтной, узкой «обывательщины» (сплетни, интриги, доносы, мелочи жизни) и произвола, начиная сверху. Ни что не спасало отъ произвола власти (Митрополита Кіевскаго Вонатовича держатъ 10 лѣтъ въ тюрьмѣ за то, что онъ не отслужилъ молебна въ Царскій день!)

Доносничество, культивированное Петромъ, продолжало процвѣтать и при Аннѣ Іоанновнѣ въ видѣ «слова и дѣла», послѣ котораго тащили на допросъ съ пытками...

И по доносамъ, зачастую ложнымъ или вздорнымъ, людей бьютъ кнутомъ, жгутъ желѣзомъ, рвутъ ноздри, вырѣзываютъ языки!... За попытку ограничить самодержавную власть досталось многимъ. Долгорукихъ казнили въ большомъ числѣ, мстя имъ за помолвку Екатерины Долгорукой съ Петромъ II-мъ! Жестокій вѣкъ самъ по себѣ дѣлается еще болѣе жестокимъ и нелѣпымъ, когда власть попадаетъ къ неразвитымъ и бездарнымъ людямъ, полнымъ чувственности и всѣхъ страстей узкаго недальновиднаго эгоизма!

Что видѣлъ и что могъ воспринять народъ отъ такихъ правителей, руководителей и воспитателей?

И какъ жилось этому народу при такихъ нравахъ и навыкахъ «правящей» среды?

Минихъ въ 1735 году пишетъ съ Украины русскому Правительству (въ Кабинетъ Министровъ), что «разореніе народа дѣйствительно замѣтно» (это въ богатѣйшей Украинѣ!). Но онъ не трогаетъ верховъ, а говоритъ только о мѣстной власти, находя, что «полковниками и сотниками становятся люди неспособные; вездѣ стараются разбогатѣть насчетъ подчинен-

ныхъ; люди богатые стараются отлынивать отъ службы и только бѣдныхъ посылаютъ въ походы. Простые казаки бѣгутъ къ Татарамъ...

Это показаніе Миниха, хотя и немногословно и весьма сдержанно въ краскахъ, весьма важно, и вотъ почему: 1) Оно принадлежитъ самому образованному, развитому, честному и талантиливому лицу данной русской эпохи, лицу честно и продуктивно служившему Россіи много лѣтъ и занимавшему самые высокіе посты, не только въ военной сферѣ, но и въ гражданскомъ мірѣ.
2) Показаніе это — оффиціальное донесеніе вверхъ.

Если расшифровать это донесеніе и распространить его на другія русскія области — болѣе бѣдныя, а потому и болѣе угнетенныя, то вкратцѣ получится такая характеристика:

бездарные, жадные и безсовѣстные верхи, творящіе всякую неправду безнаказано, и — угнетенные, разоренные низы, протестующіе только бѣгствомъ, даже къ Татарамъ!

Запомните эту характеристику, данную талантливымъ и честнымъ фельдмаршаломъ Минихомъ: она красной нитью проходитъ черезъ всю русскую исторію, конечно, съ добавленіемъ: жестокости, интригъ, общаго невѣжества, лѣни, лжи, невѣдѣнія своего народа и своего дѣла эпикурейства, недальновидности и всѣхъ атрибутовъ узкаго и упрямо-тупоумнаго эгоизма!

Народъ продолжалъ жить своею жизнью, вдали отъ правящихъ, которые къ тому же продолжали быть его «полноправными господами».

Просвѣщеніемъ народа не занимались; хотя и для дворянъ въ этомъ отношеніи было сдѣлано не много, и дворянскихъ «недорослей» — безграмотныхъ и примитивныхъ — мы видимъ въ изобиліи даже въ серединѣ XIX столѣтія. Однако, дворяне все же кое-чему учились, а главное были съ правами и со средствами для безбѣднаго и сытаго существованія; это создавало условія жизни и все ту же пропасть между правящими и управляемыми, пропасть не закрывшуюся до послѣднихъ дней!... Но тогда, въ дни Бирона и Остермана пропасть эта зіяла своимъ безправіемъ и жестокостью нравовъ, а также — придворными интригами, эгоизмомъ мелочныхъ власти-

телей, нѣмецкимъ засиліемъ, русской бездарностью и лакейскими наклонностями (даже князья — покорные шуты)!

Побѣды фельдмаршала Миниха надъ Татарами и Турками сильно подняли политическое положеніе Россіи въ Европѣ, но они не измѣнили ея внутренняго положенія. Они не были результатомъ — ни моральнаго возрожденія (или развитія), ни національнаго подъема. Это были побѣды большой матеріальной силы, руководимой талантливымъ полководцемъ, подобно побѣдамъ Петра Великаго и Екатерины 2-ой. Большая матеріальная сила повиновалась безприкословно, люди шли на смерть съ фаталистическимъ равнодушіемъ: жизнь ихъ была не красна и смерть ихъ не страшила... И всякій разъ, когда ими руководили талантливо и даже просто — честно и дѣльно, — они давали побѣду. Такъ было и въ дни Грознаго подъ Казанью, подъ Астраханью и подъ Смоленскомъ; такъ было и при Петрѣ, и при его преемникахъ. Громадный организмъ Россіи, двинутый Петромъ по пути матеріальнаго прогресса, ширился и развивался, но также развивалась и ширилась его внутренняя болѣзнь — рабство, со всѣми его злокачественными наростами и проявленіями!...

Въ царствованіе дочери Петра Елизаветы замѣтно, если не смягченіе нравовъ, то хоть — правительственное воздѣйствіе, хотя въ «Тайной канцеляріи» по прежнему пытаютъ (бьютъ кнутомъ, жгутъ и вздергиваютъ на дыбы), но все же уже приказано: «не тащить къ отвѣту за неосторожное слово».... Да и казни замѣнены ссылками, хотя и послѣ соотвѣтствующихъ пытокъ при допросахъ. Рѣжутъ языки, рвутъ ноздри по-прежнему.

Нравы грубы и дики, несмотря на придворный блескъ и стремленіе казаться европейцами; несмотря на французскій языкъ и европейское образованіе многихъ русскихъ дворянъ...

Отношенія къ простому народу по-прежнему построены на началахъ самаго грубаго, дикаго деспотизма; а чиновничество, несдерживаемое рукою Петра, наложило

свою длинную руку на всѣ отрасли народнаго хозяйства и прибытка.

Вотъ почему, не взирая на сравнительную мягкость самой Государыни, правленіе ея ознаменовано постоянными крестьянскими бунтами — противъ рабовладѣльцевъ. Бунты и разбои сдѣлались заурядным явленіемъ и постепенно подготовляли обширную вспышку крестьянскаго негодованія, выявившагося въ слѣдующемъ царствованіи Екатерины 2-ой.

Кратковременное правленіе Петра III-го не ознаменовано ни крестьянскими реформами, ни мѣрами просвѣщенія или оздоровленія нравовъ. Если судить по предыдущей жизни этого чистокровнаго, неподдѣльнаго нѣмца, не имѣвшаго къ тому же ни талантовъ, ни воспитанія; ни ума ни воли, — то надо полагать, что царствованіе это не предвѣщало ничего хорошаго. На русскомъ престолѣ сидѣлъ худосочный нѣмецъ, унаслѣдовавшій со стороны матери — лишь взбалмашность и самодурство ея великаго отца.

Россіи не приходится сожалѣть, что худосочнаго и безталаннаго нѣмца смѣнила талантливая нѣмка.

Екатерина была нѣмка и по отцу, и по матери. Но благодаря природнымъ свойствамъ и долгому пребыванію въ Россіи до восшествія на престолъ (съ 15-ти лѣтняго возраста), эта нѣмка обратилась въ русскую... барыню — со всѣми ея недостатками, свойственными тому времени. «Русская нѣмка», вышедшая изъ нѣмецкой семьи, получившая начальное образованіе въ Европѣ, развившая потомъ свой кругозоръ усиленнымъ чтеніемъ и талантливымъ наблюденіемъ жизни; интересовавшаяся развитіемъ европейской мысли, подготовившей французскую революцію; переписывавшаяся съ корифеями этой мысли — Вольтеромъ и Дидро, — эта нѣмка, выросшая въ русской атмосферѣ, на русской почвѣ, впитала въ себя всѣ азіатскія особенности русской правящей среды, и очевидно, эти особенности затмили и поглотили — и нѣ-

мецкое воспитаніе, и знакомство съ люберальными идеями вѣка, и вліяніе великихъ «энциклопедистовъ» Франціи, и культурные слѣды Европы... На русскомъ престолѣ оказалась талантливая, образованная, умная и волевая — русская помѣщица! Она хорошо разсуждала, она сочувствовала идеямъ «энциклопедистовъ», она любила Россію, она честно трудилась надъ государственными дѣлами, она высоко держала знамя Россіи, но она не поднялась до сознанія внутренняго состоянія своей второй Родины; она немногимъ опередила въ этомъ отношеніи, окружавшихъ ее русскихъ баръ и чиновниковъ, и когда дѣло дошло до коренныхъ реформъ... ихъ не оказалось! Знаменитый Наказъ Земскому Собору такъ и остался бумагой, а изъ Собора ничего не вышло!... Да коренная реформа, т. е. уничтоженіе рабства и не затѣвалась: слишкомъ сильна была цѣпь крѣпостничества и слишкомъ затемнены были мозги крѣпостниковъ. До какой степени мало сознавало тогдашнее общество и Императрица внутреннее состояніе Россіи, видно изъ записокъ Радищева и изъ отношеній къ этимъ запискамъ Императрицы и ея сотрудниковъ.

Радищевъ — первый голосъ (и при томъ дворянскій), рисующій неприглядную картину быта и условій жизни русскихъ народныхъ массъ и вообще «обывателя». Путевыя записки человѣка, пораженнаго безпросвѣтной мглою и безправіемъ, давящимъ русскій народъ, казалось бы должны открыть глаза умной Императрицы на ужасную дѣйствительность, тѣмъ болѣе что многіе пороки русской жизни (напримѣръ, гомерическое и всеобщее взяточничество *) были ей извѣстны и изъ другихъ источниковъ. А познавъ дѣйствительность, Екатерина должна была бы сдѣлать и сотвѣтствующіе выводы и соотвѣтствующіе шаги!.. Но русская «помѣщица» взяла верхъ надъ просвѣщенной нѣмкой, и Екатерина обрушивается и на «Записки» и на ихъ автора со всѣмъ гнѣвомъ рабовладѣльца, почуявшаго возможность сокращенія его правъ, ослабленія его вліянія и власти надъ рабами, уменьшенія достатковъ отъ самодержавнаго рабовладѣнія!

*) Даже за то, что люди, по требованію самихъ же властей, являлись принести присягу новой Императрицѣ, съ нихъ брали деньги! Такъ говоритъ самъ Указъ новой Царицы противъ взяточничества.

Не реформами, а ссылкой отвѣтила она на правдивый крикъ души честнаго человѣка.

Но жизнь дала другой, болѣе наглядный и болѣе краснорѣчивый урокъ русскимъ властямъ, русскимъ рабовладѣльцамъ. Пугачевскій «бунтъ», захватившій все Поволжье, явно указалъ и состояніе народа, и его озлобленіе противъ чиновниковъ и «господъ».

Картина была ясна. Горючаго матеріала было болѣе, чѣмъ достаточно: достаточно было удачно брошенной искры, и пожаръ начинался въ любомъ мѣстѣ...

Что же поняла изъ этого урока и что сдѣлала послѣ него русская власть, руководимая недюжиннымъ человѣкомъ — Великой Императрицей?

Ничего.

Ничего — для улучшенія быта народа; ничего — для смягченія рабовладѣльческихъ тисковъ; ничего — для просвѣщенія массъ; ничего — для ихъ воспитанія, для добраго примѣра, для улучшенія нравовъ!...

Удивительно: какъ только дѣло касалось внѣшней политики, расширенія территоріи — тамъ былъ и свѣтлый умъ, и дальновидность и организаторскіе и военные таланты... Но какъ только дѣло касалось пониманія своего собственнаго внутренняго положенія — тамъ была одна лишь костность, упрямое, недальновидное отстаиваніе рабовладѣльческихъ правъ и самое грубое, нелѣпое отношеніе къ людямъ, именовавшимся «крѣпостными»...

«Пугачевщина», со всѣми ея ужасами и уродствами, ничему не научила екатерининскую Русь!

Смертельная болѣзнь Россіи, выявившаяся тогда наружу, вновь была загнана внутрь ея организма. Болѣзнь развивалась, хотя и медленно, обратившись въ хроническій недугъ.

Рабы прозябали въ темнотѣ и безправіи, а рабовладѣльцы все дальше и дальше уходили отъ народныхъ массъ, стремясь по инерціи, сообщенной Петромъ Великимъ, въ объятія западной культуры.

Однако, Россія, какъ государство, росла и совершенствовалась — благодаря мудрой внѣшней политикѣ Великой Императрицы, умѣнію (таланту) — выбирать дѣятельныхъ работниковъ, цѣнить знанія и способности

и благодаря необъятнымъ природнымъ средствамъ Страны!

Разлагавшаяся Польша и увядавшая Турція были главными источниками территоріальнаго расширенія Россіи.

Кратковременное царствованіе Императора Павла I можетъ только лишній разъ подтвердить колоссальный вредъ самодержавія, когда оно находится въ неумныхъ или больныхъ рукахъ.

Царствованіе Императора Александра I обѣщало въ началѣ свѣтлыя перспективы, но конституціонные планы Александра вскорѣ исчезли и смѣнились мрачной «аракчеевщиной» съ ея кнутами и произволомъ; хотя мысль и культура сдѣлали уже большіе шаги въ русской дворянской средѣ.

Между тѣмъ смертельная болѣзнь Россіи вновь стала себя обнаруживать: несмотря на послушаніе рабовъ и громадныя естественныя богатства, Россія потерпѣла цѣлый рядъ величайшихъ военныхъ пораженій (1805, 1806—7, 1812 г. г. и даже 1813 г.).

Правда, пораженія эти получены отъ міроваго военнаго генія, но все же многіе русскіе дворяне, побывавшіе за-границей и сравнившіе тамошніе порядки съ отечественными, уже тогда точно опредѣлили причину нашихъ пораженій (наши порядки) и тогда же стали мечтать объ уничтоженіи рабства, (рабства общаго, не только «крѣпостного»), какъ главной причины всѣхъ нашихъ неудачъ *). Уже тогда образовались тайныя общества, даже среди офицеровъ. Конечной цѣлью этихъ обществъ были: конституція, т. е. упраздненіе самодержавнаго произвола и отмѣна крѣпостного права, т. е. уничтоженіе рабства въ низахъ.

Но Александръ I сошелъ со сцены раньше, чѣмъ дѣятельность этихъ обществъ выявилась наружу.

Страшная болѣзнь, разъѣдающая организмъ Россіи: рабство, неравенство, не только матеріальное и бытовое, но и правовое — юридическое, продолжала развиваться.

*) А неудачи были колоссальныя. Отдали и сожгли Москву. Чего же больше? Раззорили половину Россіи!...

Такъ называемый «бунтъ декабристовъ», происшедшій 14-го декабря 1825 г. въ Петербургѣ былъ попыткой лучшихъ людей Россіи добиться человѣческихъ правъ для всѣхъ классовъ русскаго народа!

Во главѣ «бунта» стояли только дворяне, помѣщики и многіе съ княжескими и графскими титулами и громкими фамиліями. Этотъ фактъ есть неоспоримое доказательство (подтвержденное много разъ и впослѣдствіи), что во главѣ русскаго «освободительнаго движенія» стояли всегда русскіе же дворяне-помѣщики и при томъ въ большомъ числѣ — офицеры! А потому огульное обвиненіе дворянства въ крѣпостничествѣ и ретроградствѣ — несправедливо. Начиная съ Радищева и до послѣднихъ дней дворянство выдѣляло и выдѣляетъ изъ себя борцовъ и мучениковъ за идею равноправія людей и предоставленія каждому человѣку сносныхъ условій существованія!

Не вина этихъ людей, этихъ мучениковъ и Донъ-Кихотовъ, что остальная масса ихъ сословія ,а главное — «стоящіе у трона» не вняли ихъ предостереженіямъ, мольбамъ и даже предсмертнымъ стонамъ!...

Поддержанное глупцами и лакеями, самодержавіе жестоко расправилось съ «либеральными» русскими дворянами: кого повѣсило, кого разстрѣляло, кого сослало въ Сибирь на каторгу!... «Либераловъ» преслѣдовали нещадно.

Началась «николаевская реакція».

Заработала Тайная канцелярія (3-ье отдѣленіе), разрослась жандармерія, шпіонажъ, аресты, допросы, ссылки, высылки.... Казнь введена въ законодательство.... Либеральная мысль, только начавшая укрѣпляться и развиваться, понесла большія потери и притаилась... Лакейство и подхалюзничество крѣпло, а съ этимъ вмѣстѣ ширились и злоупотребленія во всѣхъ вѣдомствахъ...

Обыватель ушелъ въ свои «дѣлишки» и въ свою утробу, а крестьянинъ по прежнему — въ свою тьму, заботы о насущномъ хлѣбѣ и исполненіе повелѣній барина или его приказчиковъ.

Современникъ той эпохи, дворянинъ и помѣщикъ Герценъ такъ описываетъ нравы того времени:

«Духовенство пьянствуетъ и обжирается съ купечествомъ. Дворянство пьянствуетъ, играетъ напропалую въ карты, бьетъ слугъ, развратничаетъ съ горничными, ведетъ дурно свои дѣла и еще хуже семейную жизнь. Чиновники дѣлаютъ то же, но грязнѣе, да сверхъ того подличаютъ передъ начальствомъ и воруютъ»... «Мы рѣдко лучше черни; но выражаемся мягче, ловчѣе скрываемъ эгоизмъ и страсти... мы просто — богаче, сытѣе и вслѣдствіе этого взыскательнѣе»... Пьянство, конечно, процвѣтало (Еще вѣдь Владиміръ Красное Солнышко, названный также «Святымъ» лущилъ брагу и иной алкоголь, какъ воду да еще и приговаривалъ: «Руси веселіе есть пити, и безъ того нельзя же быти»!).

Пили всѣ: одни отъ праздности и избытка жизненныхъ благъ; другіе — съ горя и отъ совершенной узкости горизонтовъ и возможностей.

«Какъ же не пить слугѣ, осужденному на вѣчную переднюю, на всегдашнюю бѣдность, на рабство, на продажу» *), говоритъ Герценъ. Дѣйствительно: человѣкъ считается ничѣмъ — хуже вещи, хуже старой тряпки; имъ помыкаютъ, какъ хотятъ: переселяютъ безъ его желанія, отдаютъ въ солдаты, въ разные промыслы и ремесла, дарятъ, продаютъ... И при томъ продаютъ оптомъ и въ розницу, т. е. разчленяя семьи!... А сколько другихъ жестокостей и неправды творилось, и даже набожными и добрыми людьми?! Велика была сила обычая и привычки: даже недурные люди творили общую неправду и, въ пучинѣ крѣпостного безправія, издѣвались надъ человѣческою личностью, губили жизни, давили таланты; и повторяю — даже не по злу и злобѣ, а такъ — по небрежности, по невниманію, по привычкѣ думать, что крѣпостной людъ изъ другого тѣста сдѣланъ!

Тьма и моральное ничтожество, какъ результатъ сытой и мелочной жизни, лишенной крупныхъ общественныхъ и государственныхъ интересовъ, заѣдали уже русское общество**), общество рабовладѣльцевъ, кои сами были рабами властей! И такъ — снизу и до верху.

---

*) Герценъ. Былое и Думы.

**) Увѣковѣченное Гоголемъ, Грибоѣдовымъ, Толстымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, Чеховымъ и др.

Всѣ были рабами — своихъ страстишекъ и своихъ господъ на первой же восходящей ступени іерархической лѣстницы!... А на самомъ верху возсѣдалъ бездушный, неумный, мстительный и мелочный человѣкъ, волею судебъ сдѣлавшійся неожиданно для всѣхъ Императоромъ Всероссійскимъ — Николаемъ Первымъ!

Послѣ разгрома «декабристовъ» Самодержавіе почуяло вновь свою силу и щедрою рукою надѣляло россійскихъ «гражданъ» шпицрутенами, палками (сквозь строй), кнутами, тюрьмами, ссылками и всѣми ужасами тюремнаго режима. Особенно не церемонились съ простымъ народомъ: обращеніе съ людьми до суда и осужденія часто было тяжелѣе наказанія по суду. А сколько было такихъ, кои вынеся всѣ «до-судебныя» мытарства, оказывались ни въ чемъ не виноватыми,

Что же дѣлалъ русскій интеллигентъ, особенно высшій, т. е. имѣвшій возможность разбираться въ обстановкѣ и видѣть россійскіе порядки въ ихъ должномъ освѣщеніи?

Молчалъ, какъ молчала и вся Россія.

Нѣтъ, многіе, большинство поддерживало и одобряло реакціонную (называли ее «твердой») политику... И только немногіе да и тѣ потихоньку критиковали; больше въ видѣ сатиры (Гоголь). Послѣ 26 Декабря 1825 года», говоритъ Герценъ, «тонъ общества сталъ быстро мѣняться: быстрое нравственное паденіе служило печальнымъ доказательствомъ какъ мало развито было между русскими аристократами чувство личнаго достоинства! Никто не смѣлъ показать участія, произнести теплое слово о родныхъ, о друзьяхъ, которымъ еще вчера жали руки, но которые за ночь были арестованы! Напротивъ явились дикіе фанатики рабства, одни изъ подлости, другіе — безкорыстно»...

Одно слово — лакеи были, лакеями и остались всѣ эти «Иванушки» «Петрушки», кои «били челомъ» Іоанну Калитѣ, Грозному, Петру и т. д., а за это сами били своихъ «подданныхъ» и требовали отъ нихъ молчанія и поклоненія!

Тургеневъ*) такъ отзывается о русскомъ beau mond'ѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка: „ni esprit, ni intelligence“...

*) Дымъ.

Все какіе то верхогляды, пустомѣли, недоучки, шалопаи, зря сорящіе деньгами, эпикурейцы, кутилы... Также нелѣпы и женщины съ ихъ пустотой и нарядами!

Эта группа людей жила въ свое удовольствіе и ничего не хотѣла видѣть, ничего не могла предвидѣть. Наконецъ, она была увѣрена, что «на ихъ вѣкъ хватитъ»...

Чиновники, кои по словамъ Николая Перваго, «правили Россіей» твердо держались правила: «не зѣвай» и «держи носъ по вѣтру — все пойдетъ, какъ по маслу».

Помѣщики царили въ своихъ большихъ или малыхъ берлогахъ, ладя съ чиновниками или устрашая ихъ своими связями и богатствомъ.

Произволъ и злоупотребленія доходили до предѣловъ во всемъ и вездѣ (не только по адресу крестьянъ)*). И этотъ чиновничій произволъ и общее своеволіе праздныхъ «владыкъ» тяжелѣе всего ложился, конечно, на простой народъ, на крестьянъ, рабочихъ и солдатъ.

Вотъ какъ въ стихахъ описана кѣмъ-то изъ современниковъ тяжкое положеніе народа русскаго:

«Ближе въ жизнь людей вникая,
На мрачный міръ родного края — иначе взглянешь.
Станетъ жаль... Все неприглядно, все такъ больно!..
Тяжелый ужасъ и печаль охватятъ холодомъ невольно....
Недвижны люди. Отъ Китая до стѣнъ высокаго Кремля,
Подъ дикимъ гнетомъ изнывая, томится Русская земля.
Живутъ и мрутъ среди смиренья въ молчаньи вяломъ поколѣнья;
Молчитъ запуганный мужикъ подъ розгой маленькихъ владыкъ;
Его чиновникъ грабитъ смѣло.
Въ трудѣ проходитъ жизнь его, и не приноситъ ничего.
Проходитъ тускло...
Послѣ тѣло кладутъ, какъ вѣтошь, въ темный гробъ,
Надъ нимъ бормочитъ пьяный попъ, да бабы вопятъ...
Жизнь безцвѣтна, нерадостна и безпросвѣтна;

*) Вспомните „Дубровскій“ Пушкина.

Смерть равнодушна и дика!.. Но скорбь на сердцѣ
великa....
А тотъ изъ насъ, кому наука раздвинула границы
думъ —
На привязи свой держитъ умъ, снѣдаемъ праздностью и скукой.
Кругомъ: помѣщики, глупцы, рабы, нахалы, подлецы,
Попы, въ мундирахъ голубыхъ воровъ казенные
полки;
Да плеть, да ссылки, да штыки!..
А чья-то воля будто «правитъ», и сверху внизъ все
давитъ, давитъ....
И трудно, тяжело дышать»...

— Не дурна картина? А вѣдь тутъ слова не выбросишь: все вѣрно, все правда.

Нельзя было не видѣть нелѣпости и ужаса создавшагося тогда положенія!

И Герценъ говоритъ: «каждый мыслящій чувствовалъ гнетъ, у каждаго было что-то на сердцѣ, и все таки — в с ѣ м о л ч а л и!»

Но это не совсѣмъ такъ: не молчали нѣкоторые и даже многіе дворяне, начиная съ великаго русскаго поэта А. С. Пушкина (бывшаго дважды въ изгнаніи) и наиболѣе просвѣщенныхъ людей, группировавшихся тогда возлѣ Московскаго университета.

Осторожно, не громко, но все же они критиковали русскіе порядки и искали выхода.

Особенный толчокъ русской либеральной мысли дало «письмо» Чаадаева (офицеръ-помѣщикъ), напечатанное за-границей, въ одномъ изъ французскихъ журналовъ.

Письмо это, по словамъ Герцена, было «выстрѣломъ въ темную ночь»; оно «потрясло всю мыслящую Россію».

— Что же писалъ Чаадаевъ?

— Прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ! Это — пробѣлъ разумѣнія, грозный у р о к ъ н а р о д а м ъ — до чего о т ч у ж д е н і е (отъ народа) и р а б с т в о могутъ довести!»...

— Гдѣ же выходъ?

— Его нѣтъ! отвѣчаетъ въ отчаяніи Чаадаевъ и указываетъ къ чему привели насъ усилія цѣлаго вѣка (петровскаго): образованіе дало только новыя средства угнетенія; церковь — сдѣлалась одною тѣнью, подъ которой покоится полиція; народъ все выноситъ, все терпитъ; правительство все давитъ и гнететъ...

«Исторія другихъ народовъ — повѣсть ихъ освобожденія. Русская исторія — развитіе крѣпостного состоянія и самодержавія!»...

«Переворотъ Петра сдѣлалъ изъ насъ худшее, что можно сдѣлать изъ людей — просвѣщенныхъ рабовъ! Довольно мучились мы въ этомъ тяжеломъ смутномъ нравственномъ состояніи, непонятые народомъ, побитые правительствомъ!»..

— Просвѣщенные рабы; побитые правительствомъ!.... Непонятые народомъ!... Исторія другихъ — исторія освобожденія; наша — исторія крѣпостничества и самодержавія, т. е. рабства со всѣхъ сторонъ!...

Вотъ какія слова говорили современники Николая Перваго, русскіе помѣщики, видѣвшіе къ чему ведетъ Россію рабство и Самодержавіе, попавшее въ неумныя руки!...

Въ отчаяніи одни говорили: «нѣтъ выхода», а другіе (славянофилы) впадали тоже въ крайность: звали къ порядкамъ «Кіевской Руси», забывая о тогдашней тьмѣ и законномъ варварствѣ X—XIII вѣка.

Забытые и запуганные современники не знали — что дѣлать, и въ отчаяніи опускали руки!

Даже Пушкинъ отразилъ это настроеніе словами:

«Паситесь мирные народы: васъ не разбудитъ чести кличъ! Къ чему стадамъ дары свободы? Ихъ нужно рѣзать лишь да стричь!... Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды — ярмо съ гремушками, да бичъ!»*).

Но жизнь нашла выходъ.

Она дала русскому самодержавію кровавый урокъ въ «Восточной войнѣ»...

*) У меня былъ рукою Пушкина написанный черновикъ этого стихотворенія „Сѣятель", переданный имъ въ Кишиневскомъ изгнаніи капитану Генеральнаго Штаба М. Роговскому. Манускриптъ этотъ погибъ въ 1919 году.

Несмотря на безпрекословное послушаніе милліоновъ рабовъ, на колоссальныя естественныя богатства Страны и на геройство даже многихъ рабовладѣльцевъ (Нахимовъ, Хрулевъ, Корниловъ, Истоминъ и друг.), — взяточничество, невѣжество, нераспорядительность, безталанность и прочіе послѣдствія россійскаго режима взяли верхъ надъ жертвами героевъ и мучениковъ долга!!.

Война противъ сравнительно ничтожнаго «дессанта» союзниковъ (Англичане, Французы, Турки, Сардинцы) была проиграна вполнѣ, и закончилась позорнымъ для Россіи Парижскимъ миромъ!

Провалъ Правительственной системы былъ очевиденъ. Хроническая болѣзнь Россіи, обнаруживавшая себя столько разъ разными признаками (бунтами, возстаніями, бѣдностью и дикостью народныхъ массъ; военными пораженіями 1805, 1806—7 г., 1812 и 13 г., 1830 г.) еще разъ обнаружила себя великимъ и позорнымъ пораженіемъ 1855—56 годовъ!...

Русское общество встрепенулось. Народъ ждалъ...

Къ счастью для тогдашней Россіи, послѣ невыдержавшаго испытанія судьбы Императора Николая, на престолъ взошелъ его просвѣщенный сынъ Александръ второй! Но къ несчастью для нынѣшней Россіи этотъ симпатичный Государь не обладалъ тѣми исключительными свойствами, кои нужны для самодержавнаго Правителя большой страны, да еще въ такіе отвѣтственные періоды, какъ 60-е годы прошлаго столѣтія въ Россіи.

Императора Александра II-го хватало на то, чтобы внять разумнымъ доводамъ либеральныхъ совѣтчиковъ и чтобы окружить себя этими совѣтчиками послѣ урока 1855—56 годовъ.

Но его совершенно не хватало на то, чтобы оставаться вѣрнымъ союзникомъ этихъ совѣтчиковъ; чтобы не преклонять уха къ инымъ рѣчамъ; чтобы не измѣнять разъ принятаго рѣшенія; чтобы неуклонно слѣдить за всѣми своими сотрудниками, проникать во всѣ углы управленія и жизни; всюду руководить, направлять, учить и корректировать, а гдѣ нужно — и строго взыскивать...

Мягкій, ласковый и просвѣщенный Царь былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы его реформы на долго поддержали разрушающійся уже организмъ Россіи. Для тогдашней Россіи ихъ хватило — какъ вспрыскиваніе камфоры поддерживаетъ падающія силы! Но для будущей Россіи ихъ оказалось недостаточно.

И это можно было предвидѣть.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, освободило ихъ отъ юридической власти помѣщиковъ, но совсѣмъ не освободило ихъ отъ экономической и фактической зависимости отъ тѣхъ же помѣщиковъ и чиновниковъ.

Это фактъ не требующій доказательствъ.

Независимо отъ этого, самое надѣленіе крестьянъ землею было произведено по весьма скудной нормѣ и въ очень неудачной формѣ «общиннаго» владѣнія съ ежегоднымъ передѣломъ. Короче говоря: съ землею поскупились, земельную реформу скомкали и изуродовали!..

Но этого мало: экономическое ,умственное и моральное положеніе народа осталось прежнее; да къ тому же и законодательство для него было особенное (общинный судъ, круговая порука, паспортная система и многое другое), — словомъ: равноправія передъ закономъ не было и возможность неправды и эксплоатаціи труда устранена не была.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на верхахъ было совершенно твердое убѣжденіе, что «учить» и «просвѣщать» народъ вредно, что онъ теряетъ въ этомъ случаѣ драгоцѣнное качество: «послушаніе», а улучшать его бытъ, приближая его къ быту культурныхъ людей — значитъ: уменьшать его выносливость и нетребовательность — качества столь полезныя для воина...

О воспитаніи его въ духѣ истиннаго патріотизма (общности интересовъ всего населенія) и въ духѣ истинной христіанской морали (любви къ ближнему), а особенно — о добромъ примѣрѣ ему — никто и не думалъ!..

Освобожденный юридически народъ столкнулся вновь носъ къ носу съ — «просвѣщенными рабами», съ жадными, неумными и нечестными чиновниками, съ ма-

лограмотнымъ духовенствомъ, темнымъ и алчнымъ купечествомъ, съ празднымъ прежнимъ «бариномъ», обратившимся въ чиновника или въ прожигателя жизни, и наконецъ просто съ русскимъ обывателемъ: пьянымъ, невѣжественнымъ, мелочнымъ и стяжательнымъ!...

Что могло выйти изъ этого? Какой примѣръ видѣлъ русскій «мужикъ» отъ «господъ»? А «господами» для него были всѣ, кто мало-мальски чисто былъ одѣтъ въ европейское платье. Что выносилъ онъ отъ соприкосновенія съ властями, даже низшими?..

Всюду говорятъ ему «ты»; всюду на него кричатъ; вездѣ его гонятъ, бранятъ или заставляютъ ждать... Къ кому обратиться — онъ не знаетъ. Какъ написать прошеніе — тоже, ибо 99% изъ нихъ безграмотны; и даже въ наше время не рѣдкость, что деревня въ 50 дворовъ не имѣетъ ни одного человѣка бойко читающаго, а только 2—3 малограмотныхъ!

А что ужъ говорить про хозяйственныя условія: черезполосицу, ежегодные передѣлы, дробленіе надѣловъ, истощеніе земли, отсутствіе инвентаря и рабочаго капитала; невѣжество и предразсудки во всемъ; зависимость отъ прежнихъ помѣщиковъ, безпомощность физическую, умственную и моральную?!..

Либеральныя реформы Александра II-го были подпорками слабѣвшему организму Россіи; но подпорками — временными: несовершенство ихъ было очевидно для многихъ. Народная масса продолжала быть и въ 17-мъ столѣтіи въ весьма жалкомъ матеріальномъ положеніи; интеллигенція въ громадномъ большинствѣ пошла на службу Правительству, не сближаясь съ народными массами и не интересуясь ихъ положеніемъ; часть ея — что служила въ Земствахъ, въ большинствѣ присоединилась къ «обывательской» массѣ и вмѣстѣ съ нею: пила, обжиралась и играла въ карты!... Верхи, занятые «спасительными реформами, убѣжденно мыслили, что спасаютъ Россію, себя и «Обожаемаго Монарха!»

Однако литература того времени достаточно ярко отражаетъ слабыя стороны русской жизни *), а въ обществѣ

*) Достоевскій, Гончаровъ, Писаревъ, Лѣсковъ, Данилевскій, Чеховъ.

образуется сильное теченіе въ пользу сближенія съ народомъ, для его просвѣщенія и улучшенія его быта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и соціалистическія ученія, проникшія въ Россію первоначально изъ Франціи (Сенъ-Симонизмъ), стали вербовать себѣ адептовъ среди учащейся молодежи, преимущественно изъ числа голодной братіи, хотя были адепты и изъ помѣщиковъ и даже изъ аристократовъ (Герценъ, Крапоткинъ и друг.).

На всѣ проявленія соціалистической мысли и даже просто на справедливую критику существовавшихъ порядковъ, правительство отвѣчало репрессіями и многочисленными судебными процессами (41-го, 105 и т. д.).

Между прогрессивными кругами русской интеллигенціи и правительствомъ завязалась ожесточенная борьба, въ особенности послѣ Балканской войны 1877—78, которую мы едва, едва выиграли, и которая вновь показала всѣ гангренозныя раны русскаго организма и, между прочимъ — хроническую неготовность арміи и бездарность команднаго элемента... Уже тогда было ясно, что «просвѣщенные рабы» могутъ съ пользой стоять у различныхъ колесъ государственной машины только при твердомъ и талантливомъ руководителѣ; а при слабомъ — господа «просвѣщенные рабы» слишкомъ увлекаются своими дѣлишками, забывая общее дѣло, общіе интересы!...

А руководитель былъ слабый: добрый, мягкій, изнѣженный, безъ ясновидѣнія, безъ знанія жизни...

Слово «конституція» вновь раздалось изъ лѣваго лагеря, къ которому присоединились и нѣкоторые земцы.

Но правительство отвѣтило усиленіемъ репрессій.

Борьба разгорѣлась и дошла до убійства «Царя-Освободителя» наканунѣ опубликованія изготовленной уже, хотя и куцой — конституціи!

Новый Царь Александръ III повернулъ рулевое колесо русскаго корабля вновь направо.

Вмѣсто конституціи — усиленіе полицейскаго надзора, жандармеріи; высылки, аресты, тюрьмы; а потомъ

усиленіе дворянской власти и правительственной опеки надъ простымъ народомъ...

Послѣдній продолжалъ прежнее существованіе во тьмѣ, суевѣріи, грязи и нищетѣ, накопляя великую ненависть къ «господамъ» и развивая въ себѣ всѣ звѣриныя наклонности!..

Но «просвѣщенные рабы» и ихъ Повелитель продолжали проходить мимо народа, не замѣчая ни его нуждъ, ни его опаснаго для «повелителя и его приспѣшниковъ» состоянія!...*)

Управители Россіи (большіе и малые) считали, что народъ «избаловался отъ лѣни», что его надо «держать въ ежевыхъ рукавицахъ», а интеллигенціи не слѣдуетъ «либеральничать» и «соваться въ дѣла управленія»...

Съ этимъ, пожалуй, можно бы согласиться: зачѣмъ допускать пассажировъ въ управленіе кораблемъ, особенно, если пассажиры не внушаютъ довѣрія своими знаніями и серьезностью отношенія къ общему дѣлу? Но это вѣрно только тогда — когда капитанъ корабля и вся его команда знаютъ свое дѣло и добросовѣстно къ нему относятся!...

Но если ни того, ни другого нѣтъ; если катастрофа за катастрофой и аварія за аваріей слѣдуютъ на кораблѣ (начиная съ 1805 года!...) Тогда — пассажирамъ надо самимъ позаботиться о своемъ благополучномъ плаваніи!..

Но русскій «пассажиръ» привыкъ падать ницъ, не только передъ капитаномъ, но и передъ его распущенной и лакействующей командой. Стоило капитану дать хорошій окрикъ (какъ это сдѣлалъ Николай I-й, Александръ III и даже Николай II послѣ неудачной войны въ Манджуріи), — какъ голоса протестантовъ и критиковъ стихали а число ихъ быстро уменьшалось; всѣ заискивающе улыбались и восхваляли сильнаго владыку: просвѣщенные рабы не привыкли откровенно и правдиво высказывать свое мнѣніе; да они сами многого не знали, на многое не обращали вниманія, а главное — отъ всего сторонились: «моя хата съ краю — ничего не знаю; про то на-

*) Состояніе это правдиво описано въ книгѣ И. А. Родіонова: „Наше преступленіе“, изданной въ царствованіе Николая II-го.

чальство вѣдаетъ»!... А «начальство» разсуждало также, боясь безпокоить высшую инстанцію (говорить правду означало «безпокойство», и говорившіе ее считались «безпокойными»), и такъ до самаго верху!

А потому высшій — зналъ меньше всѣхъ!

Понятно — почему Императоръ Александръ III-й, при его серьезномъ отношеніи къ дѣлу и благихъ намѣреніяхъ, не направилъ россійскій организмъ на путь выздоровленія, и если не испыталъ аварій и катастрофы, то только благодаря тому, что держался «внутреннихъ водъ» и не пускался въ дальнее плаваніе, какъ сдѣлалъ это его неосновательный и злополучный сынъ — Николай 2-й!

Послѣдній же, пускаясь неосторожно въ такія плаванія, какъ Манджурская и Міровая война, не только не озаботился основательнымъ ремонтомъ своего корабля и подборомъ знающихъ, дѣловыхъ и способныхъ помощниковъ, но отнесся къ этимъ вопросамъ крайне легкомысленно, окруживъ себя плеядой пресмыкателей (во главѣ съ развратнымъ плутомъ Распутинымъ), которые заботились только о сохраненіи своего положенія, а не объ истинной пользѣ Государству!... Около Царя всѣ «политиканили», всѣ лгали или лукавили; всѣ заботились о «тактикѣ»... «Тактично» лгали, «тактично» интриговали, «тактично» молчали, «тактично» склоняли головы въ знакъ согласія и покорности и тактично... своевольничали! А кто среди общаго лганія и поклоненія дерзалъ говорить правду, того — или «убирали» вонъ, или — просто игнорировали и обходили!..

Такъ шелъ при Николаѣ 2-мъ русскій корабль — по волѣ волнъ, руководимый слабой рукой бездарнаго Императора, окруженнаго легкомысленными и недальновидными помощниками, порождая законное неудовольствіе большинства пассажировъ и способствуя успѣху соціалистической пропаганды.

Глава III.

ОБЩІЯ СВОЙСТВА И ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ДО-РЕВОЛЮЦІОННАГО ВРЕМЕНИ.

Революціонное движеніе въ Россіи вспыхивало послѣ каждой большой войны, не только неудачной, но и удачной; ибо каждая большая война раскрывала серьезные недостатки русскаго государственнаго организма. Такъ, послѣ побѣдоносной войны 1812—14 г. въ Россіи сорганизовался рядъ офицерскихъ обществъ, имѣвшихъ задачу — существенно реформировать ея государственный организмъ, а въ 1825 г. это теченіе выявилось даже возстаніемъ «декабристовъ».

Лучшая часть русскаго общества давно относилась критически къ русскимъ порядкамъ. *)

И не одни только картины крѣпостничества заставляли русскихъ людей желать иныхъ порядковъ. Были, очевидно, и другія соображенія, вытекавшія изъ оцѣнки событій и явленій русской жизни.

Представьте себѣ вамъ говорятъ: «Все обстоитъ благополучно. Молчать, не разговаривать, васъ не спрашиваютъ! Да, впрочемъ, и спрашивать не о чемъ: мы сами хорошо знаемъ — что нужно Россіи. А въ нужную минуту мы... всѣхъ шапками закидаемъ»!...

А въ то же время вы видите:

Аустерлицъ, Фридландъ... Весьма сомнительная война 1811 года... Тяжкая военная эпопея, вѣрнѣе народное бѣдствіе 181[illegible]..., которое сильно смягчено (вѣрнѣе — извращено) казенными историками и жалкими школь-

*) Записка Радищева, въ царствованіе Екатерины II-ой.

ными учебниками *)... Война 1813—14 годовъ также не даетъ никакихъ военныхъ образцовъ русскаго «искусства» и не демонстрируетъ талантовъ русскихъ генераловъ. Кампанія 1854—56 годовъ даетъ образцы доблести различныхъ чиновъ арміи (какъ и всѣ войны), но очень мало искусства и правильной подготовки... О войнѣ 1904—5 годовъ и говорить нечего: тутъ и доблесть замѣтно понизилась!..

Очевидно, государственный организмъ работалъ неправильно: въ немъ что-то перерождалось, много нехватало, многое работало несогласно...

Въ общемъ — большой организмъ Россіи оказывался *слабымъ* при каждомъ серьезномъ испытаніи.

— А какъ же разрослась Россія? Откуда ея завоеванія.

— Россія, какъ это вполнѣ понятно, законно и естественно, побѣждала или низшія культуры: чукчей, вотяковъ, остяковъ, юкогировъ, самоѣдовъ, мордву, чувашей, туркменъ, сартовъ, финовъ, персовъ, курдовъ и т. п. или разлагавшіяся государства, какъ напримѣръ, Польша и Турція, или маленькія страны — какъ Финляндія (вѣрнѣе Швеція). Успѣхи русскаго оружія надъ оружіемъ культурныхъ странъ (въ Семилѣтнюю войну, въ 1799 г. въ Италіи, въ 1813—14 г.) только *эпизоды* войнъ, веденныхъ Россіей въ составѣ большихъ Европейскихъ *коалицій*, и они вовсе не мѣняютъ основного закона, который гласитъ: *побѣждаетъ культура страны, организація ея арміи и воспитаніе ея народа.*

Вотъ почему лучшіе русскіе люди были недовольны дурными, некультурными порядками Россіи, дурной подготовкой ея арміи и полнымъ отсутствіемъ воспитанія народа.

Но всякая критика русскихъ порядковъ считалась вредной, а на лучшій конецъ — «самооплевываніемъ».

Чтобы заткнуть ротъ своему собесѣднику, обыкновенно говорили ему:

*) Записка Барклая де Толли, поданная Государю Императору Александру 1-му, даетъ болѣе правильное освѣщеніе событіямъ 1812 года.

— Мы, русскіе люди, любимъ критиковать все свое... Своимъ мы вѣчно недовольны... А вотъ все чужое — очень хорошо. Такова уже наша натура: мы любимъ «поплевать въ самихъ себя»...

Такія тирады часто приходилось слышать вмѣсто доводовъ въ защиту того, что подвергалось критикѣ.

А то и проще бывало — мать говорила сыну:

— Чего ты споришь, волнуешься, доказываешь всѣмъ ихъ неправоту, ихъ ошибки? Куда ты лѣзешь? Чего тебѣ надо? Ты на хорошемъ счету у начальства, у тебя, слава Богу, все есть — ты не нищій... А своею критикой ты испортишь себѣ, не только служебную карьеру, но и всю жизнь! Молчи и дѣлай на службѣ — что тебѣ приказываютъ!

Вотъ мышленіе большинства матерей, отцовъ и всѣхъ тѣхъ скромныхъ людей, которые оберегали покой свой и своихъ дѣтей, не заглядывая однако далеко, не видя и не предвидя, что общее «благополучіе» приведетъ всѣхъ и очень скоро къ небывалому несчастью — не только физическому, но и моральному, — къ оплеванію души человѣческой!... Но если этого не предвидѣли скромные отцы и матери — люди съ малымъ кругозоромъ, то — какъ могли этого не видѣть власти и всѣ «правящіе»?

А между тѣмъ власти настойчиво преслѣдовали всякую критику, самую справедливую и спокойную.

Цензура добиралась даже до молитвъ, находя въ нихъ выраженія, непочтительныя для властей*).

О гоненіяхъ на людей рѣшавшихся критиковать существовавшіе порядки и говорить не стоитъ: пришлось бы исписать фоліанты.

Все, что стояло у трона и на кого онъ опирался, тщательно закрывало передъ Царемъ истинныя картины жизни, да и само не знало дѣйствительной жизни. Въ своемъ невѣдѣніи они рубили вѣтку, на которой сидѣли, подтачивали корни дерева, плодами котораго питались...

А когда имъ указывали на это, когда ихъ предупреждали о грядущей опасности, они злобно рычали и преслѣдовали всякую критику.

---

*) „Радуйся Укротительница владыкъ жестокихъ и звѣроподобныхъ". См. Акафистъ Покрову Божьей Матери.

— Все обстоитъ благополучно — рапортовали они Царю до 1905 года, и — «Происшествій не случилось» — послѣ Японской войны.

Самоувѣренные властители и ихъ подголоски и рептиліи важно и громко заявляли:

— «Ничего, все образуется. Успокойтесь, не волнуйтесь: вы не знаете Россіи и ея народа, который — вѣритъ въ Бога, любитъ Царя, чтитъ и повинуется властямъ!»

А между тѣмъ такія слова были: или грубая ложь или явное доказательство незнанія своей страны и своего народа!...

Церковь была прислужницей властей, а пастыри — чиновниками духовнаго вѣдомства, вполнѣ зависящими отъ произвола высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. такой она и осталась.

Рѣдкій пастырь владѣлъ сердцами и умами пасомыхъ.

Въ церкви рѣдко раздавался призывъ къ самоусовершенствованію и христіанскимъ качествамъ: догма и соблюденіе внѣшнихъ формъ были церковной пищей русскаго народа. Не этика, а формы были на первомъ мѣстѣ у церкви. А при вѣчныхъ житейскихъ заботахъ необезпеченнаго духовенства и догма и внѣшность обращались просто въ повинность, въ отбываніе номера. Не удивительно, что духовенство не владѣло паствой, а иногда даже вооружало ее противъ себя, давая поводы къ нареканіямъ и обвиненіямъ въ алчности и другихъ житейскихъ порокахъ!

Школа была не лучше.

Я не знаю — какой идеалъ гражданина или человѣка представляло себѣ наше Министерство Просвѣщенія. Думаю, что — никакого. Оно просто не задавалось серьезно этимъ вопросомъ.

Дѣла шли сами по себѣ: шаръ катился по протоптанной дорожкѣ. А дорожка была протоптана узкая, но гладкая, полированная — тупымъ молчаніемъ, усерднымъ послушаніемъ и адскимъ терпѣніемъ!..

Терпѣли и полуграмотную школу, не говорившую о правдѣ жизни и не звавшую къ сознательной и правильной работѣ по усоверщенствованію этой жизни.

Прошлое преподносилось въ фантастическомъ видѣ, расчитанномъ на незыблемость россійскаго «величія» и «всеблагополучія». Выйдя изъ школы русскій интеллигентъ долженъ думать и вѣрить, что въ Россіи все хорошо, что въ ней «все обстоитъ благополучно» и всѣ невзгоды благополучно заканчиваются. Особенно хороша «побѣдоносная» армія и исключительный въ мірѣ солдатъ, вышедшій изъ «богоноснаго» народа!

О трудѣ, о добросовѣстности на службѣ, о недостаткахъ русской жизни и правильныхъ (не революціонныхъ) путяхъ для ея совершенствованія никто въ школѣ не говорилъ. Вообще въ школѣ не было ни правдиваго иозбраженія жизни, ни дѣлового и практическаго обученія.

Еще хуже стояло дѣло воспитанія: ни стойкости, ни мужества, ни самоотверженности нигдѣ не прививали молодымъ людямъ; а откровенность мысли и твердость характера вызывали опасныя подозрѣнія въ вольнодумствѣ и своеволіи.

Такимъ образомъ, изъ средней школы выходили люди съ легковѣснымъ и непригоднымъ къ жизни багажемъ. Изъ низшей — малограмотные люди. А изъ высшей — теоретики-энциклопедисты, но весьма невысокой марки.

Особенно слаба была подготовка военной школы.

Учебная часть военныхъ школъ не была въ почетѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ школъ. А воспитаніе базировалось на формулѣ: «громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ!»

Ну, храбрый Россъ и «веселился»! Въ чемъ другомъ, а въ недостаткѣ веселія его упрекнуть нельзя!... Но въ то же время «храбрый» Россъ весьма боялся начальства и ради этой боязни былъ способенъ и на ложь, и на другую пакость. Храбрый Россъ, впрочемъ, не боялся надуть начальство. Онъ очень быстро выучился «втирать очки» въ глаза этому начальству и усвоилъ себѣ твердое

убѣжденіе, что начальство больше всего не любитъ безпокойства, непріятностей, скандаловъ, вообще «неблагополучія», а потому: все дурное надо отъ него скрывать и преподносить ему жизнь, какъ нервной женщинѣ, лишь въ розовомъ свѣтѣ и ароматѣ цвѣтовъ.

— Все обстоитъ благополучно! кричалъ храбрый Россъ въ угоду начальству.

— Такъ-точно! Не могу знать! лепеталъ онъ безсмысленно, чтобы окончательно расположить къ себѣ «требовательное» начальство, и... надувалъ это начальство вдоль и поперекъ, съ утра и до утра!

А начальство — всѣ власти до Монарха включительно — вѣрило въ преданность и усердіе подчиненыхъ. И чѣмъ выше былъ начальникъ, тѣмъ тщательнѣе очищался путь его отъ терній, а слѣдовательно и отъ Правды. Такимъ образомъ, Правда менѣе всего была доступна тому лицу, котораго господа лжецы и льстецы называли своимъ земнымъ Богомъ, т. е. Царю.

Помню — какъ трудно было протолкнуть наверхъ, а тѣмъ болѣе къ Царю какую нибудь мысль о серьезной перемѣнѣ въ Государственномъ аппаратѣ; напримѣръ — мысль о необходимости упраздненія привиллегій гвардіи, тормозящихъ службу армейскаго офицерства и закрывающихъ дорогу для массы честныхъ и дѣловыхъ работниковъ.

Мысль эта казалась дерзновенной: гвардія была опорой трона, школой начальниковъ (громадное большинство ихъ было изъ гвардіи) не только въ войскахъ, но и въ гражданскомъ мірѣ (сколько губернаторовъ и всякихъ сановниковъ прошли только эту школу!); родствомъ съ нею были связаны всѣ русскія власти!

Однажды, Канкринъ, тогда министръ финансовъ, представилъ въ кандидаты на постъ товарища министра финансовъ нѣкоего X. — гвардейскаго офицера.

— А развѣ X. знакомъ съ финансовыми дѣлами, служилъ въ министерствѣ? спросилъ Императоръ Николай I-й.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Канкринъ, — но онъ изъ Конной гвардіи.

— А! одобрительно протянулъ Государь, и принялъ кандидатуру.

И вотъ, эту самую Гвардію хотѣли низвести на степень... Арміи!

Всѣ доводы о вредѣ гвардейскихъ привиллегій разбивались о боязнь встревожить правящій муравейникъ и погубить свою личную репутацію и карьеру, ибо такой дерзновенный «докладчикъ» немедленно былъ бы взятъ подъ подозрѣніе, какъ вредный либералъ, «лѣвый»... И лучшія намѣренія разлетались, какъ прахъ. Храбрый Россъ не разъ отступалъ передъ собственной дерзкой мыслью — говорить Правду во имя общаго блага!

Такъ воспитывалась не только военная, но и всякая Россія. Правда не доходила до верховъ, а въ особенности до Царя. А потому никто наверху не зналъ русской дѣйствительности во всей ея ужасной наготѣ.

— Зачѣмъ Россіи реформы? — думали даже серіозные сановники, — Россіи незачѣмъ подражать «гнилой» Европѣ: она пойдетъ своей дорогой!...

— У насъ, слава Богу, нѣтъ парламента! говорилъ премьеръ министръ Столыпинъ съ трибуны Государственной Думы...

И это говорилось послѣ войны 1904—05 года; говорилъ человѣкъ, коего считали «исключительнымъ государственнымъ умомъ»!

Всмотритесь въ такого Столыпина, и вы увидите — какъ мало понимали русскую дѣйствительность люди, стоявшіе далеко отъ народной жизни!

Жилось имъ самимъ хорошо, а остальное — вредная фантазія, люберализмъ и проч.

На такой основѣ жили и «благоденствовали» русскіе верхи.

— У насъ, слава Богу, нѣтъ парламента! говорилъ министръ-предсѣдатель.

—Шапками закидаемъ! подпѣвали ему господа «патріоты».

— Все обстоитъ благополучно! успокаивало военное министерство.

— Громъ побѣды раздавайся! Веселися храбрый Россъ! вторили ему военные верхи и середина.

Но когда вмѣсто грома побѣды раздавались громовые раскаты пораженій (1855—56 г., 1904—5 г.), тогда во всемъ обвиняли... евреевъ, массоновъ, соціалистовъ и всѣхъ — кого вздумается, только не самихъ себя, не свои порядки и свое поведеніе!

Организованной общественной жизни не было въ Россіи; слѣдовательно не было и того, что принято называть «общественнымъ мнѣніемъ». Откуда оно могло явиться, когда отъ «обывателя» требовалось только послушаніе властямъ, а всякія разсужденія объ общихъ — государственныхъ дѣлахъ, и тѣмъ болѣе ихъ обсужденіе, почиталось вреднымъ либерализмомъ... «Обыватель» долженъ былъ вѣрить, что рачительное начальство обо всемъ печется, обо всемъ думаетъ...

— Про то начальство знаетъ! говорилъ обыватель изъ низовъ.

— Тамъ, на верху сидятъ люди неглупѣе насъ, успокаивалъ себя и другихъ средній обыватель, поигрывая въ картишки или закусывая добрую рюмку «столоваго» вина.

— Мы первая Держава въ мірѣ! — говорилъ сановникъ.

— Надо быть «патріотомъ», а патріотъ не долженъ позволять вольнодумства и колебанія государственныхъ основъ — ни себѣ, ни другимъ.

Россію сравниваютъ съ колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Но это сравненіе не вѣрно. Россія была организмомъ, въ коемъ только небольшая часть органовъ имѣла примѣненіе; все остальное бездѣйствовало и мало по малу атрофировалось. Это было тѣло со связанными руками и ногами, со сдавленнымъ желудкомъ и ущемленнымъ черепомъ.

Ни естественныя богатства страны, ни ея живыя силы не были использованы должнымъ образомъ.

Верхи не хотѣли общаго участія въ общемъ дѣлѣ.

Они хотѣли управлять всѣмъ сами!

Это то самое, что потомъ случилось въ Деникинской и во Врангелевской организацiяхъ. Это то самое, что принято называть «лавочкой». «Лавочка» была у Царя, «Лавочка» была и въ другихъ организацiяхъ послѣ февраля 1917 года; «лавочка» и теперь у большевиковъ. Всюду — «свои». Дѣло общее, а управляютъ только «свои»! И въ этомъ еще нѣтъ бѣды въ теорiи: не всѣмъ же быть на верхахъ,у руля; пусть будутъ на верхахъ «свои»; но пусть дѣлаютъ хорошо общее дѣло, именемъ котораго они добрались къ власти! Пусть эти «свои» поступаютъ такъ, какъ умный и дальновидный хозяинъ. Онъ тоже не совѣтуется со своими работниками, не жметъ имъ рукъ, не говоритъ льстивыхъ рѣчей, не составляетъ изъ нихъ ни «совѣтовъ», ни парламентовъ. Но онъ, прежде всего: знаетъ свое дѣло и свое хозяйство; онъ дѣйствительно обо всемъ заботится, обо всемъ думаетъ; все любитъ, все бережетъ, все направляетъ, всѣмъ дорожитъ — будь то человѣкъ, лошадь или вещь! Ко всему онъ подходитъ съ любовью и умѣнiемъ...

И хозяйство его преуспѣваетъ, и всѣ имъ довольны, всѣ любятъ его, и даже скотъ доказываетъ это, какъ можетъ.

Почему же наши «лавочки» не уподоблялись такому умному хозяину, почему ихъ психологiя тянула ихъ прежде всего къ актамъ грубаго эгоизма, при полномъ отсутствiи предвидѣнiя?

Потому, что ни въ семьѣ, ни въ школѣ, ни на службѣ — не было надлежащаго воспитанiя.

Все въ Россiи исходило сверху — и требованiя, и указанiя, и поощренiе, и наказанiе. Царь былъ земнымъ Богомъ, по крайней мѣрѣ по словесной идеологiи. Онъ былъ « батюшка», и законодатель, и судья, и вождь. Все шло отъ него и черезъ него. Не даромъ одинъ изъ великихъ князей говорилъ: «Россiя, это — вотчина Романовыхъ». Ему, владѣльцу вотчины — всякiй почетъ и уваженiе. Но — на него же падаетъ и отвѣтъ

за непорядки въ вотчинѣ, особенно если онъ владѣетъ ею давно и самодержавно.

Права и отвѣтственность старшаго — есть законъ всякой правильной организацiи.

Старшiй долженъ все знать, что къ его организацiи относится, все направлять, всѣхъ учить и всѣхъ воспитывать... Къ тому же, я полагаю, что при искреннемъ желанiи Самодержца — никто не можетъ преградить ему путь къ знанiю дѣйствительности и къ Правдѣ. И тогда не нужно было бы защищать Самодержца жалкими словами: «онъ не зналъ», а самому ему не пришлось бы записывать въ свой дневникъ запоздалаго открытiя, что — «все кругомъ ложь, обманъ и измѣна!»

Но въ Россiи, по примѣру Царя, «не зналъ» и министръ, и всякiя другiя власти!.. Не знали того, что нужно было знать, и не дѣлали того, что слѣдовало дѣлать.

Великiй Императоръ французовъ Наполеонъ Первый, вникавшiй во всѣ государственныя дѣла, находилъ время — и для бесѣдъ съ солдатомъ, и для экзамена офицеру, и для повѣрки строевой подготовки юнкера, и для знакомства съ настроенiями парижскихъ обывателей, и для чтенiя записки о «пароходѣ», и для личныхъ рекогносцировокъ на войнѣ, и для повѣрки тамъ сторожевой службы, и для наблюденiя за выходомъ и размѣщенiемъ войскъ на позицiи, и для ознакомленiя съ настроенiемъ войскъ передъ боемъ, и для водушевленiя ихъ въ бою!

Нельзя, конечно, требовать отъ всѣхъ энергiи, выносливости, памяти и знанiй Наполеона, т. е. всего того, чѣмъ характеризуется генiй. Но — кому много дано, съ того и много взыскивается. А если шапка Мономаха тяжела, то надо снять ее во время!..

Но, увы, власть такъ гипнотизируетъ людей, что они не въ силахъ оторваться сами отъ нея. Самодержавiе, какъ и парламентаризмъ имѣетъ свои плюсы и свои минусы, и первые могутъ доминировать только при соотвѣтствующей личности Самодержца!

Послѣ Екатерины 2-й самодержавiе было очевидно не по плечу его носителямъ. Эта очевидность вытекаетъ

изъ состоянія всего государственнаго аппарата и всего народнаго хозяйства.

Но что особенно говоритъ не въ пользу русской власти, это — состояніе, подготовка Арміи, той самой Арміи, которая была всегда любимымъ дѣтищемъ русскихъ Самодержцевъ во всѣ времена!

Армія непрерывно поглащаетъ колоссальныя средства и все же постоянная, хроническая «неготовность» тяготѣетъ надъ нею!

Еще въ 18-мъ вѣкѣ она кое-какъ преуспѣваетъ, выдвигая и такихъ военныхъ людей, какъ Суворовъ, Румянцевъ, Багратіонъ, Кутузовъ (дней Суворова, а не 1812 г.).

Но 19-й вѣкъ въ общемъ является почти сплошнымъ пораженіемъ русскаго оружія!

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вникнуть въ состояніе всего русскаго хозяйства. Если оно не лопнуло раньше, то только благодаря колоссальнымъ природнымъ богатствамъ страны и невѣроятному терпѣнію народа, выносившему и своеволіе верховъ, и ихъ безхозяйственность.

Но всякой расточительности, невѣжеству и безумію бываетъ одинъ конецъ — крахъ.

Главныя особенности русскаго народнаго хозяйства (государственнаго устройства) вытекали изъ всего прошлаго Россіи. Въ Россіи были двѣ расы людей: «баринъ» и «мужикъ». Баринъ — это не только тотъ, кто былъ у власти, не только помѣщикъ и богатый человѣкъ, а всякій прилично одѣтый человѣкъ и при томъ, конечно, грамотный. Въ противоположность ему мужикъ — крестьянинъ, рабочій, прислуга, все это — темнота, среди которой читающій и пишущій человѣкъ — рѣдкость. Баринъ жилъ преимущественно въ городѣ, а мужикъ въ деревнѣ, на фабрикѣ, на заводѣ.

Мужикъ жилъ бѣдно. Земли у него было мало. Но еще хуже были условія землевладѣнія (общинное владѣніе, ежегодные передѣлы, черезполосица, удаленность

земли отъ жилища). Къ тому же народная темнота сказывалась и на пріемахъ обработки и пользованія землею. Впрочемъ, въ послѣднемъ вопросѣ главную роль играла бѣдность и малоземельность, а не темнота. Мужикъ зналъ, что подъ озимый хлѣбъ землю надо пахать въ іюлѣ или августѣ, а не въ сентябрѣ и октябрѣ. Но у него къ нужному времени не было свободной земли и свобднаго инвентаря. Мужикъ зналъ, что « стойловое» содержаніе скота выгоднѣе «пастбищнаго» на лугахъ и жнивьяхъ; но травосѣяніе требуетъ земли и обработки, а пастбища — или нанимаются по дешевой цѣнѣ, или... скотъ пасется гдѣ придется, иногда на чужихъ угодьяхъ.

Земледѣліе — главное занятіе русскаго народа — находилось въ плохомъ состояніи. На югѣ Россіи, напримѣръ, въ Харьковской губерніи — 50 пудовъ зерна съ десятины считается хорошимъ урожаемъ, особенно въ крестьянскомъ хозяйствѣ. А между тѣмъ при хорошей обработкѣ и при правильномъ хозяйствѣ средняя по качествамъ земля въ этой мѣстности можетъ дать 100 пудовъ зерна, а хорошая земля — до 300 пудовъ съ десятины!

Бѣдность крестьянская сквозила и во всемъ ихъ обиходѣ — жилище, одежда, пища, уходъ за дѣтьми, содержаніе самихъ себя... Всюду грязь, ветхость, невѣжество, суевѣріе, безпомощность въ случаяхъ болѣзни или иного несчастья. Вообще жизнь крестьянина была тяжела физически. Конечно, были и богатые крестьяне, и даже очень богатые, но это — единицы среди нуждающейся и грязной массы.

Еще хуже обстояло дѣло съ духовной стороны. Здѣсь «поле» крестьянина было еще уже и еще болѣе худосочно. Школъ мало: на 20—30 верстъ одна, да и та плохо обставленная. Не удивительно, что грамотность въ деревнѣ была рѣдкостью и при томъ преимущественно въ формѣ «малограмотности». Еще недавно русскій мужикъ ставилъ на бумагѣ вмѣсто подписи три креста. Сельскіе учителя были подъ подозрѣніемъ. На нихъ смотрѣли, какъ на агитаторовъ. Школы были крайне бѣдны всѣмъ, даже отопленіемъ; библіотеки были самыя жалкія. Въ

довершеніи всего школа посѣщалась только осенью и зимою: въ остальное время дѣти помогаютъ родителямъ въ хозяйствѣ.

О вліяніи духовенства я уже говорилъ.

Духовенство скорбно плелось по протоптанной стезѣ сѣрой деревенской жизни — съ ея заботами о хлѣбѣ насущномъ и о всякихъ «достаткахъ», и вообще о всемъ совершенно земномъ! Не только духовнаго экстаза и божественнаго огня не было у деревенскаго духовенства, но оню не свѣтилось даже въ видѣ дымныхъ лучинокъ! «Попъ» въ устахъ народа былъ синонимъ алчности и олицетвореніемъ земныхъ заботъ.

Исправная бричка, сытыя лошадки, румяная и многочадная попадья, обильное хозяйство на церковныхъ земляхъ и чистенькій домикъ при церкви — вотъ идеалы русскаго сельскаго священника.

Если жизнь была скудна, за отсутствіемъ церковныхъ угодій или тароватыхъ помѣщиковъ и купцовъ, то приходилось «нажимать» на требы. А на Украинѣ былъ даже обычай «линованія», т. е. объѣзда подъ рядъ (въ линію) всѣхъ прихожанъ; при чемъ священникъ угощалъ виномъ, а крестьяне дарили ему всякій — кто что можетъ: куръ, яицъ, муку, зерно, ленъ и т. д.

Въ области священнослуженія царила догма и обрядность. Деревенская паства не слышала сильнаго, вдохновеннаго слова — проповѣди любви и помощи ближнему, проповѣди истинной христіанской морали. Народныя массы были во власти суевѣрія, предразсудковъ и грубаго невѣжества. Въ деревнѣ царилъ примитивный жизненный укладъ и жестокая грубость нравовъ. Мужикъ находился на весьма низкой степени развитія человѣческой культуры.

Интеллигентныхъ силъ въ деревнѣ было очень мало, да и какія это были силы!

Школьный учитель, фельдшеръ, писарь, «попъ» — все это думало только о себѣ о своемъ «достаткѣ».

Если школьный учитель и отходилъ иногда въ область «умствованія» и критики, то — только отъ досады на свое жалкое существованіе. Будь этотъ учитель хо-

рошо обставленъ и хорошо оплаченъ — никакая «пропаганда »не полѣзла бы ему въ голову.

Фельдшеръ и писарь слишкомъ были заняты алкоголемъ и собираніемъ «дани» съ крестьянъ: имъ некогда было разговаривать о «высшихъ» предметахъ. Въ нѣкоторыхъ большихъ деревняхъ были и другіе интеллигенты, напримѣръ: судья, слѣдователи, доктора, купцы, полицейскіе и иные чиновники, земскіе начальники, помѣщики. Но все это влачило жалкую жизнь русскаго «обывателя», для котораго воля начальства — единственный законъ жизни, а карты и выпивка—лучшее препровожденіе времени и даже — главное занятіе.

Земскіе дѣятели сидѣли въ городахъ на положеніи чиновниковъ или въ своихъ усадьбахъ — при своихъ хозяйствахъ. Мало кто изъ нихъ вносилъ живительную струю въ деревенскій укладъ, мало кто улучшалъ условія существованія ввѣренныхъ имъ массъ. Большею частью это были разорившіеся помѣщики или недавніе корнеты и поручики. Что могли они «творить», кромѣ того, что творила вся обывательская Россія, т. е. жила для себя, праздно, непродуктивно и даже вредно, такъ что вызывала справедливыя нареканія бѣдноты, которая вообще таила глухую ненависть къ «барамъ» и ко всему тому, что носило слѣды «панованія». Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ деревнѣ появлялся дѣятельный и всѣмъ полезный помѣщикъ или другой интеллигентъ, то и тогда крестьяне относились къ нему съ недовѣріемъ.

— Извѣстно, баринъ, говорили они! — Балуется, тѣшитъ себя!

И такое отношеніе сложилось, конечно, не со вчерашняго дня, а со временъ татарскаго ига, отъ вѣковой неправды, которую видѣло низшее сословіе отъ высшаго; неимущіе — отъ имущихъ. И надо сознаться, что въ общемъ мужикъ терпѣливо выносилъ свое положеніе, повинуясь начальству и почитая (съ внѣшней стороны) барина.

Помню, въ 1915 году, когда наши арміи отступали по всему фронту, оставляя нѣмцамъ русскія области, крестьяне покидаемыхъ мѣстностей были въ отчаянномъ положеніи, не зная — что дѣлать: бѣжать или оставаться

съ нѣмцами, жечь ли свои гнѣзда или прятаться въ нихъ, отдаваясь на волю побѣдителя? Съ этими вопросами они бросались къ властямъ въ каждомъ населенномъ пунктѣ. Но властей — и слѣдъ простылъ! Не только губернаторы, начальники уѣздовъ и вся полиція бѣжали въ первую голову, но не отставали и священнослужители.

Командуя коннымъ отрядомъ, я прошелъ много деревень, селъ и городовъ, покинутыхъ властями. Крестьяне обращались ко мнѣ съ мольбой: что дѣлать? Но что могъ я сказать имъ, которымъ до сихъ поръ упорно говорили, что «нѣмецъ у нихъ не будетъ», — когда этотъ самый нѣмецъ шелъ въ 1—2-хъ верстахъ за мною (а иногда и ближе)?

— Вы наши отцы, наши начальники! молили крестьяне.

А эти «отцы-начальники» давно «драпнули», спасаясь отъ германцевъ.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на жизнь этого «начальства» въ мирное время.

Всѣ «правящіе» принадлежали къ культурной и христіанской средѣ. Однако, рѣдко можно было встрѣтить на практикѣ примѣненіе принциповъ морали и указаній христіанскаго ученія. Всюду превозносились дворянскія достоинства; дворянствомъ кичились, его привиллегіи считались нормальными.

Мужикъ и даже небогатый купецъ считались «черной костью», и соотвѣтственно этому съ ними обращались. Съ дѣтства я привыкъ видѣть мужика въ роли «просителя»; при этомъ просьбы его сопровождались низкими поклонами, цѣлованіемъ рукъ и даже колѣнопреклоненіемъ. Съ годами это измѣнилось. Но матеріальная зависимость отъ «правящаго» сословія была все же велика. Власть, даже провинціальная могла скрутить мужика, какъ угодно. А властью для него были всѣ чиновники и всѣ должностныя лица, начиная отъ старосты и урядника и далѣе до безконечности... Уже урядникъ, писарь и староста бралъ приношенія, а о другихъ и гово-

рить нечего. Безъ приношеній нельзя было добиться не только правды, но даже пріема.

Я говорю о провинціи, ибо въ столицѣ тамъ надо было имѣть еще и «протекцію», безъ которой и приношенія не помогутъ.

Конечно, приношенія давались въ зависимости отъ ранга и обстановки; иногда они выражались во взаимныхъ услугахъ.

Вообще власть была далека отъ просителя, если этотъ проситель не могъ со своей стороны быть полезнымъ для власти. Приношенія и сѣрая, но сытая и праздная жизнь составляли особенность «правящихъ» круговъ, особенно русскаго чиновничьяго люда. Типы Гоголя и Чехова не переводились на Руси, и «правящая» Россія по прежнему веселилась: охотилась, играла въ карты, танцовала, болтала въ гостинныхъ и на службѣ, пила, закусывала, интриговала, сплетничала... Къ дѣлу относились формально: лишь бы отписаться, лишь бы на бумагѣ все было хорошо. А относительно дѣла вообще было такое мнѣніе, что оно «не медвѣдь — въ лѣсъ не убѣжитъ». Вездѣ, конечно, говорились хорошія слова и красивыя рѣчи — при случаѣ. Но также вездѣ на первомъ мѣстѣ были эгоистическія побужденія. Прописныя истины и заповѣди морали сообщались въ школѣ и не отвергались открыто обществомъ; но въ то же время всюду процвѣтали: взяточничество и хищенія, праздность, кутежи, легкомысліе, невѣжество и недобросовѣстность. И надъ всѣмъ этимъ стоялъ общій соціальный порокъ: имущіе жили для себя, не заботясь о бѣдной, неимущей массѣ, вызывая этимъ и справедливую критику, и зависть, и злобу, и ожесточеніе...

Если бы при всѣхъ своихъ недостаткахъ «правящіе» знали бы хорошо государственную машину и держали бы ее въ порядкѣ, то это было бы еще терпимо: «пей, да дѣло разумѣй». Говоритъ русская пословица. Но бѣда именно въ томъ и есть, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ и порокахъ «правящіе» не знали своего дѣла. Незнаніе своего дѣла, незнаніе обстановки даннаго мо-

мента — характерная черта всей русской бюрократіи (всѣхъ вѣдомствъ), особенно — высшей.

«Они не знали» («Ils ne savaient pas») — крылатое слово Людовика Надо, можетъ служить девизомъ русскихъ правящихъ классовъ, опредѣляющихъ ихъ главную особенность.

Они не знали своего народа, его бѣдности, его недовѣрія и ненависти къ нимъ; его темноты и звѣриныхъ наклоностей... Они не знали своего государственнаго аппарата и своихъ собственныхъ работниковъ и слугъ... Они не знали своей Арміи... Они не знали своего дѣйствительнаго положенія — на вулканѣ!

Къ особенностямъ русскихъ порядковъ до міровой войны надо причислить и отношеніе русской власти къ инородцамъ, а въ частности къ евреямъ.

Въ отношеніи окраинъ русскаго государства (Польша, Финляндія, Кавказъ) существовали ограничительные законы, которые примѣнялись съ большей или меньшей строгостью въ зависимости отъ взглядовъ мѣстнаго сатрапа: сегодня — такъ, а завтра — иначе.

Только нѣмецкая національность пользовалась издавна совершенно исключительнымъ благоволеніемъ русскихъ властей. Не даромъ одному изъ русскихъ генераловъ *) приписываютъ просьбу къ Императору Николаю I-му: «произведите меня въ нѣмцы».

Что касается евреевъ, то въ отношеніи къ нимъ ограничительные законы были весьма разнообразны.

Особенно стѣснителенъ былъ законъ, ограничивавшій ихъ въ правѣ жительства «чертою еврейской осѣдлости».

Конечно, всѣ ограничительныя мѣры приносили большой доходъ полиціи и администраціи и ложились главной тяжестью на еврейскую бѣдноту: богачи жили гдѣ хотѣли и какъ хотѣли.

Что касается русскаго общества, то оно, въ общемъ, было всегда благодушно настроено и къ инородцамъ и къ

*) Ермолову.

иновѣрцамъ. Однако, къ евреямъ отношенія носили всегда оттѣнокъ недовѣрія и отчужденности.

Объясняется это, конечно, прежде всего исторіей Новаго Завѣта, бросающей сѣмя нерасположенія къ евреямъ, мучившимъ и убившимъ Христа. Нѣкоторое значеніе имѣютъ и спецефическія качества этой національности. Однако, отношенія русскаго общества къ евреямъ носило скорѣе характеръ насмѣшки и пренебреженія, чѣмъ злобы и ненависти. Народъ русскій почти не зналъ евреевъ. Только въ предѣлахъ черты осѣдлости, гдѣ цѣлыя села были почти сплошь заселены евреями — народная масса хорошо знала ихъ, да въ Малороссіи оставались еще слѣды воспоминаній участія евреевъ въ «шляхетскихъ» порядкахъ 16-го и 17-го столѣтій.

Въ чертѣ осѣдлости еврейство было могущественнымъ факторомъ жизни и думаю, что безъ евреевъ, не только чиновничество, но и населеніе было бы, какъ безъ рукъ. Отношенія здѣсь носили дѣловой характеръ. Озлобленія или ненависти къ евреямъ въ населеніи не было.

Совсѣмъ иначе относились къ евреямъ носители власти. Тамъ всегда была эксплоатація, въ томъ или иномъ видѣ; а иногда и легкомысленное своеволіе. Послѣднее особенно проявлялось въ офицерской средѣ, которая позволяла себѣ не только насмѣшки, но иногда и очень злыя выходки по адресу евреевъ.

Во всякомъ случаѣ общее положеніе евреевъ въ Россіи было таково; что врядъ-ли кто нибудь изъ русскихъ обывателей хотѣлъ бы хоть на время побывать въ шкурѣ русскаго еврея.

Но до 1905 года отношенія эти не имѣли политическаго характера.

Послѣ позорной войны 1904—5 годовъ русскимъ властямъ, не пожелавшимъ признать своей вины и честно пойти по пути назрѣвшихъ реформъ, понадобился «козелъ отпущенія». Таковымъ сдѣлали соціалистовъ.

А такъ какъ соціалисты укомплектовывались въ значительной мѣрѣ еврейской молодежью, то виновными во всѣхъ невзгодахъ Россіи и въ волненіяхъ среди населенія оказались... евреи.

Власть явно поощряла всѣ нападки на евреевъ, какъ въ печати, такъ и словесной агитаціей.

При благосклонномъ содѣйствіи власти расцвѣлъ такъ называемый «союзъ русскаго народа», а потомъ начался и «погромный» походъ противъ евреевъ.

Власть не стѣснялась ни чѣмъ: гдѣ деньгами, гдѣ служебнымъ вліяніемъ, гдѣ невѣжествомъ темнаго народа или наивностью общества — власть разливала и развивала ненависть къ евреямъ...

Положеніе евреевъ сдѣлалось весьма тяжкимъ.

Но такъ какъ на этой «погромной», антисемитской политикѣ многіе дѣлали себѣ служебную карьеру или просто обогащались (Дубровинъ и Ко), то не предвидѣлось конца этому походу.

Походъ противъ евреевъ вскорѣ слился съ походомъ противъ Государственной Думы, такъ какъ и евреевъ и Думу обвиняли въ пропагандѣ «революціонныхъ» идей, хотя въ дѣствительности Дума требовала только: прекращенія произвола, безконтрольности и безхозяйственности русской Власти.

Власть въ лицѣ многихъ ея представителей (Плеве, Дурново и др.) захлебывалась въ обвиненіяхъ русской общественности и еврейства, и допускала такую неправду, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ не уступитъ и большевикамъ...

Значитъ и тутъ можно сказать: «что посѣешь — то и пожнешь.

Глава IV.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ВЪ РОССІИ ДО МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

Окончивъ Михайловское Артиллерійское Училище въ 1888 году и ѣдучи на службу въ одну изъ конныхъ батарей Варшавскаго военнаго Округа, я рисовалъ себѣ

тѣсную и дружную офицерскую семью, всецѣло поглощенную интересами военной службы, а сію послѣднюю полагалъ, какъ вполнѣ законченную военную систему — воспитанія и обученія.

Все обдумано «тамъ», думалъ я, — все на своемъ мѣстѣ и все имѣетъ одну цѣль — войну.

Каково же было мое удивленіе, когда я очень скоро убѣдился, что о «войнѣ» нѣтъ и помысла. Всѣ мысли, всѣ силы и заботы были направлены на «хозяйственные» интересы, и при томъ — не казенные, не общіе, а — личные интересы командира батареи! Вспоминали иногда про начальство: пріѣдетъ-ли и когда; если пріѣдетъ, то — какъ его «принять», ублажить, какъ «втереть ему очки въ глаза»? Мой командиръ батареи полковникъ Ос.....ій смотрѣлъ на ввѣренную ему часть, какъ на свою собственность. Достаточно сказать, что всѣ казенныя суммы хранились не въ денежномъ ящикѣ, у котораго стоялъ часовой (непонятно — зачѣмъ), а въ спальной комнатѣ командира, въ чулкѣ его жены, которая исполняла обязанности денежнаго ящика и часового по отношенію всѣхъ денегъ — и казенныхъ, и личныхъ полковника О....го; и что часть батарейныхъ лошадей и людей находилась въ имѣніи командира батареи, гдѣ-то на югѣ Россіи.

Понятно, что при такомъ взглядѣ на казенное имущество, все въ батареѣ велось такъ, чтобы любопытный, хотя бы и неопытный, глазъ офицера не проникалъ бы въ тайны батарейныхъ дѣлъ. Вотъ почему офицеры были почти свободны отъ занятій; таковые производились вахмистромъ, унтеръ-офицерами и старымъ берейторомъ. Занятія велись больше всего какъ-то по «преданію», передавая знанія отъ поколѣнія къ поколѣнію...

Помню, какъ старый поручикъ К—й радовался всякому празднику и воскресному дню, говоря: «слава Богу — завтра праздникъ».

— Чему Вы радуетесь? удивленно спросилъ я: вѣдь и въ буденъ Вы также ничего не дѣлаете?

— Видите ли, въ праздникъ я не работаю для службы на законномъ основаніи, а въ будни чувствую какую-то неловкость, — отвѣтилъ онъ мнѣ.

Пытался и я внести свою лепту военныхъ познаній — занимаясь съ солдатами; но скоро мнѣ дали понять, что въ моихъ услугахъ не нуждаются и что я долженъ являться только въ строй батареи, когда то будетъ указано приказомъ батареѣ. Осѣкшись въ своемъ служебномъ рвеніи, я принялся обучать солдатъ... малороссійскимъ пѣснямъ и бальнымъ танцамъ! Это не анекдотъ. Танцамъ обучать разрѣшалось, и вся батарея танцевала отлично... мазурку, вальсъ à trois temps, кадриль, польку и камаринскую!.. Я могъ бы разсказать много забавнаго, пахнущаго анекдотомъ, о первыхъ годахъ службы, но сейчасъ— не до анекдотовъ, не до смѣха...

Въ первый же годъ службы я натолкнулся на двѣ основныя черты русскаго военнаго быта: эксплоатацію служебнаго положенія и казенныхъ средствъ въ интересахъ частной личности и — профессіональное невѣжество.

Въ дальнѣйшемъ я убѣдился, что оба эти свойства, въ большей или меньшей степени, составляютъ принадлежность всего русскаго чиновничества — и военнаго, и невоеннаго. Министры пользовались цѣлыми домами съ обстановкой, при чемъ комнаты отдѣлывались по ихъ вкусу и заказу, а чиновники «для порученій» и «личные» и неличные адъютанты служили имъ, какъ лакеи и «посыльные»; поѣздки совершали съ крупными «прогонными» деньгами, пользуясь въ сущности даровымъ проѣздомъ и роскошными «пріемами»... Тоже дѣлалось, конечно, и всѣми чиновниками по нисходящей лѣстницѣ, включительно до вахмистровъ и каптенармусовъ, кои тянули лишнюю и лучшую «порцію» изъ общаго котла, имѣли неположеннаго имъ «деньщика», содержали свиней и домашнюю птицу на артельные «остатки», получали лишнее обмундированіе и т. п. Все — что могло и хотѣло — пользовалось казною въ своихъ интересахъ. А «могли» всѣ тѣ кто распоряжался хоть небольшимъ имуществомъ или деньгами («кормилъ хоть казеннаго воробья»), или вліялъ на судьбу такихъ «распорядителей», а «хотѣлъ»... хотѣли очень и очень многіе.

Доказывать эти печальные выводы фактами — значитъ ломиться въ открытую дверь.

За 35 лѣтъ службы я встрѣчалъ очень мало людей, которые не пользовались своимъ положеніемъ и казеннымъ имуществомъ, хотя бы только для увеличенія своего комфорта и представительности (автомобили, экипажи, лошади и проч. и проч. — не назначенное для частныхъ надобностей или несоотвѣтственно высокихъ качествъ). Конечно, такіе люди были — и по приверженности къ принципу и по богатству не имѣвшіе привычки пользоваться казеннымъ имуществомъ выше законной нормы; но они не были въ большинствѣ. Несомнѣнно также, что и уродливый типъ моего перваго командира батареи не былъ весьма распространенъ; но онъ имѣлъ довольно много единомышленниковъ и подражателей, особенно среди людей, «добраго стараго времени» — когда кавалерійскія части давались самимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ» «для поправки» дѣлъ разорившагося воина.

Яленіе мною подчеркнутое, т. е. эксплоатація служебнаго положенія и казеннаго имущества въ личныхъ интересахъ служащихъ, было и, вѣроятно, есть вездѣ (а въ Россіи сейчасъ оно пріобрѣло особенно выпуклый видъ). Но, чѣмъ культурнѣе общество и чѣмъ дѣятельнѣе и честнѣе власть, тѣмъ менѣе простора для такихъ ядовитыхъ и разслабляющихъ явленій. Въ Россіи подобныя явленія не находили — ни соотвѣтствующаго воздѣйствія власти, ни ея надлежащаго примѣра, ни должнаго осужденія въ обществѣ

Отъ легкой эксплоатаціи казеннаго имущества нѣкоторые переходили и къ болѣе крупнымъ злоупотребленіямъ: взяточничеству и воровству, (растратамъ), которыя не всегда кончались судомъ, а иногда — только удаленіемъ виновнаго со службы...

Однако, матеріальная недобросовѣстность есть качество, съ коимъ многіе честные люди мирятся: «пей, да дѣла разумѣй», вспоминаютъ они по этому случаю, и я готовъ бы съ ними согласиться (хотя и добавилъ бы: «крадь, но не до безчувствія»).

Великій Императоръ французовъ прощалъ своимъ талантливымъ и дѣльнымъ генераламъ, когда обнаружи-

валъ ихъ грѣхи въ области стяжанія и жадности. И всѣ мы часто прощаемъ людямъ ихъ слабости, если видимъ ихъ таланты, даровитость и приносимую общему дѣлу пользу.

Но ужасъ русской жизни состоялъ именно въ томъ, что незнаніе своего дѣла было качествомъ еще болѣе распространеннымъ, чѣмъ матеріальная недобросовѣстность!

Мой первый командиръ батареи — типичный скаредъ и стяжатель, всецѣло былъ погруженъ въ хозяйственныя соображенія; для него «военное дѣло» было излишней ношей, и надо отдать ему справедливость — въ этомъ дѣлѣ онъ былъ невиненъ, какъ младенецъ. Но также невѣжественъ въ сущности былъ и другой мой начальникъ — блестящій полковникъ О....въ — знатокъ лошади, отчасти — манежа, и только. Также малосвѣдущъ даже въ артиллерійскомъ дѣлѣ былъ и третій командиръ батареи — скромный и честнѣйшій полковникъ Д. Но что печальнѣе всего и что является объясненіемъ (причиною) невѣжества низовъ военной іерархіи, это то — что первые два командира были на очень хорошемъ счету у начальства, коему они артистически «втирали очки въ глаза». И добро бы, если бы это дѣлалъ только полковникъ О—въ — отличный ѣздокъ, представительный мужчина; но вѣдь это дѣлалъ и кикимора О—ій. Да еще кому втиралъ онъ очки? Самому фельдмаршалу І. Вл. Гурко — боевому генералу, грозѣ Варшавскаго округа!

Какъ дѣлалась эта операція — для насъ, вкусившихъ плоды отъ всѣхъ русскихъ «операцій» — не важно.

Важно то, что сверху предъявлялись требованія, не имѣвшія ничего общаго съ будущими военными дѣйствіями (по тому времени — съ русско-японской войной) и что поэтому люди, совершенно не знакомые съ военнымъ дѣломъ или мало знакомые съ нимъ, могли удовлетворить и даже радовать грозное начальство.

Требованія эти базировались на старыхъ, давно отжившихъ тенденціяхъ и формулахъ, и выражались почти исключительно въ декоративныхъ дѣйствіяхъ, а зачастую въ простомъ обманѣ или самообманѣ. На военномъ поприщѣ не требовалось глубокихъ знаній военнаго дѣла,

проникновенія во всѣ его изгибы и тайники. Въ низахъ іерархіи требовалась покорность и услужливость, а на верхахъ — изворотливость и умѣніе приспособляться.

Такъ дѣлались карьеры.

Въ эти области текла мысль и энергія русскихъ людей.

Не удивительно, что даже въ 1908 году собраніе офицеровъ Генеральнаго Штаба Н—го округа, руководимое самимъ Начальникомъ Генеральнаго Штаба ген. П—мъ, представляло жалкую картину бѣдности знаній во всѣхъ областяхъ военнаго дѣла, не исключая даже области своего полевого устава, а о новыхъ тенденціяхъ и пріемахъ въ дѣлѣ примѣненія средствъ войны и говорить нечего. (На этомъ занятіи я впервые увидѣлъ генерала Алексѣева — правую руку генерала П. Его считали почему-то «выдающимся» генераломъ. Но генералъ этотъ не внесъ ни одной мысли въ занятіе; онъ попросту не произнесъ ни одного слова и на меня произвелъ удручающее впечатлѣніе).

Неудивительно также, что въ томъ же году на занятіяхъ кавалерійскихъ начальниковъ всего округа и командировъ армейскихъ корпусовъ, генералъ Брусиловъ одобрительно слушалъ докладъ полковника Б. о томъ, что въ будущей войнѣ конная артиллерія будетъ «выскакивать изъ-за фланговъ кавалеріи» или «въ интервалы между ея частями» и т. д. И весь этотъ вздоръ и другой, ему подобный говорился въ теченіе 10-ти дней въ присутствіи громадной аудиторіи, послѣ опыта русско-японской войны! И возражалъ только одинъ человѣкъ, хотя сочувствовали ему многіе; но никто не желалъ подвергать себя непріятностямъ столкновенія съ вліятельнымъ командиромъ корпуса (Брусиловъ командовалъ тогда 14 арм. корпусомъ). Какъ характерно это для обрисовки русской военной жизни и навыковъ! Карьера прежде всего. А карьера дѣлалась не знаніемъ дѣла, не защитою своихъ убѣжденій, не очищеніемъ исторіи отъ лжи и преувеличеній реляцій, не осужденіемъ старыхъ пріемовъ и выдвиженіемъ имъ на смѣну выводовъ, отвлеченныхъ изъ группы правдивыхъ фактовъ... Карьера дѣлалась—угодливостью,

покорностью, непротивленіемъ и даже просто молчаніемъ... А поэтому и военное дѣло не изучалось серьезно, никто не углублялся въ него; никто не разбирался въ прошломъ такъ, чтобы отдѣлить вымыслы отъ правды и сдѣлать эту правду поучительной для будущаго.

Возьму для примѣра нѣсколько военныхъ операцій изъ прошлаго и для краткости отмѣчу лишь наиболѣе характерныя черты.

Историки и военные учебники говорятъ, что въ 391 году до Р. Х. Александръ Македонскій разбилъ персидскаго царя Дарія на Гавгамельской равнинѣ, у Арбелъ. Это несомнѣнно правда, такъ какъ только побѣда надъ арміей могла отдать въ руки Александра царство Дарія. Но на этомъ и кончается вся правда. Когда историкъ разсказываетъ — какъ совершалась эта побѣда — онъ безобразно искажаетъ картину дѣйствительности, въ чемъ нетрудно убѣдиться, приложивъ къ прошлому масштабъ реальной жизни. Историкъ говоритъ, что у Дарія было сосредоточено подъ Арбелами 400 тыс. войскъ, изъ коихъ 50 тыс. конницы. Величайшій военный геній міра, защищая свое существованіе подъ Лейпцигомъ въ 1813 году не имѣлъ болѣе 150 тысячъ войскъ, да и то не на 10-ти верстномъ фронтѣ Гавгамельской равнины, а на 30-40 верстномъ фронтѣ вокругъ Лейпцига! Возьмите величайшія сраженія послѣдней эпохи — Кенигрецъ 1866 г., Гравелотъ 1870 г., Мукденъ 1904 г. и даже послѣднюю гигантскую войну — вы не найдете на 10-верстномъ фронтѣ 200 тысячъ! Но вѣдь средства сосредоточенія, размѣщенія а главное продовольствія нынѣ стоятъ несравненно выше, чѣмъ было прежде.

Всякому военному извѣстно, что малѣйшая пріостановка подвоза продовольствія для корпуса въ 40—60 тысячъ, размѣщеннаго на фронтѣ въ 40—50 в., вызываетъ голодовку даже въ наше время въ населенной, культурной странѣ. Какъ же могли жить 400 т. людей съ 100-150 тыс. лошадей, сосредоточенные на 10-20 верстномъ фронтѣ???

Но еще острѣе стоитъ вопросъ съ ихъ движеніями, маневрами. Правда, историкъ не стѣсняется: онъ двигаетъ армію Александра какъ угодно — и въ этомъ да проститъ ему Богъ, ибо численность грековъ онъ указалъ только въ 40 тысячъ; но какъ Дарій двигалъ свои войска это трудно себѣ представить! Между тѣмъ историкъ говоритъ, что Александръ повернулъ свою армію направо и двинулся вдоль фронта персовъ, чтобы выиграть ихъ флангъ; но Дарій замѣтилъ этотъ маневръ и... «повернулъ» свою армію налѣво.

Попробуйте въ нѣсколько часовъ измѣнить фронтъ 100-тысячной арміи, не говорю 400-тысячной!

И въ наше время, время телефоновъ, аэроплановъ, автомобилей, для одной только передачи распоряженія по всѣмъ частямъ потребуется не мало часовъ.

Правда, тамъ было только 10 верстъ по фронту: но вспомните наши царскіе смотры послѣ большихъ маневровъ. На участкахъ въ 10—15 верстъ были сосредоточены 100—80 тысячъ войскъ и какихъ заботъ и затрудненій стоило такое сосредоточеніе, какъ трудно было выполнить даже то, что было намѣчено и предписано заранѣе. Вымыселъ о 400 тысячной арміи на тѣсномъ фронтѣ, да еще въ некультурной странѣ, становится грубымъ.

Также неправдоподобно упоминаніе о 50 тысячахъ конницы. 50 тысячъ кавалеріи это — 17 кавалерійскихъ дивизій полнаго состава по нашему времени, т. е. почти вся русская кавалерія до міровой войны! Но вѣдь Персія временъ Дарія не можетъ сравниться съ Россіей 20-го вѣка.

А кто можетъ представить себѣ 50 тысячъ конницы, т. е. 17 кавалерійскихъ дивизій на 10-верстномъ фронтѣ, да еще совмѣстно съ 350 тыс. пѣхоты?!

Я не въ состояніи представить себѣ такого сосредоточенія кавалеріи... Я видѣлъ подъ Скерневицами на царскомъ смотру 5 кавалерійскихъ дивизій, но они никакихъ движеній, кромѣ церемоніальнаго марша не производили; когда же Великій Князь Николай Николаевичъ (тогда — Генералъ-Инспекторъ русской кавалеріи) попытался прорепетировать простой заѣздъ плечомъ развернутымъ фронтомъ (вѣрнѣе — боевымъ порядкомъ) этихъ диви-

зій, и только съ помощью офицерской линіи (безъ войскъ), то изъ этого ничего не вышло: не хватило мѣста и потребовалось много времени.

Но вѣдь 5 дивизій — не 17!

Съ такимъ масштабомъ здраваго смысла и честнаго, правдиваго анализа военныхъ событій можно пройти черезъ всѣ эпохи и очистить военныя явленія отъ облѣпившей ихъ коры изъ лжи и преувеличеній, т. е. сдѣлать ихъ такими, какими они были въ дѣйствительности, проникнуть въ ихъ сущность, установить связь причинъ и слѣдствій, — словомъ: сдѣлать ихъ поучительными для будущаго.

Что поучительнаго дастъ, напримѣръ, разсказъ историка о Рымникской побѣдѣ Суворова?

У Суворова 7 тыс. войскъ, у Кобурга 14 тыс. (австрійцевъ), и съ этой 21 тысячью Суворовъ разбиваетъ на голову 100 тысячную турецкую армію, въ томъ числѣ 50 тыс. конницы (опять 50 тысячъ)! Все это пахнетъ татариномъ, при помощи котораго русскій богатырь разбилъ всю татарскую рать, приговаривая при этомъ: «а и крѣпокъ же татаринъ — не изломится, а и жиловатъ собака — не изорвется». Намъ не это нужно; намъ нужно поученіе, показательный опытъ, примѣръ. А какое поученіе можно извлечь изъ сказки о 100 тысячахъ людей и 50 тыс. лошадей собранныхъ на 4-хъ верстномъ фронтѣ Рымникскаго поля сраженія? Я не стану разбирать нелѣпой сказки объ этомъ боѣ: достаточно сказать, что разсказъ о дѣйствіяхъ турецкой конницы просто каррикатуренъ: 12 тысячъ кавалеріи «выскакиваютъ» изъ за лѣса, 20 тысячъ конницы «выскакиваютъ» изъ деревни и тому подобный вздоръ!... Но я подчеркиваю, что эти сказки не ограничиваются древними временами или русскими войнами. Они проникли въ той или иной формѣ во всю военную исторію, напримѣръ, въ Фридриховскую эпоху, откуда мы всегда черпали идеалы, особенно для кавалеріи.

Происхожденіе этого сора исторіи, нарощеніе лживой коры на исторической дѣйствительности вполнѣ объяснимо: греческій историкъ, желая придать больше блеска

побѣдѣ Александра Македонскаго, прибавилъ ноль къ цифрѣ войскъ Дарія; Суворовскій адъютантъ, составлявшій реляцію о сраженіи подъ Рымникомъ, спросилъ Суворова: сколько показать турокъ убитыми и, получивъ отвѣтъ, — «пиши больше, что ихъ жалѣть!» — написалъ, что турокъ похоронено 10.000; ясно, что было ихъ не менѣе 100 тысячъ; а о конницѣ онъ, конечно, имѣлъ слабое представленіе. Фридриховскія побѣды ослѣпили весь тогдашній міръ, который вообразилъ, что формы и картинки*), показываемыя Фридрихомъ на плацъ-парадахъ, составляютъ секретъ всѣхъ его побѣдъ!

Соръ надо выместь, кору снять. Только тогда опытъ прошлаго можетъ быть полезенъ для будущаго.

Русская военная наука этого не дѣлала и не пыталась сдѣлать. Еще въ 1912 году въ книжкѣ Ф. К. Гершельмана, довольно извѣстнаго русскаго кавалерійскаго генерала, «Современная конница» — мы находимъ сказку о 500 тысячахъ конницы съ каждой стороны въ бою Атиллы съ Аэціемъ на Каталаунской равнинѣ!

Если лѣтописцу Нестору можно простить сказаніе о томъ, будто «отъ скрипа татарскихъ телѣгъ вокругъ Кіева не слышно было человѣческаго голоса въ городѣ», то 1 милліона конницы, собранной на Каталаунской равнинѣ или 50 тыс. конницы на Рымникскомъ полѣ, 40 тысячъ конницы на Бородинскомъ полѣ (по 20 тыс. съ каждой стороны) — нельзя простить русской военной наукѣ 20-го вѣка. И не потому лишь, что все это — вздоръ, ложь; а главнымъ образомъ потому, что наличіе этой лжи, перенесеніе ея въ выводы военной науки знаменуетъ поверхностное отношеніе къ своему дѣлу и безполезность для будущаго, кроваваго прошлаго всего міра и нашей Родины въ особенности.

О, это прошлое! Если бы мы знали его? Если бы знали его не по Иловайскому и другимъ «казеннымъ» книжкамъ, а по настоящему — осязая причины и слѣдствія — мы не получили бы нынѣшняго позора и страданій! Если бы вмѣсто изученія хронологіи о вступленіи

*) Противъ нихъ возставалъ Зейдлицъ.

на престолъ того-то или того-то, о побѣдахъ и мирныхъ договорахъ, мы изучили бы исторію борьбы въ Россіи неимущихъ съ имущими, голодныхъ съ сытыми; если бы мы знали по настоящему—что такое бунтъ Стеньки Разина, Емельки Пугачева, возстаніе казаковъ противъ Польши въ 1648 году, гайдамацкіе набѣги, — мы не вели бы себя такъ легкомысленно въ теченіи цѣлаго вѣка! Мы знали бы хорошо — почему и Разинъ, и Пугачевъ и казацкіе вожди находили себѣ сочувствіе въ народной массѣ — темной, безправной, озлобленной и жестокой. Мы уменьшили бы темноту, безправіе, озлобленность и жестокость народную и сдѣлали бы изъ народныхъ массъ своего друга или преданнаго сожителя, а не врага и завистника-... И тогда не страшны были бы ни призывы Разина, Булавина, Пугачева, ни зажигательныя рѣчи мечтателей 20-го вѣка. Если бы мы изучали добросовѣстно тяжкія побѣды Петра Великаго (подъ Полтавой Петръ съ 63 тысячами едва не былъ разбитъ 13-ю тысячами шведовъ)! блестящіе успѣхи Суворова (конечно, безъ ненужныхъ преувеличеній); посредственныя дѣйствія русскихъ армій въ 1812—14 годахъ и совершенно неудачныя дѣйствія ея въ 1854—56, въ 1877—78, и въ 1904—5 годахъ, — то мы прониклись бы энергіей и организаціоннымъ упорствомъ Петра; подвижностью, глазомѣромъ и рѣшительностью Суворова; глубокимъ и твердымъ сознаніемъ вреда, приносимаго всѣмъ отъ интригъ, карьеризма, профессіональнаго невѣжества, отсутствія народнаго воспитанія и преданности общему дѣлу, т. е. всего того, что создало намъ Аустерлицы, Фридланды, Плевны, Мукдены...

Прошлый опытъ нужно изучать добросовѣстно, не для того только, чтобы знать, какъ примѣнить орудія войны, но и для того, чтобы знать: какъ ихъ готовить, какъ воспитать и учить людей, чѣмъ и какъ ихъ снабжать, какъ пополнять снабженіе, какъ эвакуировать все пришедшее въ негодность, а главное — какъ вліять на людскія массы.

———

На всѣ эти вопросы въ Россіи не было точнаго и продуманнаго отвѣта. Русская Армія не знала въ сущно-

сти — что такое она сама и для чего она существуетъ. Формула — «для защиты Царя и Отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ» — слишкомъ неопредѣленна и растяжима, а составъ арміи и ея порядки совершенно не соотвѣтствовали ея задачамъ даже въ узкомъ смыслѣ вышесказанной формулы: такая армія не способна была защищать ни Царя, ни Отечество отъ какихъ бы то ни было враговъ, что доказала блестяще и подъ Аустерлицомъ, и подъ Фридландомъ, и подъ Плевной, и въ Крыму (1855—56) и въ Манджуріи и наконецъ въ міровую войну 1914—16 г. и въ дни «безкровной» революціи! Короче говоря: въ Россіи не было не только правильной, но и вообще никакой военной доктрины.

Подъ «военной доктриной» я разумѣю: принципы для работы на войнѣ, принципы (главныя положенія) для подготовки въ мирное время всѣхъ средствъ и дѣятелей войны (всѣхъ ея факторовъ); ясное сознаніе, что армія существуетъ для войны, какъ часть народнаго хозяйства, обезпечивающая Государству самостоятельное существованіе.

Военная доктрина должна явиться результатомъ глубокаго знанія военнаго дѣла вообще, а своего отечественнаго въ особенности, но безъ скрыванія недостатковъ прошлаго, а наоборотъ — съ твердымъ намѣреніемъ отдѣлаться, освободиться отъ этихъ недостатковъ. Прошлое должно быть изучено честно, съ полнымъ очищеніемъ его отъ лжи, реляцій и прикрасъ казенныхъ историковъ: чтобы совершенствоваться и побѣждать — надо знать свои слабыя стороны и стараться уменьшить ихъ число и силу вліянія на нашъ организмъ.

Выработанная такимъ образомъ «военная доктрина» данной арміи должна быть катехизисомъ, обязательнымъ для всѣхъ. На немъ должны базироваться всѣ уставы, наставленія, учебники и пособія для подготовки войскъ. Отдѣлу моральному должно быть предоставлено главное мѣсто, ибо воспитаніе войскъ и народа важнѣе для войны чѣмъ обученіе и матеріальная подготовка: можно знать все и быть хорошо снаряжен-

нымъ и — не хотѣть жертвовать собою, и даже не хотѣть подвергать себя лишеніямъ и тягостямъ всегда сопряженнымъ съ добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей на войнѣ.

А потому — обучая и живя, надо пользоваться каждой минутой для воспитанія войскъ въ духѣ добросовѣстности, смѣлости и преданности интересамъ общаго дѣла.

Современныя національныя (не наемныя) войска должны состоять изъ работниковъ общаго дѣла, должны защищать общіе интересы. Это сознаніе должно быть цементомъ арміи и въ то же время — руководящимъ факторомъ для направленія дѣйствій и отношеній всѣхъ чиновъ, всѣхъ ранговъ арміи. Всѣ должны быть работниками одного дѣла. Разница лишь въ роляхъ: одинъ стоитъ у руля корабля, другой — на вахтѣ, третій — у машины, четвертый — у топки и т. д. Но у всѣхъ должна быть общая цѣль, общіе интересы, общій кодексъ законовъ, общіе взгляды на дѣло и общіе одинаково усвоенные пріемы при исполненіи работъ. Я не говорю, конечно, о деталяхъ: онѣ должны быть разнообразны до безконечности, такъ какъ зависятъ отъ безконечно разнообразной обстановки. Каждый работникъ, стремясь къ выполненію поставленной ему частной задачи наилучшимъ образомъ, будетъ приспособлять свои знанія и силы къ условіямъ обстановки: ясно сознавая цѣль — всегда можно найти средства для ея осуществленія...

Воспитывать надо не только словомъ, но и дѣломъ — каждымъ требованіемъ, предъявленнымъ подчиненному лицу и каждымъ шагомъ самого начальника (примѣромъ).

Всего этого въ Россіи не было.

Не было яснаго сознанія задачъ и назначенія арміи (о ходячей формулѣ я уже говорилъ); не было и общихъ интересовъ у ея работниковъ; не было и должныхъ отношеній между ними, какъ между сотрудниками, связанными общими цѣлями и общими законами. Былъ видѣнъ отчетливо офицеръ — баринъ и солдатъ — мужикъ, со всѣми оттѣнками классового различія; но и

среди офицеровъ ясно различались люди разной «кости». Не было мастеровъ и подмастерьевъ — работниковъ одного дѣла, а искусственно соединенные привилегированные и непривилегированные люди.

Это — моральная сторона дѣла.

А съ матеріальной стороны, со стороны обученія были многочисленные, безъидейные и часто несогласованные уставы, инструкціи, наставленія, правила и другая объемистая литература, въ которой трудно было разбираться и которую, впрочемъ, никто и не старался поглотить и усвоить, направляя свою энергію и силу на начальственные «коньки». Одинъ любилъ помпеозную «встрѣчу» и красоту парадовъ, другой — чистоту въ кухнѣ, разновѣсы, мѣрныя ведра, машинки для чистки картофеля, доски съ «раскладкою», ящики для «порцій» и т. п., третій увлекался «подготовкой учителей для молодыхъ солдатъ», четвертый просто любилъ «посидѣть въ доброй компаніи»... И подчиненные знали всѣ эти «коньки» и въ соотвѣтствующемъ направленіи «натаскивали» ввѣренныя имъ войска.

Возьмите приказы о смотрахъ за старое время и вы увидите все ничтожество предъявляемыхъ войскамъ требованій. Все вертится вокругъ формы и внѣшности и больше того — вокругъ мелочей строя а иногда (очень часто) — только парада, для коего существовалъ цѣлый кодексъ правилъ, на незнаніи коего «проваливались» многіе почтенные и боевые офицеры! Интервалы, дистанціи, равненіе, салютовки, рапорты, форма одежды — занимаютъ главное вниманіе начальства. Оно не старается научить подчиненныхъ дѣлу, передать имъ свои знанія и опытъ, изучить подчиненныхъ, направить ихъ на работу... Смотры въ большинствѣ случаевъ были — «отбываніемъ номера» или «наѣзжаніемъ протоновъ» для одной стороны и «очко-втираніемъ» для другой. Внѣшность доминировала во всемъ и вездѣ. Главное забывалось въ заботахъ о мелочахъ, формѣ и всякой «видимости».

Дѣло уходило далеко на задній планъ въ погонѣ за карьерой, которая дѣлалась связями, протекціей, знакомствами, угодливостью, формой и внѣшностью.

Если вы возьмете списокъ старшихъ начальниковъ (отъ начальника дивизіи и выше) въ какой нибудь періодъ*), то вы увидите все людей съ большими связями или средствами (хотя бы растраченными уже) и преимущественно изъ привиллегированныхъ войсковыхъ частей. Если же встрѣтится вамъ исключеніе изъ этого общаго правила, то прослѣдите ихъ службу и вы увидите, что вся карьера этихъ «счастливцевъ» есть сплошное непротивленіе злу, угожденіе начальству или жестокая преданность мелочамъ и внѣшности.

При такихъ условіяхъ, въ такой атмосферѣ не было никакой возможности работать продуктивно: всякая энергія, всякое пониманіе грядущаго возмездія разбивалась о существующіе порядки и тенденціи. А критиковать ихъ открыто дерзали очень и очень немногіе, да и тѣ, конечно, не были услышаны, вѣрнѣе — голосу ихъ не вняли.... Результаты нынѣ налицо.

Да, военнаго дѣла, понимаемаго широко, съ приложеніемъ къ народному хозяйству и воспитанію всей націи — въ Россіи не было.

Не удивительно, что его не зналъ — ни стяжатель Ос....ій, занятый хозяйственными соображеніями по увеличенію своего состоянія; ни «блестящій» О...въ, ѣздокъ и коннозаводчикъ, опытный «парадеръ» и весьма слабый воспитатель и учитель подчиненныхъ; ни скромный, честный, но мало способный Д.; ни всѣ ихъ «верхи», допускавшіе явное втираніе очковъ себѣ въ глаза.

Не знали его и всѣ тѣ многочисленные представители военнаго міра, съ которыми я встрѣчался на службѣ и внѣ ея за долгую мою жизнь!

Чтобы ближе обрисовать эту фатальную область всеобщаго незнанія своего дѣла — я брошу бѣглый взглядъ на прошлое, начиная съ впечатлѣній оставленныхъ мнѣ Академіей Генеральнаго Штаба.

Начну съ персонала Академіи.

*) Такую статистику дважды я помѣщалъ въ журналѣ „Развѣдчикъ".

Начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба въ мое время былъ генералъ Г. А. Лееръ — военный мыслитель, аналитикъ, систематизаторъ и обобщитель. Ему многіе обязаны серьезными знаніями и толчкомъ къ анализу военныхъ явленій, преимущественно въ области примѣненія войскъ на театрѣ войны, т. е. въ стратегіи. Но, къ сожалѣнію, генералъ Лееръ былъ только теоретикъ, никогда не имѣвшій случая примѣнить, проповѣдуемые имъ принципы на практикѣ, а потому не чувствовавшій, что всѣ стратегическіе принципы — ничто, безъ надлежащаго моральнаго состоянія войскъ (безъ воли къ побѣдѣ), достигаемаго воспитаніемъ, общностью интересовъ или иными возбудительными причинами; а потому онъ и не сумѣлъ вызвать въ слушателяхъ ясняго пониманія и твердаго убѣжденія, что всякія знанія хороши, когда они прилагаются на практикѣ для совершенствованія своего дѣла (вообще — жизни) и что приложеніе стратегическихъ и тактическихъ принциповъ на войнѣ требуетъ соотвѣтствующей подготовки войскъ и прежде всего ихъ воспитанія въ духѣ добросовѣстности, мужества и готовности жертвовать собою ради достиженія общихъ цѣлей! Прежде всего воспитаніе (или другой возбудитель духа, двигатель воли), а потомъ уже стратегія, тактика и проч... Такъ должны начинаться всѣ военныя лекціи, дабы слушателямъ было понятно мѣсто излагаемаго предмета въ общей системѣ военнаго дѣла.

Но лучшій профессоръ Академіи и ея начальникъ былъ только кабинетный человѣкъ, отвлеченный мыслитель въ области одного лишь отдѣла военной науки. Что же сказать о другихъ? Интересны, какъ лекторы были: полковникъ Орловъ, полковникъ Ридигеръ и полковникъ Золотаревъ. Но всѣ они излагали теорію безъ указанія на примѣнимость ея въ русской практикѣ, т. е. безъ критики существующихъ порядковъ въ цѣляхъ ихъ улучшенія. Объ остальныхъ не стоитъ и говорить.

Для офицеровъ слушателей Академія, вѣрнѣе — окончаніе ея было мечтою, потому что это окончаніе Академіи давало имъ лишній чинъ и патентъ на открытіе дверей во всѣ области служебной карьеры, конеч-

но, при добропорядочномъ поведеніи носителя патента, т. е. при полной приспособляемости его къ существующимъ порядкамъ.

Критика существующихъ порядковъ, стремленіе къ улучшенію ихъ, считались въ Генеральномъ Штабѣ «безтактностью», неумѣніемъ себя держать и т. п., кто дерзалъ критиковать и говорить мало пріятную верхамъ правду, подвергались всякимъ гоненіямъ, служебнымъ обходамъ и даже исключенію со службы.

Что же выносили изъ Академіи ея слушатели, кромѣ служебныхъ преимуществъ?

Въ области воспитанія ничего, если не считать нѣкоторой дозы «хлыщеватости» и высокомѣрія, особенно въ обращеніи съ сѣрой «армейщиной». Въ области знаній — очень мало. Немного казенной исторіи, т. е. исторіи не очищенной отъ нанесеннаго на нее слоя реляціонной лжи и патріотическихъ прикрасъ. Немало теоретическихъ выводовъ и принциповъ по разнымъ отдѣламъ военной науки, но принциповъ неодухотворенныхъ общею картиною военнаго дѣла, т. е. безъ указанія ихъ мѣста въ этомъ дѣлѣ и условій, при которыхъ они могутъ быть примѣнены съ пользой.

Академія не дала масштаба для оцѣнки историческаго матеріала. Она не научила разбираться въ фактахъ прошлаго съ цѣлью извлечь изъ нихъ надлежащее поученіе для будущаго. Она не указала идеаловъ, къ коимъ надо стремиться, въ области подготовки войскъ и вліянія на нихъ, а область примѣненія войскъ, въ видѣ дѣяній великихъ полководцевъ излагалась слишкомъ поверхностно, безъ выясненія всѣхъ главнѣйшихъ условій этого примѣненія. Она не показала — какъ далека русская дѣйствительность въ прошломъ и настоящемъ отъ идеаловъ и что надо сдѣлать, чтобы приблизить ее къ идеаламъ. Она не зажгла сердецъ своихъ учениковъ горячимъ желаніемъ внести въ русскую военную жизнь свѣтъ правды и энергію къ совершенствованію. И какъ она могла зажечь это желаніе, когда сама не знала русской дѣйствительности — русскаго солдата, русскаго офицера, русскаго генерала, русской канцеляріи, русской халатности, и прочихъ милыхъ качествъ... А если

и знала кое-что, то не помышляла говорить, помня, что за критику не похвалятъ.

Да и зачѣмъ критика, если — «великъ Богъ земли русской»; если — «ничего, да небось, все образуется»; если — «что русскому здорово, то — нѣмцу смерть»; если можно жить спокойно и веселиться въ ожиданіи «грома побѣдъ»?... Такова была общая психологія, общее настроеніе русскихъ верховъ, даже послѣ пораженій на поляхъ Манджуріи.

А между тѣмъ Академія должна была дать слѣдующее:

Усвоеніе военной доктрины. Изученіе ея принциповъ и указаній, начиная съ идеи существованія арміи, ея задачъ и принциповъ подготовки и кончая принципами примѣненія войскъ на войнѣ.

Офицеръ, окончившій Академію, долженъ быть проникнутъ чувствомъ долга передъ Родиной и сознаніемъ, что военное дѣло требуетъ отъ него полнаго напряженія всѣхъ силъ и способностей, что главный инструментъ, на коемъ долженъ умѣть играть всякій начальникъ есть душа человѣка, что за ошибки и промахи придется на войнѣ платить человѣческими жизнями.

Будемъ продолжать учиться, будемъ передавать свои знанія другимъ, но прежде всего — будемъ хотѣть отдать всѣ наши силы тому дѣлу, за которое взялись, коему себя посвятили! Отдать потому, что дѣло это — наше общее. Оно нужно для обезпеченія спокойнаго труда русскаго народа, который содержитъ армію именно въ этихъ цѣляхъ. Критика обязательна; она открываетъ пути къ улучшеніямъ; она заставляетъ работать мысль въ направленіи совершенствованія дѣла.

Такъ должна говорить всякая военная школа, а тѣмъ болѣе Академія Генеральнаго Штаба.

Она должна указывать идеалы, какъ въ образцахъ военныхъ операцій (по всѣмъ отдѣламъ военнаго дѣла, а не только по стратегіи и тактикѣ), такъ и въ типахъ людей, руководившихъ этими военными операціями и подготовлявшими всѣ средства для нихъ. Уче-

ники Академіи должны глубоко запечатлѣть въ себѣ эти идеалы и пріобрѣсть непреодолимое желаніе приблизиться къ нимъ.

Анализъ такихъ человѣческихъ типовъ, какъ Великій Императоръ французовъ, Густавъ Адольфъ, Тюренъ, Фридрихъ Великій, Суворовъ, Великій Петръ — раскрылъ бы тайну ихъ успѣховъ и далъ бы ученикамъ Академіи ключъ, какъ для подготовки орудій войны, такъ и для примѣненія ихъ на войнѣ.

Даже бѣглый перечень свойствъ этихъ людей, указываетъ на ихъ идентичность, а слѣдовательно ясно говоритъ — куда должно быть направлено вниманіе и силы военнаго при соображеніи своего поведенія и въ чемъ именно слѣдуетъ подражать великимъ людямъ (хотя бы только «стремиться» подражать).

Подвижность и выносливость физическая, умственная и моральная давала всѣмъ великимъ полководцамъ возможность вездѣ быть, всюду поспѣвать, все видѣть и все знать.

Простота личной жизни, нетребовательность въ пищѣ, одеждѣ; ограниченность въ потребности отдыха (сна), отсутствіе ритуала въ дѣловыхъ сношеніяхъ — давали въ ихъ распоряженіе значительное число часовъ для продуктивной работы. Этими часами они и пользовались, не только для чтенія бумагъ и пріема докладовъ (кабинетная работа), но для знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и для повѣрки исполненія отданныхъ распоряженій и для личнаго вліянія на подчиненныхъ, и для вліянія на ходъ событій въ рѣшительные моменты.

Возьмите, напримѣръ, Императора Наполеона I-го въ періодъ Аустерлицкой, Іенской и даже Бородинской операцій. Когда всѣ спятъ — Императоръ (не просто — генералъ) бодрствуетъ! Только-что поднимается солнце надъ горизонтомъ (Аустерлицъ, Бородино), а онъ объѣхалъ уже всю позицію! А между тѣмъ еще вчера онъ былъ на этой позиціи поздно ночью, повѣряя службу передовыхъ частей и знакомясь съ настроеніемъ войскъ (переходилъ отъ костра къ костру)! Подъ Іеной (1806 г.) Императоръ выѣзжаетъ (не въ коляскѣ, а верхомъ на

конѣ) вечеромъ на перекрестокъ дорогъ и, подъ сильнымъ дождемъ руководитъ лично выходомъ войскъ на указанные имъ участки позиціи! Только поздно ночью онъ возвращается въ избу, спитъ на соломѣ, а въ 4 часа утра онъ вновь среди войскъ!

Помилуйте, говорятъ мнѣ на это — тогда были совсѣмъ другія условія войны и боя: тогда армія въ 100 тысячъ занимала по фронту 10—12 верстъ, а нынѣ она занимаетъ 60—120 верстъ.

На это отвѣчаю: для ударовъ (для прорывовъ) и нынѣ арміи не занимаютъ большихъ фронтовъ; но если принять во вниманіе всю обстановку нынѣшняго боя, то Императора Наполеона можно приравнять въ его операціяхъ хотя бы къ нынѣшнему командиру корпуса? Но за три года міровой войны, побывъ на всѣхъ участкахъ русско-германскаго фронта, я не видѣлъ ни одного командира корпуса, который продѣлалъ хоть разъ то, что дѣлалъ Императоръ французовъ много разъ!

Также поступали и другіе великіе полководцы и просто хорошіе генералы („les grands capitaines").

У насъ любили хвастать Петромъ Великимъ, Суворовымъ и Скобелевымъ. Но, какъ обидно должно быть великимъ людямъ — когда произносятъ ихъ имя, не изучая существа ихъ дѣлъ и не слѣдуя ихъ примѣру?!

Суворовскими афоризмами пестрѣли стѣны казармъ — для вящаго умиленія начальства. Но никто даже не пытался вникнуть въ сущность поведенія этого Великаго Полководца, въ его систему воспитанія войскъ, обученія ихъ, вліянія на нихъ и пользованія ими на войнѣ!

Если Суворовъ не имѣлъ такихъ блестящихъ операцій и въ такомъ масштабѣ, какъ Наполеонъ, то только потому, что не имѣлъ его «возможностей», работалъ и жилъ въ иныхъ условіяхъ, но въ дѣлѣ воспитанія войскъ и воздѣйствія на нихъ Суворовъ не уступаетъ нисколько Великому Императору французовъ. Онъ зналъ солдатскую жизнь не по наслышкѣ и не по наблюденіямъ издали; онъ зналъ ее по личному опыту, а потому — умѣлъ держать себя съ солдатомъ, завоевывая его при каждомъ своемъ появленіи; зналъ — что солдату нуж-

но, какъ онъ реагируетъ на всѣ явленія жизни. Суворовъ зналъ русскаго солдата и душою былъ близокъ ему. Солдатъ былъ *преданъ* своему вождю и *вѣрилъ* ему, вѣрилъ въ его заботливость о подчиненныхъ, вѣрилъ въ его знанія, предусмотрительность и искусство. А потому солдатъ «суворовскій» творилъ чудеса, и если погибалъ, то — съ вѣрой, что гибнетъ не напрасно!

Въ жизни и на службѣ Суворовъ былъ *простъ* до крайности; онъ ненавидѣлъ бездушный формализмъ и въ частности — пошлый конекъ всей русской военной власти — форму обмундированія, съ ея несмѣтными тонкостями и нелѣпымъ педантизмомъ, считавшимся признакомъ выправки и дисциплины! Онъ весь былъ въ духѣ и сердцѣ (стремленіе, желаніе, воля). Всѣ знанія его были *четныя*, т. е. извлеченныя изъ дѣйствительныхъ событій и соотвѣтствовали дѣйствительной жизни, а не лживымъ преданіямъ и сказкамъ о ней. Вся наука его сводилась къ тремъ словамъ: «быстрота, глазомѣръ и натискъ». Но сколько надо работать надъ собою и надъ своими подчиненными, чтобы развить въ себѣ и въ нихъ — «глазомѣръ», т. е. умѣніе видѣть и понимать видѣнное (разбираться въ обстановкѣ и вѣрно оцѣнивать ея факторы)! Сколько энергіи и упорства нужно, чтобы передать другимъ свою рѣшительность и быстроту во всемъ или чтобы пріучить подчиненныхъ къ стремительному и настойчивому проведенію разъ принятаго рѣшенія?!

Военный, понимающій обстановку, способный быстро находить рѣшеніе и настойчиво проводить его въ жизнь, готовъ къ войнѣ. Если при этомъ онъ умѣетъ подготовить орудіе войны и понимаетъ назначеніе арміи — онъ вѣрный стражъ Государства, охранитель его существованія и развитія.

Если бы русскіе верхи изучали бы только одного Суворова, если бы Академія и вообще школа вложила бы въ сердца своихъ питомцевъ искреннее восхищеніе передъ дѣятельностью только своихъ великихъ людей — Петра, Суворова и Скобелева — и горячее желаніе имъ подражать — міровая война не дала бы *массовыхъ* отрицательныхъ образцовъ на верхахъ русской военной власти; мы не имѣли бы такой бездны пораженій на Герман-

скомъ фронтѣ; мы были бы въ Берлинѣ уже въ 1914 году и мы не имѣли бы никакой революціи!... Это мое глубокое убѣжденіе... Но вернемся къ Академіи.

Кромѣ идеала полководца и высокаго начальника Академія должна была бы показать и типъ средняго начальника — командира полка, командира баталіона, и типъ меньшаго начальника — командира роты и взвода, и типъ унтеръ офицера и солдата. А параллельно съ этимъ изслѣдовать и показать съ надлежащими поясненіями всю дѣйствительную жизнь русской арміи и направленія въ коихъ должно идти ея совершенствованіе. Суть вѣдь въ томъ, чтобы подготовить своей арміи успѣхъ въ будущемъ. А этого можно достигнуть только при правильномъ знаніи дѣйствительнаго положенія вещей и сопоставленія его съ идеаломъ.

Академія должна была внѣдрить въ сознаніе своихъ слушателей, что залогъ успѣха на войнѣ, центръ всей науки «побѣждать» — находится въ сердцахъ солдатъ (подчиненныхъ). Путь къ сердцу солдата очень простъ, но требуетъ отказа отъ эгоизма и эпикурейскихъ замашекъ, ибо отнимаетъ и время и силы и энергію, уводя все это въ сторону заботъ о подчиненныхъ, въ сторону строгаго наблюденія за собой и самоусовершенствованія во всѣхъ отрасляхъ военнаго дѣла. Тщательною и постоянною заботливостью о подчиненныхъ пріобрѣтается ихъ преданность и даже любовь. Особенно это вѣрно въ отношеніи солдатъ. А знаніемъ своего дѣла начальникъ импонируетъ подчиненному, пріобрѣтаетъ его уваженіе, вѣру въ себя и даже восхищеніе передъ собой. Это опять таки особенно вѣрно относительно солдата. Но если первое (заботливость) можетъ дать полные результаты и въ мирное и въ военное время, то второе — вѣра въ начальника — особенно возростаетъ на войнѣ, когда подчиненные во-очію убѣждаются въ мужествѣ, искусствѣ и предусмотрительности начальника. Я не собираюсь излагать здѣсь системы воспитанія и воздѣйствія на подчиненныхъ, особенно на солдатъ; однако не могу не подчеркнуть, что заботливость должна выражаться во всемъ обиходѣ жизни и

службы. Не одна только кухня, одежда, казарма и лазаретъ должны занимать начальника. Надо позаботиться о полезныхъ развлеченiяхъ, объ обученiи грамотѣ, о письмахъ къ роднымъ солдата; надо пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы распросить солдата о его житьѣ дома, побесѣдовать съ нимъ, какъ бесѣдуетъ отецъ съ сыномъ; передать ему необходимое пониманiе службы и ея требованiй. Начальникъ долженъ настойчиво проводить мысль, что на службѣ ничего не исходитъ отъ усмотрѣнiя, произвола начальника, а все диктуется закономъ и явными интересами дѣла; что всѣ — работники одного дѣла, и только законъ возложилъ на нѣкоторыхъ работниковъ, имѣющихъ особенную подготовку — особенныя обязанности и права. Всѣ требованiя службы и всѣ свои дѣйствiя начальникъ долженъ объяснять подчиненнымъ, дабы все на службѣ было всѣмъ понятно и логично и, чтобы дѣло не расходилось со словомъ. Заботливость свою онъ долженъ простирать на все, начиная отъ тщательнаго обереганiя полкового имени, во всемъ — въ знанiи дѣла, въ мобилизацiонной готовности, въ поведенiи офицеровъ и солдатъ, и кончая — заботами о сбереженiи силъ солдатъ, также во всемъ: въ нарядахъ на службу, въ занятiяхъ, въ работахъ... Во всемъ ничего лишняго, ничего не нужнаго. Но тамъ гдѣ идетъ полезная, необходимая для дѣла работа, тамъ надо требовать полнаго напряженiя силъ и физическихъ и умственныхъ и моральныхъ, дабы всякая задача исполнялась наилучшимъ образомъ, всѣми доступными средствами и прiемами.

Уваженiе и довѣрiе прiобрѣтается знанiемъ своего дѣла. Хорошо, если начальникъ, обучающiй солдатъ, все можетъ не только разсказать, но и показать самъ. Необходимъ примѣръ, примѣръ и примѣръ — въ обученiи и въ воспитанiи. Вотъ почему офицеры не должны позволять себѣ въ присутствiи солдатъ, а начальники въ присутствiи подчиненныхъ того, что запрещено закономъ или вообще — что предосудительно и некрасиво, напримѣръ, пьянство, оргiи, безшабашные кутежи, брань, ссоры и т. п., что, увы, было весьма распространено въ Россiи.

Начальникъ — отъ мала до велика — долженъ

крѣпко держать въ рукахъ ввѣренную ему часть. Онъ долженъ знать все, что касается его части. Все должно идти отъ него и черезъ него. Все повинуется ему и равняется по немъ. Но онъ и за все отвѣтственъ.

Такъ должна учить военная школа, особенно Академія Генеральнаго Штаба своихъ учениковъ.

Мало учить: не учить, а — внушать, внѣдрять въ сознаніе и волю, чтобы всѣ идеалы, указанные ученикамъ, слились съ ихъ существомъ и свѣтили бы имъ всю жизнь какъ путеводная звѣзда. Ничего этого въ дѣйствительности не было.

Офицеръ, окончившій Академію, уносилъ съ собою весьма легковѣсный багажъ знаній теоріи военнаго дѣла, легкую практику въ съемкѣ и слабое представленіе о движеніи войскъ на картѣ, какъ на шахматной доскѣ, т. е. безъ вопросовъ снабженія и безъ всѣхъ тормазовъ и осложненій тыла и дѣйствительной обстановки военной жизни.

По окончаніи Академіи я избралъ мѣстомъ своего служенія Н-й военный округъ, какъ находящійся на важнѣйшемъ фронтѣ и какъ округъ, пользовавшійся репутаціей «боевого» округа.

Дѣйствительность опять не оправдала моихъ надеждъ.

Въ качествѣ «причисленнаго» къ Генеральному Штабу, я былъ назначенъ исполнять обязанности Старшаго Адьютанта въ Штабѣ одной изъ кавалерійскихъ дивизій.

Въ штабѣ этой дивизіи велась обычная, «текущая» канцелярская переписка, вялая, больше похожая на отбываніе номера. Начальникъ Штаба — милый, воспитанный и галантный офицеръ — службой себя не утруждалъ, а на жизнь смотрѣлъ съ точки зрѣнія: «не волнуйтесь — все образуется». Это былъ типичный офицеръ Генеральнаго Штаба изъ лучшихъ, т. е. незаносчивыхъ, но въ то же время умѣвшій всегда держать себя съ большимъ достоинствомъ. Но дѣло, военное дѣло въ существѣ его, въ глубинахъ своихъ, интересовало его мало.

Вновь прибывшаго подчиненнаго онъ не взялъ въ «обученіе», не только въ области кавалеріи, но и въ области канцелярскаго дѣла. Пришлось, какъ и другимъ новичкамъ въ Генеральномъ Штабѣ (какъ большинству) нащупывать пути дѣятельности самому. Я подчеркиваю это обстоятельство, ибо считаю, что не только начальникъ, но и всякій старшій обязанъ учить и направлять новичковъ службы и вообще своихъ подчиненныхъ, долженъ дѣлиться съ ними своими знаніями и опытомъ, долженъ пріобщать ихъ къ своимъ идеаламъ, къ своимъ понятіямъ о службѣ и о всей совокупности военнаго дѣла.

Это вѣдь такъ естественно: когда человѣкъ занятъ серьезно и искренно какимъ нибудь дѣломъ, думаетъ постоянно о немъ — онъ дѣлится своими мыслями съ окружающими. Какъ же не подѣлиться начальнику съ подчиненнымъ мыслями о томъ дѣлѣ, служить коему они оба призваны «не за страхъ, а за совѣсть»? Но за долгую мою службу я не встрѣтилъ большого числа начальниковъ, которые считали своимъ долгомъ учить каждаго прибывающаго къ нимъ офицера и дѣлиться съ нимъ всѣми своими знаніями и опытомъ, начиная отъ распорядковъ въ канцелярской работѣ, краткаго писанія бумагъ и четкой подписи, и кончая основами воспитанія войскъ и примѣненія ихъ на войнѣ.

Первое мое «полевое» занятіе, какъ офицера Генеральнаго Штаба въ кавалеріи было — разстановка «линейныхъ», для резервнаго порядка дивизіи передъ началомъ ученія.

Представьте себѣ кавалерійскую дивизію, которая становится въ резервный порядокъ по «линейнымъ»! Мало того, лицо, носившее громкій титулъ «помощника командующаго войсками по завѣдыванію кавалеріей» *, утверждало, что разстановка линейныхъ — важное занятіе и что отъ правильности первоначальной постановки дивизіи въ резервный порядокъ зависитъ все дальнѣйшее ученіе. Хороши взгляды стараго кавалерійскаго генерала съ репутаціей «выдающагося» кавалериста!

*) Генералъ Б.... о.

Правда, впослѣдствіи взгляды эти сильно эволюціонировали въ сторону подвижности и гибкости строя. Но по существу они остались все же линейными, фигурными и мало пригодными для современной войны. Кавалерія, перешедшая съ 1895 года въ руки Великаго Князя Николая Николаевича, въ теченіе 10 лѣтъ продѣлывала то, чего она не можетъ дѣлать въ современной войнѣ и врядъ ли дѣлала это и прежде, если не принимать Фридриховскихъ «плацевыхъ» упражненій, коими онъ развлекалъ иностранцевъ, за боевую дѣйствительность. Но критика въ военномъ мірѣ не процвѣтала, а тѣмъ болѣе критика дѣйствій Великаго Князя. А потому, кавалерія бросилась въ 1895 году ревностно изучать требованія Великаго Князя — Генералъ Инспектора кавалеріи. На смотры его посылались делегаты, кои привозили въ свои части: чертежи перестроеній съ командными словами, разныя сноровки, а также особенности Великокняжескихъ требованій. Уже лѣтомъ 1895 года по рукамъ ходили и были нарасхватъ въ кавалеріи листки и цѣлыя тетради съ чертежами «нѣмыхъ» ученій полка, бригады и дивизіи. Начальники всѣхъ ранговъ изучали съ трепетомъ эти чертежи, команды и сноровки, чтобы «потрафить» грозному Инспектору. А Великій Князь дѣйствительно держалъ себя сурово и неприступно, какъ человѣкъ не отъ міра сего, какъ полубогъ, но и какъ единственный носитель какихъ-то кавалерійскихъ истинъ и откровеній.

Впослѣдствіи для меня было ясно (особенно послѣ Англо-Бурской войны), что наша кавалерія идетъ ложнымъ путемъ, увлекаясь плацевыми картинками, совершенно непримѣнимыми въ современномъ бою. Но тогда, я заразился общимъ трепетомъ, тѣмъ болѣе понятнымъ, что мнѣ, какъ артиллеристу, кавалерійское дѣло было извѣстно только по книжкамъ.

Помню съ какою неувѣренностью я выѣхалъ на первое ученіе кавалерійской дивизіи, какъ священнодѣйствовалъ, разставляя «линейныхъ», съ какимъ волненіемъ ждалъ начальства и начала ученія. Мнѣ хотѣлось провѣрить мои теоретическія познанія и поучиться приложенію теоріи на практикѣ. Это было тѣмъ болѣе

легко на первыхъ порахъ, что по своей должности Адъютанта Штаба дивизіи я былъ скорѣе простымъ наблюдателемъ ученія. Но каково же было мое удивленіе, когда я скоро замѣтилъ, что при всемъ моемъ невѣжествѣ въ кавалерійскомъ дѣлѣ вообще и въ дивизіонномъ ученіи въ частности, изъ всѣхъ присутствующихъ на ученіи чиновъ, я — самый знающій?!

Не помню — порадовало ли меня тогда это открытіе; но хорошо помню, что я хотѣлъ учиться, а не учить другихъ.

Какъ сейчасъ вижу себя, штабсъ-капитана конной артиллеріи, причисленнаго къ Генеральному Штабу, въ центрѣ группы начальниковъ объясняющимъ перестроенія резервнаго порядка.

Вспоминаю это не съ гордостью, а съ горечью, тѣмъ болѣе, что такое явленіе, такая необходимость преслѣдовала меня безъ перерыва всю службу! Почти 25 лѣтъ, изъ года въ годъ, изо дня въ день я наблюдалъ невѣжество верховъ! И какое невѣжество? Не только то, о которомъ я говорилъ выше, т. е. отсутствіе военной доктрины и широкаго пониманія сути военнаго дѣла но даже невѣжество узкое «уставное»!

Одной простой, безхитростной добросовѣстности было достаточно, чтобы овладѣть дѣломъ, сдѣлаться хозяиномъ и господиномъ положенія.

И такъ во всѣхъ случаяхъ, на всѣхъ должностяхъ!...

Мнѣ скажутъ: «ну вотъ, и хорошо: значитъ добросовѣстный и дѣловой человѣкъ могъ и вершить всѣ дѣла и улучшать ихъ во всѣхъ случаяхъ?»

— О нѣтъ, это далеко не такъ. Старшіе (начальники) подчинялись младшимъ, какъ пассажиры подчиняются шоферу автомобиля — пока онъ везетъ ихъ по избранному пути къ намѣченной цѣли. Подчинялись ради своихъ удобствъ и благополучія, видя, что дѣло идетъ хорошо и что они избавлены отъ той работы, которая требуетъ иногда значительной энергіи и безпокойствъ. Но критика верховъ и вообще все то, что могло вносить неудобства жизни и тѣмъ болѣе рискъ для карьеры, не допускались.

— «Хотите ломать себѣ шею — ломайте сами, но меня не вмѣшивайте: наше дѣло — исполнять приказанное».

Такъ обыкновенно говорилъ начальникъ тому ретивому подчиненному, который подстрекалъ его на протестъ, возраженіе, докладъ о существенныхъ потребностяхъ войскъ!

Подчиненіе, вѣрнѣе — отдача себя въ руки младшихъ наблюдалось въ русской арміи очень часто. Стоило младшему быть ретивѣе къ дѣлу, какъ онъ тотчасъ же «сѣдлалъ» своего вялаго, лѣниваго, эпикурействующаго или легкомысленнаго начальника. Явленіе это приписывалось особенно офицерамъ Генеральнаго Штаба. Но это не совсѣмъ вѣрно: такое явленіе было вездѣ, гдѣ начальникъ хуже подчиненнаго зналъ свое дѣло и положеніе вещей во ввѣренной ему части. Такъ брали своихъ начальниковъ « въ руки» господа завѣдующіе хозяйствомъ въ полкахъ, адъютанты, дѣлопроизводители и другіе шустрые и дѣловитые люди. Особенно часто это бывало съ командирами — «гастролерами», т. е. тѣми, кои командовали полками короткое время или были очень молоды и неопытны въ жизни и службѣ (офицеры Гвардіи и Генеральнаго Штаба), или просто были лѣнивы, или легкомыслены и не занимались, какъ слѣдуетъ, служебными дѣлами. Такъ или иначе, но это явленіе было очень распространено въ русской арміи и свидѣтельствуетъ о начальническомъ невѣдѣніи даже въ узкой сферѣ своихъ прямыхъ обязанностей...

Послѣ Манджурской войны многіе обрушились на офицеровъ Генеральнаго Штаба, какъ на «мозгъ» Арміи. Я же рѣшительно сталъ защищать ихъ и въ печати, и на спеціальныхъ докладахъ въ Штабѣ Н—го военнаго Округа.

Я говорилъ, что Генеральный Штабъ есть кость отъ кости, плоть отъ плоти всей русской Арміи; что для улучшенія Генеральнаго Штаба, надо измѣнить въ корнѣ всѣ условія жизни и службы Арміи и позаботиться объ улучшеніи качествъ строевыхъ начальниковъ, кои должны быть учителями и руководителями подчиненныхъ имъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, а не ихъ учениками и «пѣшками» въ ихъ рукахъ.

Въ апрѣлѣ 1896 года я былъ переведенъ въ Генеральный Штабъ и назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба одной изъ кавалерійскихъ дивизій, стоявшихъ близъ австрійской границы. Здѣсь я прослужилъ 5 лѣтъ, настойчиво отказываясь отъ иныхъ должностей: я желалъ овладѣть дѣломъ, на которое сталъ и хорошо изучить всѣ мѣстныя условія, дабы быть дѣйствительно полезнымъ для тѣхъ войскъ и начальниковъ, при которыхъ служилъ и которые мнѣ довѣряли вполнѣ. Частые переводы, перемѣны мѣстъ, столь практиковавшіеся въ Генеральномъ Штабѣ, не даютъ возможности хорошо ознакомиться съ положеніемъ вещей на каждомъ мѣстѣ службы и способствуютъ диллетантизму на службѣ. Кромѣ того, штабъ дивизіи и есть ближайшій къ войскамъ штабъ, а я хотѣлъ быть ближе къ войскамъ. Наконецъ, служба въ провинціи и близъ границы болѣе приближаетъ работу войскъ къ вѣроятной будущей ихъ работѣ на войнѣ. Я не раскаивался, что отказался отъ Севастополя, Варшавы и тѣмъ болѣе отъ Главноштабскаго табурета. Сидя 5 лѣтъ на одной должности, постоянно посѣщая полки дивизіи, я хорошо познакомился, не только съ областью строевого дѣла въ кавалеріи, но и съ бытомъ войскъ, ихъ нравами, хозяйствомъ и всѣми особенностями службы армейскаго офицера и солдата.

Мало по малу я сдѣлался хозяиномъ положенія въ дивизіи, не только въ канцеляріи штаба, но и въ полѣ на смотрахъ,на ученіяхъ дивизіи и на смотрахъ — экзаменахъ моего начальства передъ лицомъ грознаго Генералъ Инспектора кавалеріи.

Если бы я писалъ сейчасъ личныя воспоминанія, я долженъ былъ бы разсказать цѣлый рядъ курьезныхъ фактовъ, какъ, напримѣръ, въ полѣ, на первомъ же смотру Великаго Князя въ 1896 году — дивизіей командовалъ (въ прямомъ смыслѣ слова) не Генералъ-Лейтенантъ Н, а капитанъ Генеральнаго Штаба! То же было и на маневрахъ, предшествовавшихъ этому смотру и протекшихъ весьма удачно для Генерала Н.

Радоваться такому явленію не приходится.

Я вспоминаю часто Генерала Н, и всегда съ чувствомъ

нѣжной любви, какъ брата, какъ друга, какъ сына, но не какъ учителя въ ратномъ дѣлѣ.

Это былъ «поэтъ любви», человѣкъ благоговѣвшій передъ женщиной; рыцарь по воспитанію и увлекающійся юноша по натурѣ. Я могъ бы разсказать о немъ много хорошаго, какъ о человѣкѣ общества, компанейскомъ офицерѣ, добромъ сослуживцѣ и удивительно скромномъ начальникѣ, устранявшемъ отъ себя всѣ похвалы за успѣхи на смотрахъ и маневрахъ... Но съ точки зрѣнія оцѣнки военныхъ знаній и способностей русскаго командкаго элемента, какъ двигательнаго центра того организма, который именуется Арміей и который составляетъ не забаву «верховъ», а — страховую часть народнаго хозяйства, —съ этой точки зрѣнія, ни Генералъ Н, ни кто либо другой изъ встрѣченныхъ мною на службѣ начальниковъ не были типами положительными, образцовыми въ военномъ смыслѣ, хотя среди нихъ были люди съ большими достоинствами.

Возьму на выдержку нѣсколько примѣровъ.

Генералъ Гурчинъ — командиръ 19-го армейскаго корпуса въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка, а потомъ Командующій войсками Виленскаго военнаго округа. Человѣкъ скромный и нетребовательный въ личной жизни (качество весьма важное для военнаго вообще, а для начальника въ особенности); фанатически преданный службѣ, высоко честный и свободный отъ всякихъ жизненныхъ интересовъ кромѣ службы, внѣ ея. Холостъ, безъ увлеченій, безъ тормозящихъ службу привязанностей и обязательствъ. Казалось, налицо много данныхъ для созданія большого генерала. А между тѣмъ — узость взглядовъ вообще, служебная мелочность, рутинерство и, конечно, незнаніе существа военнаго дѣла — сводили «на нѣтъ» всѣ достоинства этого человѣка. Всматриваясь въ него, вы отчетливо видѣли усерднаго, старательнаго субалтерна 60-хъ годовъ, потомъ — завѣдующаго ротной школой, завѣдующаго оружіемъ въ полку, начальника учебной команды и наконецъ образцоваго (по тогдашнимъ понятіямъ) командира роты. Вотъ что запечатлѣлось главнымъ образомъ въ этомъ почтенномъ человѣкѣ и жалкомъ военачальникѣ. Онъ былъ очень требователенъ

и сухъ съ подчиненными; рѣдко смѣялся, мало говорилъ. Но требовательность его не шла дальше уставныхъ мелочей и сноровокъ солдатскаго и хозяйственнаго обихода. Изучить его вдоль и поперекъ было не трудно, и въ полкахъ твердо знали требованія командира корпуса: въ казармахъ батальныя картины, суворовскія изрѣченія, таблицы нарядовъ на службу и т. п.; въ кухнѣ — раскладка, доска для записи продуктовъ, вложенныхъ въ котелъ, разновѣсы, мѣрное ведро, машинка для чистки картофеля, ящикъ для мясныхъ «порцій» и т. д.; въ конюшнѣ — таблица перековки, списокъ лошадей по взводамъ... Хорошо зналъ командиръ корпуса «наставленіе для обученія стрѣльбѣ», и такъ какъ въ кавалеріи это было слабое мѣсто, то командиръ корпуса былъ грозою особенно для конницы. Полевой уставъ ему не давался совсѣмъ. Онъ вовсе не зналъ полевого устава: потому ли что не зналъ вообще поля и жизни или потому, что Полевой уставъ былъ изданъ въ 80-хъ годахъ, т. е. тогда, когда генералъ былъ ужъ не молодъ, — но въ уставѣ этомъ онъ путался, смѣшивая службу по немъ со службой по Гарнизонному уставу (часовой, караулъ)...

Прослуживъ подъ начальствомъ этого генерала 4 года, я научился у этого почтеннаго человѣка только одному — какъ варится солдатская каша «на пару и въ сухую»!

За — то я не разъ видѣлъ его безпомощность въ полѣ и даже неумѣніе читать карту!

О его преемникѣ — генералѣ Крюковѣ можно было бы и не вспоминать. Это была совершеннѣйшая каррикатура на большого начальника — и по внѣшнему виду и по внутреннему содержанію. Если бы всѣ мы не переживали сейчасъ невиданной еще міромъ трагедіи — я разсказалъ бы много забавнаго про этого носителя большой военной власти, знавшаго церковную службу гораздо лучше, чѣмъ военное дѣло. Но сейчасъ тяжко вспоминать все то, что въ цѣломъ подготовляло всегда неготовность русской арміи, а тѣмъ болѣе — каррикатуры и смѣшныя положенія.

Вспоминаю еще одного командира корпуса, генерала X. Это былъ, какъ и Гурчинъ, честный, простой и скром-

ный въ личной жизни человѣкъ; вдовецъ, жившій одиноко и слѣдовательно имѣвшій возможность отдавать всего себя службѣ, что онъ и дѣлалъ. Онъ не былъ сухъ и суровъ, какъ Гурчинъ, наоборотъ генералъ Х. былъ общителенъ, ласковъ и словоохотливъ; службѣ былъ преданъ вполнѣ. Но онъ выросъ и состарѣлся въ артиллеріи. Онъ зналъ хорошо только свою артиллерію, т. е. ту, которую зналъ въ молодости на Турецкой войнѣ 1877—78 года и въ расцвѣтѣ лѣтъ, командуя батареей въ Л. Гв. І-й артиллерійской бригадѣ.

Когда по порученію Командующаго войсками Н—го военнаго округа, онъ, какъ артиллеристъ, дѣлалъ годовые смотры всей артиллеріи, собранной на Н—мъ полигонѣ, генералъ Х. неизмѣнно бралъ «себѣ въ помощь» полковника Генеральнаго Штаба (бывшаго артиллериста), который являлся буквально нянькой и руководителемъ генерала даже въ техническомъ, артиллерійскомъ отношеніи! Этотъ же офицеръ Генеральнаго Штаба сопровождалъ командира корпуса, когда послѣдній назначался «посредникомъ» на большіе маневры.

Я знаю командира корпуса, который просилъ своего подчиненнаго писать приказы о смотрахъ, на которыхъ этотъ подчиненный не присутствовалъ, значитъ — по слабымъ замѣткамъ о смотрахъ! Но и этого мало: командиръ корпуса просилъ того же подчиненнаго написать «аттестаціи» четыремъ начальникамъ дивизіи корпуса и начальнику своего корпусного штаба! Можете ли вы представить положеніе начальника штаба одной изъ дивизій, пишущаго аттестацію своему непосредственному начальнику, по просьбѣ ихъ общаго начальника?! А вѣдь это не анекдотъ. Да и суть не въ немъ; а въ той несостоятельности «верховъ», которая постоянно торчала, въ той или иной формѣ, изъ всѣхъ угловъ русской жизни...

Къ группѣ «посредниковъ», собравшихся въ Бѣлостокѣ передъ Царскими маневрами (кажется въ 1897 году), подвели великолѣпнаго коня, посѣдланнаго англійскимъ сѣдломъ, и въ хорошихъ скаковыхъ «кондиціяхъ» — принадлежащаго извѣстному тогда въ кавалеріи генералу С.

Генералъ вышелъ изъ группы посредниковъ; легкой походкой подошелъ къ коню, осмотрѣлъ его и сѣдловку; безъ стремянъ вскочилъ въ сѣдло и, замѣтивъ неровность стремянъ, спрыгнулъ на землю, поправилъ стремена и вновь прыжкомъ сѣлъ въ сѣдло.... Все это продолжалось не болѣе одной минуты.

Сидѣвшій тутъ же Начальникъ Штаба Варшавскаго военнаго округа, генералъ Пузыревскій, не любившій «придворныхъ» людей со связями и всякими прерогативами, иронически замѣтилъ, по отъѣздѣ ген. С.: «другому всю жизнь надо работать и много работать, чтобы показать себя; а тутъ въ полъ минуты человѣкъ показалъ себя безъ остатка».

Этотъ случай, какъ анекдотъ, былъ разсказанъ однимъ полковникомъ Генеральнаго Штаба за обѣдомъ у Плоцкаго губернатора — молодого, энергичнаго и многообѣщавшаго тогда Д. Б. Нейгарда.

— А вашъ полковникъ — человѣкъ большого либерализма, замѣтилъ Плоцкій губернаторъ группѣ офицеровъ, бывшихъ у него въ гостяхъ.

Такъ непривычна была для уха «правящихъ сферъ» критика «верховъ», хотя бы и въ шутливой формѣ.

А между тѣмъ безъ критики нельзя было вывести жизнь и работу арміи изъ тупика невѣжества, изъ дѣятельности внѣ опредѣленной военной доктрины, изъ непониманія дѣйствительности, жизни на «авось», работы «какъ нибудь»...

Были, конечно, и исключенія въ лучшую сторону: Пузыревскій, Драгомировъ (М. И.), Самсоновъ, Мартыновъ, Клембовскій, Новицкій (В. Ф.), Свѣчинъ (А. А.) и другіе. Но объ исключеніяхъ въ лучшую сторону теперь не для чего вспоминать, такъ какъ самые блестящіе изъ нихъ не смогли дать русской военной жизни иного направленія и оградить ее отъ катастрофы. Вѣроятно, для 160-ти милліоннаго народа всѣ эти исключенія были недостаточны, тѣмъ болѣе, что и изъ нихъ только очень и очень немногіе выступали открыто и опредѣленно противъ дурныхъ порядковъ въ Арміи, а тѣмъ болѣе во всей Странѣ! Самодержавные «верхи» не допу-

скали критики и, въ то же время, сами были невѣжественны, неумны и недальновидны, но были настоящими хозяевами въ своемъ дѣлѣ.

Старшіе начальники, даже изъ Генеральнаго Штаба находились въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, въ рукахъ начальниковъ своихъ штабовъ, какъ большинство командировъ полковъ въ рукахъ полковыхъ адъютантовъ или завѣдующихъ хозяйствомъ. Происходило это по той самой причинѣ — почему большинство помѣщиковъ находилось въ рукахъ своихъ «управляющихъ» и большинство губернаторовъ — въ рукахъ у «совѣтниковъ» или чиновниковъ для порученій или у дѣльныхъ «вицовъ».

Лѣнь, всероссійская лѣнь и разгильдяйство, или, какъ иные говорятъ — «широта натуры» — были тому истинными причинами... Управляющій, адъютантъ, завѣдующій хозяйствомъ, чиновникъ для порученій, совѣтникъ тоже были не прочь поваляться на боку, поиграть въ картишки, выпить лишнюю рюмочку; но они чувствовали, что для ихъ собственной пользы, для права и въ будущемъ на картишки и рюмочку и проч. необходимо и въ канцеляріи посидѣть и въ архивѣ порыться, и въ цейхгаузъ заглянуть и къ нужному человѣку сбѣгать и т. д.; вотъ, они и безпокоили такъ или иначе свою собственную персону. А лица повыше, да еще съ обезпеченной карьерой, въ этомъ уже не нуждаются: гдѣ имъ бѣгать по казармамъ, конюшнямъ, полямъ и лѣсамъ? Хорошо если бумаги читаютъ внимательно, да смотровой и строевой уставы знаютъ! Вотъ почему они предпочитали довѣрять и ввѣряться разнымъ «дѣльцамъ», въ томъ числѣ и офицерамъ Генеральнагоб Штаба, особенно въ «оперативныхъ» дѣлахъ и въ полѣ, на маневрахъ. Офицеры Генеральнаго штаба, пока не отяжелѣвали сами, проявляли всегда много усердія и работоспособности, конечно, въ тѣхъ направленіяхъ, въ какихъ шла вся военная дѣятельность, лишенная доктрины и правды жизни. Принадлежа, по своимъ умственнымъ способностямъ и теоре-

тической подготовкѣ, не къ худшимъ, а къ лучшимъ элементамъ русскаго офицерства, офицеры генеральнаго штаба быстро «климатизировались» на разныхъ должностяхъ и дѣлались господами положенія въ сферѣ компетенціи своего начальства, а потому «ворочали» дѣлами и своими шефами. Но сами они были плоть отъ плоти русскаго офицерства, русскаго дворянства, русскаго чиновничества и русской военной системы. Ни школа, ни войсковая часть, ни Академія не заложила въ нихъ жгучаго, неодолимаго желанія совершенствовать военную службу и дѣло исканіемъ истины и правды жизни. Школа сказала, что въ Россійскомъ Государствѣ« все обстоитъ благополучно», что Царь — земной Богъ; что все, отъ него исходящее, есть совершенство и критикѣ не подлежитъ*); что Россія — первая держава въ мірѣ, что она всегда и всѣхъ побѣждала... Церковь добавила что «нѣсть власти, иже не отъ Бога суть»... Воинская часть все это подтвердила, а Академія — припечатала.

Ни средняя школа, ни Академія не раскрыли истиннаго прошлаго Россіи — съ его внутренними раздорами, отсутствіемъ народнаго воспитанія (конечно съ примѣромъ сверху), съ борьбою за власть еще въ удѣльный періодъ и такъ во всѣ послѣдующіе; съ приниженнымъ, безправнымъ и весьма покорнымъ силѣ народомъ-земледѣльцемъ, а не воиномъ; съ вѣчной борьбой на верху — между князьями и дружинниками, между царями и боярами; между одними боярами и другими; между одними интеллигентами-буржуями и другими такими же интеллигентами-буржуями.

Никто не говорилъ будущимъ дѣятелямъ Арміи правды о военныхъ успѣхахъ Россіи (больше надъ чукчами и юкогирами, мордвою, финами и татарами, турками и персами да развалившимися поляками!). Никто не освѣщалъ истинныхъ причинъ ея великихъ пораженій

---

*) Мои друзья, читая мои статьи и слушая рѣчи, говорили всегда: „сломаешь себѣ шею“. Помню съ какими сомнѣніями и колебаніями принесъ мнѣ на просмотръ невинную статейку для Развѣдчика — подполковникъ А. М. Крымовъ, впослѣдствіи игравшій роль въ событіяхъ у Петрограда, спровоцированныхъ Керенскимъ въ 1917 году. (Наступленіе на Петроградъ.)

подъ Аустерлицомъ, Фридландомъ*), въ 1812 году**), въ цѣломъ рядѣ послѣдовавшихъ войнъ или слабыхъ успѣховъ даже надъ такимъ противникомъ, какъ Турки, въ 1877—78 году***).

Если бы всѣ недостатки народной и армейской организаціи въ прошломъ и настоящемъ были бы сконцентрированы и выпукло изображены, а съ другой стороны показаны были бы послѣдствія этихъ недостатковъ: народные бунты и всѣ волненія послѣ неудачныхъ войнъ (Разинъ, Пугачевъ, Казацкія выступленія въ Малороссіи противъ Польши и Москвы, соціалистическое движеніе, находившее благодарную почву въ народной массѣ голодной, безправной и темной), — то умъ будущихъ работниковъ Арміи ясно сознавалъ бы дѣйствительность, а сердце ихъ горѣло бы неодолимымъ желаніемъ измѣнить все къ лучшему, приблизить къ идеаламъ.

Всего этого въ дѣйствительности не было.

Офицеръ Генеральнаго Штаба выходилъ изъ Академіи съ многообѣщающей вывѣской, вродѣ того, какъ это дѣлается у магазиновъ, предполагаемыхъ къ открытію, но еще закрытыхъ по случаю происходящихъ внутри работъ... А въ дѣйствительности внутри и работъ никакихъ не было, а просто была наброшена разная мелочь, незаконченные предметы и бутафорія... Выйдя съ такимъ багажомъ на широкій жизненный путь съ обезпеченной карьерой, у начала которой было написано: «все обстоитъ благополучно» и «происшествій никакихъ не случилось», офицеръ Генеральнаго Штаба получалъ какъ бы подорожную: «Иди смѣло и дѣлай то, что дѣлали твои предшественники: никакихъ новшествъ и либеральной критики.

*) Пораженіе подъ Фридландомъ было такъ велико, что когда на Военномъ Совѣтѣ Императоръ Александръ поставилъ вопросъ: продолжать ли войну или просить мира, то братъ его Константинъ высказалъ мнѣніе, что продолженіе войны было бы равносильно уничтоженію Арміи. „Если Ваше Величество дадите каждому солдату по пистолету и прикажете выстрѣлить въ себя — результаты будутъ тѣ же, что и при дальнѣйшей борьбѣ съ противникомъ".

**) 1812-ый годъ — есть цѣлый рядъ пораженій русскаго оружія, не исключая и Бородина.

***) Плевна есть удивительный образчикъ бездарности верховъ и общей неготовности Арміи.

Видишь — какую они создали Россію, солнце въ ней не заходитъ! Это тебѣ доказательство, что отъ тебя ничего больше не требуется, какъ слѣдовать ихъ примѣру. Критикой не занимайся: это — вольнодумство модниковъ, или глупое «самооплевываніе». Бери жизнь, какъ она создана отцами и дѣдами и легко найдешь въ ней хорошее и обезпеченное для себя мѣсто».

И офицеръ Генеральнаго Штаба шелъ въ жизнь, созданную отцами и продолжалъ вести себя по примѣру отцовъ не считаясь съ ростомъ русскаго народа, его законными потребностями; не видѣлъ необходимости въ радикальномъ измѣненіи порядковъ жизни и службы; не предвидѣлъ будущаго и тѣхъ неописуемыхъ мукъ, коими будутъ расплачиваться дѣти за грѣхи отцовъ!

Были, конечно, такіе люди, которымъ нельзя въ полной мѣрѣ сдѣлать такого упрека. Но, повторяю: ихъ было мало и большинство изъ нихъ предпочитало молчаніе (въ ихъ числѣ и генералъ Алексѣевъ — впослѣдствіи фактически Верховный Главнокомандующій русскими арміями, если только его можно причислить къ группѣ лицъ, понимавшихъ дѣйствительность, въ чемъ, впрочемъ, я сильно сомнѣваюсь). Еще меньше было число — дерзавшихъ дѣлать литературныя или иныя выступленія, критикуя существующіе порядки. Да и эти выступленія дѣлались весьма осторожно, стараясь не навлечь на себя гнѣвъ верховъ. Имъ многіе сочувствовали, но сами молчали. Однако, большинство приспособлялось къ существовавшимъ порядкамъ и старалось угождать начальству, заботясь прежде всего о своей карьерѣ. При всемъ томъ, они были мозгомъ арміи, но мозгомъ не управлявшимъ движеніями рукъ и ногъ военнаго организма, а покорно повиновавшимся общему необдуманному и фатальному движенію... движенію русскаго великана на глиняныхъ ногахъ!

Изъ галлереи офицеровъ русскаго Генеральнаго Штаба я ограничусь краткой характеристикой лишь лучшихъ типовъ или тѣхъ на долю коихъ выпала замѣтная доля въ русской трагедіи.

Генералъ А. К. Пузыревскій — начальникъ штаба Варшавскаго военнаго округа въ 90-хъ годахъ прошлаго

столѣтія — высокообразованный и талантливый военный историкъ, критикъ, интересный лекторъ и остроумный собесѣдникъ. Какъ военный критикъ, искалъ истины военнаго дѣла въ духѣ и воспитаніи; но, какъ и другіе искатели правды, не умѣлъ или не могъ, обратить слова въ жизнь. Чутье было, попытки были, но не больше. Впрочемъ, надо сказать, что его весьма не любили на верхахъ и потому не давали «хода»: должность Помощника Командующаго войсками округа дана была ему передъ смертью.

Генералъ М. И. Драгомировъ настолько извѣстенъ, что о немъ распространяться не приходится. Тоже — большая эрудиція, краснорѣчіе и вытекающая изъ этого самоувѣренность. То же чутье настоящаго дыханія жизни; то же пониманіе значенія духовнаго элемента на войнѣ и воспитанія въ мирное и военное время. Но наряду съ этимъ — совершенно ненужное добавленіе: какая-то оригинальность рѣчи и обращенія съ людьми, затемнявшая сущность дѣла и придававшая несерьезный оттѣнокъ серьезнымъ дѣламъ. Кромѣ того, генералъ Драгомировъ видимо не вполнѣ разбирался въ людяхъ: самъ онъ сознался, что «проглядѣлъ Р. И. Кондратенко» — героя Портъ-Артура, а мы знаемъ, что онъ, именно онъ выдвинулъ (тащилъ за собою) Сухомлинова, начальнаго героя міровой войны! О людяхъ прежде всего судятъ по дѣламъ ихъ. Генералъ Драгомировъ оставилъ послѣ себя много хорошихъ словъ, но будучи Начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба, онъ не поставилъ эту Академію на практическую полезную для Россіи ногу и не создалъ военной доктрины, въ которой такъ нуждалась наша Армія. Занимая высокій постъ, не провелъ въ войска правильныхъ идей воспитанія, хотя и улучшилъ обученіе въ своемъ Округѣ. Критикуя русскіе порядки, онъ не трогалъ существа дѣла и не требовалъ (какъ могъ это дѣлать) коренного измѣненія всѣхъ условій жизни и службы Арміи. Поэтому, въ концѣ концовъ, не взирая на всѣ его достоинства, онъ не далъ русской Арміи того, чего она вправѣ была отъ него ждать.

На генералѣ Поливановѣ я остановлюсь дольше по-

тому, что нѣкоторые считаютъ его «либераломъ» и «кадетомъ». Я отрицаю и то и другое.

Это просто былъ — приспособляющійся человѣкъ.

Я зналъ полковника Поливанова въ бытность мою въ Академіи (1893-95 года). Это былъ тщательно одѣтый, тщательно причесанный и даже «прилизанный» лысѣющій человѣкъ, съ осторожной, безшумной походкой и мягкими, закругленными движеніями. На лицѣ его была гримаса, гармонирующая со всею его, нѣсколько натянутою фигурой, напоминавшей beau—mond'наго «пшюта». Звука голоса его я тогда не слыхалъ: лекцій онъ не читалъ, рѣчей не говорилъ. Но впослѣдствіи я убѣдился, что и голосъ его былъ мягкій, осторожный и вкрадчивый, какъ и фигура. Ничего открытаго, смѣлаго, энергичнаго въ ней не было. Не было и въ его дѣятельности ничего, что характеризовало бы борца или, по крайней мѣрѣ, смѣлаго и правдиваго критика дурныхъ сторонъ русской военной и тѣмъ болѣе общей жизни.

Послѣ Манджурской войны, когда неготовность русской арміи обнаружилась съ исключительной ясностью, я пытался расширить свою критику и хотѣлъ помѣстить нѣсколько статей въ оффиціальной военной газетѣ «Русскій Инвалидъ», редакторомъ которой въ то время былъ Поливановъ. Статьи касались: привиллегій гвардіи, безправія армейскаго офицера; недопустимости непрерывнаго увлеченія формою одежды, необходимости учесть опытъ войны и измѣнить уставы, подготовить и изучить свой тылъ — какъ ближайшій (обозы), такъ и дальнѣйшій — базу. Черезъ генерала Паренсова (довольно извѣстный военный писатель) я получилъ отказъ Главнаго Редактора, съ добавленіемъ: «изъ пушки, да по воробьямъ!»

Если мои статьи генералъ Поливановъ случайно, конечно, уподобилъ выстрѣламъ изъ пушки, то вопросы ими затронутые никакъ нельзя считать «воробьями»... Я понялъ, что генералъ Поливановъ такой же «непротивленецъ», какъ и большинство, и вовсе не желаетъ рисковать своею удобною и хорошо оплаченною должностью. Если впослѣдствіи генералъ Поливановъ присоединился къ мнѣнію людей, желавшихъ реформъ, то это дѣлаетъ

ему честь, но не мѣняетъ его прошлаго — полнаго непротивленства и даже «преклоненія» передъ верхами. Въ послѣднимъ меня убѣдилъ слѣдующій маленькій фактъ:

Въ 1906 году я пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. Въ тѣ дни я былъ уже объектомъ многихъ репрессій сверху. Мои статьи во многихъ газетахъ (я писалъ, гдѣ только печатали) сильно раздражали Петроградскихъ «заправилъ». Мнѣ передавали, что мои статьи называютъ «неприличными» (еще бы! скандалъ въ благородномъ семействѣ)! и что надо мною собирается серьезная гроза.

Мнѣ ставили въ вину не только содержаніе статей и ихъ форму (она была простая и прямо вела читателя къ сути дѣла), но и то обстоятельство, что всѣ статьи, безъ всякихъ исключеній, были подписаны полной фамиліей и чиномъ.

Короче говоря: я былъ уже въ серьезной опалѣ.

Въ первый же день по пріѣздѣ, я встрѣтилъ на улицѣ ротмистра А. Д. Далматова — молодого офицера, служившаго тогда въ офицерской кавалерійской школѣ. Офицеръ этотъ въ ту пору ничѣмъ не былъ извѣстенъ, кромѣ фотографіи, которой владѣлъ весьма хорошо.*)

Въ 1904 году онъ снималъ мои опыты по переправамъ кавалеріи черезъ рѣки, и отсюда шло наше знакомство. Разговаривая съ нимъ на улицѣ, я узналъ, что теперь онъ часто бываетъ во дворцѣ, гдѣ фотографировалъ Государыню и Наслѣдника Престола. Вдругъ, мой собесѣдникъ, началъ усиленно кланяться кому-то черезъ мое плечо. Я быстро повернулся и увидѣлъ расплывшееся въ сладкую улыбку лицо генерала Поливанова, кланяющагося крайне привѣтливо моему собесѣднику. При моемъ поворотѣ, лицо Поливанова быстро измѣнило свое привѣтливое выраженіе на сухое и надменно-холодное...

— Что это за дружба съ Поливановымъ? спросилъ я Далматова.

— Да онъ тоже часто бываетъ въ Царскомъ Селѣ и я тамъ его встрѣчаю.

---

*) Нынѣ онъ извѣстенъ, какъ организаторъ большевистской кавалеріи.

«Такъ, не дурно!» — подумалъ я — «генералъ генеральнаго штаба сухъ съ полковникомъ своей корпораціи или просто съ полковникомъ русской Арміи, ибо этотъ полковникъ въ «опалѣ», но онъ изысканно любезенъ съ молодымъ офицеромъ-фотографомъ, имѣющимъ доступъ въ Царскій дворецъ!»

Выступленія генерала Поливанова въ Государственной Думѣ не имѣли и слѣда протеста существовавшимъ въ Россіи порядкамъ. Онъ только не плевалъ въ лицо Государственной Думѣ, какъ это дѣлали другіе и не отказывался отвѣчать на ея вопросы.

Это-то обстоятельство и было принято: одною стороною — какъ либерализмъ, а другою — какъ подвигъ и достоинство.

Помню еще, какъ въ 1905 году я встрѣтился съ Поливановымъ у Паренсова. Рѣчь шла о подготовкѣ Арміи и о будущихъ назначеніяхъ. Долго я не вмѣшивался въ разговоръ старшихъ, наконецъ не выдержалъ и сталъ горячо доказывать необходимость различать главное отъ второстепеннаго, а потому — вредъ увлеченій внѣшностью, всѣми излюбленными у насъ парадами, неумѣренной выправкой, муштрой, формами обмундированія, картинками на смотрахъ и ученіяхъ...

Я говорилъ, что воинская красота, выправка и вся внѣшность должны быть не цѣлью, а слѣдствіемъ всѣхъ занятій, всѣхъ требованій службы, всего уклада жизни; но что сами по себѣ занятія и всѣ требованія должны имѣть строго практическое значеніе; они должны прежде всего воспитывать военнаго, развивая въ немъ необходимыя качества — мужество, стойкость, находчивость, рѣшимость, самоотверженность, добросовѣстность и сознаніе общности дѣла, и давать знанія, примѣнимыя въ будущей войнѣ. «Внѣшность», говорилъ я, «есть — послѣднее, а не первое дѣло. Можно быть очень красивымъ и выправленнымъ и позорно не знать своего дѣла. Красоту и выправку я не отрицаю, но только до тѣхъ поръ, пока онѣ не идутъ въ ущербъ главному: нуженъ сначала прочный фундаментъ и хорошія стѣны, а потомъ уже краски и картины... У насъ же, какъ у кухарокъ и горняшекъ: на головѣ шляпка съ цвѣтами лента-

ми и перьями, въ рукахъ пестрый зонтикъ, а бѣлье грязное и ноги не мытыя...

Поливановъ сдѣлалъ кислую гримасу и съ подъемомъ въ голосѣ изрекъ: «когда генералъ Дрентельнъ*) смотрѣлъ войска, онъ требовалъ, чтобы штыки были выравнены и не шевелились. Въ такой части все будетъ хорошо!»

— Да, отвѣтилъ я — штыки не колыхались, винтовки звенѣли на пріемахъ, а Севастополь сдали въ 1856 году, Плевну имѣли, Манджурскую войну съ трескомъ проиграли, хотя и прежде и теперь исповѣдуемъ неизмѣнно всѣ атрибуты выправки и муштры, безъ должнаго вниманія къ существу военнаго дѣла!

На этомъ нашъ разговоръ закончился, ибо мои собесѣдники вовсе не хотѣли «нервить» себя такими разговорами: они были скорѣе «молчальниками» и «непротивленцами», на худой конецъ — любили «побрюзжать» для пищеваренія, а вовсе не отстаивать съ пѣною у рта или вообще горячо какія либо убѣжденія.

По моему, генералъ Поливановъ не былъ находкой на министерскомъ посту. А потому, когда въ 1911 г. А. И. Гучковъ — тогда предсѣдатель Государственной Думы спросилъ меня: какъ я смотрю на комбинацію: Сухомлиновъ — Поливановъ, то я рѣзко отвѣтилъ: «гнать обоихъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!»

— Я съ вами не согласенъ — возразилъ Гучковъ — эта комбинація очень хороша: Сухомлиновъ умѣетъ обращаться съ «сферами», а Поливановъ — дѣльный работникъ.

Но когда тотъ же А. И. Гучковъ встрѣтилъ меня въ Августѣ 1914 года въ Остроленкѣ, то первыя его слова были: «Вы были правы!»...

— Какъ всегда, отвѣтилъ я, — ибо принадлежу къ числу людей, не обманывающихъ ни себя, ни другихъ.

О генералѣ Сухомлиновѣ много говорить не приходится. Я повторю то, что сказалъ объ этомъ генералѣ, кажется въ 1916 году, В. Л. Бурцеву.

---

*) Онъ считалъ бывшаго Командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа непререкаемымъ авторитетомъ, ибо то были могучія впечатлѣнія его молодости.

На вопросъ Бурцева: «измѣнникъ ли Сухомлиновъ?» я отвѣтилъ:

— Онъ такъ легкомысленъ, что ему не надо быть измѣнникомъ.

Его предшественника генерала Куропаткина въ легкомысліи обвинить нельзя. Но его нельзя признать дальновиднымъ и самоотверженнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ слишкомъ много думалъ о себѣ о своей славѣ, которую предвкушалъ; о своемъ имени, которому недоставало графскаго титула! Вѣдь были же въ Россіи графы: Никитины, Евдокимовы, Коновницыны и Витте — почему не быть и графамъ Куропаткинымъ? Съ дѣловой точки зрѣнія онъ былъ слишкомъ заурядный россійскій офицеръ Генеральнаго Штаба, да еще и «армеецъ», безъ знанія иностранныхъ языковъ и безъ придворнаго лоска! Карьеру сдѣлалъ ,благодаря участію въ боевыхъ дѣлахъ дѣйствительно большого русскаго генерала М. Д. Скобелева. «Къ звѣздѣ народнаго героя свое онъ имя припаялъ» — говорятъ стихи, разсказывающіе о русскихъ генералахъ въ Манджурской войнѣ.

Нѣсколько инымъ является нашъ первый Начальникъ «Генеральнаго Штаба», преобразованнаго по образцу Германскаго «Большого Генеральнаго Штаба», — генералъ Ф. Ф. Палицынъ. Образованный, начитанный, владѣющій нѣсколькими языками, искуссный дипломатъ и серьезный работникъ, однако, пошедшій не по своей дорогѣ.

Аллахъ понесъ его въ кавалерію, которую онъ зналъ лишь издали, да по книгамъ.

Благодаря своему такту, Ф. Ф. Палицынъ сдѣлался правой рукой Генералъ-Инспектора кавалеріи ,Великаго Князя Николая Николаевича, и вмѣстѣ съ послѣднимъ въ теченіи 10 лѣтъ малопроизодительно упражнялся надъ кавалеріей. Великій Князь, суровый и необщительный, нагонялъ панику на кавалерійскіе верхи и низы, а Ф. Ф. сглаживалъ его шероховатости, успокаивалъ всѣхъ и писалъ приказы: о разрядахъ лошадиныхъ тѣлъ, о разбитіи на плацахъ линій съ дистанціями для регулированія аллюровъ и выработки глазомѣра для перехода изъ одного аллюра въ другой при атакахъ и о проч. мелочахъ кои

исчезали, какъ дымъ, даже на маневрахъ мирнаго времени!

Справедливость требуетъ сказать, что начитанность, здравый смыслъ и таланты дипломата генерала Палицына были главнымъ багажомъ инспекціи кавалеріи, и что наряду съ потерею драгоцѣннаго времени на непримѣнимые въ современномъ бою «трехлинейные боевые порядки» и другія «картинки», кавалерія за эти 10 лѣтъ сдѣлала значительные шаги въ области своей подвижности, техники и обученія разныхъ командъ.

Генералъ Рененкампфъ — съ хорошимъ военнымъ глазомъ и чутьемъ, но мало развитой и мало образованный человѣкъ, хотя и академикъ; а главное человѣкъ съ весьма шаткой моралью. Грубые инстинкты и искаженіе правды находили частое примѣненіе въ его дѣятельности. Въ твердыхъ и умныхъ рукахъ онъ могъ бы быть полезнымъ. Но, какъ старшій начальникъ, подавалъ дурные примѣры и кромѣ того, любилъ кутежи и неумѣренное примѣненіе алкоголя на глазахъ у подчиненныхъ.

Генералъ Рузскій — не глупый, довольно образованный, но очень слабый здоровьемъ человѣкъ. Вѣроятно, это обстоятельство мѣшало его знакомству съ жизнью и выполненію тѣхъ функцій начальника, на которыхъ я уже неоднократно останавливался въ этомъ трудѣ. Кажется, въ 1910 или 1911 году ему предложили переработать Полевой уставъ. Онъ пожелалъ побесѣдовать съ однимъ полковникомъ. Такимъ образомъ полковникъ имѣлъ возможность убѣдиться въ приверженности генерала Рузскаго къ уставнымъ формамъ и мелочамъ и въ его нежеланіи перейти къ идейному и принципіальному Уставу, указывающему цѣль всякихъ дѣйствій, а затѣмъ уже пріемы и нормы, конечно, въ ограниченномъ числѣ, ибо «способы дѣйствій» и всѣ разстоянія между частями войскъ вполнѣ зависятъ отъ ихъ задачъ и всей совокупности обстановки, которая разнообразна, какъ жизнь.

Генералъ Янушкевичъ — случайно занялъ постъ начальника Генеральнаго Штаба, а затѣмъ — автоматически—постъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Это былъ — милый, скромный человѣкъ, всю

службу Генеральнаго Штаба проведшій въ канцеляріи. Ему, конечно, слѣдовало бы отказаться отъ должностей, несоотвѣтствующихъ его силамъ и опыту. Но честолюбіе заѣдаетъ иногда и скромныхъ, чадолюбивыхъ, упитанныхъ и благодушныхъ канцеляристовъ.

Генералъ Бѣляевъ — назначенный военнымъ министромъ по настоянію Императрицы Александры Федоровны, былъ просто — кретинъ, какіе рѣдко встрѣчаются на свѣтѣ.. И какъ всегда кретины въ большихъ чинахъ прячутъ свое ничтожество въ «формѣ», такъ и этотъ былъ мелочнымъ канцеляристомъ.

Къ числу такихъ чистѣйшей воды канцеляристовъ, хотя и не упитанныхъ, принадлежалъ и генералъ М. В. Алексѣевъ, коему суждено было сыграть такую большую роль въ печальные годы Россіи. Но о немъ, какъ и о генералѣ Самсоновѣ я буду говорить дальше.

Теперь же прекращаю характеристики отдѣльныхъ лицъ, ибо въ жизни большой страны сущность не въ качествахъ отдѣльныхъ немногихъ личностей, а—во всей системѣ. Систему же создаютъ верхи Государства, его «власти». Свойства же «властей» достаточно охарактеризованы мною.

Незнаніе своего дѣла, даже попросту — профессіональное невѣжество было главнымъ ихъ качествомъ, а къ нему уже прилагались: недобросовѣстность (матеріальная и моральная), любовь къ комфорту (эпикурейство), недальновидность и самомнѣніе — не основанное на дѣйствительныхъ фактахъ.

Все это создавало разлагающую атмосферу службы и всей жизни. И не удивительно, что вопросы: кого же взять вмѣсто генерала Алексѣева — не находили общихъ, дружныхъ отвѣтовъ.

Не было возможности выдвинуться и получить рѣшительную извѣстность и популярность: все болѣе или менѣе приличное было придавлено или брезгливо ушло въ себя, сократилось, а на поверхности плавали: «живые трупы», «сумасшедшіе муллы», «Алешки желтоглазые»*) и лица съ другими кличками, указывающими на пренебрежительное къ нимъ отношеніе со стороны подчинен-

*) Былъ такой командиръ корпуса.

ныхъ. Такіе люди, какъ Корниловъ и Марковъ были почти неизвѣстны въ мирное время; только исключительное стеченіе обстоятельствъ выдвинуло ихъ. Были, конечно, и кромѣ нихъ и честные люди и образованные военные: Самсоновъ, Гурко, Калединъ, Красновъ, Миллеръ, Головинъ, Келчевскій, Стоговъ, Юзефовичъ, Морозовъ и другіе. Были способные люди, но слишкомъ — карьеристы, типа Черемисова, Клембовскаго, Гутора, Крымова... Какъ не быть положительнымъ типамъ въ такой большой Арміи, какъ Русская? Будь бы надлежащая атмосфера, возможность — она создала бы цѣлую плеяду великихъ людей и большихъ генераловъ! Но такой обстановки, такой атмосферы не было — ни въ мирѣ, ни тѣмъ болѣе на войнѣ. *) Къ тому же, общество русское стояло далеко отъ Арміи и не знало лучшихъ ея представителей, а потому не могло въ критическую минуту выдвинуть ихъ своимъ «мнѣніемъ». Наоборотъ, общество было загипнотизировано властью ея «сообщеніями» и вмѣстѣ съ нею повторяло имена военныхъ посредственностей и даже жестокихъ бездарностей, а временами и чистопробныхъ пакостниковъ, какъ напримѣръ генералъ Л....ъ, портретъ коего былъ напечатанъ въ газетѣ (чуть ли не въ Новомъ Времени) съ соотвѣтствующей такому случаю надписью о героизмѣ, доблести и талантахъ этого вовсе не доблестнаго генерала, а лишь наглаго лгуна и жестокаго эгоиста — эпикурейца. Такихъ примѣровъ было очень много и всѣ они идутъ изъ одного источника системы, отсутствія умной, дальновидной и сильной руки наверху.

Середина русскаго командного элемента — командиры полковъ — были люди самые заурядные, думавшіе прежде всего и больше всего: какъ бы угодить начальству. При этомъ: если это были «армейцы», то они считали карьеру свою сдѣланной и дрожали надъ своимъ благо-

*) „Наполеоны“ родятся; а война ихъ только выдвигаетъ, но лишь тогда, когда вся обстановка жизни способствуетъ выдвиженію талантовъ, а не только сѣрой посредственности или ловкихъ интригановъ.

получіемъ; если же это — гвардейцы или офицеры Генеральнаго Штаба, то они усердно занимались соображеніями о дальнѣйшемъ служебномъ движеніи, учитывая открывающіяся вакансіи и внимательно слѣдя за своими сверстниками.

Заботы объ истинной, боевой подготовкѣ войскъ были столь же рѣдки, сколь часты были заботы о «внѣшности», о парадахъ и о пріемѣ начальства. Впрочемъ, заниматься дѣйствительной боевой подготовкой войскъ было даже невозможно: надо было выполнять буквы уставныхъ мелочей и готовить войска къ смотрамъ начальства. Въ справедливости моихъ словъ проще всего убѣдиться по такъ наз. «большимъ маневрамъ». Казалось бы что этимъ дорогимъ и рѣдкимъ упражненіямъ надо было пользоваться во-всю и всѣмъ отъ велика до мала и обратно. Каждый начальникъ долженъ былъ священнодѣйствовать на большихъ маневрахъ, не въ цѣляхъ пріобрѣтенія безкровныхъ лавровъ, а въ цѣляхъ обученія ввѣренной ему части и себя: здѣсь надо суммировать все зимнее и лѣтнее обученіе, всѣ элементы военныхъ занятій и показать примѣненіе ихъ въ обстановкѣ близкой къ боевой; при чемъ, одно изъ первыхъ условій для этого: всѣ должны добросовѣстно учитывать отсутствующій на маневрахъ огонь, потери и затрудненія въ тыловой организаціи (обсуждая ихъ, считаясь съ ними). Въ дѣйствительности на маневрахъ никто не учился и не училъ, а всѣ гонялись лишь за безкровными побѣдами — ради карьеры. Это —для верховъ. А середина — или томительно отбывала номеръ, или — занималась выпивкой и закуской. Низы — мѣсили грязь или варились въ собственномъ соку!...

Игнорированіе огня, переодѣваніе на развѣдкѣ, торопливость, таскаініе за собою новаго обмундированія для переодѣванія передъ появленіемъ большого начальства и проч. несуразности отдаляли дорогое и серіозное занятіе гораздо дальше отъ дѣйствительной боевой обстановки чѣмъ оно должно быть. Польза для дѣла выходила малая, потому что серьезно мало кто думалъ о дѣлѣ.

Младшіе чины Арміи въ своемъ большинствѣ отбывали томительные для нихъ номера, отлынивая отъ службы при первой возможности. Всегдашнимъ оправданіемъ при этомъ было: «на получаемые мною 100 рублей, я достаточно послужилъ; можно и отдохнуть!» Одинъ изъ моихъ начальниковъ въ дни молодости — милѣйшій и добрѣйшій Р.... говорилъ: «брось дѣла; дѣло не медвѣдь — въ лѣсъ не убѣжитъ, а закуска остынетъ... А какую закуску сегодня приготовила жена: раки, грибы, свѣжая осетрина, биточки въ томатѣ».... Какъ тутъ не соблазниться — вѣдь это пахнетъ Чеховской «Сиреной», да еще зимой, когда такъ пріятно, придя съ холоду, пропустить одну другую рюмку «смирновки» или «англійской горькой» подъ грибки въ сметанѣ или подъ горячую кулебяку. Только русскіе знаютъ притягательную силу закусочнаго и обѣденнаго стола, потому что... только они употребляли столько времени на знакомство съ этими атрибутами праздной и беззаботной жизни!... Помню, какъ въ дни строевыхъ цензовъ или посѣщенія полковъ начальствомъ трудно было «соблюсти себя» и встать «цѣлымъ» изъ-за стола! Если васъ не «накачаютъ», то накормятъ такъ — что вы еле двигаетесь.

Гостепріимство и тароватость — дѣло хорошее, если оно не идетъ въ ущербъ общему дѣлу, если не уходитъ при этомъ невозвратно безжалостное время.

Помню бывало, нѣтъ конца обѣденному сидѣнію: все проговорили, все прокричали, все пропѣли, все испробовали — больше ничего не лѣзетъ въ голову; а они все сидятъ, все пьютъ, все угощаютъ. Какъ будто напиться до невмѣняемости такъ почетно, такъ обязательно и такъ пріятно!

И такъ — сегодня, такъ завтра, такъ каждый день!

Нѣкій богачъ, корнетъ М...въ, умудрился въ г. Ковелѣ прожить такимъ образомъ въ одинъ годъ больше милліона рублей. Конечно, это онъ сдѣлалъ не въ одиночку. Но вы подумайте: въ уѣздномъ захолустьѣ въ 1890-хъ годахъ прожить милліонъ рублей!

А на ряду съ этимъ на службѣ отбывались номера.

Даже выраженіе «гонять смѣну» соотвѣтствуетъ понятію отбыванія номера. Солдатъ не у ч и л и верховой

ѣздѣ, а «гоняли смѣну». Отганивали смѣны, отстаивали пѣшія занятія, отсиживали тактическія занятія, а затѣмъ — выпивка и закуска, а иногда и большіе кутежи съ некрасивыми номерами и очень часто — на глазахъ солдатъ.

Офицеръ, отбывъ служебный номеръ при солдатѣ или съ солдатами, т. е. занявшись кратко службой, жилъ дальше своею жизнью, совершенно несходную съ жизнью солдата. И здѣсь ужъ солдатъ являлся какъ бы слугою офицера.

Классовое дѣленіе клало рѣзкую грань между ними, не взирая на попытки нѣкоторыхъ офицеровъ подойти къ солдату, сблизиться съ нимъ.

И въ этомъ еще полъ бѣды и даже нѣтъ никакой бѣды; но лишь при условіи, что офицеръ передъ лицомъ своего дѣла — «безъ сучка и задоринки»; если онъ мастеръ военнаго дѣла, если онъ непререкаемый авторитетъ для солдата, который къ тому же видитъ въ офицерѣ отеческую заботливость, ровное дѣловое обращеніе и неизмѣнно надлежащій (образцовый) примѣръ во всемъ.

Но вотъ тутъ то и слабое мѣсто. Авторитетомъ и тѣмъ болѣе восхищеніемъ солдатъ пользовались далеко не многіе офицеры. Большинство являлось передъ глаза солдата со всѣми человѣческими слабостями и несовершенствомъ и даже съ малыми познаніями въ кругу своихъ прямыхъ обязанностей. Офицерская масса, какъ и командная, была вяла, бездѣльна, не предпріимчива, мало идейна, придавлена и мало свѣдуща въ военномъ дѣлѣ.

Безцвѣтно протекала жизнь русскаго армейскаго офицера между выпивками, картами и отбываніями номеровъ, да смотрами, на коихъ: «должностные» наперегонки старались надуть начальство и удостоиться особенной его похвалы.

Впереди у офицера была единственная освѣщающая его служебный путь звѣзда: должность уѣзднаго воинскаго начальника съ подполковничьимъ чиномъ въ награду за 30—35 лѣтъ службы! Только немногіе счастливцы умудрялись достичь въ среднемъ возростѣ чина полковника и должности командира полка, и еще болѣе рѣдкіе шли дальше по іерархической лѣстницѣ. Даже

въ сводѣ военныхъ Постановленій, въ книгѣ VII-ой были неодолимыя условія для карьеры армейскаго офицера: одна изъ статей говорила, что армейскій подполковникъ имѣетъ право на производство въ полковники только въ томъ случаѣ — когда онъ состоитъ уже «кандидатомъ» на полкъ, а другая — что кандидатомъ на полкъ можно зачислять только полковниковъ*). Вотъ тутъ и изворачивайся, какъ знаешь! Не мудрено, что и въ полковники и въ «кандидаты» на полкъ проходили не многіе... Вообще жизнь армейскаго офицера не была привлекательна и, что особенно скверно, не была ограждена отъ произвола начальства. Отсюда проистекала: неувѣренность армейскаго офицера въ завтрашнемъ днѣ, низкопоклонство ,ухаживаніе не только за начальниками, но даже за ихъ адъютантами. Рѣчи начальства выслушивались съ подобострастіемъ, анекдоты съ восхищеніемъ, смѣхъ подхватывался; начальство и всю его свиту ублажали всѣми способами, при чемъ въ этомъ принимали участіе всѣ, даже полковыя дамы! Но больше всего, всетаки, любили — пыль экипажа удаляющагося начальства!

Незавидная доля была у рядового русскаго офицерства. А потому многіе опускались совсѣмъ и обращались въ жестокихъ пьяницъ и забулдыгъ. Конечно, все это не способствовало знанію своего дѣла и авторитетности въ солдатской средѣ.

Гвардейскій офицеръ жилъ много лучше, пользуясь лучшими стоянками, имѣя зачастую свои средства, а главное — вѣря въ свои неотъемлимыя права на карьеру.

И такъ: въ низахъ военной іерархіи — неувѣренность въ себѣ, блужданіе между трехъ сосенъ; въ серединѣ — держаніе за свое положеніе, а иногда и извлеченіе «профита» изъ этого положенія: въ верху заботы о карьерѣ и имени (до «графа» включительно), а также

*) Впослѣдствіи, послѣ поданной мною записки и напечатанной статьи, эта нелѣпость исчезла. Но держалась она долго, не вызывая протестовъ. Держалась, какъ держались и сказки о былыхъ дѣйствіяхъ войскъ. Никто не замѣчалъ, потому что критика не дозволялась; безъ нея покойнѣе жить.

старательное угожденіе «придворнымъ сферамъ»; послѣднія заняты интригами въ орбитѣ Солнца, стараясь безраздѣльно овладѣть его лучами! Всѣ думали о себѣ... Что и доказали наглядно въ дни испытанія, когда надлежало показать свою преданность Солнцу и доказать, что слово ихъ не расходится съ дѣломъ.

Войну проиграли; отъ своихъ дурныхъ привычекъ во время не отказались; на новый путь (конституціонный) во время не стали (поддерживали упорство своего Монарха), а въ моментъ шатанія Престола *бросили своего «возлюбленнаго и обожаемаго Монарха»* на произволъ горестной но вполнѣ заслуженной его судьбы, а себѣ уготовили такія испытанія коимъ нѣтъ названія!

Если вы скажете, что я нарисовалъ слишкомъ мрачную картину русскихъ военныхъ порядковъ, русской военной дѣйствительности до войны 1914 года, то я отвѣчу вамъ:

• Только при наличіи такихъ порядковъ и могло случиться то, что случилось....

Тѣ отрицательныя явленія, которыя наблюдались въ Манджурской войнѣ, а потомъ и въ міровой, могли быть только послѣдствіемъ великаго организаціоннаго настроенія, великаго карьеризма и глубоко вкоренившейся привычки служить не общему дѣлу, а людямъ, стоящимъ наверху.

Только при массовомъ царствѣ невѣжества и рабства могло скопиться наверху военной іерархіи столько бездарностей и непротивленцевъ (молчальниковъ), столько маленькихъ людей — устроителей мѣщанскаго счастья — въ серединахъ, и столько молчаливыхъ-страстотерпцевъ — въ низахъ!

Только при такихъ порядкахъ — война, начатая при исключительно благопріятныхъ условіяхъ для Россіи (участіе Англіи и Японіи, удачное сопротивленіе Франціи и даже участіе Италіи на нашей сторонѣ) — была

нами проиграна уже въ 1914 году, а также и въ каждый изъ послѣдующихъ годовъ... А это дало намъ и революцію, и развалъ Арміи и позоръ Россіи, и нынѣшнія страданія честныхъ людей всего міра!

ГЛАВА V.

ЧТО ПОКАЗАЛА МАНДЖУРСКАЯ ВОЙНА.

Русско-японская война произвела ошеломляющее впечатлѣніе на всѣхъ мыслящихъ и честныхъ людей. Даже неизмѣнные скептики не ожидали такого провала. Ни одной побѣды, ни одной свѣтлой страницы на протяженіи полутора лѣтъ войны! Ни одного серьезнаго успѣха надъ врагомъ, котораго считали ничтожнымъ и о которомъ не говорили иначе, какъ съ пренебреженіемъ.

Душа моя была полна горя, горечи и негодованія.

— Все это надѣлала наша подлая лѣнь, ложь и самомнѣніе, ни на чемъ не основанное, говорилъ я тогда, скорбя о позорѣ Россіи. Вѣчно лгали себѣ и другимъ, и въ конецъ запустили Государственное дѣло; даже Армія, и та оказалась въ цѣломъ ниже всякой критики.

Да, позорная для Россіи русско-японская война и послѣдовавшее за нею «очередное» народное волненіе являются прямымъ слѣдствіемъ русскихъ порядковъ, навыковъ и способностей. Управители страной выявили весь свой самодержавный, безграничный произволъ, сознаніе безотвѣтственности; свою бездаланность, недальновидность, невѣдѣніе своего дѣла и прочія «милыя» качества....

Армія оказалась вновь совершенно неготовой къ серьезнымъ военнымъ операціямъ.

Хозяйство «русскаго барина» или, какъ нѣкоторые называли, «Романовской вотчины», оказалось въ большомъ безпорядкѣ. Все дѣлалось «какъ нибудь», безъ мысли о послѣдствіяхъ и безъ серьезнаго вниманія къ меньшей братіи. Всѣ верхи жили сказаніями о прошлыхъ «побѣдахъ» и вѣрою въ русскаго Бога («великъ Богъ земли русской!») да надеждою на «авось»!... И даже стража вотчины (Армія) была въ дурномъ состояніи: къ службѣ относилась формально, дѣло свое знала плохо, талантовъ наверху не имѣла; къ тому же — задачу свою не понимала и не выражала особеннаго желанія жертвовать собою ради непонятныхъ цѣлей и чуждыхъ ей интересовъ.

Правда, желая оправдать себя, господа «управители» свалили всю вину на соціалистовъ и на евреевъ; на ихъ пропаганду въ Арміи. Но вѣдь пропаганда, если она была, могла вліять только на темные низы; много, много — на обездоленное армейское офицерство (чего тоже фактически не было), а — не на верхи, о коихъ идетъ рѣчь прежде всего и больше всего, и кои все держали въ своихъ рукахъ, а потому за все отвѣтственны. Наконецъ, скажите же по совѣсти: развѣ соціалисты и евреи и ихъ пропаганда заварили всю эту глупую, алчную и недальновидную кашу на Квантунѣ и въ Манджуріи, а потомъ и концессія на Ялу?

Развѣ они вели неумную, наглую, коварную и скажу даже подлую и неприличную политику на Дальнемъ Востокѣ съ 1897 года, и въ то же время наводняли Дальній и Портъ-Артуръ разными авантюристами въ статскихъ и военныхъ рангахъ, и всякими любителями наживы и китайскихъ золотыхъ божковъ?

Развѣ соціалисты и евреи посадили намѣстникомъ «никчемнаго» Алексѣева? Или они затѣяли Японскую войну? Развѣ они «подготовили» Армію съ ея Куропаткиными, Линевичами, Гриппенбергами, Штакельбергами, Мейендорфами, Засуличами, Кашталинскими и Ивановыми?...*)

*) Съ генераломъ Ивановымъ я познакомился впервые лишь въ концѣ 1918 г., и былъ пораженъ его невѣжествомъ и бездарностью. Это типъ — усерднаго командира батареи 70-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Не они были легкомысленно пренебрежительны къ Японцамъ. Не они такъ неудачно вели военныя операціи съ перваго дня, не взирая на большія жертвы принесенныя тогда русскимъ солдатомъ, офицеромъ и всѣмъ русскимъ народомъ. Не они смотрѣли на войну, какъ на пикникъ (не даромъ такъ трудно было попасть на войну безъ протекціи). Не они ввѣрили Главное командованіе Арміей такимъ бездарностямъ, какъ Алексѣевъ, Куропаткинъ и Линевичъ; а кавалерію — пѣхотнымъ и даже «пограничнымъ» генераламъ (Мищенко). И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Все, что творилось на войнѣ 1904—5 г. было репетиціей того, что потомъ, еще въ большемъ масштабѣ, произошло въ міровой войнѣ: много авантюры, много невѣжества, много эгоизма, интригъ, карьеризма, алчности, бездарности и недальновидности, и очень мало — знанія, талантовъ, желанія рисковать собою и даже своимъ комфортомъ и здоровьемъ...

Эту войну судьба послала Россіи, какъ послѣднее предупрежденіе «полюбуйся», дескать, «на себя, и немедленно займись реформами въ странѣ и въ Арміи».

И дѣйствительно, подъ вліяніемъ народныхъ волненій и общей забастовки, былъ изданъ Манифестъ 17 октября 1905 года, который возвѣстилъ «обывателей» Россійскаго Государства о дарованіи имъ правъ гражданства и правъ участія въ управленіи Страной черезъ своихъ представителей. Но... всѣ указанныя права не были осуществлены въ той мѣрѣ, какъ объ этомъ возвѣщалъ Манифестъ, названный поэтому «забытымъ документомъ».*)

Чѣмъ бы ни оправдывала власть свое поведеніе, я констатирую неопровержимый фактъ, что наверху сожалѣли, не только на другой день послѣ подписанія манифеста, но въ тотъ же день, а можетъ быть уже въ слѣ-

---

Имя ему создалъ Е. И. Мартыновъ, бывшій у него Начальникомъ Штаба корпуса въ японской войнѣ, и другіе офицеры Генеральнаго Штаба, въ томъ числѣ, кажется, полковникъ А. М. Крымовъ.

*) Роль Императора Николая II-го, его придворной камарильи и г. г. министровъ во всей Дальневосточной авантюрѣ и ея послѣдствіяхъ достаточно ярко изображена въ „Воспоминаніяхъ графа С. Ю. Витте".

дующую минуту, и посылали всякія проклятія по адресу графа Витте, коему приписывали иниціативу въ дѣлѣ рожденія злополучнаго манифеста.

Соотвѣтственно этому отношенію къ выходу манифеста, вела себя власть въ дальнѣйшемъ, когда почувствовала свою силу.

Опираясь лишь на штыки, которые ей не измѣнили, власть держала въ черномъ тѣлѣ Государственную Думу, хотя всѣ 4 Думы созваны по избирательному закону, созданному самой властью.

Министры совершенно не считались съ Государственной Думой, третировали ее буквально « en canaille », какъ что-то ненужное и противное. Ее обвиняли въ томъ, что она только «говоритъ». Но что же дѣлаютъ парламенты культурнѣйшихъ странъ?

Говорятъ и пишутъ законы. Только ихъ разговоры и писаніе обращаются въ законы потому, что правительства вездѣ считаются съ своими парламентами. А у насъ, устами своего «Премьера», господа министры громко заявляли: «у насъ слава Богу, нѣтъ парламента»!

Это, послѣ царскаго Манифеста 17 октября 1905 г. — нѣтъ Парламента?! А что-же было у нихъ?

• Вы помните басню Крылова: «Хозяинъ, работникъ и медвѣдь?» Такъ вотъ и тутъ случилось такое же явленіе: когда было плохо, съ перепугу много пообѣщали; а потомъ, когда бѣда прошла, — давай брать обратно обѣщанное. Это историческій, весьма некрасивый и, увы не единственный фактъ въ царствованіи Николая II-го. Такой или подобный фактъ не составляетъ украшенія даже частнаго лица; а о власти, и при томъ высокой, и говорить нечего. И какъ странно устроены люди: недержаніе своего слова считается въ культурномъ обществѣ безчестнымъ поступкомъ; но когда власть не держитъ даннаго ею слова — ей прощаютъ. Почему? Думаю — все зависитъ отъ обстановки: когда, что выгодно...

Но оставимъ мораль. Посмотримъ на дѣло съ практической стороны. «У насъ нѣтъ парламента», кричитъ правительство. «Молчать, не разговаривать, вы занимаетесь пропагандой съ думской кафедры; мы разгонимъ васъ, разсадимъ по тюрьмамъ!» — весьма недвусмысленно

твердитъ оно устами министровъ, рептильныхъ газетъ и всѣхъ правительственныхъ подголосковъ. Даже непротивленцы и молчальники заговорили. Думу не оплевывалъ только лѣнивый.

Что могла дѣлать при такихъ условіяхъ Дума? Она могла только говорить, и то далеко не все, потому-что многаго даже говорить не позволяли. Весь вопросъ, по моему, въ томъ — что она говорила: правду или неправду?

Если объ этомъ можно было имѣть разное мнѣніе тогда, въ дни работъ Государственной Думы, то сейчасъ — двухъ мнѣній быть не можетъ: мы видѣли всѣ результаты невниманія къ требованіямъ Думы и испытали на своей судьбѣ — послѣдствія этого невниманія.

Надо быть неумнымъ или нечестнымъ человѣкомъ, чтобы не видѣть теперь, что изъ двухъ споривших тогда — Правительство и Государственная Дума — права была послѣдняя. Рѣчи и работы Думы зафиксированы и не составляютъ секрета.

Государственная Дума (въ ея цѣломъ) говорила: «нужна коренная земельная реформа — для улучшенія положенія крестьянъ; нужно освобожденіе крестьянъ отъ дворянско-полицейской опеки; нужно всеобщее обученіе; нужна приличная и честная администрація, нужны существенныя перемѣны въ Арміи, дабы она была на высотѣ своего назначенія; нужно проведеніе въ жизнь дарованныхъ Манифестомъ 17 октября 1905 г. гражданскихъ правъ; нужно дѣйствительное участіе народа (черезъ своихъ представителей) въ устройствѣ своей жизни и Государственной машины — дабы потомъ каждый сознавалъ долю своей отвѣтственности во всемъ происходящемъ въ государствѣ и могъ бы сознательно защищать созданное.

Какъ въ Арміи, такъ и во всемъ Государствѣ должно быть общее дѣло, общіе интересы: только тогда будетъ смыслъ для всѣхъ защищать Государство и его порядки».

Все это понимали и говорили всѣ, такъ называемые, «прогрессивные» люди, желавшіе поставить государство на вѣрный и твердый путь прогресса и оздоровленія.

Люди, желавшіе вырвать почву изъ подъ ногъ соціалистовъ, коммунистовъ и т. п.

Ихъ желанія и надежды можно выразить словами вѣрноподаннической записки Калужскаго Земства поданной Русскому Царю 24 ноября 1904 года. Эта короткая, но выразительная записка гласила:

«Вѣрьте Государь, что искренно лишь свободное слово; производителенъ лишь трудъ равноправныхъ и лично неприкосновенныхъ гражданъ; чиста лишь свободная совѣсть; горяча молитва въ открытыхъ храмахъ всѣхъ вѣроисповѣданій, и если настанетъ день, когда Вашему Величеству угодно будетъ призвать къ государственной работѣ выборныхъ представителей земли, — они образуютъ мощную рать, которая поможетъ Монарху вывести прекрасную страну Его на торный путь мирнаго развитія всѣхъ духовныхъ и промышленныхъ ея силъ, ко благу грядущихъ поколѣній и къ неувядаемой славѣ царствованія Вашего Императорскаго Величества».

Прочтите еще разъ эту вѣрноподанническую мольбу. Вдумайтесь въ каждую фразу ея, въ каждое слово. Обратите вниманіе на ея дату. Вѣдь это было послѣ цѣлаго года военныхъ неудачъ въ Манджуріи, когда многимъ были уже понятны причины этихъ неудачъ и необходимость вывести страну на «торный путь мирнаго развитія всѣхъ ея духовныхъ и промышленныхъ силъ». Когда многимъ ясна была необходимость — «помочь Монарху.... ко благу грядущихъ поколѣній и къ неувядаемой славѣ Его царствованія.»

Гражданскія права и право участія въ государственной работѣ выборныхъ представителей земли вымаливалось, выпрашивалось у русскаго Царя не какими либо наемниками, шпіонами, или — иными людьми, считавшимися государственными врагами, а — дворянами, помѣщиками, учеными, профессорами, словомъ: сливками русской интеллигенціи, русскаго земства. Тѣми, которые сдѣлались и должны были сдѣлаться первыми жертвами (и главными жертвами) соціальной революціи, которую они предвидѣли и уберечь отъ которой стремились Царя и его Страну — прекрасную и столь несчастную!

Но, власть сказала тогда, 1904 г., сухо: «несвоевременно», другими словами: «молчать, васъ не спрашиваютъ».

Когда же въ 1905 году, она вынуждена была пойти навстрѣчу требованіямъ жизни, то она же, эта самая власть, немедленно стала играть «отбой», какъ только увидѣла физическую возможность для себя такъ поступить. Она не только не хотѣла участія «представителей земли» въ Государственной работѣ, но — «вынужденная» собрать ихъ въ 1905 г. — ненавидѣла и ихъ, и самую идею народнаго представительства...

— У насъ, слава Богу, нѣтъ парламента! ликующе повторяли всѣ подголоски власти, ея адепты и рептиліи.

Не запугаете! кричали они по адресу Гос. Думы, и въ то же время сами всякими способами пугали злополучныхъ думцевъ.

Какъ смотрѣли на Гос. Думу господа военные, особенно верхи, видно изъ слѣдующаго малаго факта. Въ одной изъ военныхъ комиссій по выработкѣ... новой формы одежды, одинъ изъ генераловъ гвардіи спросилъ другого, тоже занимавшаго большую должность въ Петроградскомъ гарнизонѣ:

— Ну, каково у васъ въ П....ѣ настроеніе офицерства?

— Ты это насчетъ чего? спросилъ второй.

— Да на счетъ ихъ, вонъ тамъ сидящихъ, сказалъ шикарный генералъ, кивая головой въ сторону Таврическаго Дворца (разговоръ происходилъ на Шпалерной улицѣ, недалеко отъ Гос. Думы).

— Насчетъ того, чтобы порубить? Конечно, съ удовольствіемъ порубимъ! отвѣтилъ генералъ.

(А въ 1917 году, этотъ же генералъ, надѣвъ громадный красный бантъ, заявлялъ толпѣ, что онъ былъ всегда «первымъ революціонеромъ»)*).

Видите каково было отношеніе къ Гос. Думѣ тѣхъ, кто не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть ея правоты и надвигающихся на Россію тучъ.

*) Теперь онъ, конечно, въ Россіи. Забавно, что въ докладѣ, сдѣланномъ 5 іюля 1918 г. въ Кіевѣ на монархическомъ съѣздѣ, этотъ генералъ названъ „либераломъ". Вотъ такъ „либералъ"!

— Намъ нужна великая Россія, а вамъ нужны великія потрясенія! заявлялъ премьеръ министеръ Столыпинъ съ думской кафедры, въ отвѣтъ на разоблаченія въ безконтрольномъ расходованіи казенныхъ денегъ и всѣхъ средствъ Страны; въ отвѣтъ на требованія — упорядочить все хозяйство Страны и вывести ее съ заколдованнаго круга военныхъ неудачъ и экономической вялости.

Не думаю, что въ тѣ времена кому либо въ Думѣ были дѣйствительно нужны «великія потрясенія». Это были скорѣе лишь крылатыя слова г. Столыпина, но вовсе не историческій фактъ, ибо даже г. г. Чхеидзе, Церетели, Скобелевъ и другіе, сидѣвшіе на крайней «лѣвой» въ Думѣ не желали никакихъ потрясеній, а только — честной конституціи, съ полной возможностью проводить свои взгляды и идеалы эволюціоннымъ, а не революціоннымъ путемъ. Это было видно и тогда, но сейчасъ это — фактъ непреложный.

Революціонное настроеніе 1917 года создавалось постепенно, въ силу двухъ причинъ: 1) упорства Правительства въ дѣлѣ измѣненія порядковъ страны, вѣрнѣе — оставленіе ихъ въ прежнемъ видѣ и 2) въ силу безнадежныхъ неудачъ на Германскомъ фронтѣ въ періодъ войны 1914—16 г.

Я полагаю, что въ періодъ 1905—14 года никто изъ сидящихъ въ Думѣ (или очень мало) не хотѣлъ «потрясеній», да еще и «великихъ».

А теперь посмотримъ: какую же «Великую Россію» хотѣли создавать господа казенные реформаторы и какъ они ее создавали?

Крестьянство нуждалось въ землѣ. Это былъ коренной вопросъ. Когда этотъ вопросъ разрабатывался въ Думѣ — на нее сыпался градъ упрековъ и угрозъ, и наконецъ подослали убійцу къ думскому дѣльцу по земельной реформѣ — Герценштейну. Какъ странно вспоминать объ этомъ теперь — когда большинство землевладѣльцевъ охотно отдало бы даже «безъ выкупа» — большую часть своей земли, чтобы сохранить хоть что нибудь и не видѣть тѣхъ ужасовъ, преступленій и мерзо-

стей, которые выпали сверхъ всякой мѣры и предѣловъ на наши головы и на головы нашихъ близкихъ и дорогихъ намъ людей! А между тѣмъ тогда — самыя скромныя попытки честныхъ, умныхъ и дальновидныхъ людей — разрѣшить земельный вопросъ радикальнымъ образомъ (съ «выкупомъ») — вызывали бурю негодованія со стороны всѣхъ правительственныхъ рептилій и такъ называемыхъ «истинно-русскихъ людей».

Долго спорили съ Думой, наконецъ нашли великаго мужа, который обѣщалъ всѣмъ «Великую Россію» и началъ ее строить:

1) расширеніемъ переселенческаго движенія и

2) насажденіемъ «хуторского хозяйства», помощью выдѣленія крестьянъ изъ общиннаго владѣнія — на «отруба».

Переселенческое движеніе не можетъ почитаться мѣрой отрадной для населенія, вынужденнаго бросать насиженныя родныя мѣста. Кромѣ того, при обще-россійскихъ порядкахъ и дурной администраціи, положеніе переселенцевъ въ пути и на новыхъ мѣстахъ иногда становилось трагическимъ.

Выдѣленіе же «на отруба» было мѣрой совсѣмъ нераціональной. Извѣстно, что при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости — они были весьма скудно надѣлены землею. Съ тѣхъ поръ населеніе увеличилось вдвое, а надѣлы остались прежніе и, находясь въ общинномъ владѣніи, они дробились ежегодно и въ силу прироста населенія и для уравненія въ пользованіи угодьями (лугами, лѣсами и проч.): каждому приходилась порція его лучшей и худшей земли. При выходѣ крестьянина «на отрубъ», для него надлежало отрѣзать весь его надѣлъ, напримѣръ 1—2 десятины, въ одномъ кускѣ. Тутъ то и начиналась драма и драка великая: худшей земли не хочетъ «выдѣляющійся», а лучшей не даетъ ему община, т. е. тѣ, которые остаются въ общинѣ, на общинныхъ условіяхъ пользованія землею. Споры эти вносили большую рознь и неразбериху въ крестьянскую среду, а также — и недовольство «начальствомъ», которое допускаетъ такіе «несправедливые» законы. По-

ложеніе вещей затруднялось еще чрезполосицей и удаленіемъ земельныхъ участковъ отъ воды.

Реформа Столыпина была болѣе, чѣмъ далека отъ запросовъ жизни. А жизнь настоятельно требовала созданія мелкихъ земельныхъ собственниковъ, путемъ быстрой и безболѣзненной передачи крестьянамъ большей части частновладѣльческихъ и всѣхъ казенныхъ земель, по справедливой оцѣнкѣ.

О деталяхъ такой реформы говорить теперь не будемъ. Но полагаю, что большинство читателей согласятся, что только такая реформа, начатая въ 1905—6 году, могла создать въ Россіи къ 1914 году цѣлый классъ мелкихъ собственниковъ и оградить государство отъ всякихъ «потрясеній» и алчныхъ вожделѣній кого-либо, и что не убивать Герценштейна слѣдовало-бы, а помогать ему и 1-ой Гос. Думѣ въ быстромъ осуществленіи этой реформы.

Реформа Столыпина въ земельномъ вопросѣ была жалкой заплатой рваной одежды тамъ, гдѣ нужна была полная замѣна одежды.

Такія же заплаты ставились и на другихъ частяхъ государственнаго хозяйства, въ томъ числѣ и въ военномъ вѣдомствѣ.

Въ немъ, какъ и во всемъ государственномъ хозяйствѣ, не захотѣли познать истинныхъ причинъ Манджурскихъ неудачъ. Критику по прежнему считали вреднымъ либерализмомъ, совершенно недопустимымъ для военнаго, а тѣмъ болѣе для офицера Генеральнаго Штаба, который долженъ быть «тактичнымъ», т. е. не говорить правды, или говорить ее какъ-то особенно, чтобы никого не обидѣть, не задѣть... Единственную военную газету, которая вздумала говорить горькую правду («сладкой» правды она не видѣла; къ тому же, лѣчиться нужно было отъ грѣховъ, а не отъ добрыхъ дѣлъ) — они закрыли, а сотрудниковъ ея подвергли опалѣ.

Одному изъ нихъ Начальникъ Генеральнаго Штаба сказалъ:

— Правда должна имѣть свою этику.

— Она должна быть голая: въ этомъ главная этика Правды, подумалъ опальный полковникъ, но «тактично» промолчалъ. А промолчалъ онъ потому, что не видѣлъ пользы для дѣла въ пререканіяхъ. Но тамъ, гдѣ правда, касалась насущныхъ потребностей жизни, тамъ ни полковникъ, ни его единомышленники не молчали.... Въ Россіи было все же нѣкоторое числю людей даже въ военномъ мірѣ, которые открыто боролись съ неустройствомъ Арміи, съ ея вѣчною «неготовностью» и съ «бездарностью» верховъ. Они, эти немногіе люди, открыто заявляли о необходимости коренныхъ реформъ въ Арміи, дабы вывести ее на путь быстраго прогресса, въ коемъ чувствовалась бы дѣйствительная, а не фиктивная мощь колоссальнаго народа, живущаго въ безпредѣльно богатой и прекрасной странѣ. Они, эти «вольнодумцы» какъ ихъ называли, хотѣли видѣть Россію внѣ всякихъ серьезныхъ опасностей и потрясеній, а Армію способной сказать: «мы исполнили долгъ свой до конца: мы сила — во всеоружіи военной техники и всѣхъ требованій военнаго дѣла. Мы сдѣлали все, что въ силахъ человѣческихъ для военной мощи нашей прекрасной страны. Мы не боимся никакихъ экзаменовъ, никакихъ испытаній: времена Манджурскихъ неудачъ ушли безвозвратно и не вернутся больше».

И такихъ то людей Правительство вообще, а военные верхи въ частности — гнало и преслѣдовало!

— Какихъ же перемѣнъ, какихъ реформъ хотѣли и просили эти люди?

Я не стану перечислять всего, ибо это удалитъ меня отъ темы моего настоящаго повѣствованія — отъ желанія указать: какія именно явленія создавали слабость Арміи и бѣдствіе (катастрофу) Россіи.

Люди, видѣвшіе слабости Арміи, хотѣли измѣнить:

1) систему ея комплектованія сверху до низу и

2) характеръ ея боевой подготовки.

По первому вопросу главными положеніями были: Воинская повинность — общеобязательна для мужского населенія Страны; поэтому, освобожденію отъ нея подле-

жать только физически неспособные и единственные работники въ семьѣ; и при томъ послѣдніе — только при фактической невозможности для семьи жить безъ такого работника. Служба длится 2 года, и ее проходятъ всѣ одинаково, безъ всякихъ льготъ по образованію. Образованіе должно помогать здоровымъ людямъ въ дальнѣйшей жизни, но не избавлять ихъ отъ знанія военной службы. Офицерскую подготовку и право на производство получаютъ лишь послѣ прохожденія дѣйствительной службы, т. е. полныхъ 2-хъ лѣтъ на общемъ основаніи, въ общихъ, а не «сепаратныхъ» частяхъ... Я не стану приводить доводовъ въ пользу такой системы, гдѣ населеніе находится въ одинаковыхъ условіяхъ въ дѣлѣ защиты своей страны, гдѣ офицерскій чинъ добывается лишь послѣ основательнаго знакомства съ солдатской службой и бытомъ, и гдѣ каждому открытъ путь въ офицеры — по окончаніи солдатской службы.*)

«Но образованіе пострадаетъ: вѣдь на два года прерываются занятія?...» скажутъ мнѣ.

Нѣтъ, это не перерывъ, а продолженіе занятій; только занятій практическихъ, занятій по изученію своего будущаго дѣла (въ случаѣ войны), своего народа, своего солдата...

Кромѣ того: кто же мѣшаетъ юношамъ учиться наукамъ и на службѣ, особенно если всѣ начальники (офицеры) будутъ развиты, дѣльны и энергичны.

Наконецъ, службу можно выполнять отъ 18 до 20 лѣтняго возраста, а офицеру полезнѣе быть постарше и не являться младенцемъ передъ солдатами старше его по возрасту (я говорю, конечно, о мирномъ времени).

Армія выиграетъ много отъ такой системы комплектованія и сблизится съ обществомъ и вообще съ народомъ. А для общества его Армія не будетъ чѣмъ-то чужимъ, незнакомымъ и даже враждебнымъ, какъ бывало въ Россіи. Вспомните вѣчные скандалы между офицерами и статскими, ихъ взаимный антагонизмъ и особенно то жалкое невѣдѣніе своей Арміи и своихъ генераловъ, которое проявлено было нашимъ обществомъ въ дни міровой войны: вѣдь общество, какъ глупый

---

*) Обращеніе къ солдату на „вы" считалось обязательнымъ.

попугай, повторяло за неразумной и преступной властью имена тѣхъ бездарностей, кои на лучшій случай не были выше самой сѣрой, безцвѣтной посредственности. *) Этого невѣдѣнія общества не случилось бы, если бы силою комплектованія Армія и общество (народъ) были бы объединены еще въ мирное время.

Всѣ назначенія на должности должны базироваться на знаніяхъ дѣла и способностяхъ военнаго, а не на его происхожденіи, связяхъ или средствахъ.

Вотъ главныя условія комплектованія низовъ и верховъ Арміи.

Что касается вопроса боевой подготовки, то о немъ я говорилъ много уже. Однако, все это такъ важно, что я позволю себѣ кратко повторить идеи тѣхъ «либераловъ» коихъ военные власти давили и гнали послѣ Манджурской войны.

— Воспитаніе — прежде всего, говорили они.

Воспитывать людей нужно примѣромъ и всѣми требованіями службы. Поэтому — ни кутежи, ни пьянство, ни праздность начальниковъ недопустимы; равно, какъ и — ложь, недобросовѣстность и невѣжество въ своемъ дѣлѣ. Страхъ передъ начальствомъ — плохой факторъ воспитанія и для будущей работы на войнѣ. Много выше — уваженіе къ качествамъ и мастерству начальника въ своемъ дѣлѣ, вѣра въ его знанія, мужество и таланты; благодарность и преданность за его заботы.

Дисциплина должна быть строгая, но она должна быть результатомъ не внѣшней муштры, а тѣхъ проявленій свойствъ начальника, о коихъ я только — что говорилъ и сознанія, что всѣ дѣлаютъ общее дѣло, всѣмъ необходимое, полезное и почетное; служатъ не другъ другу, а — Государству; а потому честно выполняютъ всѣ его законы. Сознаніе это, неуклонно проводимое вездѣ и всегда, — обращается въ привычку и вѣру, безъ которыхъ нѣтъ настоящей дисциплины, т. е. не угнетающей, а возвышающей военнослужащаго въ собственныхъ глазахъ.

---

*) Полюбуйтесь какой вздоръ пишетъ сейчасъ г-жа Лаппо-Данилевская, поэтизируя нѣкоторыхъ генераловъ. Вѣдь это незнаніе фактовъ простительно только дамѣ.

Учить войска надо только тому, что нужно имъ во время войны. Перечислять все это было бы слишкомъ долго и для общаго читателя неинтересно. Скажу кратко: учить войска надо преимущественно въ п о л ѣ, на р а з н о о б р а з н о й мѣстности; манежу, казармамъ и плацу надо давать м и н и м а л ь н о е время; парадамъ — ни одной минуты: войска и отдѣльныя лица должны быть выправлены, аккуратны, ловки, подвижны, граціозны (въ предѣлахъ воинской выправки, элегантной, а не натянутой) и красивы — тоже, конечно, въ предѣлахъ военной потребности. Канцеляріи — поменьше. Бумага должна строго соотвѣтствовать жизни. Чтобы ясно очертить кругъ необходимыхъ для войскъ знаній и пріемы ихъ изученія, а равно и пріемы воспитанія, надо: основательно знать военное дѣло, правильно представлять себѣ явленія будущей войны, изучить сущность вліянія на войска и пріемы великихъ полководцевъ въ вопросахъ подготовки войскъ и пользованія ими на войнѣ, а самое главное — надо самимъ воспитателямъ и учителямъ проникнуться чувствомъ долга передъ Родиной и важностью задачъ, ею порученныхъ.

Всего этого нельзя достичь безъ в о с п и т а н і я народа въ духѣ п р а в д ы и о б щ н о с т и и н т е р е с о в ъ; безъ честной и дѣльной администраціи; безъ контроля надъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ, безъ знанія истинныхъ его потребностей, безъ всеобщаго школьнаго обученія, безъ правъ народа создавать свою жизнь, безъ серьезныхъ основаній для восхищенія своими верхами, безъ твердыхъ причинъ гордиться своею страною и своимъ въ ней положеніемъ.

Ясно, что военныя реформы и правильная постановка боевой подготовки Арміи вполнѣ зависили отъ о б щ и х ъ порядковъ въ Странѣ и отъ общихъ реформъ.

Это же говорили и «вольнодумцы», вполнѣ сочувствуя требованіямъ Гос. Думы — о контролѣ, земельной реформѣ, гражданскихъ правахъ и прочее.

Но въ отвѣтъ на всѣ эти пожеланія и мольбы — русскіе военные верхи точно окончательно спятили съума: они сдѣлали перемѣну формы одежды главной реформой военнаго вѣдомства! Форма одежды мѣнялась нѣсколько разъ, а въ деталяхъ новинки появлялись чуть ли не въ каждой тетрадкѣ приказовъ по военному вѣдомству. Всѣ занялись этимъ «важнымъ» вопросомъ. Въ офицерской средѣ перемѣны эти были главною темою для разговоровъ.

Мундиры, фуражки, значки, канты, ментики, каски, лацканы, сабли — вотъ что наполняло военные мозги отъ верховъ и до низовъ, отъ низовъ и до верховъ. Увы, иногда и статскіе даже литераторы поддерживали такое состояніе военной мысли.

Однажды я былъ приглашенъ на обѣдъ «съ Меньшиковымъ», талантливымъ сотрудникомъ газеты «Новое Время», самой большой газеты въ Россіи. Знаменитость долго не появлялась. Гости ждали Меньшикова, собравшись въ кабинетѣ хозяина. Тутъ были все военные и среди нихъ пока только одинъ статскій — мало извѣстный писатель Брешко-Брешковскій, сынъ болѣе извѣстной пресловутой «бабушки революціи».

Писатель только — что вернулся изъ Болгаріи и занималъ общество разсказами о ней (то было время Балканской войны). Съ прибытіемъ каждаго новаго гостя Б. Брешковскій повторялъ свой несложный разсказъ. То же было сдѣлано и по прибытіи Меньшикова. Я сидѣлъ въ сторонѣ, съ твердымъ намѣреніемъ не вступать въ разговоръ, такъ какъ общество было весьма далекое отъ меня по взглядамъ. Но когда Брешко Брешковскій сталъ съ видимымъ сочувствіемъ говорить, что и въ Болгарской арміи занимаются формой обмундированія, особенно при дворѣ, то я не выдержалъ.

— Неужели вы не вынесли изъ вашего путешествія болѣе поучительныхъ для русской арміи наблюденій? иронически замѣтилъ я. — Казалось бы, что побѣды Болгаръ, Сербовъ и Грековъ могутъ дать и другой матеріалъ болѣе полезный для насъ?

Я прочелъ на лицахъ моихъ коллегъ отчетливое неудовольствіе. Но въ разговоръ вступилъ Меньшиковъ, внимательно слушая меня, однако не выражая сочувствія

моимъ нападкамъ на увлеченія внѣшностью и формой одежды

Даже Гос. Дума и ея представители, занимавшіеся военными дѣлами не обратили должнаго вниманія на безобразное увлеченіе формой одежды въ Арміи.

Особенно ликовала кавалерія, получивъ гусарскую, уланскую и драгунскую форму. Новый и прежній Генералъ-Инспекторъ кавалеріи обмѣнялись по этому случаю привѣтственными телеграммами, объявленными въ приказѣ кавалеріи.

Телеграмма прежняго Генералъ-Инспектора Великаго Князя Николая Николаевича, содержала между прочимъ слѣдующую фразу, которую я помню дословно: «Увѣренъ, что обновленная форма обмундированія подниметъ духъ кавалеріи на недосягаемую высоту!» Вдумайтесь въ эти слова. Поднятіе духа, да еще на недосягаемую высоту, съ помощью.... одежды!... Я отлично понимаю значеніе красивой внѣшности и въ частности одежды Но я хорошо знаю, что въ тяжелые боевые дни, передъ лицомъ смерти, при длительныхъ и трудныхъ походахъ, люди совершенно забываютъ — какая на нихъ одежда. Объ этомъ думаютъ только въ мирное время, на парадахъ, на балахъ, и гуляньяхъ... Да въ гостинныхъ и на улицахъ красивая одежда подымаетъ духъ и помогаетъ людямъ съ малыми военными знаніями и способностями считать себя героями и обманывать этимъ другихъ... Я знаю также, что ни Суворовъ, ни Наполеонъ, ни Петръ Великій не увлекались красотою одежды, а своими особами вовсе не занимались; особенно Суворовъ. Я далекъ отъ проповѣди неряшества или пренебреженія къ внѣшности воина. Но я подчеркиваю, что внѣшность должна быть дополненіемъ къ сути дѣла, а не замѣнять его, выдвигаясь на первый планъ, ибо въ настоящей боевой работѣ внѣшность отпадаетъ въ мигъ. И горе если, кромѣ нея, въ багажѣ ничего нѣтъ! А это именно и случилось съ нами... Кромѣ того, красота и вообще «блестящій» видъ достигаемый на войнѣ незаконнымъ увеличеніемъ багажа есть явленіе совершенно недопустимое, какъ все, что увеличиваетъ обозъ — этотъ бичъ Арміи. По этому одному

военная одежда не должна быть сложна и разнообразна, особенно въ большихъ арміяхъ. Увлеченіе же этимъ вопросомъ простительно для дѣтей и дамъ, но не для государственныхъ людей.

Между тѣмъ самъ министръ генералъ Сухомлиновъ облачился въ гусарскую одежду (на 7-мъ десяткѣ лѣтъ)! и допустилъ такое же увлеченіе въ войсковыхъ частяхъ.

Кромѣ одежды, военный министръ и придворные круги занимались усердно такъ наз. «потѣшными». Это — искаженные «Бой-скауты». Кромѣ ружейныхъ пріемовъ и маршировки они ничего не знали. Однако, около этого вопроса дѣлали себѣ карьеру такіе господа, какъ полковникъ Н....въ, ген. В...въ и другіе.

Остальные военные вопросы глубоко не трогали наши верхи, и съ этими дѣлами они не торопились, передѣлывая кое-какъ нѣкоторые Уставы, Инструкціи и Наставленія. Но сущность дѣла, о которой я уже говорилъ не разъ выше, оставалась прежняя — и въ прохожденіи службы, и въ воспитаніи, и въ обученіи, и въ отношеніяхъ къ дѣлу.

Кавалерійскій уставъ измѣнили лишь въ 1911 году.

Составленіе проекта этого устава было поручено мнѣ, но въ тайнѣ, такъ какъ мое имя было уже одіозно въ верхахъ русской военной власти, даже въ кавалерійскихъ вопросахъ.

Выполняя эту работу, я выбросилъ всѣ «уставныя» ученія для частей крупнѣе полка; упростилъ всѣ перестроенія, команды, сократилъ число сигналовъ на трубѣ; объединилъ всѣ конныя и пѣшія перестроенія и строи. Эмансипировалъ парадъ, т. е. принялъ за правило, что парадъ и «церемоніалъ» производятся въ любомъ построеніи и не требуютъ никакихъ особыхъ правилъ; создалъ новый отдѣлъ устава — «бой», положивъ въ его основу, давно уже проводимыя мною идеи, а именно: кавалерія должна работать всѣми предоставленными ей средствами боя — маневромъ, саблей, пикой, огнемъ винтовокъ, пулеметовъ и орудій, и все это должно быть использовано сообразно обстановкѣ, лишь бы поставленная задача была выполнена. Выполненіе задачи — вотъ требованіе, которое должно быть предъяв-

лено кавалеріи, какъ и всякому другому роду войскъ. А какъ, какими средствами — маневромъ, огнемъ, конной атакой? Это безразлично. *)

Составленный мною проектъ устава подвергся измѣненіямъ въ двухъ комиссіяхъ, и вышелъ въ весьма искаженномъ видѣ. Только отдѣлъ боя сохранился лучше другихъ. Впрочемъ повторяю: суть дѣла не въ формахъ и даже не въ идеяхъ устава, а въ фактическомъ воспитаніи людей: можно написать на бумагѣ много хорошихъ правилъ и даже законовъ (уставъ есть законъ), а на дѣлѣ все это искажать и игнорировать. Суть дѣла въ дѣйствительныхъ, фактическихъ требованіяхъ власти и въ ея примѣрѣ.

Пытался я выдвинуть и эти вопросы въ рядѣ лекцій, статей, служебныхъ докладовъ. Но только еще больше вооружилъ противъ себя власть имущихъ. Даже невинная статья, помѣщенная въ оффиціальной газетѣ «Русскій Инвалидъ», причинила мнѣ серьезныя непріятности, и мнѣ объявили, что даже самъ Царь, прочтя эту статью нашелъ ее «самооплевываніемъ» (этимъ именемъ всегда называли русскія власти непріятную имъ, но справедливую критику).

Только въ должности командира полка мнѣ удалось провести въ жизнь полка нѣкоторыя изъ исповѣдуемыхъ мною положеній.

Но и здѣсь я былъ очень стѣсненъ требованіями устава и дѣятельнымъ контролемъ начальника дивизіи генерала Т....о.

Послѣдній заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться, такъ какъ онъ былъ типичнымъ выразителемъ русской военной системы и порядковъ, и въ частности — великокняжескихъ вліяній на конницу.

Генералъ А. А. Т.....о — честный, неглупый и доблестный русскій офицеръ — является показателемъ того, какъ даже отличные оберъ-офицеры и преданные дѣлу люди были вредны въ роли старшихъ его руководителей,

*) Подчеркиваніе этого положенія было вызвано тѣмъ фактомъ, что кавалерія въ войну 1904-5 годовъ бездѣйствовала часто, ссылаясь на невозможность атаковать въ конномъ строю.

Впрочемъ, все, что я говорю на страницахъ этого труда о кавалеріи, относится въ сильной степени ко всѣмъ родамъ войскъ.

ибо вся военная система, вся жизнь русская, не развивала въ нихъ — ни широты взглядовъ, ни дѣлового чутья и дальновидности, ни кругозора въ полѣ (пониманія обстановки), ни гражданскаго мужества, даже при условіи личной храбрости и честности. А. А. Т.....о былъ когда-то хорошимъ командиромъ эскадрона: старательный, аккуратный служака, хорошій инструкторъ, красивый манежный ѣздокъ. Его замѣтилъ Великій Князь Генералъ-Инспекторъ кавалеріи и сравнительно быстро выдвинулъ его. Въ 1912 году генералъ Т. получилъ дивизію. Но сдѣлавшись начальникомъ дивизіи, онъ имѣлъ въ сущности служебный багажъ командира эскадрона, тотъ самый багажъ, который выдвинулъ его нѣкогда изъ сѣрыхъ безправныхъ «армейскихъ» рядовъ, и который поэтому особено запечатлѣлся въ его головѣ и сердцѣ.

Пригонка аммуниціи, длина шинелей, даже цвѣтъ и величина пуговицъ на разрѣзѣ шинели — все это очень интересовало начальника дивизіи, не говоря уже про всѣ детали хозяйства. На занятіяхъ — въ первую голову уставной ритуалъ, сноровочки и картинки; дистанціи, интервалы, равненіе... Въ канцеляріи — буквоѣдство, формализмъ и упорное желаніе видѣть всю жизнь на бумагѣ, въ цифрахъ, графахъ, итогахъ, отдѣлахъ, подотдѣлахъ... Этотъ человѣкъ отличался большою работоспособностью, энергіей и подвижностью, и могъ бы принести большую пользу дѣлу, но мелочность и рутина съѣдали его, а подчиненныхъ заковывали въ заколдованный кругъ слѣпого воспроизведенія буквы устава и разныхъ формальностей.

На войнѣ все это сказалось весьма пагубно — и на самомъ генералѣ, не взирая на его личную храбрость и преданность долгу; и на его подчиненныхъ, кои даже при наличіи духа критики, не могли проявить необходимой самостоятельности; и на общемъ дѣлѣ, когда былъ упущенъ цѣлый рядъ хорошихъ случаевъ въ борьбѣ съ противникомъ...

Таковъ былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ русскихъ генераловъ. Что же сказать про другихъ? Про неумѣренныхъ любителей выпивки, праздности, картъ, жен-

щинъ; или просто про лѣнивыхъ людей; про жалкихъ себялюбцевъ или рамоликовъ, дрожавшихъ за свое личное благополучіе, а иногда и накапливавшихъ это «благополучіе» про черный день?... Или — про сѣрыхъ, канцеляристовъ, вылѣзшихъ наверхъ только, благодаря своимъ лакейскимъ инстинктамъ?... Всѣ эти господа умѣли не служить, а выслуживаться. А когда настало время настоящей службы — они оказались настоящими банкротами. И это, конечно, относится, не только къ военнымъ верхамъ, но и ко всякимъ властямъ и ко всѣмъ русскимъ чиновникамъ, которые, по словамъ Императора Николая I-го правили Россіей. Да, это они правили русскимъ Государствомъ много и много лѣтъ, и это они создали всѣ главныя условія русской жизни: темноту и бѣдность народа; недобросовѣстность, невѣжество, лѣнь и ложь администраціи; любовь къ внѣшности и бумагѣ, замѣну дѣла бумагой и совершеннѣйшее невѣдѣніе жизни, а вслѣдствіе всего этого и полную оторванность правящихъ отъ народа. И это они культивировали бездарность, неумныхъ, недальновидныхъ и безстыдно-лгущихъ начальниковъ, невѣжественныхъ и низкопоклонныхъ генераловъ, молчаливо-покорную середину Арміи и совершенно темные звѣроподобные низы.

Они держали Армію въ вѣчной неготовности (начиная съ 1805 года.

Они затѣяли коварную, безчестную и неумную Манджурскую авантюру, закончившуюся позорнѣйшей войною 1904—5 годовъ.

Они взвалили потомъ всю вину на евреевъ и соціалистовъ. Они десять лѣтъ занимались травлей Государственной Думы и всѣхъ мало-мальски прогрессивныхъ людей. Они поддерживали хулигановъ «Союза русскаго народа», готовыхъ за деньги продать кого угодно. Въ этой борьбѣ съ прогрессивной Россіей, въ травлѣ Г. Думы, въ борьбѣ за безконтрольность и произволъ — они потратили десять лѣтъ, потерявъ ихъ для реформъ необходимыхъ Странѣ... Понятно, что на міровой экзаменъ 1914—16 годовъ они пришли вновь — неготовыми, бездарными, недальновидными, лживыми и невѣжествен-

ными, но жадными и легкомысленными... Они — же провалились на этомъ экзаменѣ. Они же выпустили бразды правленія при первомъ раскатѣ грома революціи; разбѣжались, попрятались; еще въ 1917 году ушли заграницу или оставили фронтъ при первыхъ признакахъ опасности для себя. Они громко кричавшіе о «возлюбленномъ» и «обожаемомъ» Монархѣ, — первые покинули Его, спасая свои шкуры... Такъ и въ дальнѣйшемъ «они» прежде всего спасали свои шкуры и тянулись къ остаткамъ казеннаго пирога!

Неудивительно, что и въ борьбѣ съ большевиками «они» съиграли вездѣ гадкую роль слабыхъ, неумныхъ и жадныхъ элементовъ. Это «они» лишили насъ Родины, отняли имущество, труды всей жизни, поэзію, красоту и даже право на сносное существованіе!

Неудивительно, что и въ эмиграціи «они» составляютъ человѣческую пыль бывшаго русскаго колосса...

И какая пыль?... — Грязная, вонючая, липкая...

Глядя на этихъ жадныхъ и безстыдныхъ себялюбцевъ просто диву даешься: почему они именуютъ себя культурными людьми и даже людьми «большого» общества?

Почему они въ большихъ чинахъ статскихъ и военныхъ?

Въ сущности все это — алчные шкурники, лакеи по своему прошлому и блюдолизы по настоящему. Но въ прошломъ они соблюдали хоть внѣшнее приличіе, а въ настоящемъ показали свое истинное лицо....*)

И если русскіе верхи, русскіе чиновники, русскіе генералы имѣли въ прошломъ хоть часть тѣхъ качествъ, которые нынѣ наблюдаются въ нѣкоторыхъ слояхъ эмиграціи, то неудивительно, что Россія проиграла войну, получила революцію, дала пищу и почву для большевизма, сгубила всѣ попытки къ возстановленію культурнаго порядка и нынѣ продолжаетъ страдать подъ гнетомъ вѣками накопившейся неправды и рабскихъ привычекъ.

*) Въ теченіе цѣлаго года я наблюдалъ этихъ господъ въ колоніи Д. въ Юго-Славіи. Картина непередаваемая въ короткихъ словахъ.... Ждетъ своего быто-писателя... Во главѣ колоніи — „запойный" картежникъ и закоренѣлый преступный типъ, эксплоатирующій свое положеніе представителя колоніи — на всѣ лады. Безплатное мѣсто по общественному служенію соблазняетъ его на самыя разнообразныя

Глава VI.

ВОЙНА МІРОВАЯ.

Эта глава имѣетъ двѣ задачи:

1) Показать въ чемъ и какъ проявлялись на войнѣ недостатки русской Арміи, ея народа и особенно властей? Какъ эти недостатки создали Россіи цѣпь военныхъ неудачъ, а съ ними и удушливую атмосферу общаго недовольства и возбужденія, нашедшими выходъ въ революціи, которая дала просторъ всѣмъ накопившимся вѣками: злобамъ, зависти, мщенію, темнотѣ, дикости и алчности?

Я буду указывать факты, дѣйствительныя событія, какъ они мнѣ представлялись и представляются теперь. При этомъ, очень многое я сглаживаю и упускаю: во-первыхъ для того, чтобы меньше касаться отдѣльныхъ личностей: не въ нихъ я вижу центръ нашей бѣды, а во всей системѣ Управленія Страной и въ порядкахъ, этой системой порожденныхъ; а во-вторыхъ — многое уже затушевалось въ моей памяти: притупились острые углы, поблѣднѣли воспоминанія, угасло глубокое возмущеніе всѣмъ тѣмъ, что я видѣлъ;

гадости. И этотъ-то субъектъ находитъ ревностную поддержку среди лицъ, именующихъ себя: генералами и полковниками, которые въ азартѣ поддержки картежника доходятъ сами до величайшихъ актовъ глупости и лжи,..

Но самое ужасное: вся эта мерзость и безстыдство находятъ не порицаніе, а поддержку въ разнообразныхъ представителяхъ такъ называемой „русской власти".

... Вы видите, какъ люди присѣдаютъ и лакействуютъ передъ держателями остатковъ „русскаго пирога", забывая стыдъ и прежнее воспитаніе.

Это-ли не ужасъ? Это-ли не позоръ?

А еще носятся съ монархической идеалогіей!

изсякли силы для горѣнія гнѣвомъ по адресу тѣхъ событій и людей, кои привели насъ къ невиданной еще міромъ катастрофѣ... Я еще разъ повторяю, что не разсказываю всего — что видѣлъ и сдерживаю себя въ выраженіи моего негодованія къ тѣмъ — кто стоя у руля, отогналъ всѣхъ несогласныхъ съ нимъ и затѣмъ — посадилъ государственный корабль на мель.

Иллюстрируя «общія» явленія, я пользуюсь преимущественно тѣми фактами, коихъ я былъ свидѣтелемъ или участникомъ. Это неизбѣжно при условіи отсутствія архивовъ.

Впрочемъ, это не мѣняетъ общей картины и не удаляетъ читателя отъ той печальной дѣйствительности прошлаго, которая привела насъ къ ужасному настоящему: то, что видѣлъ я, то было, увы, вездѣ или почти вездѣ.

2) Вторая задача этой главы: выдвинуть значеніе культуры вообще и разумной боевой подготовки въ частности.

Въ началѣ этого труда я высказалъ мнѣніе, что «побѣждаетъ на войнѣ культура».

Тѣ, кто боролся съ русскими порядками — звали свою родину къ совершенствованію, къ выходу на прямой и открытый путь прогресса, во имя ея блага. Они не боялись тогда упрековъ въ «самооплевываніи» и въ недостаткѣ патріотизма. Тѣмъ болѣе нельзя бояться этихъ упрековъ теперь — когда всѣ плоды русской некультурности налицо; когда только слѣпой можетъ не видѣть истинныхъ причинъ нашего несчастья.

Вспомните, какъ творцы нашей «неготовности» и проч., самонадѣянно заявляли: «Россіи незачѣмъ слѣдовать за Европой; она найдетъ свои пути, свою самобытную дорогу». Они не хотѣли считать Гос. Думу — Парламентомъ, а Россію — конституціонной Монархіей. Ну, вотъ и нашли самобытную дорогу... Прямо въ пасть къ большевикамъ!

Война еще разъ подтвердила, что побѣды выковываются въ мирное время. Если мнѣ укажутъ на побѣжденную Германію, давшую міру небывалый образецъ организаціи, энергіи и правильнаго народ-

наго воспитанія, то я долженъ сказать, что причины пораженія Германіи иного порядка; о нихъ я скажу дальше. Нормально же, чтобы побѣждать — надо учится и работать для познанія жизни и своего дѣла, надо честно жить и честно стремиться къ совершенствованію жизни.

Война 1914—16 годовъ была проиграна Россіей. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, ничего удивительнаго. Спасти Россію отъ военныхъ неудачъ могъ только случай, напримѣръ, удачный выборъ Главнокомандующаго или только помощниковъ ему. Но судьба была послѣдовательна. Указанныя мною особенности русской власти и заведенныя ею порядки были главными союзниками Гинденбурга, который говорилъ: «я не сомнѣваюсь въ военномъ пораженіи Россіи потому, что хорошо знаю русскіе порядки».

Сначала, въ первые дни войны эти навыки и порядки дали многообѣщающіе бутоны — въ видѣ неприличныхъ отходовъ отъ границы, затѣмъ разцвѣли быстро въ пышные цвѣты, ибо война, конечно, не улучшаетъ нравовъ, особенно когда дозволяется многое дурное (напримѣръ въ обращеніи къ населенію, въ вопросахъ наградъ, реляцій и т. п.), и наконецъ — дали соотвѣтствующіе плоды въ цѣломъ рядѣ капитальныхъ неудачъ, длившихся на Германскомъ фронтѣ безъ перерыва три года и закончившихся «безкровною» революціею и разореніемъ собственной страны.

---

14 іюля 1914 года (по старому стилю) застало меня въ Бѣлостокѣ, въ «спеціально-кавалерійскомъ сборѣ». Двѣ недѣли, проведенныя въ этомъ «сборѣ» наканунѣ войны, характерны для иллюстраціи нашихъ «мирныхъ» порядковъ и дальновидности верховъ, не предупредившихъ войска, о возможности войны (это надо было сдѣлать обязательно для того, чтобы, хотя бы въ ожиданіи войны, войска не занимались вздоромъ). А потому я остановлюсь на этихъ занятіяхъ, прежде чѣмъ переходить къ мобилизаціи и военнымъ дѣйствіямъ.

2 и 3-го іюля начальникъ дивизіи смотрѣлъ полки, повѣряя ихъ подготовку передъ сборомъ дивизіи.

— Что же именно онъ смотрѣлъ?

— Преимущественно «Уставное конное ученіе».

Начальникъ дивизіи стоялъ на пригоркѣ, окруженный своимъ штабомъ и ординарцами, и оттуда подавалъ сигналы на трубѣ экзаменуемому полку.

За шумомъ копытъ и лязгомъ оружія, сигналы не были слышны командиру полка; полкъ медлилъ поэтому исполненіемъ сигнала, особенно, если командиръ полка былъ на своемъ мѣстѣ, т. е. впереди полка. Начальникъ дивизіи нервничалъ, сердился, подавалъ другой сигналъ, не дождавшись немедленнаго исполненія перваго, затѣмъ третій... Можно себѣ представить — какое впечатлѣніе все это производило на полкъ и что изъ этого выходило.

А между тѣмъ, конечно, «уставное конное ученіе» полки знали хорошо, такъ какъ на него тратили большую часть своего времени. Они хорошо знали, что «уставные» картинки — излюбленное мѣсто начальства.

Управленіе кавалеріей сигналами непримѣнимо въ бою, равно какъ и многія уставныя эволюціи, занимавшія энергичнаго начальника дивизіи. Но русская Армія не считалась съ войною; она считалась только съ «хотѣніемъ» своихъ бездарныхъ и недальновидныхъ верховъ.

Такимъ образомъ, смотры эти были также непоучительны для войскъ въ дѣлѣ ихъ боевой подготовки, какъ и всѣ (или почти всѣ) смотры русскихъ верховъ.

Остальные дни «спеціально-кавалерійскаго сбора» были употреблены для подготовки къ... смотру Командующаго войсками Варш. в. округа, ген. Жилинскаго, пріѣздъ коего въ Бѣлостокъ ожидался въ серединѣ іюля.

Всѣ части гарнизона усердно готовились къ этому смотру.

Пѣхота цѣлыми днями маршировала подъ музыку, и поправляла дорогу отъ станціи къ своему лагерю; кавалерія носилась въ тучахъ пыли (сыпучій песокъ покрывалъ ея учебный плацъ) и купалась въ собственномъ соку, не высыхая даже дома, потому что плацъ былъ далеко: выходили рано, возвращались поздно, бѣлье и платье не успѣвало высохнуть отъ пота.

За двѣ недѣли «поучительныхъ» занятій, именуемыхъ «уставныя занятія дивизіи», лошади истомились, а люди, кромѣ того, крайне нуждались въ банѣ и мойкѣ бѣлья. Я обратился съ просьбою къ начальнику дивизіи: сдѣлать перерывъ въ занятіяхъ, хотя бы на одинъ день для бани. Меня поддержали и другіе командиры полковъ, но начальникъ дивизіи былъ неумолимъ: онъ дорожилъ каждымъ днемъ «занятій». Такъ называлъ онъ наше ежедневное шалое метаніе въ тучахъ пыли, совершенно непримѣнимое въ бою.

Судьба зло посмѣялась надъ нами: вмѣсто Командующаго войсками явилась мобилизація!

14-го іюля я выѣхалъ въ Граево (на Германской границѣ) отдавъ всѣ распоряженія для слѣдованія полка въ два перехода. На станціи Осовецъ я поймалъ какого-то инженера изъ крѣпости и поручилъ ему немедленно передать коменданту Осовца слѣдующее: «командиръ Екатеринославскаго полка просилъ напомнить вамъ, что въ случаѣ войны, желѣзная дорога Граево — Осовецъ не должна разрушаться, пока вы не получите на это согласія командира этого полка.

Дѣло въ томъ, что на «полевой поѣздкѣ» въ іюнѣ 1914 года въ раіонѣ Граево — Осовецъ, обнаружено паническое настроеніе коменданта и намѣченное имъ разрушеніе желѣзной дороги Граево — Осовецъ въ первый день мобилизаціи.

Тогда же я горячо возражалъ противъ отступательныхъ тенденцій, требовалъ защиты каждой пяди земли, начиная отъ границы. Что касается порчи желѣзной дороги въ первый же день мобилизаціи, то я считалъ, что такое намѣреніе свидѣтельствуетъ о непозволительномъ настроеніи коменданта крѣпости и что крѣпость не смѣетъ такъ поступать, пока впереди ея находятся русскія войска.

Такихъ и имъ подобныхъ мобилизаціонныхъ безобразій я встрѣтилъ не мало и въ своемъ полку. Эти безобразія сохранявшіяся въ планѣ мобилизаціи изъ года въ годъ, отъ командира къ командиру, свидѣтельствуютъ о чисто бумажной постановкѣ такого серьезнаго

дѣла, какъ мобилизація, и о полномъ невниманіи тѣхъ лицъ, кои повѣряли планъ мобилизаціи. Но этого мало: когда я обратился съ просьбами — исправить разные очевидные дефекты, исходившіе отъ распорядковъ сверху, мнѣ исправили только о д и н ъ, а всѣ остальные я былъ вынужденъ исправить с а м о в о л ь н о и весьма рѣшительно, напримѣръ, угрозою (въ мирное время) начальнику станціи Граево: повѣсить его, если онъ, въ случаѣ мобилизаціи, не исполнитъ моего приказанія.

———

16 и 17-го іюля полкъ былъ въ очень тяжкомъ положеніи: мобилизація еще не объявлена, а рота и эскадронъ германцевъ уже вышли на самую границу — въ 4 верстахъ отъ Екатеринославскаго полка. Въ населеніи началась замѣтная паника, особенно среди чиновниковъ. Наконецъ, получена телеграмма о мобилизаціи, и въ 6 часовъ утра 18 іюля, я долженъ былъ идти съ полкомъ въ Щучинъ (14 верстъ къ западу отъ Граева). Однако, я остался въ Граево до 10 часовъ утра 19-го іюля, полагая, что уходить въ Щучинъ, бросивъ таможню, почту и другія казенныя учрежденія н е п р и л и ч н о. Кромѣ того, я доносилъ начальству, что «нѣмцы боятся нашего наступленія, что они увозятъ подальше отъ границы, хлѣбъ и фуражъ и что пѣхота ихъ, собранная въ Лыкѣ (16 верстъ отъ Граева), пойдетъ на Гумбиненъ, а н е на Осовецъ»*).

———

Все это свидѣтельствуетъ, что слабость германцевъ на нашемъ фронтѣ была видна даже до объявленія войны, т. е. 20-го іюля. А между тѣмъ: уже 18-го іюля Осовецкій комендантъ т р и ж д ы просилъ моего согласія на разрушеніе ж. дороги у меня въ тылу!

Командиръ бригады пограничной стражи полковникъ Б......й отказался мнѣ повиноваться, говоря, что онъ подчиненъ коменданту Осовца и долженъ немедленно о т с т у п и т ь туда; начальникъ штаба Варшавскаго в.

*) Копіи этихъ донесеній имѣются у меня. Ихъ же я сообщалъ и крѣпости Осовцу.

округа генералъ Орановскій прислалъ телеграмму, указывая на возможность нападенія на меня; все кругомъ торопилось назадъ; даже командиръ 2-й бригады генералъ М...въ, находившійся уже въ Щучинѣ, и которому я временно подчинялся (доблестный офицеръ, потомъ раненный въ генеральскомъ чинѣ, что случалось у насъ очень рѣдко) совѣтывалъ мнѣ «бросить это грязное дѣло» (пребываніе въ Граевѣ) и уходить въ Щучинъ! Подробностей глупѣйшей паники передъ лицомъ несуществующаго противника не описываю. Напомню только общеизвѣстный фактъ: оставленіе пограничныхъ городовъ и вообще пограничной полосы и неприличный уходъ войскъ и властей назадъ — отдавали эту полосу и даже большіе города въ руки германскихъ разъѣздовъ и эскадроновъ, которые хозяйничали, какъ хотѣли, не взирая на поразительную численную слабость германскихъ войскъ на нашемъ фронтѣ. Даже осторожный и весьма «тактичный» генералъ Орановскій счелъ себя вынужденнымъ послать телеграмму одному изъ героевъ этой войны *): «остановитесь — никакая германская кавалерія за вами не гонится»... Полюбуйтесь на этотъ фактъ! Вѣдь тутъ цѣлая кавалерійская дивизія «драпала», донося, очевидно, что за нею идетъ германская кавалерія. А вѣдь на громадномъ фронтѣ отъ Ейдкунена до Сосновицъ не было ни одной германской кавалерійской дивизіи въ сборѣ. А какъ вамъ нравится фактъ разрушенія ж. дороги между Граевымъ и Осовцомъ — когда Осовцу не грозила никакая опасность. Но и этого мало: позже, когда численная слабость германцевъ была еще яснѣе, Н—ая пѣхотная дивизія строила укрѣпленія далеко (въ 80 верст.) отъ границы, разрушая свою деревню для обстрѣла!

Паническое настроеніе, какъ слѣдствіе отсутствія вдумчивости и знаній дѣйствительности, овладѣло многими, а главное — сверху и вблизи никто не препятствовалъ этимъ нелѣпымъ проявленіямъ недальновидности и шкуросбереганія.

21-го іюля, идя въ авангардѣ дивизіи отъ Щучина на Бяллу, Екатеринославскій полкъ перешелъ границу Гер-

*) Получилъ потомъ Георгіевскій крестъ, весьма къ нему неподходящій.

маніи, занялъ затѣмъ городъ Бяллу и разрушилъ ж. дорогу на 12 верстъ въ обѣ стороны отъ города.

Этотъ первый день войны былъ омраченъ массовыми пожарами, виновниками коихъ, очевидно были наши войска, не привыкшія уважать правъ мирныхъ гражданъ.

Наше наступленіе напоминало, пока только пожарами, нашествіе Гунновъ или Татаръ.

Кромѣ того, въ первый же день было видно, что начальникъ дивизіи хочетъ, какъ и въ мирное время, водить всѣхъ на веревочкѣ и въ то же время самъ не разбирается въ обстановкѣ.

Въ этотъ же день, непонятно зачѣмъ, онъ ушелъ обратно въ Щучинъ. Въ слѣдующій день, атакованный однимъ орудіемъ, поставленнымъ на автомобиль, начальникъ дивизіи отступилъ на 24 версты назадъ (д. Пшетулы). Нѣмцы стали жечь пограничные кордоны и грабить пограничное населеніе (уводили скотъ). Четыре дня три полка и двѣ батареи дивизіи простояли набитые, какъ сельди въ бочкѣ, въ маленькой деревушкѣ неся колоссальные наряды на службу ($^{1}/_{3}$ дивизіи была въ нарядѣ!).

27 іюля дивизія вновь перешла границу по старой дорогѣ, т. е. Щучинъ — Бялла, но пройдя 6 верстъ, встрѣтила германскую пѣхоту и артиллерію (1 баталіонъ и 4 орудія) у д. Бельцонцинъ.

Въ этомъ первомъ бою части дивизіи вели себя не дурно, а начальникъ дивизіи — весьма доблестно, но... крайне неумѣло и неудачно.

Части дивизіи собирались, по мирной привычкѣ, на «сборное мѣсто» и показали себя противнику (его разъѣзду). Главныя силы шли на плечахъ у авангарда (вспомните мои дебаты съ Брусиловымъ въ 1918 году). Начальникъ дивизіи, видимо, плохо оріентировавшись, далъ такое направленіе главнымъ силамъ, что они попросту «пристроились» къ авангарду; по настойчивому требованію начальника дивизіи, артиллерія наша выѣхала на открытую позицію, и въ полъ часа была наполовину уничтожена огнемъ пристрѣлявшейся къ авангарду германской батареи. Одинъ изъ полковъ втиснули въ лѣсъ рядомъ и правѣе артиллеріи, гдѣ онъ несъ потери

з р я. Мнѣ грозила та же участь, ибо мнѣ командиръ бригады генералъ Кіяндеръ приказалъ: «стать въ тотъ же лѣсъ за первымъ полкомъ»; но... я не исполнилъ трехкратнаго приказа бригаднаго командира и оказался трижды правъ: прикрылъ совершенно открытый лѣвый флангъ артилеріи отъ пѣхоты нѣмцевъ, появившейся со стороны г. Бяллы; спасъ свой полкъ отъ послѣдовавшаго вскорѣ быстраго отступленія по лѣсу, бывшаго тамъ полка и прикрылъ отходъ дивизіи... Начальникъ дивизіи все время стоялъ открыто на батареѣ, сидя на конѣ.... Подъ нимъ убиты три лошади. Доблести было масса. Но онъ не сумѣлъ даже отдать правильно приказа для отхода дивизіи. Я получилъ приказъ: «прикрыть дивизію, отходя на рысяхъ». Какъ же, въ такомъ случаѣ должна была бы уходить дивизія? Галопомъ?...

Въ этотъ день дивизія отступила къ Едвабно, т. е. на 35 верстъ внутрь своей территоріи!

Убѣдившись окончательно во вредѣ этихъ «танцевъ» впередъ, но больше — назадъ, и видя, что никакіе совѣты подчиненныхъ не дѣйствуютъ на начальника дивизіи, я былъ поставленъ въ крайне тяжелое положеніе: съ одной стороны генералъ Т. мой начальникъ, а въ частной жизни даже — пріятель; а съ другой стороны полное банкротство въ военныхъ дѣйствіяхъ и при томъ передъ слабѣйшими силами противника. Молчальникомъ и непротивленцемъ въ общихъ дѣлахъ я никогда не былъ. Пользуясь близостью къ городу Ломжѣ, я поѣхалъ къ губернатору барону Корфу; разъяснилъ ему положеніе вещей и просилъ помочь общему дѣлу, своими знакомствами или побесѣдовать съ Т., указавъ ему на тяжелое положеніе населенія, отдаваемаго германскимъ разъѣздамъ.

Однако, потомъ, видя что изъ губернаторской помощи ничего не выйдетъ, я написалъ письмо прямо генералу Самсонову т. е. Командующему Арміей. Я изложилъ событія, подчеркнулъ полную недопустимость «танцевъ» взадъ и впередъ передъ слабыми силами противника; уничтоженіе силъ своихъ войскъ колоссальными нарядами и постановкой дивизіи въ одномъ маломъ

населенномъ пунктѣ (гдѣ не хватало даже воды, не говоря про полную нелѣпость такого размѣщенія съ другихъ точекъ зрѣнія). Вмѣстѣ съ тѣмъ, я вновь подчеркнулъ слабость противника и необходимость нашего быстраго наступленія, хотя въ ту пору я ничего не зналъ о французскомъ фронтѣ, т. е. — наступленіе диктовалось мѣстной обстановкой, а не требованіями французовъ (обратите вниманіе на этотъ непререкаемый фактъ).

Генералъ Самсоновъ прислалъ ко мнѣ полковника Крымова (погибшаго впослѣдствіи въ кабинетѣ Керенскаго) для личной бесѣды. Крымовъ былъ у меня ночью, кажется 30 іюля, въ сопровожденіи сотника кубанскаго войска Г. В. Иноземцева.*)

Генералу Т. былъ данъ приказъ: прикрыть границу на Н участкѣ, а не танцовать, дѣлая 3 шага впередъ и 30 назадъ!

Впослѣдствіи генерала Т. преслѣдовали постоянныя неудачи, которыя были несомнѣннымъ слѣдствіемъ мирныхъ привычекъ русской Арміи.

Теперь я остановлюсь на той военной операціи, которая спасла Германію отъ пораженія въ 1914 году и сдѣлала имя генераламъ Гинденбургу и Людендорфу, а для Россіи была фатальнымъ началомъ цѣлаго ряда пораженій...

Какъ образецъ — смѣлости замысла и быстроты выполненія — эта операція Гинденбурга — Людендорфа не уступитъ самымъ блестящимъ операціямъ Наполеона І-го Императора французовъ и даже Бонапарта — генерала французской Республики. Нельзя не восхищаться ею. Но еще больше ея значеніе: она сразу подняла духъ Германской Арміи дѣйствительно на «недосягаемую высоту» и отдала управленіе военными дѣлами въ дѣйствительно талантливыя руки. Тоько благодаря этимъ рукамъ, Германія могла, не только держаться, но и быть побѣдительницей на всѣхъ фронтахъ, имѣя противъ себя

*) Нынѣ есаула, живущаго въ Юго-Славіи.

почти весь культурный міръ, не взирая на основную первоначальную ея военную ошибку.

Дѣло въ томъ, что нѣмцы, вполнѣ согласно съ своимъ планомъ мирнаго времени, напали прежде всего на Францію — какъ на противника быстрѣе мобилизующагося: покончивъ съ Франціей, они думали покончить съ Россіей...

Относительно полной неготовности Россіи во всѣхъ смыслахъ (см. выше) они ни мало не ошиблись въ расчетахъ. Но они рѣшительно ошиблись въ Франціи, которая, благодаря способностямъ и выдержкѣ вождей своей Арміи и патріотическому подъему своихъ сыновъ — выдержала первый молніеносный ударъ Германцевъ.

Кромѣ того, въ критическую минуту на помощь Франціи пришла Англія, и первый ударъ былъ, къ тому же, значительно смягченъ сопротивленіемъ героической Бельгіи.

Если бы нѣмцы набросились сначала на Россію, взявъ быстро Петроградъ (а это было легче легкаго) и захвативъ Москву хотя бы только конницей (1914 г. не могъ походить на 1812 т. по многимъ причинамъ), то Россія Николая 2-го, думаю, заключила бы удобный для себя миръ въ 1914 году, а тогда... тогда... исторія войны сложилась бы иначе и человѣчество не имѣло бы разорительной 4-хъ лѣтней бойни; но... конечно, оно принуждено было бы склониться передъ германской культурой... Нѣмцы ошиблись и, едва не погибли еще въ 1914 году, но ихъ спасъ Гинденбургъ и Люндендорфъ и вообще событія въ Восточной Пруссіи въ августѣ 1914 года, которыя, при лучшемъ командованіи съ русской стороны могли бы еще въ 1914 году, привести русскія войска въ Берлинъ, а Германію къ — миру, но не къ развалу...

А произошло слѣдующее:

Наступленіе русскихъ войскъ началось въ первыхъ числахъ августа. 1-ая Армія генерала Рененкампфа двигалась съ виленскаго фронта на западъ, а другая Армія — «вторая», генерала Самсонова, начала наступленіе нѣсколько позже (перешла границу 8—10 августа). Каждая изъ русскихъ Армій имѣла составъ — пять армейскихъ корпусовъ и 3—5 кавалерійскихъ дивизій. Со-

ставъ германскихъ войскъ точно извѣстенъ: въ Харьковѣ въ 1918 году нѣмцы говорили мнѣ, что полевыхъ войскъ въ Восточной Пруссіи было только 4½ армейскихъ корпуса и 1 кавалерійская дивизія; по запискамъ Людендорфа въ самый рѣшительный моментъ операціи имъ удалось собрать около 14 пѣх. дивизій; при чемъ здѣсь не было ни одной части снятой съ французскаго фронта: вся операція выполнена только тѣми ничтожными численно, но сильными духомъ войсками, которыя были оставлены съ начала войны для защиты восточныхъ границъ Германіи.

Прежде всего, нѣмцы двинули всѣ свободныя силы (около 3-хъ арм. корпусовъ) противъ Рененкампфа, начавшаго раньше наступленіе, и выдвинулись впередъ до Гумбинена, совершенно игнорируя 2-ю русскую Армію.*) Это было очень рискованное наступленіе, если бы русскія войска были хорошо управляемы и иначе воспитаны. Но нѣмцы знали хорошо Россію и вѣрили въ доблесть своихъ солдатъ и патріотизмъ населенія, оставшагося въ тылу наступавшихъ германскихъ корпусовъ. И въ этомъ они не обманулись.

Бой 6-го августа подъ Гумбиненомъ причинилъ 1-ой русской Арміи большія потери, не только убитыми и ранеными, но и плѣнными.**) Но онъ же показалъ нѣмцамъ, что силы противника только на этомъ участкѣ фронта вдвое превосходятъ ихъ численностью, а потому германскій генералъ Притвицъ принялъ рѣшеніе: отойти къ линіи Мазурскихъ озеръ и даже за линію крѣпостей на Вислѣ. Это рѣшеніе привело къ отходу германскихъ войскъ послѣ боя у Гумбинена и къ смѣнѣ генерала Притвица генераломъ Гинденбургомъ, которому начальникомъ его штаба былъ назначенъ генералъ Людендорфъ — отличившійся уже большою доблестью и предпріимчивостью въ Бельгіи. Первое обстоятельство позволило Рененкампфу возвѣстить на весь міръ о своей «побѣдѣ» подъ Гумбиненомъ; а второе — вмѣсто отхо-

*) Противъ 2-ой русс. Арміи былъ оставленъ только одинъ нѣм. Корпусъ.

**) Говорятъ, что Рененкампфъ собирался отступить. Не знаю — правда — ли это? Нѣмцы считаютъ сраженіе подъ Гумбиненомъ своею побѣдою. Думаю, что они близки къ истинѣ.

да германскихъ войскъ за Вислу, дало германскому оружію новую славную страницу въ исторіи военнаго дѣла, а всей германской Арміи новую энергію, націи же — основаніе для моральнаго подъема.

«Побѣдитель» подъ Гумбиненомъ (Рененкампфъ) двигался впередъ весьма медленно; а въ это время «побѣжденный» шелъ на сосредоточеніе своихъ силъ противъ Арміи Самсонова, достигшей къ 13-му августа линіи Гроссъ—Бессау (6-й арм. корпусъ) и Сольдау (1-й арм. корпусъ), имѣя всѣ 5 корпусовъ на уступахъ справа налѣво, съ общимъ направленіемъ Арміи на Алленштейнъ. Какъ развивалась «Таненбергская» операція съ германской стороны, видно изъ записокъ Людендорфа. Германское командованіе выполнило вновь опасный и рискованный планъ, расчитывая, конечно, на качества русской Арміи, кои ген. Гинденбургъ зналъ хорошо (см. выше).

Если бы двѣ русскія Арміи были бы рѣшительно двинуты ихъ общимъ командованіемъ, которое имѣло бы вліяніе на войска и употребило бы это вліяніе для сообщенія имъ надлежащаго импульса и стойкости, то нѣмцы, весьма вѣроятно, имѣли бы подъ Таненбергомъ свой Седанъ! Но... 12-го августа генералъ Самсоновъ появился на фронтѣ своей Арміи, что я считаю вполнѣ правильнымъ. Командиръ лѣвофланговаго корпуса, генералъ А—въ, клялся ему въ стойкости своей и войскъ, и обѣщалъ держать Сольдау во всякомъ случаѣ и... при первомъ натискѣ германской резервной дивизіи, шедшей отъ Торна, бросилъ Сольдау и отступилъ на югъ. Самсоновъ былъ въ это время въ слѣдующемъ вправо корпусѣ (23-мъ)*). Положеніе центральныхъ корпусовъ 2-й Арміи (15-й и 13-й арм. корпуса) сразу измѣнилось къ 14-му августа: противникъ появился не только съ фронта, но главнымъ образомъ съ фланговъ (вслѣдствіе ухода назадъ двухъ нашихъ фланговыхъ корпусовъ).

Наши 15-й и 13-й корпуса, гдѣ былъ и ген. Самсоновъ, вынуждены были перемѣнить фронтъ на западъ (о чемъ я знаю, по доставленной мнѣ капитаномъ Ген. Шт. Патроновымъ картѣ, захваченной въ Германскомъ ав-

*) Одна дивизія; другая еще не подошла изъ Варшавы.

томобилѣ 16-го или 17-го августа у Ортельсбурга). Но положеніе было бы не безнадежнымъ, если бы правофланговый корпусъ (6-й арм.) выполнилъ свой долгъ и не открылъ бы германцамъ совершенно свободный путь къ центральнымъ корпусамъ.

А на правомъ флангѣ Арміи происходило слѣдующее: 6 арм. корпусъ, не имѣя передъ собою ни одного нѣмецкаго солдата, безпрепятственно дошелъ къ 13-му августа до Гроссъ-Бессау (около 100 километровъ къ сѣверу отъ русской границы). Здѣсь впервые онъ встрѣтился съ германцами. То были 17-й германскій корпусъ, спѣшившій отъ Гумбинена для выхода во флангъ и тылъ нашимъ 13-му и 15-му корпусамъ, перемѣнившимъ уже поневолѣ фронтъ на западъ. Нѣмецкій корпусъ былъ принятъ командиромъ 6-го арм. корпуса за... «бѣгущіе отъ Ренненкампфа и нынѣ перехваченные 6-мъ корпусомъ остатки, разбитыхъ подъ Гумбиненомъ германскихъ войскъ!» А «остатки» — эти открыли такой огонь по 4-й пѣх. дивизіи, что отъ двухъ ея полковъ сохранились дѣйствительно только остатки, при чемъ знамя одного изъ нихъ, бывшее подъ Гроссъ-Бессау очутилось... въ Смоленскѣ.

Командиръ корпуса генералъ Б—й заметался; началъ дергать 16-ю пѣхотную дивизію, требовать ее къ себѣ («сюда, сюда»), а въ результатѣ за одну только ночь съ 13-го на 14-е августа корпусъ отошелъ назадъ, къ Менсгуту, т. е. на 25—30 верстъ, сдѣлавъ сразу рѣшительный шагъ для открытія германцамъ свободнаго пути къ центральнымъ корпусамъ 2-й Арміи, бывшимъ и безъ того уже въ трудномъ положеніи.

Все это я знаю изъ бумагъ и разсказовъ, послѣ того какъ сдѣлался начальникомъ штаба 6-го армейскаго корпуса.

Мое назначеніе послѣдовало по телеграммѣ генерала Самсонова, посланной въ штабъ 6-го корпуса, вѣроятно, еще изъ Остроленки (тамъ былъ Штабъ арміи) или изъ Сольдау. Въ трудныя минуты ген. Самсоновъ назначилъ: полковника Крымова — начальникомъ штаба лѣвофланговаго корпуса, а меня — право-фланговаго корпуса.

Но я былъ не на фронтѣ, а далеко въ тылу 6-го корпуса, оставленный «для охраненія тыла», въ наказаніе за строптивость. Ко мнѣ не доходили никакія приказанія и извѣстія, и я могъ бы не получить свѣдѣній о моемъ назначеніи, если бы не... «строптивость»...

Простоялъ съ полкомъ (у Мышинца) въ тылу корпуса 3 дня (съ 10-го по 12-е августа) и не получая никакихъ отвѣтовъ на мои вопли о томъ, что противъ меня никакого противника нѣтъ и быть не можетъ, что я стою въ тылу зря, что неприлично для полка подъ двумя Георгіевскими Штандартами, — я «бросилъ ввѣренный мнѣ постъ» и пошелъ впередъ, 13-го августа.

Въ первый же день (13 августа) я лично (съ однимъ офицеромъ поручикомъ Гоммеромъ) достигъ Ортельсбурга. гдѣ и узналъ о своемъ назначеніи начальникомъ штаба 6-го арм. корпуса. Но тогда драма 6-го корпуса только начиналась; всѣ были еще спокойны, и я вернулся къ полку, сдѣлавшему уже около 40 верстъ.

14-го августа, оставивъ шедшій впередъ полкъ на рукахъ старшаго офицера, я поторопился къ новой моей должности. Но уже на выѣздѣ изъ Ортельсбурга я былъ задержанъ обозной лавиной, текшей съ сѣвера на югъ. То были обозы 6-го корпуса, отходившіе въ великомъ безпорядкѣ. Чего только тутъ не было? И раненные, и проволка, и тяжелая артиллерія, и даже понтонный паркъ... Все это тащилъ корпусъ у себя «на хвостѣ», все это было безформенно и уже тогда — развратно велико. А вѣдь еще весь Ортельсбургъ былъ буквально забитъ обозами 6-го корпуса, не исключая всѣхъ заводныхъ и больныхъ лошадей 4-й кавалерійской дивизіи.

Всю жизнь я боролся съ обозами, а на войнѣ объявилъ имъ форменную войну, особенно послѣ роли ихъ въ катастрофѣ 2-й Арміи.

Я приказалъ обозамъ — идти за Ортельсбургъ, не закрывая пути войскамъ; а самъ, лавируя между повозокъ, спѣшилъ впередъ.

Въ 2 часа дня я достигъ Менсгута; тамъ нашелъ штабъ 6-го армейскаго корпуса и узналъ о случившемся 13-го августа, вѣрнѣе въ только что истекшую ночь.

— Не дурненькое положеніе! Подумалъ я. Но раздумывать было некогда: штаба мнѣ никто не сдавалъ; приходилось разбираться и доискиваться всего самому,*) къ тому же событія развивались быстро и паническія волны въ штабѣ корпуса поднимались одна за другою...

Событія этого дня дали бы большой матеріалъ для изслѣдователя паникъ и вообще массоваго страха, но для меня и тогда и теперь все дѣло представляется — въ отсутствіи надлежащихъ верховъ, которые не только не давали надлежащаго примѣра, но сами первые заражались паникой. И это было вовсе не только 14-го августа въ Менсгутѣ, въ верхахъ 6 корпуса. Это было во многихъ мѣстахъ и въ теченіи всей войны.

Вы видѣли выше, что дѣлалось на границѣ въ дни мобилизаціи, до нея и послѣ нея? Какъ сносились свои деревни и разрушались желѣзныя дороги въ тылу у своихъ войскъ? Дальше вы увидите — какъ уходила 2-я армія къ Бѣлостоку, не имѣя передъ собою противника; какъ поступили съ 6-мъ корпусомъ высшіе верхи въ сентябрѣ, послѣ того, какъ корпусъ этотъ освободилъ кр. Осовецъ, сбросивъ нѣмцевъ въ одну ночь, отъ Осовца къ Лыку; какъ отступали русскія Арміи въ 1915 году... Если бы паника и другія пагубныя явленія и дурныя качества имѣли мѣстный, единичный характеръ, то я даже не упоминалъ бы о нихъ: мало-ли чего не бываетъ въ самыхъ лучшихъ Арміяхъ? Но наше горе, наша драма въ томъ и состоитъ, что все мною иллюстрируемое нѣкоторыми фактами есть черты и явленія общія: иначе мы и не проиграли бы войны 1914—16 годовъ.

Паники въ штабѣ 6-го корпуса вспыхивали 14-го августа три раза. Знамя Н казачьяго полка, сопровождаемое конвоемъ, стремглавъ неслось черезъ весь Менсгутъ къ мосту черезъ ручей. — Спасайся кто можетъ! Крича-

*) Мой предшественникъ исчезъ въ моментъ поднявшейся въ штабѣ очередной паники такъ незамѣтно, что его не видѣлъ никто, и только черезъ двѣ недѣли, по его телеграммѣ изъ Бѣлостока., я узналъ, что онъ живъ и здоровъ и живетъ въ Бѣлостокѣ.

Думаю, что онъ „драпнулъ“ часа въ три дня на автомобилѣ генерала Самсонова, присланномъ 14-го августа черезъ Пассенгеймъ въ Менсгутъ...

ли бѣглецы. Какой то подесаулъ съ манджурскимъ георгіемъ принялъ свой быстро отступающій разъѣздъ за германскую кавалерію и жестоко перепугалъ командира корпуса. Роты и баталіоны пострадавшихъ 13 августа полковъ 4-ой пѣхотной дивизіи самовольно уходили въ тылъ, увеличивая безпорядокъ въ обозахъ. А командиръ корпуса дошелъ до того, что просилъ меня поторопить прибытіе моего полка, чтобы онъ остался въ Менсгутѣ. Я сдѣлалъ первое, но распорядившись вторымъ, сконфузился и направилъ полкъ на лѣвый флангъ авангардовъ, т. е. въ самый опасный участокъ. До 3½ часовъ дня я метался по Менсгуту — то преграждая путь бѣгущему знамени, то перехватывая у моста (близъ штаба) роты и баталіоны, стремящіеся проскользнуть мимо штаба корпуса, то направляя охранныя роты (ихъ было двѣ) противъ воображаемой германской конницы, то торопя прибытіе моего полка, дѣлавшаго вторыя 40 верстъ въ жаркій лѣтній день!... Наконецъ, какъ будто все улеглось, и я подумалъ о необходимости углубиться въ карту; какъ вдругъ, повернувшись къ сѣверо-востоку, я увидѣлъ, что шоссе, шедшее къ 4-й пѣх. дивизіи, бывшее за минуту передъ тѣмъ почти пустымъ, — сейчасъ полно людьми. То былъ цѣлый полкъ пѣхоты во главѣ съ командиромъ полка и командиромъ бригады, полкъ — также шедшій назадъ безъ приказанія командира корпуса. Я былъ внѣ себя.

— Разрѣшите мнѣ выѣхать впередъ, дабы остановить отходы тамъ, гдѣ они зарождаются, обратился я къ командиру корпуса, доложивъ о появленіи у моста цѣлаго пѣхотнаго полка.

Разрѣшеніе было дано, и взявъ съ собою капитана генеральнаго штаба Сторожева, я отправился на штабномъ автомобилѣ вдоль колонны Л—го пѣх. полка.

Встрѣтивъ командира полка, а потомъ и командира бригады, я сказалъ каждому изъ нихъ:

— Я — вновь назначенный начальникъ штаба корпуса.

Именемъ командира корпуса, приказываю Вамъ: повернуть кругомъ вашу часть и ждать моего возвращенія.

— Но здѣсь держаться нельзя! возразилъ мнѣ командиръ бригады, генералъ Нечволодовъ.

— Ваше Превосходительство! я съ Вами не разговариваю, а приказываю вамъ! отвѣтилъ я, стоя въ автомобилѣ и держа руку у козырька передъ сидѣвшемъ на конѣ генераломъ.

На позиціи другого изъ уцѣлѣвшихъ полковъ 4-й пѣх. дивизіи я нашелъ начальника дивизіи генерала Комарова и начальника его штаба полковника Сербиновича. Нельзя сказать, чтобы видъ ихъ былъ «бодрый». Начальникъ дивизіи говорилъ, что Л—й полкъ онъ направилъ назадъ, но что съ другимъ полкомъ онъ остается въ авангардѣ (вѣрнѣе «арьергардѣ»)... Въ это время раздался первый артиллерійскій выстрѣлъ противника (часовъ 5 дня).

— Что намъ дѣлать? обратился ко мнѣ генералъ Комаровъ.

— Это германская кавалерія, и если даже это цѣлая кавалерійская дивизія, то вы можете разбить ее однимъ баталіономъ, какъ сдѣлали нѣмцы 27 іюля подъ Бельцонциномъ, отвѣтилъ я.

Вернувшись въ Менсгутъ, я не нашелъ уже остановленнаго мною Л—го пѣх. полка: только хвостъ его я видѣлъ за мостомъ!.. Негодованію моему не было предѣла. Все, что я видѣлъ и пережилъ въ этотъ день душило, давило, мучило меня, не только своимъ непосредственнымъ вліяніемъ, но и какъ ясное для меня слѣдствіе всего творившагося въ мирное время и какъ предвѣстникъ будущаго краха.

Я бросился къ сидѣвшему на улицѣ командиру корпуса съ жалобой на полкъ, на командира бригады.

— Но здѣсь держаться нельзя. Полковникъ Залѣсскій требуетъ невозможнаго. — Послышался чей-то голосъ изъ-за спины командира корпуса.

— Не «нельзя», а — должно! возразилъ я рѣзко командиру бригады генералу Н....ву, полкъ котораго только-что ушелъ назадъ (это былъ онъ).

— Но мы не можемъ сейчасъ спорить объ этомъ, — пордолжалъ я, — командиръ корпуса долженъ сказать: на чьей онъ сторонѣ и отдать соотвѣтствующія распоря-

женія, дабы части не были предоставлены сами себѣ. Отходы частей и обозовъ уже дали плоды: Ортельсбургъ весь въ огнѣ, жители обстрѣливаютъ наши обозы, загорается уже Менстутъ: или — оборона и борьба, или — организованный отходъ.

— Я разрѣшилъ Л—му пѣх. полку уходить. Признался наконецъ командиръ корпуса, видимо конфузясь.

— Тогда и спорить нечего, а надо писать приказъ, дабы сохранить хоть какой нибудь порядокъ...

Приказъ объ отходѣ къ Ортельсбургу былъ написанъ и разосланъ по дивизіямъ, послѣ чего командиръ корпуса приказалъ подать штабные автомобили.

Помню, какъ будто это было вчера: въ полумракѣ вечера, подъ несмолкаемый грохотъ проходящихъ черезъ мостъ повозокъ, лошадей, крики людей; подъ характерный трескъ горѣвшаго вблизи дома, — шесть подъѣхавшихъ съ зажженными фонарями автомобилей казались какими-то глазастыми чудовищами, внутри которыхъ что-то гудѣло и клокотало, усугубляя жуткій и позорный шумъ спѣшно остступающихъ русскихъ войскъ... А на горизонтѣ, гдѣ-то за лѣсомъ, горѣлъ Ортельсбургъ, и зарево его, охватывая половину неба, зловѣще освѣщало путь шедшимъ къ нему русскимъ войскамъ. Кое гдѣ раздавались одиночные выстрѣлы. На лицахъ людей былъ ясный отпечатокъ какой-то тревожной мысли. Всѣ спасали себя... Скверно и жутко было тогда... Штабъ корпуса размѣстился въ автомобиляхъ кое-какъ, вперемѣшку.

— Что же Вы? Садитесь скорѣе куда-нибудь! обратился ко мнѣ командиръ корпуса. Но я стоялъ недвижно, какъ истуканъ. Только послѣ ряда обращеній ко мнѣ изъ нѣсколькихъ автомобилей, я очнулся, приказалъ подать мой «вьюкъ», ходившій всегда за мною и бросилъ его на ноги полковнику генеральнаго штаба А. К. Разгонову, давно присланному изъ штаба Арміи «для связи».

— Я съ вами не поѣду, отвѣтилъ я командиру корпуса, и пригласилъ остаться со мною въ Менстутѣ подполковника Тиличеева.

По отъѣздѣ командира корпуса, мнѣ вторично пришлось остановить знамя Н казачьяго полка; я приказалъ ему слѣдовать за мною и рысью пошелъ полемъ въ сторо-

ну противника. Къ сѣверу отъ Менсгута я нашелъ двѣ роты Казанскаго пѣх. полка и одну казачью сотню, выдвинутыя для прикрытія штаба. Онѣ были въ весьма перепуганномъ и даже комическомъ положеніи: цѣпь ротъ стояла тыломъ одна къ другой, въ разстояніи 40—50 шаговъ другъ отъ друга!

Такой ужъ злополучно-гнусный день выпалъ на мою долю: трагизмъ соединялся въ немъ съ комизмомъ. Но, увы, этотъ день былъ уже не первый и далеко не послѣдній!... Подобравъ и направивъ послѣднія двѣ роты и казачью сотню, я присоединился къ 4-й кавалерійской дивизіи, составлявшей лѣвую колонну корпуса.

Заночевавъ вмѣстѣ съ 4-й кавалерійской дивизіей въ деревнѣ Граменъ, я послалъ оттуда донесеніе генералу Самсонову. Для этого я выбралъ одинъ изъ лучшихъ взводовъ своего (тогда уже «бывшаго моего») полка съ надежнымъ офицеромъ поручикомъ К. В. Терпиловскимъ, и далъ ему порученіе: во чтобы то ни стало доставить мое донесеніе генералу Самсонову и передать ему мое словесное добавленіе о всемъ, что я видѣлъ 14-го августа въ 6-мъ арм. корпусѣ и прежде всего о поведеніи командира корпуса генерала Б....го.

Мѣстопребываніе Самсонова я опредѣлилъ гадательно у Едвабно, въ чемъ и не ошибся...

Не смотря на крайнее утомленіе полка, доблестный офицеръ и люди несравненнаго тогда Екатеринославскаго драгунскаго полка, коимъ я имѣю право гордиться — прорвались черезъ линію непріятельскихъ разъѣздовъ (17-й германскій корпусъ своими передовыми частями уже былъ на нашемъ флангѣ и пробирался въ тылъ центральнымъ корпусамъ 2-й Арміи), разбилъ нѣмецкій разъѣздъ, захвативъ часть его лошадей и нашелъ генерала Самсонова. Мало того: мой взводъ прорвался на другой же день 15 августа) назадъ и вручилъ мнѣ приказъ генерала Самсонова въ ту самую минуту, когда я давалъ «бой» командиру корпуса,*) доказывая ему, что мы должны держаться у Ортельсбурга, и что онъ генералъ Б...й долженъ не-

*) Утромъ 15-го августа я нашелъ командира корпуса не въ той деревнѣ, которая была мною назначена для штаба корпуса.

медленно отмѣнить свой приказъ, данный въ мое отсутствіе ночью (съ 14-то на 15-е августа), разрѣшавшій дивизіямъ дальнѣйшее отступленіе! Я не описываю этого спора, ибо онъ, конечно, прекратился, когда мы прочли приказъ генерала Самсонова, гласившій дословно слѣдующее: «6-му арм. корпусу держаться у Ортельсбурга. Отъ вашей стойкости зависитъ исходъ всей операціи. 4-ую кавалерійскую дивизію пошлите на Пассенгеймъ».

Для характеристики нашихъ «вождей» я не могу умолчать, что получилъ не похвалу, а выговоръ отъ командира корпуса за то, что дерзнулъ послать донесеніе генералу Самсонову, безъ него — генерала Б—го.

Этотъ ничтожный человѣкъ не понималъ, очевидно, обстановки и думалъ, что мы находимся на маневрахъ мирнаго времени.

15-то августа я носился по всѣмъ дорогамъ южнѣе Ортельсбурга, перехватывая части корпуса и передавая имъ приказъ о возвращеніи къ Ортельсбургу. Это нужно было дѣлать самому — такъ какъ мѣста нахожденія и штабовъ и частей были извѣстны въ штабѣ корпуса лишь приблизительно; благодаря приказу данному лично командиромъ корпуса въ ночь съ 14-го на 15-е августа, я же хотѣлъ во чтобы то ни стало вернуть части къ Ортельсбургу. Но и мнѣ оказалось это не легко, такъ какъ части... не вѣрили приказу и были настроены весьма скептически.

Когда я поймалъ одинъ изъ баталіоновъ и передалъ ему приказъ о возвращеніи, командиръ баталіона отвѣтилъ мнѣ тономъ мольбы:

— Оставьте насъ, господинъ полковникъ, мы идемъ въ Россію!...

Къ 16-му августа удалось подтянуть къ Ортельсбургу только 16-ю пѣх. дивизію; 4-я пѣхотная такъ и не дошла обратно. А 4-я кавалерійская, направленная 15-го ночью на Пассенгеймъ, совершенно неожиданно для меня къ утру 16-го августа очутилась на прежнемъ мѣстѣ южнѣе Ортельсбурга.

Оказалось, что она натолкнулась у д. Граммен на квартиро-бивак германской кавалеріи и — вмѣсто нападенія на нѣмцев, начальник дивизіи, видимо, потерявшій уже сердце, поспѣшно удалился вспять.

Он побоялся обратить на себя дѣйствія германской кавалеріи!..

Он дал возможность Германцам продолжать движеніе в тыл нашим 13 и 15 корпусам. Генерал Благовѣщенскій оправдывал все утомленіем войск...

Весь день 16-го и всю ночь на 17-ое августа гремѣла нескончаемая канонада, гдѣ то далеко от нас, к западу.

То нѣмцы дрались уже в превосходных силах с нашими центральными корпусами, а 17-го августа окруженіе наших корпусов было закончено, и послѣ убійственнаго растрѣла колонн, закупоренных в лѣсах Хюхенштейна и Едвабно, брали их в плѣн цѣлыми частями. Наш 6-й армейскій корпус безмолвно прислушивался к этой жгучей канонадѣ — 4-я пѣхотная и 4-я кавалерійская, бездѣйствуя по винѣ своих начальников, а 16-я пѣхотная — ведя бой у Ортельсбурга с частью 17-го германскаго корпуса, в то время, когда другая его часть была уже в тылу нашей центральной группы... (XIII и XV корпуса).

Генерал Самсонов, видя, что все потеряно, хотѣл лично проскочить к 6-му корпусу на Вилленберг, но здѣсь был перехвачен какой-то передовой кавалерійской германской частью и бросился пѣшком в лѣс в сопровожденіи своего штаба. Однако, он не мог долго идти быстро в лѣсу без дороги и при том ночью.

Почуяв под утро погоню, штаб поднялся со своего ночного привала, но Самсонов не мог поспѣвать за молодыми людьми, а эти молодые не догадались взять на руки и нести своего начальника. Самсонов отстал и, брошенный всѣми, кромѣ одного солдата, застрѣлился...*)

Так закончилась Таненбергская операція германцев — полным пораженіем 2-й русской Арміи, гибелью

*) Все это я знаю хорошо, не только по моей службѣ и присутствію в единственно уцѣлѣвшем корпусѣ 2-ой Арміи, но и как знакомый с семьею генерала Самсонова.

одного изъ лучшихъ русскихъ генераловъ и тріумфомъ Гинденбурга, имя котораго загремѣло по всей Германіи, возбуждая ея духъ, какъ радуетъ всѣхъ первый весенній громъ. Но это были лишь первые вѣстники славы Гинденбурга, его сподвижниковъ и всей Германіи.

— Die russische Armee Narew ist vernichtet! писалъ въ своемъ приказѣ генералъ Моргенъ, командиръ 1-го резервнаго германскаго корпуса. Онъ былъ правъ: только 6-й нашъ корпусъ сохранился болѣе или менѣе; отъ 13-го и 15-го ничего не осталось; а отъ 1-го и 23-го — половинки или трети составовъ.

Нѣмцы не преслѣдовали остатковъ 2-й нашей Арміи: у нихъ было очень мало кавалеріи, а впереди была новая серьезная операція. А поэтому, предоставивъ русскимъ отступать по инерціи (что они и дѣлали, катясь безостановочно къ линіи р. Нарева), нѣмцы двинулись южнѣе Мазурскихъ озеръ на Лыкъ, въ обходъ 1-й русской Арміи Ренненкампфа. Послѣдній прочно застрялъ тогда на линіи Мазурскихъ озеръ и удивительно бездарно подвинулъ свой фронтъ къ Кенигсбергу; вслѣдствіе чего его лѣвый флангъ, бывшій 9-го августа въ полномъ соприкосновеніи съ правымъ флангомъ 2-й Арміи, *) оторвался сильно отъ нея; такимъ образомъ, къ 14-му августа непосредственной связи частей 2-й и 1-й арміи уже не было.

Когда Ренненкампфъ почувстовалъ обходъ лѣваго фланга значительными силами германцевъ, онъ началъ спѣшно отходить, подавая примѣръ спѣшности... Подробностей этой второй катастрофы я не знаю; но оффиціально было извѣстно, что 1-я Армія потеряла всю свою артиллерію...

И хотя Ренненкампфъ, со свойственной ему «смѣлостью», заявлялъ, что «армія его готова къ новому наступленію», тѣмъ не менѣе въ правдивость этихъ заявленій позволительно сильно усумниться! По крайней мѣрѣ, такого наступленія больше не послѣдовало, и къ

*) 9-го августа, къ великому возмущенію ген. Т. я занялъ однимъ моимъ эскадрономъ г. Іоганисбургъ, а къ вечеру того же дня туда вошелъ авангардъ 2-го корпуса І-ой Арміи. „Возмущеніе" базировалось на томъ, что Іоганисбургъ былъ на флангѣ и нѣсколько впереди даннаго мнѣ для развѣдки фронта. Это развѣ не иллюстрація нравовъ и навыковъ мирнаго времени?!

концу августа въ Восточной Пруссіи не было ни одного русскаго солдата, кромѣ многочисленныхъ плѣнныхъ 2-й и 1-й русскихъ Армій.

Слава Гинденбурга и Людендорфа была сдѣлана.

Они спасли Германію и Германія узнала въ нихъ большихъ вождей, имена коихъ могутъ теперь смѣло соперничать съ лучшими военными именами всего міра.

А что дѣлали затѣмъ наши злополучные «полководцы», всѣхъ ранговъ и положеній на этомъ, т. е. сѣверо-западномъ фронтѣ?

— Обнаруживали всѣ признаки продолжающейся паники и неумѣнія разбираться въ обстановкѣ.

Я отъиллюстрирую это положеніе фактами:

1) Въ дни катастрофы 2-й арміи, въ штабѣ ея оставался замѣститель начальника штаба, который загналъ обозы 6-го корпуса за Наревъ, а хлѣбопекарни въ.. Молодечно!

Взгляните на карту: гдѣ Мышинецъ, Остроленка и гдѣ Молодечно!!

2) Когда 6-й корпусъ, разбивъ германскій заслонъ у Мышинца 27 августа,*) хотѣлъ двинуться дальше на Ортельсбургъ, во флангъ и тылъ германцамъ, обошедшимъ Ренненкампфа — ему было приказано свыше: «не переходить границу», а на другой день: «отходить къ Остроленкѣ». Такія распоряженія можно объяснить только непониманіемъ обстановки, неумѣніемъ разбираться въ ней, или явно ложными донесеніями и неумѣніемъ ихъ повѣрять, или правильно организовывать развѣдку, а вѣрнѣе — опять таки мирными навыками: одни лгутъ въ донесеніяхъ, другіе не разбираются въ нихъ, не имѣютъ военнаго чутья и не угадыва-

*) Въ день увольненія отъ должности и отъѣзда генерала Благовѣщенскаго временное командованіе перешло къ начальнику артиллеріи корпуса генералъ-лейтенанту М.

ютъ обстановки; къ тому же сидятъ въ штабѣ и дѣйствительности не видятъ!

3) стоя въ раіонѣ Остроленки (въ началѣ сентября 1914 года), я ѣздилъ нѣсколько разъ въ Штабъ 2-й Арміи (Островъ) и докладывалъ тамъ, что ближе Прасныша противника нѣтъ, да и тамъ стоитъ какая-то «резерва» (что потомъ и оправдалось). Но кто-то доносилъ другое, а именно — о движеніи 3-хъ германскихъ корпусовъ на Млаву, что было явнымъ вздоромъ, измышленнымъ какимъ нибудь легкомысленнымъ корнетомъ и переданнымъ безъ повѣрки такими каррикатурами на кавалерійскихъ начальниковъ, какъ генералъ Л—овъ и генералъ Р....ъ. (Если я взвелъ поклепъ на этихъ двухъ личностей, то не ошибся вообще; ибо они выявили себя на моихъ глазахъ не однажды, когда я былъ начальникомъ штаба 1-го кавалерійскаго корпуса).

4) Подъ вліяніемъ лживыхъ донесеній, остатки 2-й Арміи стали безпричинно отходить къ Бѣлостоку, мѣняя почему-то фронтъ на западъ. 9-го сентября было приказано бросить Ломжу, увезя, что возможно.

Но еще 8-го сентября я лично былъ въ 17 верстахъ сѣвернѣе Ломжи и убѣдился, что противника нѣтъ ближе Щучина (50 верстъ отъ Ломжи), да и то не больше бригады кавалеріи. Конечно, я предложилъ временно-командовавшему корпусомъ генералу Рих. не исполнять такого приказа, не бросать Ломжу, и ген. Рих. санкціонировалъ мое предложеніе. Къ чести его я долженъ сказать, что онъ разрѣшилъ даже выдвинуть по баталіону отъ каждой дивизіи пѣхоты на линію Едвабно—Кобылинъ (15—17 верстъ сѣвернѣе Ломжи), и даже согласился на тайное сосредоточеніе въ Ломжѣ всей 4-й пѣхотной дивизіи; только одинъ баталіонъ ея былъ оставленъ въ Остроленкѣ, на переправѣ.

Такимъ же образомъ, потихоньку, втайнѣ отъ паническихъ верховъ, подтянута была къ Визнѣ 16-я пѣх. дивизія.

5) Узнавъ о выдвиженіи сѣвернѣе Нарева двухъ баталіоновъ, штабъ Арміи прислалъ телеграмму: «немедленно убрать за Наревъ два батальона, выдвинутые вами къ Кобылину и Едвабно».

Конечно, приказаніе это мною исполнено не было... Наглядѣвшись на непрерывный рядъ доказательствъ полной несостоятельности нашихъ верховъ, я рѣшилъ идти своею дорогой, не останавливаясь ни передъ чемъ (тогда въ душѣ, вмѣстѣ съ огнемъ негодованія горѣлъ огонь надежды, что уроки верхамъ не пропадутъ даромъ для Россіи).

Въ тотъ же день, кажется, 12 сентября 1914 г., я отправился въ Бѣлостокъ въ штабъ Арміи и Фронта (Главнокомандующимъ былъ уже ген. Рузскій вмѣсто Жилинскаго). На пути я встрѣтилъ офицера оперативнаго отдѣленія штаба Арміи подполковника Андогскаго (потомъ начальника Академіи Генеральнаго Штаба въ дни Керенскаго). Въ отвѣтъ на мои обвиненія верховъ въ паническомъ настроеніи и неумѣніи понимать обстановку — подполковникъ Андогскій на ухо прошепталъ мнѣ:

«Приказано перейти къ стратегіи 1812 года».

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! злобно отвѣтилъ я.

Эти ссылки на 1812 годъ, какъ на образецъ въ области военнаго дѣла, всегда возмущали меня. Годъ этотъ не изученъ нами добросовѣстно, а потому нельзя дѣлать на него ссылки, и тѣмъ болѣе брать въ немъ образцы для современной войны; кромѣ, конечно, доблести, проявленной тогда и генералами и солдатами.

Эпизодъ съ двумя баталіонами закончился тѣмъ, что вернувшись изъ Бѣлостока и узнавъ объ отходѣ баталіона изъ Кобылина и о какой-то неустойкѣ или опасности у Едвабно (не помню точно), я нашелъ въ себѣ импульсъ для немедленной передачи приказа (отъ имени временно командующаго корпусомъ): «занять Кобылинъ полкомъ пѣхоты, а Едвабно бригадою пѣхоты». И уже post factum доложилъ объ этомъ и получилъ санкцію генерала Рихтера.

6) 12 сентября 1914 г. началась бомбардировка германцами крѣпости Осовца. По первымъ донесеніямъ было ясно, что крѣпость долго не удержится. Между тѣмъ сосредоточеніе 6-го армейскаго корпуса на линіи Визна — Ломжа (правда «въ тайнѣ» отъ штаба Арміи) такъ и толкало мысль къ «деблокадѣ» Осовца помощью простого движенія этого корпуса впередъ — къ Щучину: нѣмцы

должны были бы немедленно уйти отъ Осовца, ибо короткимъ движеніемъ къ Граеву 6-го корпуса, они запирались бы у Осовца, какъ мышь въ мышеловкѣ. Генералъ Рих. вполнѣ раздѣлялъ мои взгляды, равно какъ и вся молодежь въ штабѣ 2-й Арміи. Но верхи упорно не видѣли дѣйствительности и, на всѣ мои предложенія и мольбы*) былъ одинъ отвѣтъ — и мнѣ, и генералу Рих.: «ваши предложенія не соотвѣтствуютъ видамъ Главнокомандующаго».

Не знаю какіе «виды» представлялись генералу Рузскому, но черезъ нѣсколько дней онъ «соблаговолилъ» согласиться и дать разрѣшеніе на просимое движеніе 6-го корпуса, хотя и вынудилъ меня вновь совершить актъ неисполненія приказа, ибо — понимая тяжелое положеніе Осовца и считая неприличнымъ безучастное созерцаніе сосѣднихъ войскъ, я изготовилъ приказъ для наступленія 6-го корпуса вечеромъ 1 сентября, т. е. до полученія телеграммы изъ штаба Арміи, и даже притянулъ въ Ломжу баталіонъ, занимавшій переправу у Остроленки, т. е. послѣдній баталіонъ, оторванный отъ корпуса.

7) Правдивое изложеніе операціи «деблокады Осовца» въ сентябрѣ 1914 г. иллюстрируетъ, не только недальновидность верховъ и неумѣніе ихъ разбираться въ обстановкѣ, но многое другое, касающееся — и верховъ, и середины, и низовъ іерархіи. Легко разоблачить чью-то ложь о доблестной защитѣ Осовца, который фактически сидѣлъ, какъ «мышь подъ метлою», покорно ожидая своей участи...

Телеграмма командующаго Арміей, полученная въ штабѣ 6-го корп. ночью 15—16 сентября, начиналась словами: «Завтра, можно ждать штурма Осовца»...*) Она доказываетъ, что сказку объ «успѣшной самозащитѣ Осовца» поддержали верхи (т. е. попросту солгали, или не знали — что для дѣла безразлично). Они и Государю такъ доложили, и привезли Его потомъ въ Осовецъ —

*) Я лично просилъ не только въ штабѣ Арміи, но и въ штабѣ Фронта у генерала Орановскаго.

**) 16-го сентября, Осовецъ палъ бы, если бы 6-ой корпусъ не былъ уже 16-го же сентября близъ Щучина (штабъ корпуса былъ въ Ставискахъ).

что-то показывать, и Онъ раздавалъ георгіевскіе кресты людямъ, не имѣвшимъ на то никакого права. (Напримѣръ генералъ Шульманъ).

Эта же операція показываетъ, что неисполненіе приказаній допустимо только тогда, когда оно направлено къ пользѣ дѣла, а не къ шкурничеству и продиктовано желаніемъ сдѣлать лучше, а не желаніемъ уклониться отъ трудовъ, лишеній, опасности и риска.

Какъ и слѣдовало ожидать, первый переходъ (16-го сентября) выполненъ былъ 6-мъ корпусомъ безпрепятственно. Нѣмецкая кавалерійская бригада отошла такъ спѣшно, что нѣмецкіе офицеры не успѣли пообѣдать и выпить свое вино въ Ставискахъ. Первый день прошелъ гладко, за исключеніемъ того, что начальникъ 15 кавалерійской дивизіи генералъ Любоміровъ, подчиненный въ этотъ день командиру 6-го корпуса на время этой операціи не прибылъ съ дивизіею изъ раіона Остроленки въ раіонъ Кольно. Потомъ этотъ генералъ оправдывался тѣмъ, что онъ «не понялъ приказанія». Такіе генералы, которые «не понимаютъ» приказаній идти впередъ, на работу, вмѣсто безтолковаго сидѣнія противъ пустого мѣста — (противъ Остроленки на 80 верстъ не было ни одного нѣмца), не имѣютъ права не исполнять приказаній.*)

17-го было много хуже. Противникъ, совершенно не ожидавшій появленія цѣлаго корпуса у него на флангѣ и даже въ тылу, вмѣсто штурма Осовца, бросился спѣшно снимать свои батареи съ позиціи. Но къ счастью для него — ни Осовецъ, ни 11-я сибирская стрѣлковая дивизія, долженствовавшая наступать отъ Осовца на Граево, не препятствовали нѣмцамъ въ ихъ спѣшной работѣ, и имъ удалось увезти за одну ночь всю свою осадную артилерію (пять группъ батарей, по 2—3 батареи въ каждой группѣ)**)!!.

Если бы указанныя части поступили бы иначе — то

---

*) Впослѣдствіи, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ дѣйствій, этого генерала наконецъ убрали за форменное бѣгство въ бою у Шидлово, въ раіонѣ р. Дубиссы, въ маѣ 1915 г.

**) Знаю это изъ карты, найденной въ одномъ изъ 6-ти автомобилей германскаго штаба, захваченныхъ въ Граевѣ баталіономъ 4-ой пѣх. дивизіи.

нѣмцы не вывезли бы изъ подъ Осовца ни одного тяжелаго орудія.

Чтобы скорѣе захватить жел. дорогу Граево — Лыкъ. были даны соотвѣтствующія приказанія 4-й кавал. дивизіи и 3-ей отдѣльной кавал. бригадѣ. Но ни та, ни другая — не выполнили своихъ задачъ, безъ всякихъ иныхъ причинъ кромѣ тенденціи уходить назадъ для... ночлега!

Даже начальникъ 4-й пѣх. дивизіи ген. М—ъ категорически утверждавшій, что онъ немедленно займетъ Граево — не исполнилъ даннаго ему приказа и даннаго имъ слова, и вечеромъ 17 сентября отдалъ распоряженіе объ отходѣ дивизіи отъ д. Попово (полъ пути между Щучинымъ и Граевымъ) къ Щучину. Къ счастью для насъ, баталіонъ Бѣлозерскаго полка, шедшій въ передовомъ отрядѣ еще на походѣ, этого приказанія не получилъ, и зная общую цѣль корпуса, — двигался потихоньку впередъ. Нѣмцы послѣ короткаго боя у д. Попово, стали подъ покровомъ ночи уходить. А баталіонъ Бѣлозерцевъ, ничего не подозрѣвая объ отступленіи своей дивизіи, шелъ да шелъ впередъ вдоль шоссе, и въ 10 час. вечера 17 сентября оказался у окраины Граева!

Подъ вліяніемъ двухъ дневнаго спѣшнаго отхода, нѣмцы, при видѣ русскихъ цѣпей у Граева, поддались паникѣ и бросились — кто куда могъ, оставивъ баталіону, безъ боя, штабные автомобили на ходу (у нихъ видимо штабы уходили не впереди войскъ, а послѣдними), съ заведенными машинами, два полевыхъ орудія, застрявшихъ на мосту и нѣкоторое число повозокъ обоза..

Рано утромъ 18-го сентября я былъ въ Граево и у себя на квартирѣ, покинутой мною цѣликомъ со всею обстановкой 19 іюля, т. е. мѣсяцъ назадъ. На квартирѣ я ничего, кромѣ разорванныхъ бумагъ не нашелъ; но близъ квартиры моей я встрѣтилъ разъѣздъ 11-ой сибирской стрѣлковой дивизіи, узнавшей съ удивленіемъ во мнѣ не германскаго офицера, а начальника штаба 6-го русскаго корпуса, авангардъ котораго былъ уже въ Просткенѣ, а другой шелъ на Бяллу. Гдѣ же были главныя силы 11-й сибирской дивизіи 18 сентября и ея штабъ, если

разъѣздъ былъ южнѣе Граева у казармъ Екатеринославскаго драгунскаго полка?...

Въ 20-хъ числахъ сентября я читалъ въ газетѣ Новое Время описаніе обороны Осовца и гибели нѣмцевъ въ болотахъ р. Бобра — и все благодаря дѣйствіямъ Осовца! Такъ пишется исторія.

Но не однимъ сочинителямъ исторіи надо послатъ упрекъ, а всему русскому обществу, литераторамъ, корреспондентамъ, цѣлымъ газетамъ: я читалъ такой вздоръ въ газетахъ о дѣйствіяхъ войскъ, который стыдно даже повторять. Въ частности объ Осовцѣ — о потонувшихъ въ его болотахъ германскихъ батареяхъ, гибели германской дивизіи, атакахъ какой то казачьей сотни «совмѣстно съ цѣлымъ корпусомъ» на германскую батарею и проч. и проч. Нужно быть великимъ невѣждой въ военномъ дѣлѣ и даже лишиться здраваго смысла, чтобы писать такую чепуху. А между тѣмъ, я говорилъ уже вамъ, что даже военные писатели пишутъ о милліонной конницѣ на Каталаунской равнинѣ! что же удивительнаго, что въ газетѣ «Общее дѣло» было въ 1921 году сообщеніе : о формирующейся въ Россіи конной Арміи въ 300 тысячъ коней?!..

Нельзя хвалить — ни за ложь въ реляціяхъ, ни за полное незнакомство общества съ дѣлами своей Арміи, ни за небрежное отношеніе писателя къ сообщаемымъ фактамъ.

8) Положеніе 6-го корпуса 18-го сентября было блестящее и въ стратегическомъ и въ тактическомъ отношеніи — если вспомнить, что въ это время шла борьба двухъ противниковъ на линіи Августово — Сувалки.

Достаточно сказать, что по предположенію Верховнаго Главнокомандующаго линія Граево — Стависки должна быть занята 25 сентября лѣвымъ нашимъ флангомъ, т. е. 6-мъ корпусомъ, а между тѣмъ 6-й корпусъ былъ въ Граевѣ уже 17 сентября, и что перехваченное тогда нѣмецкое донесеніе гласило: «все потеряно, если генералъ Н. не удержится въ Лыкѣ».

Вр. командующій 6-мъ корпусомъ понималъ выгоды такого положенія: было ясно, что движеніе 6-го корпуса на Маркграбово выводитъ корпусъ однимъ переходомъ въ

тылъ нѣмцевъ, ведущихъ бой у Августово. Слѣдовало немедленно двинуть 6-й корпусъ на Маркграбово вмѣстѣ съ приданной ему кавалеріей.

Какъ же использовали наши верхи это положеніе и то обстоятельство, что верховъ 6-го корпуса не нужно было толкать или инспирировать: они сами просили разрѣшить имъ указанное движеніе, какъ это было и въ операціи деблокады Осовца?

Верхи, черезъ штабъ 10-й Арміи, куда 16-го сентября вечеромъ былъ переданъ корпусъ отвѣтили: «ваше предложеніе не соотвѣтствуетъ видамъ Главнокомандующаго». Но и этого мало: 6-й корпусъ получилъ приказъ: «немедленно вернуться въ Ломжу»!

Возмущенный до предѣла, я написалъ письмо генералъ квартирмейстеру штаба 10-й Арміи генералу Будбергу, прося объяснить мнѣ смыслъ этихъ «мудрыхъ» «видовъ» Главнокомандующаго, и вскорѣ получилъ шифрованный отвѣтъ что такъ нужно для... «прикрытія Ставки». Какъ вамъ нравится это? А вѣдь это не анекдотъ, не сказка. «Для прикрытія Ставки» отказываются отъ вѣрнаго успѣха на фронтѣ! Да еще для «прикрытія» отъ несуществующаго противника, ибо противникъ былъ на фронтѣ Августово — Сувалки и сѣвернѣе, имѣя противъ себя солидныя силы русскихъ, а на фронтѣ Лыка — Бялла — Іоганисбургъ — Ортельсбургъ были слабыя роты, разъѣзды, велосипедисты, да и то Бялла до 25-го сентября была въ рукахъ 6-го корпуса, пока онъ не бросилъ ее по приказу свыше!

Весь августъ и сентябрь 1914 года на германскомъ фронтѣ является образцомъ того, чего не слѣдуетъ дѣлать. Но фактъ отсылки 6-го корпуса изъ Граево въ Ломжу 20-го сентября — побиваетъ всѣ рекорды несостоятельности русскихъ верховъ.

Я могъ бы безъ конца иллюстрировать отрицательные подвиги русскаго командованія. Но для такой иллюстраціи потребуется томы книгъ. Поэтому я перейду къ указанію важнѣйшихъ недостатковъ Арміи въ ея цѣломъ и прежде всего въ ея верхахъ.

Я уже указалъ на отсутствіе стойкости, на паническое настроеніе верховъ и на дурной примѣръ многихъ начальниковъ.

Впослѣдствіи Начальникъ Штаба Главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ фронтомъ ген. Орановскій говорилъ мнѣ:

— Что вы хотите? ни за одну крупную единицу нельзя поручиться и расчитывать на выполненіе поставленной ей задачи. Какъ же вести при такихъ условіяхъ операціи, какъ расчитывать ихъ?

И онъ былъ правъ. Все, что я видѣлъ, могло только подтверждать эти положенія.

Я подчеркнулъ паническое настроеніе съ первыхъ дней мобилизаціи и затѣмъ усиленіе его послѣ блестящихъ побѣдъ Гинденбурга.

Вмѣстѣ съ паническимъ настроеніемъ усиливалось хроническое и глубоко сидящее непониманіе обстановки, незнаніе дѣйствительности, преувеличеніе силъ противника — неумышленное, а иногда и умышленное.

Все это происходило, конечно, прежде всего отъ безталанности и отъ отсутствія глубокихъ военныхъ знаній, отъ недостатка строевой и полевой практики и отъ малой подвижности; отъ любви къ креслу, къ мягкой постели, хорошему столу и вообще — къ комфорту, который совершенно несовмѣстимъ съ тѣми качествами, кои требуются отъ начальника (см. выше). Послѣднее качество — любовь къ комфорту — не выявилось сильно на первыхъ порахъ. За то потомъ, когда война затянулась, а рессурсы Россіи казались неизсякаемы, эта любовь разцвѣла пышнымъ цвѣткомъ. Все больше и больше росло разстояніе между войсками и штабами; все обширнѣе становились штабы, все тяжелѣе ихъ канцеляріи и кухни, все безобразнѣе обозы и все роскошнѣе внѣшнее и внутреннее убранство помѣщеній и веселѣе жизнь. Казалось для нѣкоторыхъ и мира не надо! Не жизнь, а масленница: большое содержаніе, экипажи, автомобили, дорогія и даровыя квартиры, много почета и вниманія, много власти и риту-

ала; много пѣсенъ, вина и даже женщинъ! Словомъ: живи и не умирай.

Конечно, такъ было не вездѣ,но... около этого.

Штабное и, такъ сказать, высшее дѣло дѣлалось въ обширныхъ канцеляріяхъ. Канцеляріи, съ ихъ рутиной и волокитой, бездушностью, мелочностью и съ самымъ тупымъ формализомъ всегда заѣдали насъ: дѣло вѣдь было замѣнено бумагой, перепиской. Написано — и хорошо. Распоряженіе отдано — и дѣлу конецъ.

Во время войны канцеляріи распухли неимовѣрно, не только отъ величины Арміи, но и въ силу иныхъ причинъ.

Особенно нелѣпыми казались мнѣ горы наградныхъ листовъ.

— Награды за успѣхъ, награды за подвигъ, это еще понятно.

А то вѣдь, награждаютъ такъ, неизвѣстно за что.

За ласковыя слова, за улыбки, за присѣданія, за лживыя донесенія и реляціи. Не черезъ чуръ ли это щедро? А между тѣмъ щедрость дошла до того, что боевые ордена мы видимъ теперь на людяхъ, никогда въ бояхъ не бывшихъ, а георгіевскій крестъ — на завѣдомыхъ трусахъ*). Особенно украшены боевыми орденами г. г. «тыловики», начиная отъ начальниковъ военныхъ сообщеній и проч. эпикурейцевъ.

Наградная вакханалія быстро приняла гомерическіе размѣры. Но она еще больше усилилась, когда мудрецы изъ Ставки придумали давать старшинство въ чинѣ за службу на фронтѣ въ.... Ставкѣ.

Эта мѣра, кромѣ усиленія лжи, внесла раздоры въ офицерскую среду и пуще прежняго усилила карьеризмъ. А про канцеляріи и говорить нечего: онѣ задыхались отъ наградныхъ листовъ и всякой иной безполезной переписки. Борьба съ бумагомараніемъ была трудна, но возможна. Наградныхъ листовъ, конечно, я не сжигалъ, какъ про меня говорили «пріятели», но не давалъ хода лживымъ и легкомысленнымъ представленіямъ. А лжи-

*) Я зналъ одного такого, который заболѣвалъ всякій разъ — когда надо было наступать и выздоравливалъ и веселѣлъ при отступленіи. Георгіевскій крестъ ему дали еще въ 1914 году.

выхъ реляцій совсѣмъ не пропускалъ; за лживыя донесенія давалъ соотвѣтствующіе нагоняи. Зналъ же о томъ — гдѣ ложь, гдѣ правда изъ постояннаго личнаго ознакомленія съ событіями на фронтѣ и со всею жизнью частей.

Разросшіяся канцеляріи повелительно требовали и увеличенія обоза. Между тѣмъ обозы и безъ того являются бичомъ всѣхъ военныхъ операцій.

Бороться съ обозами надо съ полной энергіей.

Эту борьбу я велъ съ ними на всѣхъ маневрахъ мирнаго времени, стремясь, чтобы воинскіе грузы не превосходили закономъ указанныхъ размѣровъ. На войну я вышелъ, не имѣя ни одной незаконной повозки или лошади, а потому въ моемъ полку не было повозокъ для «кухни и столовой офицеровъ», т. е. такъ наз. «собранія», все это явилось уже послѣ меня. Равнымъ образомъ я не взялъ на войну и хорныхъ инструментовъ, хотя самъ всегда любилъ военную музыку: я полагалъ, что при добросовѣстной работѣ на войнѣ, некогда будетъ — ни слушать музыку, ни играть. Не такъ думали другіе. Всю войну пришлось вести ожесточенную борьбу съ обозами, и борьбу не безъ результатовъ, что видно изъ слѣдующаго:

Наблюдая пагубную роль и безобразное поведеніе колоссальныхъ обозовъ въ періодъ наступленія и отхода 2-й Арміи изъ Восточной Пруссіи, я принялся за обозы 6-го корпуса, какъ только къ этому явилась возможность. Уже 21 августа я пригласилъ начальника штабного обоза — «командира обоза», и приказалъ ему: въ кратчайшій срокъ ликвидировать всѣ безъ исключенія незаконныя повозки, и прежде всего экипажи начальниковъ, если эти экипажи казенные, такъ какъ начальники могутъ имѣть только собственные экипажи, а казенныхъ имъ не полагается, а также сократить офицерское собраніе (послѣднее въ штабѣ 6 корпуса имѣло 14 парныхъ повозокъ, и это въ началѣ войны!)

Приказаніе мое исполнено не было, не взирая на повторенія. Тогда, въ одинъ осенній день (въ сентябрѣ 1914), я пришелъ въ обозъ, собственноручно разобралъ

нѣсколько повозокъ и тутъ же выбросилъ всю мебель и посуду, а повозки и экипажи хотѣлъ сжечь на глазахъ у командира обоза. Только обѣщаніе немедленно ликвидировать все лишнее и мольбы командира обоза смягчили мое рѣшеніе. Конечно, этотъ урокъ не прошелъ даромъ и мнѣ удалось вернуть войскамъ въ октябрѣ около 200 солдатъ изъ всѣхъ учрежденій штаба (число офицеровъ, лошадей и повозокъ не помню).

Тоже произошло и въ штабѣ 1-го кавалерійскаго корпуса.

Послѣ ряда напоминаній — я собралъ обозъ штаба и изъ 35-ти повозокъ оставилъ только 5, съ которыми и работалъ 8 мѣсяцевъ пока былъ начальникомъ штаба 1-го кавал. корпуса, перебрасываясь со штабомъ 7 разъ въ разные участки Сѣверо-Западнаго фронта. Ни одной повозки, ни одной лошади я не прибавилъ, а возвратилъ дивизіямъ корпуса два эскадрона, торчавшіе при штабѣ (въ числѣ трехъ) и большое число офицеровъ (изъ 30 бывшихъ въ штабѣ я оставилъ 7).

Труднѣе было бороться съ обозомъ да и со всѣми русскими безобразіями потомъ, послѣ іюля 1915 года; но не потому, что вообще эти безобразія неодолимы, а потому только, что моя личная энергія сильно понизилась.

Въ мирное время я ни минуты не сомнѣвался въ необходимости и пользѣ для Родины моей борьбы съ русскими безобразіями. Въ началѣ войны, забывъ всѣ обиды и служебные обходы, я удвоилъ свою энергію; но уже въ 1915 году, особенно въ дни безнадежнаго отхода по всему фронту я былъ подавленъ и событіями и отношеніемъ ко мнѣ верховъ и работалъ много хуже, чѣмъ до того. Выводъ: не угашайте духа вашихъ сотрудниковъ, подчиненныхъ и работниковъ, ибо самый яркій огонь души можетъ ослабѣть отъ постояннаго его заливанія.

Надо, однако, сказать, что сокращеніе обозовъ требовалъ не одинъ приказъ сверху. Но изъ этого ничего не выходило, потому что: одно — написать приказъ, а другое — добиться его исполненія. Мы очень долго учились

въ мирное время обманывать начальство, чтобы на войнѣ вдругъ измѣниться. Психологія сторонъ была такова:

— Приказъ написалъ, значитъ дѣло сдѣлано — думало начальство.

— Это такъ только пишется, а выговаривается иначе! думали подчиненные. — Пиши, что хочешь, а мы будемъ дѣлать, что нужно. Тебѣ хорошо писать: ѣздишь на автомобиляхъ, переѣзжаешь прямо въ роскошную готовую квартиру, вездѣ встрѣчаютъ, принимаютъ; а то и цѣлый поѣздъ тебя тащитъ! А намъ нельзя быть безъ лишней пары бѣлья, или сапогъ, да и запасное платье надо имѣть, да и ѣсть что нибудь надо: всего не купишь въ какой нибудь глухой деревушкѣ или въ полѣ. Нѣтъ, какъ не верти, а ни одной повозки выбросить нельзя! Къ тому же на интендантство расчетъ плохой: надо все возить съ собой, да и не держать гдѣ нибудь за 100 верстъ, а — при себѣ, вблизи, чтобы польза была.

Безъ примѣра сверху ничего нельзя сдѣлать въ дѣлѣ вліянія на войска. Эпикурействовали начальники — не хотѣли лишеній и подчиненные. Къ тому же сверху не было фактическаго контроля, а только бумажный.

Сверху не пользовались и тѣми печальными примѣрами, кои могли бы быть поучительны для всѣхъ, и въ тѣхъ случаяхъ когда какое нибудь лицо окончательно оказывалось негоднымъ для продуктивной боевой работы (вродѣ моего к—ра корпуса, генерала Б.) — его убирали тихо и безшумно — почти никто не зналъ: за что и почему? Совсѣмъ иная была бы картина, если бы всей Россіи или по крайней мѣрѣ арміи было бы извѣстно, что: такой-то убранъ за бѣгство впереди ввѣренныхъ ему войскъ; такой-то за отступательныя тенденціи; такой-то за ложь въ донесеніяхъ и наградныхъ листахъ; такой-то за незнаніе дѣйствительнаго положенія вещей на фронтѣ своихъ войскъ; такой-то за систематическое неприличное удаленіе штаба отъ войскъ; такой-то за допущеніе грабежа и даже за примѣръ въ немъ... Я увѣренъ, что многіе задумались бы и измѣнили бы свое поведеніе: безнаказанность и примѣръ сверху — главные насадители всякихъ безобразій въ человѣческомъ обществѣ.

Возьмите напримѣръ: ложь, грабежъ и аккоммодацію штабовъ по фольваркамъ и усадьбамъ подальше отъ фронта.

Сначала лгали помаленьку, грабили совсѣмъ мало (кромѣ природныхъ и матерыхъ грабителей, вродѣ ген. Р., полковниковъ Д. и М.), и отъ фронта жили не далеко. Потомъ, видятъ — выходитъ не дурно: идутъ награды, прибавилось лошадокъ, вина и прочаго. А сидя въ тылу, можно все это использовать, да еще и героемъ себя выставить!

Такъ разростались пороки и недостатки Арміи, дойдя уже въ 1915 году до большихъ предѣловъ цинизма.

Я вновь приведу нѣсколько характерныхъ фактовъ.

1-го ноября 1914 года телеграмма штаба Арміи сообщила командиру 6-го армейскаго корпуса (ген. Балуеву — почтенному и разумному генералу) о моемъ назначеніи начальникомъ штаба 1-го кавалерійскаго корпуса, и требовала немедленнаго выѣзда къ новому мѣсту служенія. Прибывъ 2-го ноября въ Варшаву, я узналъ, что назначеніе мое вызвано, не только моей спеціализаціей на кавалерійскихъ вопросахъ, но и необходимостью «привести въ христіанскую вѣру» значительную группу войскъ, особенно ихъ верхній штабъ, подававшій примѣръ грабежа и распущенности. (Штабъ ген. Новикова, руководимый полк. Дрейеромъ).

Дѣйствительно уже въ Варшавѣ я подобралъ 5 офицеровъ моего новаго штаба, неизвѣстно что дѣлавшихъ въ этомъ городѣ, три автомобиля и двухъ солдатъ. Штабъ мой былъ гдѣ-то въ раіонѣ Калиша, и я только 14 ноября нашелъ его около Брезинъ. Пріобрѣвъ вскорѣ довѣріе моихъ новыхъ сослуживцевъ (потомъ даже друзей*) я узналъ о продѣлкахъ моего предшественника — одареннаго, но лишеннаго моральныхъ устоевъ человѣка.

— Мимо нашего штаба — говорили мнѣ — нельзя было проѣзжать на хорошей лошади. Дѣйствительно я нашелъ въ штабѣ много «реквизированныхъ» лошадей, хотя часть ихъ была во-время уведена отъ моихъ глазъ

*) Капитанъ В. Роженко.

подальше. Въ штабѣ было не мало грѣховъ и поль денегъ... Когда я выражалъ удивленіе такимъ порядкамъ, мнѣ смѣясь отвѣчали:

— Полковникъ Д. говаривалъ не разъ, что «война есть поэзія грабежа и что хорошо окружить себя толпою преданныхъ мошенниковъ»... *) Не удивительно, что канцелярія штаба была полна жалобами, присланными сверху для разысканія виновныхъ въ разнаго вида неуваженій къ чужой собственности!

Однажды въ штабъ 1-го кав. корпуса привели трехъ хорошихъ лошадей, гдѣ-то оставленныхъ полковникомъ Д. Среди лошадей былъ чистокровный жеребецъ. Я разсказалъ объ этомъ эпизодѣ полковнику фамилію не помню), служившему нѣкоторое время въ штабѣ 4-й Донской казачьей дивизіи. Полковникъ этотъ засіялъ отъ радости и сталъ просить, чтобы я промѣнялъ ему этого жеребца на двухъ или трехъ его лошадей.

— Видите ли, говорилъ полковникъ, этого жеребца «реквизнулъ» не Д, а полковникъ М. и я. Но полковникъ Д, пользуясь своимъ положеніемъ о т н я л ъ жеребца у насъ: онъ тайно увелъ жеребца изъ нашей конюшни, а потомъ не отдалъ, говоря, что онъ — начальникъ штаба корпуса.

Какъ вамъ нравится эта картинка съ натуры?

Оказалось, что полковникъ М. дѣйствительно художникъ въ дѣлахъ «реквизицій»**) и «реляцій.***)

Даже такой «матерой волкъ» въ дѣлахъ собиранія податей и дорогихъ вещей, какъ ген. Р. — не могъ терпѣть продѣлокъ М. и отрѣшилъ его отъ должности командира казачьяго полка. (Впослѣдствіи М. попалъ подъ мое начальство; я узналъ его хорошо и сдѣлалъ уже шаги, чтобы остановить его производство въ генералы, но опоздалъ). И такихъ господъ было не мало. Не удивительно, что въ 1915 году они использовали во всю паническую

*) Съ послѣднимъ нельзя не согласиться, глядя на событія въ Россіи послѣ февраля 1917 года.

**) Впослѣдствіи этотъ талантъ достигъ апогея въ 1919 году, когда М. былъ уже „героемъ“ на Донскомъ фронтѣ.

***) О его виртуозности въ этой области я узналъ потомъ отъ сослуживцевъ его.

тенденцію нашихъ верховъ—«слѣдовать примѣру 1812 г.» и отходя, не оставлять врагу ничего.*)

Помню, какъ въ одной усадьбѣ на нижнемъ Стоходѣ, въ дер. Березвичи, ко мнѣ обратился помѣщикъ г. Орда съ мольбой: защитить его отъ командира Н кавал. корпуса.

Я командовалъ тогда бригадой 3-ей кав. дивизіи и только-что прибылъ для принятія коннаго отряда, который усилилъ мою бригаду.

Но что могъ сдѣлать я, чѣмъ могъ помочь командиръ бригады противъ командира корпуса, да еще — молодого, энергичнаго и съ большими связями, т. е. чувствовавшаго подъ ногами твердую, а не зыбкую, какъ мы грѣшные, почву!

Пробовалъ я говорить съ командиромъ корпуса. Не помогло. Онъ требовалъ отъ помѣщика и отъ всего населенія, чтобы они: или уходили вглубь страны, взявъ что могутъ, или оставались дома, но въ такомъ случаѣ — войска возьмутъ у нихъ все, что захотятъ.

Помѣщикъ и его семья метались, не зная — что дѣлать.

Передавъ мнѣ боевой участокъ, командиръ корпуса оставался еще нѣсколько дней въ усадьбѣ г. Орда, явно выживая помѣщика. Но, опираясь на мою помощь и поддержку полковника Н. Н. Богаевскаго, помѣщикъ лавировалъ, пока командиръ корпуса не уѣхалъ назадъ, въ тылъ. Передъ отъѣздомъ командира корпуса, среди построекъ усадьбы былъ сложенъ костеръ изъ бревенъ и бочекъ, вышиною около 2-хъ саженей, и подъ звуки двухъ хоровъ трубачей, которые всегда держались при штабѣ Н коннаго корпуса, зажженъ костеръ (2-го сентября 1915 г.).

Мнѣ едва, едва удалось потушить пожаръ и то лишь потому, что видя зловѣщія приготовленія командира корпуса, я отдалъ заранѣе распоряженіе о высылкѣ команды отъ Новороссійскихъ драгунъ для тушенія пожара по первому моему тербованію.

Особенно страдали отъ грабежей и произвола евреи. Я уже говорилъ, что они не были полноправными

*) Потомъ забили „отбой", — но было ужс поздно: начать грабежъ легко, а остановить трудно.

гражданами Рос. Имперіи, даже послѣ Манифеста 17 октября 1917 года, ибо власть всячески стремилась свести этотъ злополучный манифестъ «на нѣтъ».

На евреевъ же взваливали всю вину за всѣ событія, имѣвшія мѣсто послѣ позорнаго пораженія русскаго оружія въ Манджуріи въ 1904 —5 годахъ и бывшихъ, конечно, только естественнымъ слѣдствіемъ этого пораженія...

На нихъ стали вымещать все, даже злобу за вынужденный Царскій Манифестъ и, конечно, ужъ имъ приписывали всѣ волненія послѣ 17 октября 1905 года, бывшія въ дѣйствительности продолженіемъ того протеста и негодованія, которое возбудила въ Россіи проигранная война и безотвѣтственныя дѣйствія верховъ.

Въ теченіе 10 лѣтъ до войны 1914 г. общественное мнѣніе усиленно муссировалось властями; особенный успѣхъ они имѣли среди офицеровъ. Неудивительно, что на войнѣ 1914—16 г. находились офицеры готовые видѣть въ каждомъ евреѣ шпіона и измѣнника, особенно послѣ неудачъ на германскомъ фронтѣ. Вертящаяся мельница, свѣтъ въ окнѣ, фонарь въ рукахъ еврея — все это было доказательствомъ еврейскаго шпіонажа, по мнѣнію г. г. страдавшихъ чуткой подозрительностью.

Я не раздѣлялъ этой подозрительности, тѣмъ болѣе, что «шпіонажъ» и «контръ-шпіонажъ», какъ факторы военнаго дѣла меня никогда не увлекали; и вотъ по какимъ причинамъ:

1) Прежде всего, изъ двухъ элементовъ дающихъ успѣхъ: знаніе противника и собственныя силы — я считалъ и считаю второе не только много важнѣе, но и настолько важнѣе, что еще въ мирное время возмущался нашимъ жалкимъ стремленіемъ: свою бездѣятельность дома восполнить дѣятельнымъ шпіонажемъ за-границей. Я говорилъ:

— Увы, успѣхами нѣмцевъ и австрійцевъ въ военномъ дѣлѣ вы не восполните нашихъ недостатковъ, кои торчатъ изъ всѣхъ щелей!

2) На войнѣ мы терпѣли пораженія не потому, что не знали что дѣлаетъ противникъ, а по многимъ, очень многимъ другимъ причинамъ (см. выше).

3) Видѣть шпіонажъ въ каждомъ свѣтящемся окнѣ или вертящейся мельницѣ значитъ: не вѣрить въ свои силы и заранѣе искать оправданія въ своемъ вѣроятномъ, будущемъ неуспѣхѣ.

Какъ бы то ни было, но евреямъ приходилось много страдать отъ нашей «шпіономаніи».

Былъ поднятъ вопросъ объ удаленіи еврейскаго населенія изъ раіоновъ военныхъ дѣйствій. Въ январѣ 1915 г. и меня спросили: хочу ли я удалить евреевъ изъ гор. Серпца. Я отвѣтилъ отрицательно, говоря, что «не вижу причинъ для такихъ мѣръ; кромѣ того, я твердо убѣжденъ, что если сегодня убрать всѣхъ евреевъ изъ даннаго раіона, то завтра въ этомъ раіонѣ войска будутъ голодать.

Не будучи поклонникомъ евреевъ (хотя теперь вижу, что они не хуже другихъ людей), я не разъ спасалъ этихъ несчастныхъ «козловъ отпущенія за чужіе грѣхи» отъ произвола и насилія разныхъ большихъ и малыхъ персонъ.

А при общемъ отступленіи въ 1915 году категорически запретилъ подчиненнымъ мнѣ войскамъ — спасать Россію, съ помощью разоренія ея населенія!

А сколько деревень было сожжено русскими войсками при отступленіи? Сколько жителей разорено и погублено въ пути?.. Могилами ихъ устланы были всѣ дороги... Картины ихъ бѣдствій неописуемы.

Съ гнѣвомъ и омерзѣніемъ смотрѣлъ я на это народное бѣдствіе, бывшее явнымъ плодомъ, не только неготовности Арміи, но и невѣжества и бездарности ея верховъ. Если бы наши верхи имѣли бы хоть мало-мальски правильное представленіе о событіяхъ 1812 года и обстановкѣ 1915 года — имъ и въ голову не пришло бы: «слѣдовать стратегіи 1812 года!»

Если бы они были людьми жизни, а не чистопородными «канцелярскими крысами» — они не ограничились бы «приказомъ» о прекращеніи насильственнаго выселенія жителей, а добились бы исполненія этого приказа. Если бы они правильно воспитывали и вели Армію — она сама не пошла бы по пути разоренія своей страны...

Когда я убѣждалъ командира Н корпуса не трогать жителей, говоря, что разореніе страны и переселеніе жи-

телей гораздо сильнѣе бьетъ насъ, чѣмъ нѣмцевъ, онъ упорно повторялъ:

— Если бы всѣ такъ дѣлали, какъ я — нѣмцамъ ничего не досталось бы!

— Да развѣ этимъ побѣждаютъ? Развѣ въ этомъ сила и доблесть Арміи? вскричалъ я. Въ мирное время Богъ знаетъ чѣмъ занимались, а теперь заставляемъ народъ расплачиваться за насъ?. Я понимаю добровольную жертву, добровольный уходъ населенія... Но и то считаю непрактичнымъ, а о насильственномъ сниманіи населенія — и говорить нечего!

Но кромѣ насильственной эвакуаціи населенія, грабежа и самоуправства войскъ, надо отмѣтить и колоссальную нераспорядительность начальства — и гражданскаго , и военнаго; умышленную или неумышленную небрежность властей къ судьбѣ населенія, бѣгство властей впереди всѣхъ и ничѣмъ, кромѣ глупости и недальновидности, необъяснимый оптимизмъ военныхъ властей и запаздываніе въ предупрежденіи населенія объ оставленіи нашими войсками города или иного населеннаго пункта.

Сколько разъ въ отвѣтъ на тревожные вопросы населенія: не пора ли спасаться или прятать имущество, ему важно и увѣренно заявляли: «чего вы волнуетесь и поддаетесь паникѣ? Городу Н не грозитъ никакой опасности», и... на другой день сдавали этотъ городъ!

Такъ, впрочемъ, поступали, не только съ населеніемъ, но и со своимъ братомъ — военнымъ.

Вотъ образчикъ:

Пробираясь къ новому своему штабу вдоль фронта отряда, выдвинутаго въ ноябрѣ 1914 г. со стороны Ловича и Скерневицъ — для «деблокады» Лодзи, гдѣ была въ катастрофическомъ положеніи замкнута генераломъ Макензеномъ 2-я русская армія,*) — я прибылъ 10-го нояб-

*) Подъ начальствомъ генерала Шейдемена — умнаго, знающаго и довольно подвижного офицера Генеральнаго Штаба, но неумѣвшаго выбирать себѣ сотрудниковъ.

ря въ г. Брезины, гдѣ въ это время стоялъ штабъ генерала Васильева, начальствовавшаго надъ всѣми дѣйствовавшими въ этомъ раіонѣ частями (ген. Васильевъ командовалъ 5-мъ Сибирскимъ корпусомъ). Явившись генералу и доложивъ ему о всемъ видѣнномъ мною въ пути Варшава — Ловичъ — Гловно — Стрыковъ — Брезины (а видѣлъ я все только дурное, зловѣщее), и узнавъ, что въ раіонѣ 5-го Сибирскаго корпуса дѣла идутъ «хорошо», — я, отправился впередъ, чтобы оріентироваться лично. Я расчитывалъ даже «проскочить» въ Лодзь.

Осторожно пробираясь на автомобилѣ по совершенно пустынному шоссе, на коемъ лежали только два нѣмецкихъ трупа, я подъѣхалъ къ Лозди на 7 верстъ, но дальше идти было невозможно: подъ Лодзью шелъ бой, а мой автомобиль два раза прекращалъ работу; при такихъ условіяхъ двигаться дальше впередъ было безуміемъ... Я полюбовался картиной вечерняго боя, разрывами шрапнелей на фонѣ звѣзднаго неба, и тѣмъ же путемъ вернулся въ Брезины.

Впечатлѣніе отъ этой поѣздки осталось неважное: я не видѣлъ признаковъ нашего успѣха, а германская канонада была слышна и у Людзи, и въ направленіи между Лодзью и Колюшками. Идя снова въ штабъ генерала Васильева — я встрѣтилъ двухъ солдатъ и одного «вольнаго», а такъ какъ въ ту пору я (то было только 1914 годъ) не пропускалъ никого — чтобы не вглядѣться, не распросить, то и эти воины были мною остановлены строгимъ окликомъ: «что вы здѣсь болтаетесь? Кто такіе и зачѣмъ на улицѣ города?» Солдаты сразу затихли и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ на ухо: «такъ что, наши бѣгутъ»... Конечно, я забралъ съ собою этихъ молодцовъ и представилъ ихъ въ штабъ корпуса со словами: «А послушайте — что говорятъ эти молодцы 6-й сибирской дивизіи!» При мнѣ и въ присутствіи генерала Васильева былъ произведенъ опросъ. Солдаты повторили свое показаніе. Начались переговоры по телефону, послѣ чего мнѣ было заявлено: «будьте покойны, идите спать: мы взяли сегодня 6 тяжелыхъ орудій у нѣмцевъ и дѣла наши очень хороши».

— Такъ-ли это, господа? сказалъ я двумъ старшимъ офицерамъ Генеральнаго Штаба, (милымъ людямъ и ста-

рательнымъ офицерамъ). — «Имѣйте въ виду, что я не боецъ, а путешественникъ, съ 5-ю пѣшими офицерами, 3-мя автомобилями и 4-мя солдатами; лошади имѣются только у меня и у моихъ людей».

— Не безпокойтесь, все обстоитъ благополучно.

Я отправился въ гостинницу, легъ спать; но знакомый уже съ событiями въ Восточной Пруссiи, въ Ловичѣ и въ Стрыковѣ, я не раздѣлся... А въ два часа утра 11 ноября нѣмцы были въ городѣ Брезинахъ! Штабъ бѣжалъ, бросивъ все, даже свои вещи. Нѣмцы захватили все, что было въ Брезинахъ, конечно, какъ всегда — массу обоза; перебили массу лошадей (черезъ недѣлю я видѣлъ это своими глазами)... Я спасся чудомъ, пройдя мимо ихъ взвода въ 20-ти шагахъ съ конемъ въ поводу; со мною спаслись 4 офицера; погибли мои двѣ лошади — убитые первыми выстрѣлами нѣмецкаго взвода и 1 офицеръ — захваченный въ плѣнъ.

Такъ «вѣрны» свѣдѣнiя нашихъ штабовъ и начальниковъ, не наблюдающихъ лично событiй и жизни среди войскъ ,не повѣряющихъ донесенiй, не имѣющихъ чутья.

Такихъ случаевъ можно указать не мало: только на моихъ одиночныхъ переѣздахъ для прiема разныхъ отрядовъ я видѣлъ три такихъ случая, а сколько разъ я слышалъ разсказы подобнаго характера! Одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ и притомъ самый печальный я разскажу потомъ, ибо ,то уже относится къ событiямъ 1919 года.

А теперь еще разъ подчеркну, что источникъ подобныхъ явленiй: непониманiе и незнанiе дѣйствительности, отсутствiе глубокихъ знанiй военнаго дѣла и даже техники штабной службы.

Но не одни — невѣдѣнiе, непониманiе, паническое настроенiе и всякiе — большiе обозы, большiе штабы, большiя канцелярiи, большiе аппетиты, большiе грабежи — душили насъ и создавали пораженiя на германскомъ фронтѣ. Насъ губило и отсутствiе чувства долга, того самого чувства, подъ влiянiемъ котораго чело-

вѣкъ во всѣхъ положеніяхъ, не расчитывая на награду и не боясь наказанія, творить общее дѣло наилучшимъ образомъ, имѣя въ виду не угожденіе кому нибудь и не сохраненіе себя отъ нареканій, а только интересы общаго дѣла.

Люди, которые въ мирное время кричали о «духѣ» войскъ (правда, вѣря, что этотъ духъ поднимается на «недосягаемую высоту» отъ вліянія красивой одежды!), толковали о «преданности долгу», патріотизмѣ; проповѣдывали только конную атаку, какъ выразительницу мощнаго духа; рисовались своимъ мужествомъ въ гостиныхъ, пѣтушились на улицахъ, — эти люди вели себя на войнѣ совсѣмъ иначе.

Прежде всего многіе изъ нихъ на войнѣ вскорѣ увидѣли, что можно безнаказанно писать донесенія (реляціи) о томъ, чего въ дѣйствительности не было: все равно никто не провѣритъ.

Потомъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это бываетъ даже выгоднымъ, и даже очень!

Можно себѣ представить — что изъ этого выходило.

Суворовъ преувеличивалъ силы противника. Но онъ побѣждалъ. Блюхеръ задумывался: какъ объяснить въ реляціи случайно ниспосланный ему судьбой успѣхъ? Но русскіе «полководцы» не задумывались надъ такими пустяками и доносили о великихъ побѣдахъ тамъ, гдѣ были случайные малые успѣхи или даже форменныя неудачи и великія безобразія. Такъ, одинъ доносилъ о «побѣдѣ» подъ Гумбиненомъ, которой совершенно фактически не было; другой — о «разгромѣ трехъ германскихъ корпусовъ» подъ Праснышемъ, гдѣ врядъ-ли у нѣмцевъ былъ одинъ корпусъ (при этомъ хлопоты о георгіевскомъ крестѣ 3-й степени за штабное сидѣніе начались немедленно; третій доносилъ объ ожесточенномъ боѣ, о колоссальныхъ потеряхъ противника и вынужденномъ отходѣ — когда онъ «драпалъ» безъ оглядки и впереди своихъ войскъ, отошедшихъ безъ боя; четвертый — о доблести крѣпости, сидѣвшей, какъ мышь подъ метлой, объ отраженіи ею атакъ противника и нанесенія ему большихъ потерь, когда «деблокада» крѣпости совершилась безъ всякаго участія крѣпости и при ея полномъ без-

дѣйствіи. Пятый — о лихой конной атакѣ на батарею, которая не стрѣляла, ибо снималась съ позиціи подъ вліяніемъ дѣйствій нашей численно подавляющей пѣхоты (подъ Праснышемъ); шестой обращаетъ пустой эпизодъ съ захватомъ почти мертвыхъ орудій (послѣ цѣлодневнаго боя ихъ противъ десятерныхъ нашихъ силъ) въ большой и громкій подвигъ и т. д., и т. д.

Будущему историку, если онъ не будетъ имѣть въ рукахъ правдивыхъ и подробныхъ записокъ современниковъ войны, трудно будетъ разобраться въ кучѣ оффиціальной неправды и понять — какъ при наличіи столькихъ «побѣдъ» и блестящихъ дѣлъ, столькихъ наградъ, гдѣ указаны «факты» — русскія Арміи терпѣли пораженіе за пораженіемъ на германскомъ фронтѣ въ 1914 году — когда у нихъ были еще и снаряды и кадровые войска.

И какъ не быть пораженіямъ и катастрофамъ?

Вѣдь я разсказывалъ только нѣжными и слабыми красками всѣ эти «милыя» картинки: пограничное бѣгство, тыловую панику, «побѣду» подъ Гумбиненомъ, неудачу наступленія двухъ Армій противъ вдвое слабѣйшихъ силъ противника; «деблокаду» Осовца, «прикрытіе Ставки»... А если все это да разсказать со всѣми подробностями, да не щадя ни чьихъ самолюбій! Тогда вѣдь еще понятнѣе будутъ и причины неудачъ и ихъ послѣдствія.

Какъ можно выиграть войну съ людьми, которые говорятъ:

«Я не привыкъ ѣхать среди войскъ, я поѣду впередъ (при отступленіи)?»*) Съ людьми, которые «не понимаютъ» приказа идти ближе къ противнику; съ людьми, которые бросаютъ своего командующаго арміей (Самсонова); съ людьми, которые сочиняютъ неправду въ донесеніяхъ и наградныхъ листахъ; которые смотрятъ на войну, какъ на случай пограбить, которые не идутъ по своей охотѣ на выручку своихъ!...

*) Генералъ Б-й при отходѣ 6-го корпуса изъ Восточной Пруссіи къ Остроленкѣ.

Невольно вспоминаю эпизодъ связанный съ моимъ «бѣгствомъ» изъ Брезинъ 11 ноября 1914 г. Кое какъ я добрался къ 8-ми часамъ утра до мѣст. Ежево. Тамъ была Н кавал. дивизія, начальникъ которой былъ на отличномъ счету у обоихъ Генералъ-Инспекторовъ кавалеріи. Я разсказалъ ему о катастрофѣ въ Брезинахъ и болѣе получаса доказывалъ необходимость идти ему со всей дивизіей къ Брезинамъ и закрыть дорогу нѣмцамъ.

Но генералъ былъ неумолимъ. Онъ ссылался на свою задачу... Уже будучи въ Скерневицахъ и пройдя на телеграфъ я узналъ, что за весь день 11 ноября дивизія ничего не сдѣлала. А между тѣмъ, только появленіе одного разъѣзда у Брезинъ и при томъ разъѣзда германскаго принятаго за нашъ, спасло болѣе тысячи нашихъ плѣнныхъ, которые бросились на слабый нѣмецкій конвой и разбѣжались по лѣсу.*)

Познакомившись близко съ дѣятельностью многихъ начальниковъ на войнѣ, я положительно утверждаю, что затрудняюсь по совѣсти назвать многихъ кавалеристовъ, которыхъ не нужно было подталкивать! О молодыхъ не говорю, хотя и среди нихъ были такіе, за которыми надо было смотрѣть «въ оба». На верхахъ же были и такіе, надъ которыми надо было «бодрствовать» непрерывно, иначе они окажутся совсѣмъ не тамъ, гдѣ вы предполагаете. А впередъ шли они точно на эшафотъ.**) Пѣхоту я знаю, конечно, много хуже, чѣмъ конницу.***) Но и здѣсь операціи на германскомъ фронтѣ не даютъ много основаній для оптимизма, не взирая на подвиги отдѣльныхъ лицъ и колоссальныя

*) Это я узналъ отъ деньщика того офицера моего штаба, который попалъ въ плѣнъ, и затѣмъ спасся, благодаря... нѣмецкому разъѣзду.

**) Примѣровъ — сколько хотите: за три года войны черезъ мои руки, какъ начальника штаба корпуса, командира бригады, начальника дивизіи и командира корпуса, прошли 14 кавалерійскихъ дивизій и 3 отдѣльныхъ бригады.

***) Видѣлъ хорошую работу 1-ой кавказской стрѣлковой дивизіи подъ командой генерала Бековича и при начальникѣ штаба полковникѣ Морозовѣ — отличномъ офицерѣ генеральнаго штаба.

жертвы народной массы. Сошлюсь на письма, копіи коихъ были намъ присланы изъ Ставки вначалѣ 1915 г. Они принадлежали младшимъ чинамъ арміи и говорили о непозволительномъ поведеніи старшихъ. Разосланы были по штабамъ для назиданія старшимъ. Сошлюсь на начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго генерала Янушкевича, которому я написалъ рядъ писемъ, описывая великія всероссійскія безобразія, и наконецъ явился въ Барановичи самъ. Ген. Янушкевичъ*) мнѣ сказалъ:

— Вы говорите о поведеніи старшихъ: но что же мы сдѣлаемъ, если мы не можемъ никакъ заставить командировъ полковъ быть на своихъ мѣстахъ!» —

— Послѣ этого намъ не о чемъ говорить, отвѣтилъ я. Сошлюсь на начальника штаба С. З. фронта, который жаловался мнѣ уже въ октябрѣ 1914 г., что «безъ стойкости войскъ нельзя вести удачно ни одной операціи». Сошлюсь на событія, на катастрофы, слѣдовавшія одна за другою. Сначала во 2-й Арміи, потомъ въ 1-й, потомъ опять во 2-й (Лодзь), потомъ въ 10-й и наконецъ—общій отходъ на всемъ фронтѣ отъ моря до моря, вглубь страны на 500 верстъ, съ уничтоженіемъ собственнаго имущества и населенныхъ пунктовъ, съ разореніемъ и гибелью милліоновъ мирныхъ жителей, такъ долго вѣрившихъ въ военную силу своей Арміи, въ мощь Россіи!

Отступленіе 1915 года объясняютъ обыкновенно недостаткомъ снарядовъ. Но это явленіе не можетъ быть ни оправданіемъ, ни единственной причиной оставленія противнику громадной территоріи. Въ 1914 году снаряды были, но это не избавило насъ отъ цѣлаго ряда катастрофъ. И въ то же время, въ 1915 году, когда снарядовъ не было — были части, которыя умѣли отстаивать свои позиціи, будучи въ самомъ ужасномъ положеніи въ смыслѣ снабженія и всякихъ матеріальныхъ удобствъ.

Такъ напримѣръ: Н—ый конный отрядъ, не отрываясь отъ противника въ теченіи цѣлаго мѣсяца, съ 8 августа по 8 сентября, сдерживалъ натискъ противника, оста-

*) Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго — милый, но совершенно невоенный человѣкъ, къ тому же никогда войсками не командовавшій. Назначенъ по выбору Царя.

ваясь не только безъ подвозовъ чего бы то ни было, но и безъ сосѣдей, окруженный съ 25-го по 31-е августа съ трехъ сторонъ! Когда отрядъ былъ у дер. Горки (въ раіонѣ Бѣлозерскаго канала) на р. Припять, то справа нѣмцы были уже восточнѣе Пинска (100 верстъ восточнѣе д. Горки), а слѣва нѣмцы были немного западнѣе нижняго Стохода (25 вер. отъ д. Горки, назадъ, т. е. къ востоку). Снарядовъ и патроновъ было очень мало, ибо подвоза не было никакого, вслѣдствіе ухода всего штаба дивизіи со всѣми его учрежденіями въ Бобруйскъ, а начальника дивизіи — въ Кіевъ! Потрудитесь взглянуть на карту и отмѣтить положеніе отряда у д. Горки на два фронта: къ сѣверу и къ западу, и положеніе противника на сосѣднихъ участкахъ: восточнѣе Пинска, и 3—4 версты западнѣе нижняго Стохода. И это продолжалось съ 25 августа по 31-е августа, т. е. 7 дней, и все это было къ концу непрерывной мѣсячной работы по прикрытію отходившихъ назадъ другихъ войскъ. И все это было въ 1915 году... Значитъ и тогда можно было держаться? Но, конечно, не при условіи отходовъ отъ противника безъ выстрѣла, и не при растрѣливаніи своихъ патроновъ въ пустую, въ далекаго еще противника. Стрѣлять тогда надо было только съ постояннымъ прицѣломъ, подпуская противника къ себѣ на прямой выстрѣлъ; тѣмъ болѣе, что это была уже не позиціонная, а полевая война и артиллерійскій огонь никогда не достигалъ той мѣткости и интенсивности, какъ въ позиціонной борьбѣ... Я могъ бы и для 1915 года привести много ужасныхъ примѣровъ безпричинныхъ паникъ и паническихъ отходовъ, даже подъ вліяніемъ однихъ миражей; отходовъ не менѣе безобразныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ я уже упомянулъ.

Я могъ бы разсказать о настроеніяхъ въ четырехъ арміяхъ, которыя я объѣхалъ въ 5 дней въ іюнѣ 1915 года, имѣя свободное время при переѣздѣ къ новому мѣсту служенія.*) Но я вновь долженъ отказаться отъ безчисленныхъ фактовъ и заявить, что не одно отсутствіе снарядовъ гнало русскую армію въ 1915 году вглубь сво-

*) Въ маѣ 1915-го года, меня постигла опала и послѣ Менсгута, Ломжи, Осовца, Серпца, Брезинъ, Плоцка, Дубиссы — я былъ обращенъ въ... бригаднаго командира.

ей страны, что были и другія причины, и даже много причинъ... Все это — тѣ причины, которыя я упомянулъ выше и которыя были прямымъ слѣдствіемъ дурной мирной подготовки начальниковъ и войскъ. Недостатокъ снарядовъ былъ, и онъ, конечно, имѣлъ большое значеніе.

Но что могли бы помочь богатѣйшіе запасы снарядовъ ген. Б....му, бѣжавшему за одну ночь на 30 верстъ при первой встрѣчѣ съ германцами, коихъ къ тому же онъ считалъ «остатками» войскъ, «разбитыхъ» Ренненкампфомъ подъ Гумбиненомъ? Что сдѣлалъ бы со снарядами тотъ генералъ, который подъ Гумбиненомъ неожиданно, и никому не сообщивъ ,обнажилъ флангъ своей артиллеріи и пѣхоты? Или тотъ, который въ сентябрѣ 1914 г. «не понялъ приказа» о прибытіи въ Кольно (см. выше); это тотъ самый, который много помогъ успѣху нѣмецкаго набѣга на ст. Жеймы (близъ Кейданъ), а въ бою подъ Шидловымъ 15 мая 1915 года буквально бѣжалъ съ дивизіей, обнаживъ флангъ пѣхоты и открывъ путь къ штабу корпуса, находившемуся въ Шидловѣ.*) Крѣпость Осовецъ имѣла въ 1914 г. достаточно снарядовъ, однако, когда я пріѣхалъ, кажется, 21 сентября въ крѣпость спеціально для того, чтобы посмотрѣть на «колоссальныя трофеи» ея (я думалъ тогда, что пользуясь маневромъ 6-го корпуса, крѣпостныя войска сдѣлали вылазку и овладѣли всею артиллеріей германцевъ), — я нашелъ пришибленнаго коменданта генерала Ш—на, который не смогъ мнѣ ничего разсказать; я отправился къ начальнику штаба полковнику Б.; но на мою просьбу разсказать мнѣ хотя бы о результатахъ стрѣльбы крѣпости по спѣшно отходившимъ нѣмцамъ, полковникъ Б. безнадежно махнулъ рукой... Зачѣмъ же тутъ снаряды? Вѣдь снаряды были въ крѣпостяхъ — Новогеоргіевскѣ, Брестъ-Литовскѣ, Зегржѣ, Иванъ-Городѣ... Однако, всѣ эти крѣпости сданы безъ борьбы, а крѣпость Иванъ-Городъ — даже вопреки мнѣнію и требованію коменданта крѣпости, доблестнаго генерала Шварца, удер-

*) Тогда положеніе спасъ генералъ Скоропадскій, подоспѣвшій во время съ бригадой 3-ей кавалерійской дивизіи. А положеніе было таково, что пришлось вооружить и двинуть впередъ перехваченныхъ „безсапожныхъ" бѣглецовъ пѣхоты, подъ командой офицера штаба корпуса!

жавшаго эту крѣпость въ дни октябрскаго наступленія нѣмцевъ на Варшаву и хорошо оборудовавшаго ее къ іюню 1915 года! Снаряды крѣпостей были брошены въ воду или взорваны на воздухъ. Не забывайте фактовъ: позиціи у Цѣханова, подготовлявшіяся больше пяти мѣсяцевъ, были брошены въ одинъ день 4 іюня только подъ вліяніемъ артиллерійскаго огня; въ одинъ мигъ, послѣ этого, штабъ Н—го корпуса очутился въ Маковѣ (въ его раіонѣ, а штабъ 1-ой Арміи отскочилъ отъ Яблонны въ раіонъ станціи Лоховъ, *) выпустивъ изъ своихъ рукъ управленіе Арміей. Не забывайте, что позиціи на Равкѣ и Бзурѣ и далѣе назадъ, и Варшава, и Люблинъ, и безчисленныя подготовляемыя позиціи на всѣхъ путяхъ по всему колоссальному русскому фронту, были оставлены безъ выстрѣла!.. Позиціи бросались — просто, до неприличія. Тутъ недостатокъ снарядовъ непричемъ. Снаряды не могли помочь тѣмъ героямъ, кои устраивали изъ своихъ штабовъ дома веселія и праздности; отходили (бѣжали) впереди своихъ войскъ, а въ донесеніяхъ лгали безъ всякой границы. Одному изъ такихъ «героевъ» я долженъ былъ въ 1917 году, по просьбѣ Военнаго Министра А. И. Гучкова, дать аттестацію. Но что же могъ написать я про генерала, сидѣвшаго въ Кіевѣ**), когда ввѣренныя ему части несли большую военную страду во многихъ сотняхъ верстъ отъ Кіева и даже отъ Бобруйска, куда запаковалъ генералъ свой штабъ? Что могъ я сказать про человѣка, который посылалъ офицера штаба за «женщинами», держалъ ихъ въ штабѣ въ имѣніи графа Радзивила, пока управляющій графа ни взмолился и не пригрозилъ сообщить графу объ этомъ фактѣ и ежедневныхъ кутежахъ? Что могъ сказать я о начальникѣ, который проводилъ время или за выпивкой, или за картами, или съ женщинами; который посѣщалъ войска только для пріятнаго времяпрепровожденія въ указанномъ вкусѣ; который не любилъ безпокоить свою персону объѣздами позиціи и въ штабѣ котораго вставали не раньше 10-ти часовъ утра!... При всѣхъ этихъ качествахъ, онъ былъ еще типичный «очковтиратель»... Зачѣмъ такимъ господ-

*) На линіи: Варшава—Вильна.
**) Леонтовичъ.

дамъ снаряды? — Лишнее бремя: они разобьютъ любого противника и безъ снарядовъ и обратятъ въ побѣду любое скандальное дѣйствіе, за которое еще потребуютъ себѣ и другимъ георгіевскихъ крестовъ и оружія!...

Нѣтъ, лучше не буду приводить примѣровъ, не стану разсказывать о тѣхъ деталяхъ, которыя такъ сильно способствовали нашему неуспѣху на войнѣ и въ частности — нашему спѣшному и безобразному отступленію 1915 года.

Не буду рисовать картинъ оставленія позицій безъ единаго выстрѣла, паническихъ тенденцій верховъ и серединъ Арміи, устройства «выставки» баррикадъ тамъ, гдѣ штабу не грозило никакой опасности; эвакуаціи узловыхъ станцій, когда противникъ былъ еще далеко, захвата поѣздныхъ составовъ для личнаго бѣгства и проч. и проч.

Снаряды конечно, нужны. Но еще болѣе нужна правильная подготовка Арміи и воспитаніе народа.

Ни перваго, ни второго не было. А было лишь — самомнѣніе соединенное съ надеждой на «авось», да — великое невѣжество, недальновидность, недобросовѣстность и неумѣніе жертвовать собою съ пользою для дѣла!... Много жертвъ принесъ русскій и польскій народъ въ 1915 году — вольно и невольно. Но все это не дало желаемыхъ результатовъ: жертвы наростали, наростало и катастрофическое положеніе Арміи. Его измѣнить могла только сильная рука человѣка, облеченнаго полнотою власти и понимающаго истинное положеніе вещей и его причины.

А между тѣмъ, помню — къ кому я ни обращался въ 1914 и 1915 г. изъ военныхъ, я слышалъ знакомыя ноты надежды и даже вѣры въ «авось»!

— Погодите, все образуется, все будетъ хорошо... мы встрѣтимся съ вами въ Берлинѣ!

Я качалъ головой и выражалъ опасеніе, что нѣмцы — будутъ раньше въ Варшавѣ и можетъ быть въ Москвѣ, чѣмъ мы въ Берлинѣ...

Нужны были коренныя реформы въ Арміи, и конечно, не то, что дѣлала Ставка, руководимая генераломъ Алексѣевымъ.

Изъ Ставки выходили: безконечныя новыя формированія, въ томъ числѣ — новыхъ пѣхотныхъ дивизій — изъ необученной и недисциплинированной молодежи и старцевъ, думавшихъ о своихъ «пенатахъ», а вовсе не о ратныхъ подвигахъ; глупѣйшій кодексъ, глупѣйшихъ сокращеній вродѣ: «комкор», «наштакор», «Главком», Земгор» и проч. чепухи, потребовавшей въ концѣ концовъ цѣлой книги — путеводителя этой ненужной мерзости. Лучше было бы не писать кучи вздорныхъ донесеній и вообще не имѣть массы преступной канцелярщины. Но, «канцеляристы» плодили только канцелярщину.

Такъ они изобрѣли награды за прямое исполненіе своего долга, а именно за пребываніе на фронтѣ.

Подумаешь — какая доблесть! Вѣдь это прямой долгъ каждаго военнаго, а не доблесть, требующая «награды»! А если за исполненіе долга нужны награды, то — такую Армію надо презирать, а ея руководителей и воспитателей выгнать! Но «канцеляристы» думали иначе, а кстати — къ наградамъ за службу на фронтѣ они прицѣпили награды за службу въ... Ставкѣ! Они же придумали сокращеніе обязательнаго срока командованія полкомъ для офицеровъ Генеральнаго Штаба до 8—6 мѣсяцевъ (!), сведя это командованіе, не только къ вѣроятному, но и къ фактическому и юридическому гастролированію офицеровъ Генеральнаго Штаба на строевыхъ должностяхъ и къ невѣроятной служебной скачкѣ.. Если бы господа «канцеляристы» Ставки сами командовали полками, да еще не менѣе 3-хъ лѣтъ, — они не додумались бы до такой неумной мѣры: командованіе строевыми частями необходимо не потому, что этимъ открывается Америка, а по тѣмъ самымъ причинамъ — почему для ѣзды на аэропланѣ, нужна практика, а не только теорія...

Своими сверхъ канцелярскими мѣрами Ставка увеличила только штабы, канцеляріи, переписку, обозы; и даже «приказы» ея о «сокращеніи» прикомандированныхъ къ штабамъ, объ уменьшеніи числа тыловыхъ учрежденій

и проч. имѣли только одно послѣдствіе: увеличеніе бумажнаго дѣла!

А между тѣмъ, нужно было начать съ главнаго, а именно — съ измѣненія поведенія команднаго состава, особенно его верховъ. Сдѣлать это могъ только сильный, опытный и зоркій хозяинъ — знатокъ военнаго дѣла и хорошо освѣдомленный въ дѣйствительномъ положеніи вещей. Безъ такого хозяина нельзя было ждать измѣненія въ военномъ счастьѣ! Я подчеркиваю, что мало знать дѣло вообще, быть умнымъ, энергичнымъ, зоркимъ, дальновиднымъ и даже опытнымъ: надо, кромѣ того — знать дѣйствительность. А знать ее за глаза нельзя. Таковъ законъ природы.

Между тѣмъ, побывавъ за три года войны на всѣхъ участкахъ Сѣверо-западнаго, а потомъ Западнаго фронта, частью на Сѣверномъ и частью на Юго-западномъ фронтѣ, я лично не видѣлъ ни одного командующаго Арміей, который посѣщалъ бы часто войска на боевыхъ позиціяхъ. Впрочемъ, и въ штабахъ корпусовъ и дивизій они бывали не часто. То же самое долженъ сказать и про командировъ корпусовъ и даже начальниковъ дивизій: не любили они посѣщать окопы и передовыя позиціи, особенно въ трудныя времена! Что же сказать про командующихъ фронтами и другіе верхи?

А между тѣмъ были моменты, и не мало, когда появленіе Главнокомандующаго персонально диктовалось, не только воспитательными цѣлями и цѣлями «самооріентированія», но и повелительными требованіями обстановки. Такъ, напримѣръ; при неустойкѣ Н корпуса, а затѣмъ и всей 1-й Арміи генерала Л....ва, въ началѣ іюня 1915 года (сѣвернѣе Новогеоргіевска) — Главнокомандующему надлежало л и ч н о возстановить порядокъ и положеніе, да попутно и разсмотрѣть хорошо своихъ «сотрудничковъ»! А вотъ другой примѣръ: въ іюнѣ 1915 г. нѣмцы легко переправились черезъ первоклассную рѣку (Вислу) между двумя крѣпостями Иванъ-Городомъ и Варшавой, въ виду двухъ русскихъ Армій (2-й и 4-й), противъ Гарволина (у д. Маціевице); переправились 5 германскихъ баталіоновъ на глазахъ у 10-ти русскихъ ба-

таліоновъ. Ни одинъ изъ Командующихъ Арміями *) не принималъ рѣшительныхъ мѣръ для ликвидаціи такого «неприличнаго прорыва», потому что прорывъ былъ «на стыкѣ» двухъ Армій. Кто же, какъ не Главнокомандующій долженъ былъ ликвидировать этотъ прорывъ? Всякій большой генералъ явился бы лично на мѣсто дѣйствій и, ставъ лично во главѣ собранныхъ имъ войскъ, сбросилъ бы германцевъ въ рѣку, хотя бы ночной атакой, если артиллерія противника пугала.

Но человѣкъ, сидѣвшій всю жизнь въ канцеляріи, не догадался или не смогъ этого сдѣлать. Вѣрнѣе всего — ему и въ голову не приходила такая мысль; это былъ скромный русскій чиновникъ, привыкшій только къ бумажному дѣлу. Съ утра и до вечера онъ читалъ и писалъ. Ему приносили всѣ телеграммы и онъ самъ писалъ резолюціи и даже отвѣты.**) И это считалось работоспособностью полководца!...

До войны я мало зналъ генерала Алексѣева. Въ литературѣ онъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Не знаю — выступалъ-ли онъ когда либо на этомъ поприщѣ? Это былъ весьма скромный, чисто канцелярскій труженикъ, добросовѣстно коптѣвшій надъ оперативными дѣлами Главнаго, а потомъ Генеральнаго Шатба. Я не знаю — въ какой мѣрѣ оперативныя предположенія, сдѣланныя генераломъ Алексѣевымъ въ мирное время на бумагѣ, были осуществлены на войнѣ. Знаю только, что противникъ, особенно германцы, не препятствовали — ни мобилизаціи, ни сосредоточенію, а потому таковое должно было-бы состояться тождественно и точно согласно планамъ мирнаго времени. Знаю также, что подготовка базъ была неудовлетворительная: даже 2-я армія, состоявшая почти исключительно (кромѣ 1-го и 13-го корпусовъ) изъ корпу-

*) Генералъ Смирновъ и генералъ Эвертъ.

**) Даже въ роли начальника дивизіи я диктовалъ резолюціи начальнику штаба, да и то по важнѣйшимъ дѣламъ; а временемъ своимъ и силами дорожилъ для осмотра войскъ, позицій и вообще для личнаго ознакомленія съ фактической жизнью, а не съ бумажной.

совъ первой линіи, не имѣла правильнаго подвоза хлѣба, что очень ощущалось во всѣ дни операціи.

Не разъ я слышалъ, что въ оперативномъ отдѣленіи Главнаго штаба сидитъ большой труженикъ, который ведетъ всѣ оперативныя дѣла; но никогда не слышалъ, чтобы этотъ знатокъ оперативныхъ дѣлъ, т. е. важныхъ военныхъ вопросовъ, когда нибудь говорилъ или писалъ, указывая русскимъ властямъ и военному міру на то «маленькое» обстоятельство, что самые лучшіе бумажные планы и операціи ничего не стоятъ безъ надлежащей подготовки войскъ вообще и команднаго состава въ частности, и что сущность этой подготовки — въ надлежащемъ воспитаніи и обученіи войскъ. Этого онъ не проповѣдывалъ, какъ и вообще ничего не проповѣдывалъ этотъ скромный труженикъ, болѣе 12-ти лѣтъ сидѣвшій въ Главномъ штабѣ.

Я упоминалъ уже, что впервые встрѣтилъ генерала Алексѣева въ 1907 году*) на занятіяхъ Генеральнаго Штаба въ Варшавскомъ военномъ округѣ, подъ руководствомъ Начальника Штаба Округа генерала Самсонова и въ присутствіи Начальника Генеральнаго Штаба генерала П...а, котораго сопровождалъ генералъ Алексѣевъ, въ роли Оберъ-Генералъ-Квартирмейстера. Занятіе это имѣло цѣлью использовать опытъ войны 1904—5 г. и выявить новѣйшія теченія въ области военнаго дѣла. Понятно, что каждый долженъ былъ внести свою лепту знаній въ это дѣло. Я предполагалъ, что буду имѣть удовольствіе услышать «знаменитаго» Генералъ-Квартирмейстера, который нарисуетъ передъ слушателями общую картину развертыванія Армій (не выдавая, конечно, тѣхъ тайнъ, которыя нельзя было знать даже русскому офицеру Генеральнаго Штаба); охарактеризуетъ условія современнаго развертыванія и подготовки базъ; укажетъ на соотвѣтствующія тенденціи и подготовительныя мѣры нашихъ вѣроятныхъ противниковъ, т. е. нѣмцевъ, и затѣмъ, перейдя къ частностямъ — подчеркнетъ главные принципы и пріемы вожденія войсковыхъ массъ, принятые у насъ и у противниковъ. Я предполагалъ это и ждалъ

*) За точность даты не ручаюсь: весьма возможно, что это происходило въ 1906 году.

этого еще и потому, что занятія обнаружили крайне слабую подготовку большинства офицеровъ.*) Кто же долженъ былъ оживить занятіе, внести въ него струю новыхъ вѣяній, новыхъ тенденцій, новыхъ факторовъ войны? Глаза мои обращались неоднократно на «знаменитаго» Главно-Штабскаго дѣятеля, хотя я и не предвидѣлъ въ немъ будущаго Главу всѣхъ русскихъ Армій въ 1916—17 годахъ! И трудно было предвидѣть: генералъ Алексѣевъ сидѣлъ скромно даже по внѣшнему виду и буквально — не проронилъ ни одного слова. Онъ походилъ скорѣе на преданнаго носителя портфеля своего начальника, чѣмъ на будущаго Вождя многомилліонной Арміи!

Лично на меня онъ произвелъ тягостное впечатлѣніе: я ждалъ отъ него совсѣмъ иного.

Потомъ на войнѣ мнѣніе мое объ Алексѣевѣ еще болѣе ухудшилось и даже обострилось подъ вліяніемъ наблюденія его дѣятельности, какъ въ роли Главнокомандующаго Сѣв. Западнымъ фронтомъ, такъ и въ роли фактическаго Вождя всѣхъ русскихъ Армій въ 1916—17 годахъ.

Возмущеніе мое всѣмъ видѣннымъ на войнѣ и въ частности дѣятельностью генерала Алексѣева было такъ велико, что я обратился къ цѣлому ряду лицъ, въ томъ числѣ къ предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, къ А. И. Гучкову, къ генералъ-адъютанту Пантелѣеву и даже къ Великому Князю Сергѣю Михайловичу (котораго зналъ по Мих. арт. училищу) съ мольбой — раскрыть глаза Государю Императору. Наконецъ въ 1916 году я изложилъ на бумагѣ въ видѣ «Записки» — главныя причины нашихъ неудачъ и характеристику всѣхъ старшихъ начальниковъ, и просилъ генерала В. А. Апушкина, соприкасавшагося часто съ думскими дѣятелями (между прочимъ и съ Керенскимъ) — довести до свѣдѣнія Думы, что «такъ» дальше работать нельзя, что мы погибнемъ неминуемо, если не перемѣнимъ всего нашего внутренняго строя Арміи!..

Мое мнѣніе о генералѣ Алексѣевѣ я старался постоянно корректировать бесѣдами съ лицами близко его знающими. Между прочимъ я познакомился довольно хорошо

---

*) Генералъ Самсоновъ высказался по этому поводу гораздо опредѣленнѣе и рѣзче.

и даже сошелся убѣжденіями (что было рѣдкостью въ моей жизни) съ генераломъ Д. П. Парскимъ*) — товарищемъ и пріятелемъ Алексѣева.

Я не замедлилъ высказать съ полной откровенностью мое мнѣніе объ Алексѣевѣ, какъ о лицѣ совершенно не подходившемъ къ тѣмъ двумъ ролямъ, которыя онъ рискнулъ взять на себя въ февралѣ 1915 года и затѣмъ въ концѣ этого года. Въ величайшему удивленію моему, генералъ Парскій, не только не противорѣчилъ мнѣ, но даже добавилъ, что ген. Алексѣевъ относился всегда враждебно ко всѣмъ «либеральнымъ» идеямъ, какъ въ области подготовки Арміи, такъ и въ дѣлѣ Государственнаго строительства... Для меня стало ясно, что генералъ Алексѣевъ не отдавалъ себѣ отчета въ дѣйствительномъ положеніи вещей (что потомъ подтвердилось даже въ Ростовѣ — въ столкновеніяхъ его съ ген. Корниловымъ), и если потомъ и эволюціонировалъ въ сторону вниманія къ Государственной Думѣ, то вѣроятно, по какимъ либо инымъ побужденіямъ, но не въ силу знанія Арміи, дѣйствительности и военнаго дѣла.

Къ сожалѣнію, я не былъ на Юго-Западномъ фронтѣ, когда тамъ складывалась кабинетная «слава» генерала Алексѣева, и потому не могу говорить объ этомъ періодѣ его дѣятельности. Я могу только констатировать общеизвѣстные факты, а именно:

1) Численность русскихъ войскъ на Ю. Западномъ фронтѣ превышала численную силу противника, равно какъ и на С. Западномъ фронтѣ. При этомъ — на С. Западномъ фронтѣ это численное превосходство вначалѣ войны было въ большей пропорціи, чѣмъ на Ю. Западномъ. Слѣдовательно, на германскомъ фронтѣ можно было ожидать большихъ успѣховъ, чѣмъ на австрійскомъ. Однако, вышло совсѣмъ обратно. Причины понятны: противникъ былъ совсѣмъ другой, и даже «очень»: стоитъ только вспомнить нашихъ братьевъ славянъ, кои, конечно, не могли быть вѣрными слугами австрійцамъ. Кромѣ того — весьма возможно, что высшее руководи-

*) Это былъ, какъ и Алексѣевъ весьма скромный человѣкъ, но хорошо знавшій русскаго солдата генералъ, горячо любившій русскій народъ. Этотъ генералъ заслуживаетъ большого уваженія и вниманія къ себѣ.

тельство Арміями было болѣе дѣятельно и удачно на Ю. Западномъ фронтѣ.

2) Въ силу успѣховъ на Ю. З. фронтѣ, Ставка узрѣла на этомъ фронтѣ цѣлый рядъ талантовъ. И эти таланты немедленно были выдвинуты, и многіе изъ нихъ назначены съ повышеніемъ — для поправленія дѣлъ на Сѣв. Западномъ фронтѣ. Но большинство изъ нихъ провалилось на первомъ серьезномъ экзаменѣ противъ германцевъ!

Укажу нѣсколько примѣровъ:

Генералъ Рузскій, смѣнившій генерала Жилинскаго въ должности Главнокомандующаго Сѣв. Западнымъ фронтомъ, проявилъ себя безпричиннымъ отходомъ къ Бѣлостоку (см. выше) 2-й Арміи вмѣсто того, чтобы двинуть ее въ тылъ нѣмцамъ обходившимъ русскую 1-ю Армію; а операціи въ сентябрѣ 1914 г. (см. дѣйствія 6-го корпуса у Осовца) подъ Осовцомъ и Ломжей, потомъ подъ Млавой и Варшавой — не выдерживаютъ даже самой снисходительной критики.

Генералы: Литвиновъ и Эвертъ, выдвинутые — первый на должность Командующаго 1-й Арміей (послѣ Ренненкампфа), а второй —на должность Главнокомандующаго Западнымъ фронтомъ, не обнаружили никакихъ талантовъ, кромѣ способностей къ канцелярскому сидѣнію! Они не сдѣлали больше того, что дѣлали и ихъ предшественники, т. е. отступали, деморализуя этимъ войска и разоряя населеніе.

Въ числѣ «счастливцевъ» австрійскаго фронта первое мѣсто принадлежитъ генералу М. В. Алексѣеву.

Однако ,его прибытіе на Сѣв. Западный фронтъ на смѣну генералу Рузскому, не принесло никакихъ улучшеній въ положеніи дѣлъ на этомъ фронтѣ; равно какъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ событій не было видно — ни сильной направляющей руки, ни талантливыхъ операцій...

Неспособность генерала Алексѣева къ той роли, на которую выдвигала его безпощадная къ Россіи судьба (ради возмездія за прошлое), видна не только изъ результатовъ его дѣятельности, но даже изъ самыхъ пріемовъ управленія войсками.

Я уже упомянулъ, что въ критическія минуты генералъ Алексѣевъ не являлся даже на стыки своихъ Армій, т. е. въ тѣ пункты, гдѣ роль Главнокомандующаго выдвигалась самою природой вещей. Вообще Главнокомандующій не примѣнялъ личнаго воздѣйствія на войска и на своихъ подчиненныхъ, необходимаго нынѣ, какъ и прежде. Онъ не пользовался тѣми несравненными завоеваніями техники, которыя позволяютъ высшимъ начальникамъ въ короткій срокъ объѣхать фронтъ войскъ, не теряя связи со своимъ штабомъ, т. е. съ центромъ управленія. Онъ не посылалъ въ важнѣйшіе пункты и довѣренныхъ лицъ съ большими полномочіями. Онъ ограничивался писаніемъ директивъ!.. «Но каковы были эти директивы? Я читалъ ихъ въ Варшавѣ въ штабѣ 2-й Арміи въ іюнѣ 1915 года. Они производили на меня удручающее впечатлѣніе. Одна изъ нихъ, между прочимъ гласила: «германцы маневрируютъ: надо и намъ маневрировать»...

— Ну, и маневрируй! Диктуй директивой маневръ! — воскликнулъ я, прочитавъ эту, «поучительную» директиву Главнокомандующаго.

Нужны были дѣйствія, примѣръ, а не поученія — когда давно уже настала пора для дѣйствій.

Другая директива была еще слабѣе:

«Если можете, «продержитесь» въ Варшавѣ до 22-го іюня». Гласила она.

— Какъ — «если можете»? обратился я къ окружавшимъ меня офицерамъ. — Развѣ штабъ 2-й Арміи доносилъ о томъ, что германцы тѣснятъ Армію, что она не можетъ держать Варшаву? Даже вдали, въ окрестностяхъ Варшавы не слышно, не только ружейныхъ, но и артиллерійскихъ выстрѣловъ. 15-го или 16-го іюня я былъ съ А. И. Гучковымъ около Жмрардова и видѣлъ наши войска, отходившія безъ выстрѣла и даже безъ соприкосновенія съ противникомъ!»

Объѣхавъ за 5 дней раіонъ трехъ армій отъ Пултуска до Люблина и почти до Красностава — я видѣлъ борьбу съ противникомъ только въ раіонѣ южнѣе Люблина (въ 3-ей Арміи). На другихъ участкахъ отходили совершенно «мирно», по приказу свыше. Особенно спокойно было на Варшавскомъ направленіи. Какъ же Главноко-

командующій могъ писать: «если можете, продержитесь въ Варшавѣ»? Очевидно, онъ не былъ въ курсѣ дѣла, что по тому времени и обстановкѣ должно быть признано не ошибкой, не оплошностью, а величайшимъ безобразіемъ, преступленіемъ! При наличіи такихъ явленій, ссылки на недостатокъ снарядовъ, являются смѣшными и преступными. Эти люди, эти «полубоги», управлявшіе судьбою милліоновъ людей, не дали себѣ труда познакомиться съ дѣйствительностью хотя бы такъ, чтобы не писать очевидныхъ нелѣпостей! Кромѣ того — они совершенно не знали войскъ и войска не знали ихъ.

Но можетъ быть это правильно? Можетъ быть современная война требуетъ, чтобы начальникъ былъ пришитъ къ штабу, сидѣлъ бы на центральномъ телефонѣ и телеграфѣ, дабы слѣдить за ходомъ событій по всему фронту, не увлечься частью фронта въ ущербъ цѣлому? Вѣдь нынѣ фронты такъ велики и легко потерять связь со всѣми войсками, если удалиться отъ центра. А кто знаетъ — что и гдѣ можетъ случиться на тысячеверстномъ фронтѣ? Примѣръ Самсонова, уѣхавшаго изъ центра въ моментъ серьезной операціи (августъ 1914 г.) долженъ быть поучителенъ!..

Такъ говорятъ сторонники «сидѣнія на телефонѣ».

Я думаю иначе. И вотъ почему:

1) Поѣздки начальника къ войскамъ нужны, не только для того, чтобы самому видѣть положеніе дѣлъ на мѣстахъ, но и для того, чтобы войска его видѣли, чтобы влiять на подчиненныхъ — и живымъ словомъ, и примѣромъ. Посѣщать войска на позиціяхъ надо, не только въ періоды затишья, но и въ тяжелыя для войскъ минуты, ибо въ эти минуты войска легче всего проникаются уваженіемъ и довѣріемъ къ начальнику.

2) Сидѣть на телефонѣ можетъ только тотъ, кто вполнѣ увѣренъ въ своихъ войскахъ, какъ былъ увѣренъ ген. Окаяма послѣ цѣлаго ряда успѣховъ въ Манджуріи. Но даже геній военный — Наполеонъ 1-й, имѣвшій очень хорошихъ генераловъ и великолѣпныя войска, не всегда былъ увѣренъ въ нихъ, и потому появлялся всюду самъ

— оріентируясь личнымъ осмотромъ и вліяя на все своимъ присутствіемъ и своимъ обаяніемъ.

А обаяніе это пріобрѣтено не бумагой, а дѣйствительными побѣдами, достигнутыми, не только геніальными планами, но и ихъ выполненіемъ съ помощью именно тѣхъ средствъ, кои я только-что указывалъ: личнаго на все воздѣйствія и оріентированія.

Такъ же поступалъ и Суворовъ, и Петръ Великій, и всѣ большіе генералы, напримѣръ Скобелевъ.

Но можетъ быть, все это — было, а теперь невозможно и не нужно?

Что это нужно — ясно изъ 1-го пункта моего поясненія: надо воспитывать войска личнымъ вліяніемъ, надо этимъ путемъ пріобрѣтать ихъ уваженіе и довѣріе. А что это возможно, тому порукой современная техника, дающая въ распоряженіе начальниковъ всѣ средства для быстраго передвиженія, по какимъ угодно дорогамъ и даже безъ дорогъ, имѣя связь со всѣми частями черезъ свой штабъ.

Когда фронтъ неподвиженъ, такой объѣздъ его и даже ежедневное посѣщеніе значительной его части не представляетъ никакихъ затрудненій. При подвижномъ фронтѣ требуется большая предусмотрительность и лучшая организація связи съ тыломъ; но и тогда объѣздъ фронта вполнѣ возможенъ, что доказалъ ген. Самсоновъ, объѣхавъ въ короткій срокъ 4 корпуса своей арміи на походѣ.

— Но вѣдь онъ и погибъ во время этого объѣзда, а Армія въ критическую минуту лишилась руководства. Скажутъ мнѣ.

Судьба познакомила меня близко съ операціями этой Арміи, не только въ дни катастрофы, но и послѣ нея: Мнѣ приходилось переживать ея послѣдствія, знакомиться съ прошлымъ, принимать участіе въ розыскѣ тѣла ген. Самсонова, съ которымъ я, равно какъ и съ его семьею былъ давно знакомъ. А потому я смѣло утверждаю, что катастрофа произошла не отъ того, что Командующаго Арміей не было въ тылу, въ центрѣ связи. Такая же катастрофа произошла вскорѣ и съ 1-й Арміей, а потомъ съ 10-й, хотя ни генералъ Ренненкампфъ, ни генералъ Сиверсъ

не выѣзжали въ періодъ операцій къ войскамъ. Причины катастрофъ были вездѣ однѣ и тѣ же: отсутствіе пониманія обстановки у начальниковъ, ихъ крайняя нервность и тенденція къ отходамъ и малая стойкость войскъ, какъ только они чуютъ плохое водительство, а чуютъ они его вѣрно и быстро.

Кроатъ Крыжаничъ, жившій долгое время въ Москвѣ въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, въ 17-мъ столѣтіи, пишетъ:

«Хотя по природѣ склонные болѣе грабить, чѣмъ сражаться, солдаты этой страны никогда между тѣмъ не убѣгали, если ими хорошо командовали, и, защищая крѣпости, скорѣе умирали съ голоду, чѣмъ сдавались»...*) Видите ли — съ какихъ временъ сохранились характерныя особенности русскаго воинства! При такихъ особенностяхъ, ознакомленіе съ обстановкой и личное вліяніе начальника пріобрѣтаютъ еще большее значеніе.

Что касается потери ген. Самсоновымъ связи съ корпусами, то это не совсѣмъ вѣрно: правда, непосредственной связи у него не было съ лѣво-фланговыми корпусами, отступившими быстро и неожиданно; но съ тыломъ связь была, равно какъ и съ правофланговымъ корпусомъ. Даже послѣ самовольнаго и преждевременнаго отхода этого корпуса 13 августа 1914 г., связь была возстановлена мною, и ген. Самсоновъ еще 15 августа имѣлъ донесеніе о дѣлахъ 6-го корпуса и въ тотъ же день въ корпусѣ получено его приказаніе, которое было исполнено только на половину. Кромѣ того, я думаю, что главное средство связи — не проволка, не ординарцы, не почта, а добросовѣстность и достоинства исполнителей: задача дана — и всѣ должны стремиться къ ея выполненію наилучшимъ образомъ. Вотъ — главное средство связи. А что можетъ помочь проволка или ординарецъ тамъ, гдѣ люди не выполняютъ своего долга? Гдѣ они уходятъ впереди своихъ частей? Гдѣ они своимъ появленіемъ въ обозахъ производятъ панику, какъ это случилось въ 6 корпусѣ въ ночь съ 14 на 15 августа 1914 года? Гдѣ начальники не останавливаютъ подвергшихся

*) К. Валишевскій. „Первые Романовы", стр. 406.

паникѣ войскъ, а сами скачутъ во главѣ ихъ (Шидлово 15 мая 1915 г.)? Гдѣ ждутъ только первой буквы слова «отходить», чтобы свернуть штабъ и хотя бы въ 2 часа ночи, но уйти подальше отъ противника (знаю комичный фактъ, относящійся къ концу іюля или началу августа 1915 г. между Владиміромъ Волынскимъ и Ковелемъ)!

Въ такихъ условіяхъ нужны иныя средства, а не проволка и ординарцы. Генералу Самсонову надо было подобрать себѣ надлежащихъ исполнителей. А для этого ему надлежало имѣть больше предвидѣнія и характера. Если бы ген. Самсоновъ смѣнилъ бы до начала операціи трехъ командировъ корпусовъ съ начальниками ихъ штабовъ, да начальника своего штаба, котораго ген. Самсоновъ зналъ еще въ мирное время и въ грошъ не ставилъ (ген. П....й былъ удивительный суета и мало способный военный), — то операція могла бы разыграться иначе, и хотя нѣмецкій «Седанъ» былъ бы невозможенъ, благодаря бездарнымъ дѣйствіямъ Рененкампфа, ползшаго къ Кенигсбергу и двигавшагося со скоростью = 0 (стоялъ у Мазурскихъ озеръ), но все же катастрофы у Таненберга не было бы, а слѣдовательно ея не случилось бы и съ 1-ой Арміей, и можетъ быть не было бы и Гинденбурга и Людендорфа!

Я считаю доказаннымъ и утверждаю, что современная война не избавляетъ начальника отъ личнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ на фронтѣ, отъ личнаго вліянія на подчиненныхъ, отъ личнаго риска и лишеній, отъ бросанія себя на чашу боевыхъ вѣсовъ, подобно тому, какъ это дѣлалось и прежде, и даже не великими полководцами только, а просто — приличными генералами (Багратіонъ, Ермоловъ, Тучковъ, Раевскій, Барклай-де-Толли).

И это тѣмъ болѣе необходимо, чѣмъ слабѣе подготовлены войска и начальники въ мирное время; чѣмъ больше фронтъ; чѣмъ легче, по обстановкѣ, войска могутъ выходить изъ подъ вліянія старшихъ начальниковъ; чѣмъ менѣе надежны войска и начальники.

Въ этомъ отношеніи, съ первыхъ же дней войны была замѣтна большая разница между германскими и русски-

ми войсками. Наше вторженіе въ Восточную Пруссію встрѣтило мѣстами отпоръ, не только отъ малочисленныхъ германскихъ войскъ, прикрывавшихъ свою границу, но и со стороны населенія, которое организовало партіи «franc tireur'овъ» и велосипедистовъ, а также подстрѣливало нашихъ солдатъ, особенно обозы при ихъ отступленіи, стрѣляя изъ оконъ домовъ. Германскія войска проявляли постоянно, не только обыкновенную воинскую доблесть, но и большую иниціативу: какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Подвиги германскихъ войскъ не могутъ быть умалены — ни завистью, ни злобой, ни расчетомъ!

Съ первыхъ дней войны и до дней деморализаціи Арміи, германскіе солдаты соперничали въ доблести съ своими офицерами и генералами.

Будучи военнымъ, нельзя вспомнить безъ чувства уваженія и восхищенія о стойкости даже самыхъ малыхъ группъ германскихъ войскъ; кои дрались до послѣдняго и, будучи раненными, рѣдко сдавались! У насъ сочинили даже весьма неумную легенду о германскихъ солдатахъ, прикованныхъ цѣпями къ пулеметамъ, забывъ, что нельзя заставить человѣка стрѣлять изъ пулемета, послѣ общего отхода, если онъ самъ этого не захочетъ! Нѣтъ, германцевъ не надо было «приковывать» къ ихъ оружію: они сами крѣпко держали оружіе въ своихъ сильныхъ рукахъ! Еще болѣе рѣдки были случаи сдачи германскихъ офицеровъ, а тѣмъ болѣе — генераловъ. Однажды въ 1916 году въ раіонѣ м. Невель (на р. Припяти) былъ захваченъ нашими партизанами германскій начальникъ дивизіи генералъ Ф., пріѣхавшій на осмотръ своихъ передовыхъ войскъ и заночевавшій въ штабѣ Н пѣхотнаго полка. На другой день генералъ Ф. застрѣлился на квартирѣ коменданта нашего тыла. Ихъ начальники, какъ видите, не избѣгали передовыхъ линій и опасныхъ рекогносцировокъ! Такъ былъ убитъ на р. Дубиссѣ въ раіонѣ м. Бейсаголла, командиръ бригады Баварской кавал. дивизіи въ маѣ 1915 г. Ихъ начальники не уходили впереди войскъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ отходовъ — пропускали войска до послѣдняго мимо себя, и только тогда уходили сами. Такъ погибъ въ Граевѣ 17 сентября 1914 г., вѣроятно, начальникъ штаба осад-

наго отряда полковникъ, и попали въ наши руки автомобили штаба съ заведенными машинами. Даже Главнокомандующіе фронтомъ, напримѣръ, Макензенъ (вѣроятно и многіе другіе), бывали подъ огнемъ*).

Блестящія и смѣлыя операціи Гинденбурга (коему, конечно, сильно помогли русскіе генералы) не могли бы осуществиться, если бы германскія войска не были воспитаны въ духѣ преданности своему долгу и въ духѣ высокаго патріотизма, не «хвастного», а — сознательнаго, понимающаго, что для развитія культурныхъ силъ Германіи, для увеличенія ея благосостоянія — нужны усилія всего народа, и что значеніе и величіе Германіи такъ именно и создано: настойчивыми и разумными усиліями сверху, имѣвшими цѣлью воспитать и укрѣпить въ нѣмецкомъ народѣ сознаніе общности его задачи, общности его интересовъ и общности его достоянія, славы и величія! Вотъ почему возгласъ: « Deutschland über alles » — не есть пустая фраза въ устахъ нѣмца. Именно это воспитаніе народа въ духѣ отождествленія интересовъ Родины съ своими личными интересами, и даже постановки ихъ выше своихъ личныхъ интересовъ, — это чувство долга и гордости своимъ Vaterland'омъ сдѣлало нѣмцевъ непобѣдимыми въ теченіи 4-хъ лѣтъ войны противъ большей части культурнаго міра! Куда бы ни явились германскія войска — всюду они приносили торжество своему оружію и славу своей Родинѣ!...

Такъ было до отравленія ихъ тѣми самыми «газами» коими ихъ командованіе отравило русскую Армію и русскій народъ! Возмездіе послѣдовало быстрѣе, чѣмъ того можно было ожидать... Германскіе верхи «зарвались», какъ зарвался нѣкогда Великій Императоръ французовъ; какъ зарвались русскіе верхи, не сумѣвшіе понять обстановки въ 1916 г., какъ зарываются и ихъ неблагоразумные преемники!

Тѣмъ не менѣе, повторяю: нельзя не удивляться, говоря о германской организаціи и военной подготовкѣ и

*) Тоже, конечно, было и въ доблестныхъ войскахъ Франціи и Англіи, кои соперничали съ нѣмцами, не только въ техникѣ, но и въ моральномъ подъемѣ своихъ войскъ и въ искусствѣ своихъ генераловъ.

вспоминая подвиги, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и всего германскаго народа. Народъ этотъ и его Армія показали міру такую «марку», поставили такой рекордъ, который до того не зналъ еще культурный міръ, не взирая на подвиги Фридриха Великаго и его маленькой Пруссіи и не смотря на блестящія побѣды Великаго Императора французовъ и его самоотверженной и легендарной Арміи.

Военные подвиги германскихъ войскъ въ міровой войнѣ будутъ изучать такъ же, какъ изучаютъ подвиги французовъ Великаго Императора. Дѣлами Гинденбурга будутъ восхищаться такъ же, какъ и образцовыми операціями Бонапарта.

Говоря о явленіяхъ истекшей міровой войны, нельзя не остановиться на сравнительной оцѣнкѣ элементовъ ея: числа и качества войскъ.

Русскія войска вездѣ были численно сильнѣе германскихъ, особенно въ 1914 и въ началѣ 1915 годовъ. Однако, катастрофа за катастрофой слѣдовали у насъ на германскомъ фронтѣ, пока не закончилось все—общимъ отступленіемъ русскихъ армій въ 1915 году. Затѣмъ — цѣлый рядъ неудачъ въ 1916 году и даже весьма быстрая ликвидація успѣха нашего противъ австрійцевъ на Луцкомъ направленіи. Почему же все это такъ неудачно для насъ складывалось? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: большая разница была, не только въ организаціи всей Арміи и въ постановкѣ всей техники военнаго дѣла, но просто — въ личныхъ качествахъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ. Тамъ — каждый работалъ добросовѣстно, аккуратно, умѣло и самоотверженно, стараясь принести общему дѣлу наибольшую пользу. И въ тылу работали иначе, чѣмъ у насъ: не такъ эпикурействовали, не такъ жили, какъ у насъ.

Отъ какихъ бы это причинъ ни происходило — отъ воспитанія народа или отъ его природныхъ свойствъ — это для даннаго вопроса безразлично. Для насъ сейчасъ важенъ лишь фактъ, что качествомъ войскъ восполнялась ихъ численность и даже съ избыткомъ.

Эта мысль приходила мнѣ не разъ и въ мирное время и я выдвигалъ ее какъ аргументъ для большаго вниманія къ настоящей боевой подготовкѣ Арміи. Однако, то было время увлеченія числомъ. Война убѣдила меня, что число имѣетъ вліяніе въ борьбѣ съ равнозначущей, тождественной по качеству Арміей. При малѣйшемъ неравенствѣ въ качествѣ войскъ — число ихъ съ избыткомъ восполняется качествомъ. Это и понятно: нынѣшнія милліонныя и при томъ «обывательскія» Арміи требуютъ колоссальной тыловой машины, нарушая работу которой, вы уничтожите силу фронта (подвозъ снарядовъ, продовольствія, одежды, пополненій). А нарушить работу тыловой машины вы можете: прорывомъ на фронтѣ и быстрымъ развитіемъ этого успѣха въ большой тыловой зонѣ. Но для того и другого нужны хорошія войска! Для перваго — пѣхота и артиллерія, а для второго — кавалерія.

Но верхніе канцеляристы русскихъ войскъ, видимо, смотрѣли на вещи иначе. Какъ именно — видно изъ ихъ дѣлъ.

А дѣла ихъ, въ общей сводкѣ, представляются такъ: сначала — паническое оставленіе границы на многихъ участкахъ въ періодъ іюля 1914 года. Затѣмъ поворотъ счастья на Юго-Западномъ фронтѣ (въ началѣ и тамъ были неудачи) и несогласованное наступленіе на Сѣверо-Западномъ. Потомъ — катастрофа за катастрофой на С. Западномъ фронтѣ и успѣхи на Юго-Западномъ. Наконецъ — общее отступленіе въ 1915 г. съ разореніемъ населенія на громадномъ пространствѣ отхода и съ насильственнымъ сниманіемъ этого населенія.*) Но величина территоріи спасла русскую Армію тогда, какъ и въ 1812 году: германцы не могли наступать безъ конца; они остановились первые. Фронтъ зафиксировался. Началась реставрація Арміи — въ числѣ и въ техникѣ, но не больше. Союзники помогали всемъ — и деньгами, и вся-

*) Германскій генералъ фонъ Биссингъ, письмо котораго было захвачено въ районѣ Владиміръ-Волынска, писалъ: удивляюсь — какъ жестоко обращаются русскіе съ собственнымъ населеніемъ.

кими техническими средствами, и одеждой, и инструкторами но увы — не надлежащими совѣтами!...*)

Верхи сидѣли въ кабинетахъ и писали, писали: приказы о новыхъ формированіяхъ, наградахъ, производствахъ, назначеніяхъ, табеляхъ срочныхъ донесеній; издавали инструкціи, поученія и проч. Трудоспособность канцелярій проявлялась во всю. Въ 1916 году произведенъ, однако, цѣлый рядъ попытокъ — прорвать германскій фронтъ; но всѣ они принесли лишь колоссальные потери и новыя разочарованія. Наконецъ задумали грандіозную операцію: прорывъ германскаго фронта на Виленскомъ направленіи. Началась подготовительная работа. Заскрипѣли перья, застучали пишущія машины, а затѣмъ и колеса поѣздовъ съ людьми, орудіями и снарядами. На избранномъ участкѣ сосредоточили около 10 корпусовъ съ массою артиллеріи и горами снарядовъ и патроновъ. Къ серединѣ мая 1916 г. все было готово. Начали демонстрацію на Луцкомъ направленіи, т. е. на одномъ изъ участковъ Ю.-Западнаго фронта. Что это была демонстрація т о л ь к о, доказывается слѣдующими данными:

Для операціи на Луцкомъ направленіи назначено было т о л ь к о два корпуса и на к а ж д ы й дано 8 верстъ по фронту для дѣйствій; кавалерія не была заготовлена, что и вполнѣ правильно — такъ какъ это была т о л ь к о демонстрація, а не главный ударъ... Какъ вдругъ, демонстрація развилась такъ удачно, что дала... прорывъ! Противникъ отступилъ передъ однимъ изъ корпусовъ послѣ артиллерійской подготовки, а вслѣдъ за тѣмъ подалась и вся Армія австрійцевъ на этомъ участкѣ. Демонстрація удалась сверхъ всякихъ ожиданій! Казалось бы, что демонстрацію надо было развивать, усиливъ ее изъ б л и ж а й ш и х ъ участковъ фронта, а затѣмъ — опустить занесенный уже молотъ, т. е. произвести главный, подготовленный ударъ на Виленскомъ направленіи. Такъ учитъ опытъ прошлаго. Такъ говоритъ теорія военнаго дѣла. Но наши верхи рѣшили иначе. Они начали перебрасывать на участокъ прорыва тѣ части, кои были

*) Въ противномъ случаѣ они добились бы измѣненія порядковъ и смѣны Алексѣева человѣкомъ жизни и практики.

собраны для главнаго удара. При малой провозоспособности нашихъ жел. дорогъ, и большомъ разстояніи — подкрѣпленія прибывали на Луцкое направленіе пакетами, а конница, по обыкновенію, опоздала... Фронтъ противника скоро окрѣпъ и зафиксировался, а наши «пакеты» выдохлись, и наступленіе скоро замерло. Цифры трофей были, конечно, велики, но показаны онѣ были «по Суворовски» (единственно въ чемъ мы подражали Суворову). Своихъ потерь при безплодныхъ атакахъ на Ковель, конечно, не учли и не показали, а онѣ были очень велики. Въ августѣ или сентябрѣ (не помню точно) предприняли наступленіе на ниж. Стоходѣ, но оно слишкомъ запоздало и долго подготовлялось: нѣмцы успѣли развѣдать о немъ и подготовиться. То же случилось на Барановическомъ направленіи.

Такимъ образомъ въ 1916 г. былъ произведенъ цѣлый рядъ попытокъ сломить германскій фронтъ, но всѣ — безрезультатно, и, конечно, съ большими потерями съ нашей стороны.

За весь 1916 годъ на германскомъ фронтѣ никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Между тѣмъ силы всѣхъ борцовъ міровой войны изсякли, а нервы были напряжены до крайности. Источники людскихъ пополненій истощились. Только одна Россія имѣла еще богатые человѣческіе запасы. Но бѣда была въ томъ, что до сихъ поръ всѣ силы и средства эти употреблялись далеко не съ тѣми результатами, кои они должны были дать при правильномъ ихъ использованіи. Надо было изыскать мѣры, чтобы улучшить примѣненіе русскихъ войскъ и вообще всѣхъ силъ Россіи. Съ другой стороны — надо было предотвратить сепаратный миръ Россіи съ Германіей. А этотъ миръ нѣтъ, нѣтъ — да выплывалъ на политическомъ горизонтѣ! (Прямыхъ подтвержденій этому не найдено въ дѣлахъ разныхъ канцелярій; но это еще не доказываетъ, что не было тенденцій къ сепаратному миру въ группахъ дворцовой камчатки).

Такое положеніе вещей заставляло союзниковъ сочувствовать, а можетъ быть и активно помогать тѣмъ

группамъ русскаго общества, кои хотѣли «переворота» въ управленіи страною, п разнымъ причинамъ — въ зависимости отъ состава этихъ группъ. Несомнѣнно, что ни союзники, ни русскіе здравомыслящіе люди не могли желать того, что называется «революція», ибо хорошо сознавали вредъ такого явленія — и для фронта, что совсѣмъ не улыбалось союзникамъ, и для внутренняго состоянія страны — что никогда не входило въ программу и желанія прогрессивныхъ и либеральныхъ круговъ Россіи.*) Если бы союзники и не предвидѣли истиннаго характера русской революціи, т. е. революціи въ полу-дикой странѣ, то они не могли не понимать, что революція вообще есть явленіе трудно управляемое, что это явленіе стихійное.

Союзники сочувствовали только «перевороту» въ пользу «конституціоннаго» правленія — по скольку сами русскіе видѣли въ конституціи единственный выходъ изъ создавшагося тупика на русскомъ фронтѣ!

Ни о какомъ либо «ослабленіи» Россіи и «предательствѣ» союзниковъ не можетъ быть и рѣчи· они слишкомъ хорошо понимали, что выходъ Россіи изъ строя — можетъ быть пагубнымъ для нихъ (что и оказалось въ 1918 году) даже при лучшемъ состояніи ихъ силъ, а вѣдь въ 1917 году силы союзниковъ, особенно Франціи, были исключительно истощены. Можно подозрѣвать союзниковъ въ чемъ угодно, но не въ такомъ очевидномъ непониманіи своихъ собственныхъ интересовъ.

Также неосновательны и даже забавны всѣ обвиненія въ «предательствѣ» взводимыя по адресу г. г. Родзянко, Гучкова, Шингарева, Милюкова и другихъ общественныхъ дѣятелей. Всѣ они понимали отчетливо, что нельзя безконечно искушать судьбу и натягивать народные нервы; что «такъ» дольше вести дѣла нельзя; что нужны радикальныя перемѣны, какъ въ Арміи — для увеличенія ея боеспособности, такъ и въ странѣ — для увеличенія ея работоспособности; что власть упорно не желаетъ никакихъ серьезныхъ перемѣнъ и попрежнему остается столько-же самонадѣяна, какъ и бездарна. Были исчерпаны

*) Хотя тупоумные черносотенцы постоянно утверждаютъ обратное.

всѣ средства для побужденія власти къ необходимымъ реформамъ... Тогда явилась единственная надежда на «конституцію», которая выдвинетъ къ власти болѣе способные элементы, понимающіе нужды страны и сознающіе необходимость радикальныхъ перемѣнъ. Обратились къ Царю съ мольбами. На колѣняхъ стоялъ передъ Царемъ Председатель Государственной Думы Родзянко моля о дарованіи конституціи, въ которой онъ видѣлъ единственное спасеніе!*) Просили Царя и другіе, даже члены его собственной семьи! Конституціи изъ рукъ Царя хотѣли всѣ, кто хоть мало мальски понималъ обстановку и предвидѣлъ послѣдствія упрямаго цѣпляния за старое, изгнившее и рваное тряпье, уже не покрывающее тяжкихъ ранъ на русскомъ Государственномъ тѣлѣ!**)

Но люди ,не желающіе считаться съ фактами говорятъ — что Россія и Союзники были въ 1917 году близки къ побѣдѣ надъ Германіей и, что только враги Россіи могли желать «переворота» во время войны.

Такое утвержденіе ни на чемъ не основано, ибо тогда — къ концу 1916 и къ началу 1917 года — не было никакихъ ясныхъ и твердыхъ основаній для оптимизма. Можно было только гадать о банкротствѣ и истощеніи Германіи, но вѣдь у насъ еще въ 1914 году говорили, что Германія «умираетъ» отъ голода и что силъ ея хватитъ еще только на два, на три мѣсяца войны; а между тѣмъ... Германія была побѣдительницей въ теченіе 4-хъ лѣтъ небывалой войны, и въ 1918 году германцы приближались уже къ Парижу! Кто могъ быть пріятнымъ для Союзниковъ пророкомъ? Вѣдь всѣ подобныя пророчества столько разъ оказывались уже пошлымъ бахвальствомъ, пагубнымъ для общаго дѣла и для русскаго народа. Если считаться съ событіями первыхъ 2½ лѣтъ міровой войны и быть объективнымъ, то должно сказать:

Силы союзниковъ, особенно Франціи, замѣтно ослабѣли; Америка еще не присоединилась къ союзникамъ;

*) Это говорилъ мнѣ самъ Родзянко въ 1915 году.

**) Съ вопросомъ о конституціи, вѣрнѣе — объ ограниченіи самодержавія русскіе верхи и ихъ подголоски вели себя, какъ дѣти еще со временъ Александра II го. Своимъ неразуміемъ и провалами на міровыхъ экзаменахъ, они давали богатѣйшую пищу для всякой соціалистической и революціонной пропаганды.

Германія, не взирая на всякія предсказанія, стояла твердо и оставалась побѣдительницей на всѣхъ фронтахъ; неспособность русскихъ властей дать надлежащую силу русскому фронту становилась внѣ сомнѣній: русскія войска имѣли успѣхъ только противъ австрійцевъ и то — успѣхъ случайный (какъ напримѣръ «Брусиловскій» прорывъ въ 1916 году)... Снарядовъ было много, но ихъ было много и въ 1914 году! Однако... катастрофы слѣдовали въ 1914 году одна за другою.

Но все это неубѣдительно для людей извѣстнаго покроя...

Когда революція 1917 года приняла дикія формы и прежде всего разложила Армію, люди эти, такъ или иначе культивировавшіе погубившіе Россію порядки (хотя только молчаніемъ или низкопоклонствомъ), стали кричать:

— Вотъ видите; что произошло! А вѣдь до революціи мы были сильны на фронтѣ «какъ никогда». Мы были наканунѣ побѣды!!. Но побѣда эта была нежелательна міровому «жидовскому» кагалу, массонской ложѣ, Англіи... Во всемъ виноваты евреи: они работаютъ противъ Россіи вездѣ — и въ Англіи, и въ Америкѣ, и во Франціи; имъ вездѣ подчиняются массоны; имъ помогаютъ и наши — Милюковы, Гучковы, Родзянки!...

Чего только не приводилось въ доказательство виновности евреевъ въ революціи 1917 г., желавшихъ яко-бы недопустить насъ до близкой уже побѣды надъ Германіей!... Тутъ — и «протоколы сіонскихъ мудрецовъ», и газетныя статьи въ Америкѣ, и докторъ Захарьинъ, который будто-бы «отравилъ» Императора Александра III, и принадлежность къ массонской ложѣ всѣхъ виднѣйшихъ политическихъ дѣятелей...

А между тѣмъ ,не только анализъ событій, но даже простой ихъ пересказъ указываетъ, что событія зарождались и вытекали одно изъ другого или одно противорѣча другому по волѣ самодержавной всероссійской власти, которая совершенно легко и свободно могла дать событіямъ другое направленіе и во всякое время.

Не слѣдуетъ забывать, что рѣчь идетъ не о волѣ простого, «обывателя», или даже министра. Здѣсь рѣчь идетъ о волѣ Самодержца, которому безпрекословно повиновались 150 милліоновъ людей, и который дѣлалъ, какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ самые невѣроятные и произвольные шаги, подчиняясь — то одному, то другому неразумному совѣтчику.

Вернемся къ событіямъ 1897—1905 годовъ. Чего только тамъ не было? Сегодня одно — завтра другое. Сегодня провозглашается принципъ «неприкосновенности Китая», а завтра захватывается китайская территорія!.. Сегодня уступаютъ Японіи вліяніе въ Кореѣ, а завтра допускаютъ и содѣйствуютъ безобразной Яллуской авантюрѣ. Сегодня «Гаагская Конференція мира», а завтра отказъ отъ вывода войскъ изъ Манджуріи!.. Съ одной стороны: «войны съ Японіей не хотимъ» и «армія не готова», а съ другой — вызывающее поведеніе по адресу Японіи...

Вдумайтесь спокойно въ эту какофонію «вліяній» и вы увидите, что здѣсь евреевъ, и массоновъ, и Милюковыхъ не было.

А полюбуйтесь на весь ходъ войны 1904—5 года. На похвальбу Стесселя — не сдать Портъ-Артуръ; на приказы Куропаткина съ увѣреніями, что дальше Мукдена мы не отойдемъ. На общіе крики верховъ о скоромъ погромѣ японцевъ!

И что же?

И Портъ Артуръ сдали; и за Мукденъ отступили; и ни одного успѣха во всю войну не имѣли, даже тогда, когда были въ численномъ превосходствѣ, напримѣръ, подъ Мукденомъ и особенно подъ Сандепу.

Тѣмъ не менѣе — какъ только былъ заключенъ миръ съ Японіей въ 1905 году, всѣ виновники бѣдъ Россіи (возникновенія войны 1904 г., неготовности Арміи, бездарнаго веденія войны), всѣ г. г. придворные лакеи и лакеи лакеевъ стали кричать на весь міръ: «во всемъ виноваты евреи и массоны: имъ нуженъ былъ позоръ и ослабленіе Россіи!..»

Даже бездарный и военно-неграмотный Линевичъ и ничтожный Куропаткинъ, и тѣ обнаглѣли до такой сте-

пени, что заявляли: «если бы не миръ — мы разбили бы Японцевъ; мы были сильны, какъ никогда!»

Полюбуйтесь на этихъ людей.

Когда шли мирные переговоры, они молчали, сидѣли тихо. Они чувствовали, что 1½ года сплошныхъ пораженій — это не пустяки. Это что нибудь да значитъ.

Понимали они, что Россія влѣзла въ «грязную исторію», куда толкнули ее безотвѣтственные и безконтрольные властители, которые и сами тогда притихли... Но какъ только бѣда миновала, — тотчасъ-же: «виноваты во всемъ евреи и массоны» и—«мы готовы и сильны какъ никогда!»

То же самое случилось и въ 1917 году; съ тою только разницей, что въ 1905 году войну прекратилъ миръ, а въ 1917 году революція.

Но крики: «это все евреи и массоны сдѣлали» и «мы готовы и сильны, какъ никогда», — начались немедленно и продолжаются до сихъ поръ.

Увы, эти крики, или просто ни на чемъ не основанный оптимизмъ приходилось наблюдать очень часто — и до революціи, и послѣ 1917 года, особенно въ 1919 и 1920 годахъ на антибольшевистскихъ фронтахъ Деникина и Врангеля.

Тогда власть настойчиво увѣряла всѣхъ въ «скоромъ» паденіи большевизма; въ «близкой побѣдѣ»; въ твердомъ положеніи — то тамъ, то здѣсь... Говорили и о безопасности Крыма, о силѣ Арміи, и о неприступности ея позицій...

И все это шагъ за шагомъ, день за днемъ, оказывалось вздоромъ, да еще какимъ!

А развѣ не говорили во время войны, что Германія скоро погибнетъ отъ голода; что она будетъ раздавлена въ нѣсколько мѣсяцевъ; что налицо всѣ признаки ея ослабленія, — что мы скоро будемъ въ Берлинѣ!..

Даже когда событія говорили обратное, г. г. оптимисты увѣряли (не принимая никакихъ мѣръ для улучшенія положенія вещей): «все устроится, все образуется: въ Россіи всегда такъ— сначала неудача, а потомъ — большой успѣхъ!»

И все это не оправдалось... Что вполнѣ понятно, ибо это были слова, безъ пониманія положенія и безъ разумныхъ мѣръ къ его улучшенію.

Такія же слова есть и запоздалое увѣреніе въ нашей готовности и силѣ въ 1917 году.

Гдѣ были гарантіи успѣха? Кто могъ поручиться, что 1916 г. съ его неудачными попытками и топтаніемъ на мѣстѣ, не повторится и въ 1917 и даже въ 1918 году? Гдѣ объективныя и твердыя данныя для такихъ утвержденій? Гдѣ вѣра въ русскую власть, такъ часто и такъ фатально обманувшую всѣ надежды и всѣ предположенія?!.

А между тѣмъ, русскій народъ явно тяготился длительной и вновь безуспѣшной, какъ и въ 1904—5 г., войною, и все больше и больше ожесточался противъ войны и «панскихъ» порядковъ; конечно, ему помогали въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ, коимъ улыбалась классовая рознь.

Обстановка въ общемъ становилась очень сложной и опасной. Согласія не было даже при Дворѣ. Присутствіе тамъ и близость къ Царской семьѣ такого мерзавца, какъ развратникъ Распутинъ, возбуждали гнѣвъ даже среди ярыхъ сторонниковъ неограниченнаго Самодержавія.

Люди, смотрѣвшіе жизни прямо въ глаза, безъ всякихъ иллюзій, не ждали ничего путнаго отъ тѣхъ неисправимыхъ невѣждъ и бездарностей, кои стояли у власти...

Надо было перемѣнить власть, измѣнить порядки и влить новую струю жизни во всѣ сосуды русскаго организма и прежде всего въ Армію .

Такъ смотрѣвшіе на положеніе вещей люди хотѣли конституціи, которая одна могла бы измѣнить положеніе къ лучшему.*) Но Царь упорно не давалъ ее.

Что же удерживало Царя и его совѣтниковъ? Что дѣлало ихъ враждебными идеѣ конституціи, если бы она была дарована, наконецъ Царемъ, послѣ несдержаннаго обѣщанія (Манифестъ 17 октября 1905 г.). — Сознаніе, что конституція погубитъ Россію ?

---

*) Она давала путь къ реформамъ, коихъ не осуществляла самодержавная власть.

Мы не имѣемъ никакихъ серьезныхъ данныхъ, чтобы предполагать основательность подобнаго утвержденія: почему законное участіе избранниковъ народа въ управленіи общими дѣлами могло оказаться хуже того, что такъ скверно дѣлали самодержцы»?*) Такое мнѣніе, по меньшей мѣрѣ произвольно и не обосновано.

Очевидно, Царь находился подъ чьимъ-то дурнымъ вліяніемъ; а самъ совершенно не разбирался въ положеніи вещей.

Онъ даже не пожелалъ смѣнить ген. Алексѣева, хотя ему рекомендовали другое лицо, и рекомендовали не общественные круги, вѣчно подозрѣваемые во вредномъ «либерализмѣ», а — «свои», г. г. министры, преданные люди!.. Царь постоянно колебался и былъ подъ дурнымъ вліяніемъ своей нервно-больной Супруги, принимавшей мошенника Распутина за святого старца...

Такъ или иначе, но ожидаемой всѣми 6-го декабря 1916 года конституціи, дано не было. Царь уѣхалъ въ Ставку — разочаровавъ всѣхъ, даже многихъ изъ своихъ родственниковъ. Все благомыслящее и понимающее положеніе русское общество было повергнуто въ отчаяніе: Становилось яснымъ, что насильственный «переворотъ» неизбѣженъ, а онъ былъ, конечно, опасенъ и нежелателенъ.

Такъ думали и разсуждали тѣ, кому дѣйствительно нужна была сильная и богатая Россія, а не истуканъ на глиняныхъ ногахъ, неспособный бороться съ серьезными испытаніями даже тогда, когда ему помогаютъ такія культурныя страны, какъ Франція и Англія, и когда онъ участвуетъ въ коалиціи со всѣмъ культурнымъ міромъ — противъ одной Германіи... А что было бы при единоборствѣ?

Но были вѣдь и другіе люди, съ другими мыслями и съ другими желаніями. Прежде всего — наши враги на фронтѣ, нѣмцы. Имъ, конечно, нужна была Россія слабая, неспособная къ продолженію борьбы. Ихъ естественными союзниками явились всѣ тѣ русскіе и нерусскіе интеллигенты, для коихъ русскія власти были ненавистны во всей ихъ совокупности, т. е. какъ правящій

*) Конституціонная Англія, республиканская Франція и конституціонная Германія вели свои дѣла лучше самодержавной Россіи.

классъ. Таковыхъ было достаточно — и въ Россіи, и заграницей. Къ ихъ міровозрѣнію примыкали и многіе изъ обиженныхъ, обездоленныхъ или вообще чѣмъ нибудь недовольные. Наконецъ — темный народъ, усталый отъ долгой и безрезультатной войны, охотно внималъ словамъ всѣхъ враговъ власти и правящаго сословія... Всѣ эти элементы были сознательными или безсознательными союзниками Германскаго Генеральнаго Штаба, ибо имъ нужна была не смѣна людей у Государственнаго руля съ тѣмъ, чтобы корабль шелъ увѣреннѣе и правильнѣе, а — смѣна всего командного состава корабля: однимъ — чтобы посадить корабль на мель; другимъ — чтобы, кромѣ того, его разграбить; а третьимъ — чтобы освободиться отъ работъ по починкѣ и обслуживанію корабля!

Германскій Генеральный Штабъ не щадилъ денегъ на пропаганду и подкупъ. Впрочемъ «подкупать» въ точномъ смыслѣ этого слова имъ не было необходимости, такъ какъ люди, коихъ они снабжали деньгами, были убѣжденными врагами всего русскаго правящаго класса и даже всего такъ называемаго «буржуазнаго» строя: уничтожить его — было ихъ мечтою, ихъ страстью! Передъ этой цѣлью, этой задачей все казалось малымъ и ничтожнымъ—и прошлое величіе ихъ Родины и ея жертвы въ міровой войнѣ, и ея будущее вѣроломство передъ союзниками, и міровой позоръ, и море невинной крови, и страданія того народа, который долженъ былъ сыграть роль только ступеней для восшествія на Царскій русскій тронъ нѣсколькихъ честолюбцевъ изъ русской и нерусской интеллигенціи.

Но справедливость требуетъ сказать, что на первыхъ порахъ, эти люди сыграли только роль искры, брошенной въ большой, плохо содержимый и небрежно оберегаемый, пороховой погребъ, и что Германскій Генеральный Штабъ твердою рукой бросилъ эту искру въ пороховой погребъ русской дѣйствительности, въ то время, какъ русскіе «либералы» только на словахъ грозили властямъ возможностью взрыва тѣхъ складовъ горючихъ и взрывчатыхъ веществъ, которые заготовила сама эта русская власть издавна и особенно накопила въ послѣдніе годы. Кара была впереди... Сѣяли вѣтеръ — собирали бурю. Но сѣяли верхи власти, а собирать

пришлось всѣмъ и многимъ совершенно непричастнымъ къ дѣламъ Правленія...

Но высшая Справедливость требовала возмездія потомкамъ за грѣхи предковъ! Кара постигла всѣхъ: однихъ за дѣла, другихъ — за молчаніе!

Глава VII.

РЕВОЛЮЦІЯ.

Въ концѣ февраля 1917 года начались уличные безпорядки въ Петроградѣ, на почвѣ недостатка хлѣба. Волненія эти, вызванныя, повидимому искусственно невидимой рукой, были поддержаны войсками Петроградскаго гарнизона, кои отказались принять участіе въ установленіи порядка и, одна часть за другою, присоединились къ бунтующимъ наемнымъ группамъ, состоявшимъ по большей части изъ мальчишекъ и подростковъ.

Пожаръ начался. Сначала дѣла пошли такъ, что у многихъ явилась увѣренность въ возможность «безкровнаго» переворота, чего такъ хотѣли друзья Россіи.

Власть перешла въ руки Государственной Думы, Царь вскорѣ отрекся отъ престола. Образовалось «Временное Правительство», которое расчитывало на установленіе въ Россіи конституціонно-монархическаго строя, и конечно, на продолженіе войны съ Германіей.

Но такое положеніе вещей совсѣмъ не устраивало нѣмцевъ и ихъ агентовъ въ Петроградѣ, а также и тѣхъ безчисленныхъ честолюбцевъ, авантюристовъ, выскочекъ и просто жуликовъ, кои въ революціи увидѣли широкую возможность обогащенія и пролѣзанія къ власти. Такихъ господъ всегда и вездѣ много. Они бездарны и незамѣтны въ правовомъ режимѣ; они почти непротивленцы, или кусатели издали, пока власть сильна; они не выступаютъ

впереди толпы; но какъ только власть зашаталась и оказалась слабою, — они бросились во всѣ стороны съ факелами, чтобы разжечь костеръ, усилить пожаръ Россіи, «углубить революцію» — дабы легче было потомъ грабить и легче захватывать власть и все, что съ нею связано!

Это имъ удалось вполнѣ: вездѣ были склады горючаго матеріала; вездѣ — одинаковаго качества, а потому и пожаръ вездѣ имѣлъ поразительно одинаковый характеръ! Вотъ еще доказательство — что пожаръ подготовлялся много лѣтъ и при томъ — самою властью, работавшею изъ центра, а потому вездѣ одинаково...

Изъ господъ «раздувателей пожара», именовавшихъ себя «соціалистами», преимущественно — «демократами» образовалось самозванное учрежденіе, именовавшееся «Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ», во главѣ съ грузиномъ Чхеидзе. Опираясь на распущенную и темную массу «резервистовъ» Петроградскаго гарнизона, обрадовавшихся возможности дезертирства и праздной жизни, и раздувая дикія страсти толпы, г. г. Чхеидзе и Ко сдѣлались фактическими управителями Страны.

Временное Правительство было только декораціей, ширмой, за которой всѣми дѣлами управляли господа «совѣтчики». Первой ихъ заботой было — установить всюду, по всей Россіи, такіе же «совѣты», какъ и они сами — дабы имѣть на мѣстахъ преданныхъ исполнителей ихъ «повелѣній». Началась адская агитація — устная и письменная; смѣна всѣхъ мѣстныхъ властей, захватъ казеннаго имущества и рѣшительное тяготѣніе къ казеннымъ денежнымъ сундукамъ (частнаго имущества еще не брали).

Конечно, въ первую очередь г. г. Чхеидзе и Ко бросились къ Арміи, какъ единственной реальной силѣ, которая могла бы остановить ихъ алчныя и безнравственныя тенденціи. Они обратились къ ней съ манифестомъ, названнымъ ими «Приказъ № 1-й». Въ этомъ приказѣ они призывали войска къ неповиновенію офицерамъ и къ классовой борьбѣ. Если бы въ противовѣсъ такому приказу, Царь или замѣстившая его оффиціальная власть, выступили съ рѣшительнымъ протестомъ и призывомъ войскъ къ выполненію сво-

его долга передъ Родиной и къ соблюденію воинскихъ законовъ, и — къ организаціи фактическаго отпора захватамъ г. г. «совѣтчиковъ», — то колесо русской, а можетъ быть и міровой, исторіи повернулось бы иначе.

Но Царь ушелъ съ арены безмолвно и необыкновенно быстро, безъ всякихъ попытокъ къ предупрежденію бѣдствій, могущихъ возникнуть въ Странѣ полной горючаго матеріала.

Временное Правительство оказалось неспособнымъ къ борьбѣ съ наголодавшимся и дѣятельнымъ вибріономъ «соціализма», столь долго томившагося въ тоскѣ по власти!

Приказъ № 1 г. г. Чхеидзе и Ко*), распространяемый съ удивительной энергіей по всѣмъ фронтамъ (его развозили и раздавали всюду какія-то личности въ тысячахъ экземплярахъ!) произвелъ свое развращающее дѣйствіе на войска — сильно подготовленныя къ его воспріятію тремя годами безславной и тяжкой войны, а также и всѣмъ гражданскимъ и военнымъ режимомъ Россіи. Темнымъ людямъ казалось весьма заманчивымъ — прекращеніе ритуала и строгостей дисциплины; освобожденіе отъ стѣснительныхъ для нихъ правилъ приличія и уваженія къ старшимъ; освобожденіе отъ правилъ порядка и нравственности; перспективы связанныя съ классовой борьбой: возможность захвата чужой земли, свобода дѣлать что угодно, прекращеніе всякой опеки верховъ и прежде всего — возвращеніе домой и полное прекращеніе войны, — все это окончательно туманило головы темныхъ, неразвитыхъ, жадныхъ и усталыхъ, даже измученныхъ войною людей.

Они быстро усвоили себѣ весь ядъ приказа № 1-й и всѣхъ къ нему дополненій въ видѣ всякой пропаганды.

Армія начала разваливаться съ головокружительной быстротой. Началось массовое дезертирство, неповиновеніе офицерамъ, эксцессы по адресу начальниковъ, захватъ власти «совѣтами» и разными негодяями изъ офицерскаго и солдатскаго состава; освобожденіе отъ занятій, самое небрежное несеніе службы, попраніе всѣхъ началъ дисциплины! Въ частяхъ войскъ и въ штабахъ появи-

*) Авторъ приказа, присяжный повѣренный Д. В. Соколовъ, былъ вскорѣ возведенъ въ санъ „сенатора“!

лись выборные комитеты, преимущественно изъ солдатъ, хотя и съ примѣсью офицерскаго состава, который, впрочемъ, шелъ иногда въ «комитетчики» съ исключительной цѣлью — умѣрить неразумное усердіе и алчность «товарищей» — солдатъ, которые весьма недвусмысленно поглядывали прежде всего на казенные денежные ящики, имѣя тенденцію заполучить «монету».

Все это было дѣломъ рукъ Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ» въ Петроградѣ. Г. г. «совѣтчики» и «комитетчики» сами пока тянулись только къ «монетѣ» и къ другимъ прерогативамъ власти, не неся ея тяготъ и отвѣтственности!

Справедливость требуетъ сказать, что г. г. Чхеидзе и Ко, творя свое безумное дѣло разрушенія Арміи и развращенія русскаго народа, (призывомъ къ захвату власти «Совѣтами» и «Комитетами» и къ насильственному овладѣнію землей), не проповѣдовали — ни прекращенія войны, ни общаго грабежа частнаго имущества. Эти безумные люди думали, что Армія, лишенная дисциплины, можетъ вести войну, а развращенный самоуправствомъ народъ можетъ строить «культурную» жизнь!

Но не такъ думали германскіе агенты. Они отлично понимали все происходившее, и потирая руки отъ удовольствія, старательно подливали масло въ огонь, раздувая и безъ того пылавшее всюду пламя страстей и безумія!

И дѣлали они свое скверное дѣло такими проповѣдями и призывами: «долой войну», «миръ безъ аннексій и контрибуцій», «бей буржуевъ» и т. п.

Нѣмцы были довольны: фронтъ русскій не существовалъ; особенно послѣ неудачнаго іюньскаго наступленія, организованнаго Керенскимъ. Какъ и слѣдовало ожидать «митингующія» войска оказались способны только къ дезертирству и грабежу, а не къ бою, да еще съ такимъ противникомъ, какъ германцы. Процессъ разложенія многомилліоной русской Арміи усилился. Попытка доблестнаго русскаго генерала и большого русскаго патріота Л. Г. Корнилова — остановить этотъ процессъ — встрѣти-

лась съ слабоволіемъ, а можетъ быть и коварствомъ Керенскаго*), и еще болѣе ухудшила состояніе Арміи. Послѣ этой попытки вся власть въ войскахъ фактически перешла къ войсковымъ комиссарамъ; участились эксцессы надъ офицерами; началось повальное дезертирство и оставленіе фронта цѣлыми частями! Большевики и германскіе агенты оказались фактическими хозяевами Россіи, хотя оффиціально у власти стояло «Временное Правительство» Керенскаго, а за нимъ еще копошился у казеннаго сундука и господинъ Чхеидзе со своими соратниками.

— Почему не взять всей власти оффиціально въ свои руки? думали большевики.

— Это такъ просто:

Г. г. соціалъ-демократы овладѣли властью съ помощью «Приказа» № 1» и права на захватъ земли. А мы дадимъ Арміи и толпѣ гораздо больше — какъ на аукціонѣ.

Наша цѣна будетъ больше и заманчивѣе!

Большевики порылись въ «марксистскомъ» евангеліи и затѣмъ закричали на всю Россію: «миръ хижинамъ, война дворцамъ! Грабь, товарищи, всѣхъ, у кого можно что нибудь взять; грабь, не стѣсняйся: это все ваше. Грабь въ нашу голову!»

— Да здравствуютъ большевики! отвѣтила темная и давно уже буйствовавшая толпа, и пошла грабить и разорять Россію подъ злорадный смѣхъ кровавыхъ садистовъ, упивавшихся кровью и страданіями русскихъ людей, иногда совершенно ни въ чемъ неповинныхъ.

Такъ началась звѣриная пляска русскихъ людей, разорявшихъ свою Родину, топтавшихъ ногами, не только все свое прошлое, но и всѣ достоянія культуры, всѣ основы нравственности, всѣ устои современнаго общества!

---

*) Который задумалъ вмѣстѣ съ генераломъ Корниловымъ освободиться отъ нароставшей власти большевиковъ; но въ послѣднюю минуту испугался — побѣды большевиковъ или власти Корнилова.

Я былъ въ это время на фронтѣ въ раіонѣ Ровно, командуя 6-ю кавалерійскою дивизіею, а потомъ 7-мъ кавалерійскимъ корпусомъ.

До Корниловскаго выступленія мнѣ удавалось поддерживать относительный порядокъ въ дивизіяхъ, особенно въ 6-й кавалерійской. Мои взгляды на военное дѣло и на обязанности начальника, высказанные выше, сильно помогали внѣ въ это трудное время: я былъ неуязвимъ для господъ «комитетчиковъ» изъ соціалъ-демократовъ и даже изъ соціалъ-революціонеровъ. Чувствуя твердую почву подъ ногами (въ знаніи дѣла и въ честномъ выполненіи своихъ обязанностей, не только на бумагѣ, а — въ полѣ, на фронтѣ, въ окопахъ), я заставлялъ себѣ повиноваться до такой степени, что у меня еще въ августѣ 1917 года всѣ солдаты «отдавали честь», велись занятія, дѣлались смотры, комитеты не прикасались къ денежнымъ ящикамъ, а въ штабѣ 6-й кав. дивизіи не было даже комитета: дивизіонные «комитетчики» сидѣли въ своихъ частяхъ, такъ какъ для жизни при штабѣ дивизіи, я предложилъ имъ должности: «обознаго», «писаря», «деньщика», это, конечно, ихъ не устраивало. Никакихъ экипажей и автомобилей у меня они не знали. Предсѣдателю же ихъ, молодому солдату Кеквидзе (впослѣдствіи «комиссару» на Ю. Западномъ фронтѣ и Начальнику дивизіи у большевиковъ) я предложилъ мотоциклетъ, на которомъ самъ ѣздилъ, что также, видимо, его не устраивало, и онъ отказался отъ моего любезнаго предложенія. Да и съ самимъ этимъ господиномъ «Предсѣдателемъ дивизіоннаго Комитета» я познакомился только въ іюнѣ, взявъ его однажды въ автомобиль по дорогѣ изъ штаба корпуса. Помню, какъ сидя передо мною въ автомобилѣ, этотъ «предсѣдатель» вскакивалъ съ мѣста (въ автомобилѣ) и бралъ руку подъ козырекъ при всякомъ моемъ обращеніи къ нему. А въ декабрѣ того же 1917 года онъ осмѣлѣлъ уже до того, что пригрозилъ мнѣ арестомъ, если я не уѣду изъ корпуса!

Послѣ Корниловскаго выступленія появился« корпусный комиссаръ». Все же еще можно было кое-какъ сдерживать части войскъ и даже выдвигать ихъ на фронтъ.

Но послѣ 25 октября 1917, т. е. послѣ захвата власти большевиками, все развалилось окончательно: на фронтѣ войскъ въ пѣхотѣ началось нѣчто непередаваемое!.. Повальное оставленіе фронта, распродажа казеннаго и даже частнаго — офицерскаго имущества, грабежъ населенія, сжиганіе помѣщичьихъ усадьбъ, эксцессы надъ офицерами. Даже 6-я кавалерійская дивизія возстановившая порядокъ въ трехъ армейскихъ корпусахъ до Корниловскаго выступленія, теперь начала замѣтно разлагаться...

Трудно передать жгучія мысли и тяжкія переживанія того времени. Оставленіе фронта и полное забвеніе воинской дисциплины совсѣмъ не походило на испуганное бѣгство изъ подъ ударовъ германцевъ въ 1914 году; оно не напоминало и трагическаго отхода по всему фронту въ 1915 году. Въ 1917 г. было что-то другое: стихійное и одновременно-сатанинское и до боли жалкое! Потерять не только воинскій, но человѣческій стыдъ до такой степени, чтобы продавать открыто казенное оружіе, казенныхъ и частныхъ лошадей, тащить автомобили, экипажи и повозки, нагружая ихъ всякими казенными запасами; бѣжать верхомъ на казенныхъ и офицерскихъ лошадяхъ, захватывая все, что можно захватить на сѣдло; набивать карманы, штаны и рубахи ассигнаціями, тутъ же тащить кусокъ матеріи изъ склада, ящикъ съ сахаромъ или чаемъ, мѣшокъ съ разной мануфактурой, и тутъ же захватывать руками масло, варенье и всякую снѣдь, — это надо видѣть, а описать нельзя!

Русскій солдатъ, русскій мужикъ продалъ себя чорту, плюнулъ въ лицо самому себѣ и грязнымъ, тяжелымъ сапогомъ наступилъ на горло своей окровавленной матери — Россіи!

Ничего больше не могу сказать — ни для объясненія, ни для оправданія поведенія русскихъ войскъ, да и всего русскаго народа. Впрочемъ — «заслуживаетъ снисхожденія», такъ какъ въ томъ, что было до 1917 г. — русскій народъ не виновенъ.

Если бы большевики были государственными людьми, а не партійными утопистами, они поступили бы иначе. Имъ не слѣдовало разжигать грабительскихъ на-

клонностей и безъ того сильныхъ въ темныхъ народныхъ массахъ: обѣщаніе мира и германское золото могли бы привести ихъ къ власти и безъ подстрекательства къ эксцессамъ и грабежу. А достигнувъ власти, надо было бросить всѣ утопіи къ черту и жить по человѣчески, безъ всякихъ соціалистическихъ и коммунистическихъ бредней. Но большевики — или не поняли выгодъ своего положенія, или увлекались демагогическою проповѣдью, миражемъ коммунистическаго общества съ диктатурой пролетаріата.

Во всякомъ случаѣ я утверждаю, что старая власть и всѣ на кого она опиралась, капитулировали съ первыхъ дней революціи: одни — расчитывали на улучшеніе русскихъ порядковъ, другіе — почуяли возможность выиграть на этомъ событіи, а третьи — думали лишь о личномъ благополучіи: не трогайте только насъ, а остальное для насъ безразлично!

Оцѣнивая факты объективно, надо сознаться, что всѣ такъ наз. «правящіе» круги и все русское общество въ цѣломъ, не исключая и представителей Арміи, склонилось передъ событіями и признало — сначала власть «Временнаго Правительства», потомъ фактическую власть «Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ» подъ оффиціальной вывѣской Керенскаго. Они признали бы и Ленина, и Троцкаго, если бы ихъ самихъ не грабили, не преслѣдовали и не убивали! Вѣдь многіе же забыли тогда — и присягу, и «обожаемаго Монарха» и всѣ красивыя слова о блескѣ и могуществѣ Россіи, о спасительной роли «самодержавія». Почему же имъ не покориться — кому угодно? И это было бы такъ, если бы большевики не натравливали темные и порочные элементы на «буржуевъ» и не занимались бы массовымъ грабежомъ.

Тогда — не было бы въ Россіи и гражданской войны.

Россія оправилась бы тогда скоро отъ бѣдъ міровой войны, отъ эксцессовъ цѣлаго года революціи и стала бы еще въ 1918 году культурнымъ и здоровымъ Государствомъ. Только — вмѣсто одной власти, была бы другая. Вѣрнѣе — вмѣсто однихъ людей у власти были бы другіе, которые могли бы провести всѣ необходи-

мыя Россіи реформы, чего такъ упорно не хотѣла дѣлать «самодержавная» власть.

Я рисую русскую «возможность» не въ той формѣ, о которой мечтали лучшіе люди Россіи. Они мечтали о реформѣ Царской, о реформѣ эволюціонной, а не революціонной. Они думали, что самъ Царь произведетъ — и земельную реформу, и реформу въ управленіи страною и во всемъ ея хозяйствѣ. Если же Самъ онъ не сможетъ измѣнить порядковъ страны, то передастъ дѣло реформъ въ руки избранниковъ народа, на началахъ конституціи Страны; а конституцію все же дастъ Царь, т. е. власть.

Но этого не случилось.

А положеніе вещей въ октябрѣ 1917 года было таково: Армія деморализована; фронта нѣтъ; къ землѣ уже потянулись руки. Но остановить ихъ было еще возможно и даже не трудно — для планомѣрнаго снабженія землею тѣхъ, кто въ ней нуждался.

Ставъ у власти и желая блага всей Странѣ въ цѣломъ, надо было остановить дальнѣйшее разложеніе Арміи и разореніе Страны; надо было возстановить порядокъ и затѣмъ проводить соотвѣтствующія необходимыя Странѣ реформы, конечно — не грабительскія, не тѣ, что дѣлали нищими интеллигентныхъ людей и обогощали каторжниковъ, жуликовъ и безстыдниковъ; что обостряли взаимныя отношенія классовъ; а главное — разжигали звѣриныя страсти темной массы и дегенератовъ изъ интеллигенціи.

Мнѣ кажется, что у вожаковъ большевизма не было никакихъ серьезныхъ причинъ для разоренія Россіи и для провоцированія гражданской войны. И то, и другое явилось результатомъ ихъ ошибокъ, т. е. такого же недомыслія, какимъ отличалась и старая власть.

Если большевикамъ нужны были деньги, они могли ихъ получить путемъ строгаго и точнаго прогрессивнаго налога и путемъ взиманія платы за «надѣлъ» землею. Такимъ путемъ они могли выкачать всѣ необходимыя имъ средства отъ «имущихъ», и, не развращая народныхъ массъ, надѣлить ихъ землей.

Зачѣмъ большевикамъ нужна была травля интеллигенціи и дикое разореніе Россіи — для меня не понятно, какъ мнѣ непонятно и упрямство Императора Николая 2-го, державшагося за «самодержавіе», на погибель себѣ и всей Россіи.*)

Думаю, что въ обоихъ случаяхъ дѣйствовали однѣ и тѣ же причины: недомысліе и увлеченіе властью. Непониманіе обстановки — съ одной стороны, и движеніе по наклонной плоскости — съ другой. Не понимали, что на штыкахъ сидѣть нельзя, а сплошное насиліе и алчность — плохіе созидатели жизни. А съ другой стороны — не сумѣли удержаться, остановиться во время, разъ пустившись по пути произвола, ничѣмъ не сдерживаемаго. Одни катились въ пропасть по «самодержавной» горкѣ недомыслія и произвола; другіе — по наклонной плоскости соціалистическихъ утопій и звѣринаго эгоизма, или... съ расчетомъ на могущество пріема: раздѣляй и — царствуй!

Интересно подчеркнуть, что «соціальная» революція и опыты соціалистическаго Рая произведены въ полуграмотной Странѣ, гдѣ хотя и были г. г. «революціонеры» и всякаго вида «соціалисты», но не было широкаго распространенія соціалистическихъ идей; слѣдовательно не могло быть въ народѣ и соціального движенія.

Послѣдователи Карла Маркса, руководимые германскимъ Генеральнымъ Штабомъ, нашли въ русскомъ народѣ благодарную почву для возстанія, а не для соціальной революціи.

Крестьянамъ нужна была земля и освобожденіе отъ утомительной и безславной войны.

Кто обѣщалъ имъ то и другое — за тѣмъ они и пошли.

Соціалистическія идеи мало кому извѣстны въ русскомъ народѣ. А коммунистическія — явно антипатичны.

---

*) Императоръ былъ подъ вліяніемъ своей жены; а Императрица Александра Федоровна — подъ вліяніемъ распутнаго мужика Распутина, въ святость коего она искренно вѣрнла.

Глава VIII.

АНТИБОЛЬШЕВИКИ.

Въ первое время большевики не встрѣтили никакого серьезнаго сопротивленія со стороны какихъ либо группъ русскаго общества. Соціалъ-демократы во главѣ съ Керенскимъ сдали свои позиціи почти безъ сопротивленія: пресловутое соціалистическое «Учредительное Собраніе» ликвидировало само себя при первомъ окрикѣ какого-то пьянаго матроса (это не сказка, а — фактъ, небывалый въ исторіи народовъ!). Керенскій сбѣжалъ, переодѣвшись, заграницу — почти безъ сопротивленія... Ни правительство, ни общество, ни офицеры — не препятствовали торжественному шествію большевиковъ къ власти. Всѣ эксцессы, всѣ насилія были созданы и произведены ими самими, а не какими-то «сопротивляющимися» группами. Единственное сопротивленіе, да и то лишь словесное, они встрѣтили со стороны Временнаго Верховнаго Главнокомандующаго генерала Духонина, который не согласился войти немедленно въ переговоры съ германцами о заключеніи предварительнаго перемирія. Большевики могли отставить ген. Духонина, который и не думалъ защищаться физически. Но они звѣрски убили его, да еще и надругались надъ его тѣломъ, не щадя въ немъ русскаго генерала и Главнокомандующаго, что навѣрное не сдѣлали бы даже нѣмцы — наши тогдашніе враги.

«Украинское» движеніе, руководимое Петлюрой, Грушецкимъ, Голубовичемъ и Ко не было антибольшевистскимъ. Оно было скорѣе — антирусскимъ, ибо имѣло главную тенденцію — отдѣленія отъ Россіи, и руководилось политическими группами весьма близкими къ большевикамъ, по программѣ и даже по пріемамъ управленія.

Кромѣ того, «украинскому сепаратизму» сочувствовали германцы, а они тогда были побѣдителями на всѣхъ фронтахъ.

Никакихъ «контръ-революцій» и даже тенденцій къ нимъ въ Россіи не было. Гражданскую войну создали отъ начала и до конца сами большевики.

«Бѣлогвардейцы», или «бѣлоармейцы», или просто «бѣлые» это — гонимые большевиками и ихъ адептами интеллигенты, землевладѣльцы, купцы, промышленники, чиновники и т. п., всѣ вынужденные спасаться отъ убійствъ. Среди гонимыхъ есть люди всѣхъ слоевъ народа; не только интеллигенты, но и рабочій людъ, и солдаты изъ крестьянъ, и даже полудикіе кочевники — калмыки, у коихъ большевики отнимали ихъ лошадей, барановъ и другой скотъ, составлявшій достояніе калмыковъ.

Особенному преслѣдованію подвергались офицеры русской Арміи. И въ этомъ — особенный позоръ Россіи, ея народа и тѣхъ кои имъ руководили.

И правы были офицеры, въ «молитвѣ» своей говоря:

«Три года мы тяжко, безмѣрно страдали,
Святые завѣты Россіи храня;
Мы бились съ врагами и мы не считали
Часами рабочаго нашего дня.
Въ глубокихъ могилахъ безъ счета и мѣры,
Въ своихъ и враждебныхъ краяхъ,
Сномъ вѣчнымъ уснули бойцы — офицеры,
Погибшіе въ славныхъ бояхъ.
Но мало того показалось народу,
И вотъ, чтобъ прибавить могилъ,
Онъ, нашей же кровью купивши свободу,
Своихъ офицеровъ убилъ!...

. . . .

За наши страданья, за кровь и за муки
Намъ русскій народъ заплатилъ:
На насъ же онъ поднялъ кровавыя руки
И нашихъ же братьевъ убилъ!
Терпѣнья исполнилась нашего мѣра.
Народъ съ насъ погоны срывалъ,
И званье святое бойца — офицера
Въ вонючей грязи затопталъ...»

Да, исторіи есть что разсказать: какъ издѣвался русскій народъ, руководимый большевиками, надъ русскими же офицерами.

Мнѣ скажутъ: какъ же въ Россіи остались многіе интеллигенты, офицеры и даже генералы?

Да, остались многіе... Одни не могли уйти; а другіе — рѣшились служить, не имѣя другого выхода; только немногіе такъ же легко перемѣнили свои убѣжденія, какъ прежде они легко жонглировали словами и даже дѣйствіями, доказывая свою преданность «самодержавію».

А все же фактъ остается фактомъ: тѣ, что ушли изъ Россіи, или тѣ, что ушли послѣ октября 1917 г. изъ подъ власти большевиковъ — уходили не для образованія фронта, не для веденія гражданской войны, а только въ виду невозможности оставаться въ раіонѣ, гдѣ царило безправіе, дикое необузданное насиліе озлобленныхъ и потерявшихъ совѣсть людей. Ушли, спасаясь отъ насилія, и только.

Такъ бѣжали изъ тюрьмъ: Корниловъ, Деникинъ, Лукомскій, Романовскій и другіе, заключенные съ ними въ Быховѣ офицеры. Такъ спасались со всѣхъ концовъ Россіи всѣ люди, кои признавались «офицерами» или «буржуями». Такъ спасались ученики высшихъ и среднихъ школъ.

Такъ бѣжали даже дѣти тѣхъ русскихъ гражданъ, родители которыхъ были звѣрски убиты, а сами они не могли сочувствовать избіенію своихъ близкихъ, общему грабежу и разврату, котораго еще не видѣлъ человѣкъ отъ сотворенія міра!

Зачѣмъ большевикамъ понадобилось загрязненіе человѣческой души — я не знаю.

Я вѣрю, что безъ устоевъ морали, безъ сдерживающихъ началъ чести и совѣсти, воспитанныхъ въ духѣ великихъ завѣтовъ Христа (или имъ подобныхъ), человѣческое общество не можетъ, не только развиваться, но даже сносно жить. Я глубоко убѣжденъ, что слабость Старой Россіи была порождена именно узкимъ эгоизмомъ и забвеніемъ основныхъ началъ этики: многолѣтняя неправда и распущенность породили всѣ тѣ качества русской власти и осо-

бенности русской жизни, которыя привели Россію къ провалу на двухъ большихъ міровыхъ экзаменахъ — войнахъ 1904— 5г. и 1914—16 годовъ. Уроки прошлаго поучительны. Но русскія власти, какъ старыя, такъ и новыя, учиться не хотятъ; они думали и думаютъ, вѣроятно, что « на ихъ вѣкъ хватитъ»!...

Спасавшіеся отъ убійствъ и насилія русскіе люди скопились на разныхъ окраинахъ бывшей Россіи, и тамъ, силою событій, принуждены были взяться за оружіе. Такъ образовались «бѣлогвардейскіе» фронты.

Но часть спасавшихся сразу ушла за-границу, образовавъ первую волну эмигрантовъ, разсѣянныхъ сейчасъ по всему земному шару въ числѣ около 3-хъ милліоновъ.

Я еще разъ подчеркиваю, что въ Россіи не было «контръ-революціи» въ 1917 году, и что все, совершившееся потомъ, было слѣдствіемъ насилія новой власти надъ тѣми, въ комъ они подозрѣвали несочувствіе своимъ дѣйствіямъ.

Но вѣдь сочувствовать такимъ дѣйствіямъ и нельзя было. Я не говорю только о насиліи. Но возьмемъ другую область, чисто дѣловую, напримѣръ Армію.

Большевикамъ нуженъ былъ миръ съ германцами, но имъ совсѣмъ не нуженъ былъ окончательный развалъ Арміи. Наоборотъ, имъ нужна была прочная Армія и способное талантливое командованіе ею. Если бы имъ нужна была только «демобилизація» Арміи, то и тогда слѣдовало поставить во главѣ Арміи опытнаго и приличнаго генерала, напримѣръ, Клембовскаго, Парскаго, Гутора, Свѣчина, Новицкаго (В. Ф.), Мартынова (Евг. Ив.) — вѣдь служатъ же они сейчасъ у большевиковъ, значитъ можно было найти ихъ и тогда. Что же сдѣлали большевики?

Назначили Верховнымъ Главнокомандующимъ г. Крыленко — прапорщика запаса, по профессіи — учителя средней школы!

Передъ лицомъ такого дикаго факта, я не хочу профанировать имя Наполеона, Тюреня, принца Конде,

принца Савойскаго, Скобелева и другихъ людей, сдѣлавшихъ блестящую военную карьеру въ молодости. Я не хочу сравнивать этого нелѣпаго историческаго факта съ быстрымъ выдвиженіемъ Гоша, Клебера, Жюно, Мюрата и другихъ французскихъ генераловъ, вышедшихъ изъ простыхъ солдатъ: всѣ они имѣли боевую практику, опытъ и доказательства своихъ военныхъ талантовъ... Но вѣдь г. Крыленко не командовалъ даже ротой! А военныя знанія его не превышали знаній любого унтеръ-офицера.

Какія же данныя имѣлъ г. Крыленко для занятія поста Верховнаго Главнокомандующаго. Только одну — принадлежность къ партіи большевиковъ. Но въ такомъ случаѣ — почему же не ставить капитанами на корабли или шофферами въ автомобили людей только по признаку ихъ большевизма?

Новый Главнокомандующій русскими фронтами началъ съ мѣропріятія, окончательно добившаго русскую армію. Между тѣмъ «добиванія русской Арміи» вовсе не требовалось обстановкой: Армія была послушна всякому Правительству (что она доказала) и безъ приказа Крыленки о «демократизаціи» Арміи, вѣрнѣе — о ея полной деморализаціи. Верховный Главнокомандующій изъ учителей и прапорщиковъ запаса не могъ придумать ничего лучшаго, какъ уничтожить собственное оружіе, съ которымъ онъ не зналъ — что дѣлать, и такимъ образомъ — выбить изъ-подъ собственныхъ ногъ почву при мирныхъ переговорахъ съ германцами въ Брестъ-Литовскѣ. Вотъ такъ вождь Арміи! Вотъ такъ партійный работникъ большевиковъ! Вотъ такъ строители новой жизни въ Россіи!

Теперь они поступаютъ съ Арміей иначе: подучились уроками жизни, той самой жизни, которая не есть плодъ фантазіи г. г. «капиталистовъ», а результатъ всего тысячелѣтняго опыта всего культурнаго міра, всего человѣчества.

Въ Брестъ-Литовскѣ въ 1918 году встрѣтились фактическіе союзники и юридически — враги, нѣмцы и большевики — для мирныхъ переговоровъ. Но «господа» гер-

манцы не узнали здѣсь послушныхъ недавно исполнителей своихъ порученій. Послѣдніе вкусили уже пріятное головокруженіе власти, почуяли уже силу своего яда. Они говорили уже, какъ власть имущіе и сознающіе свою силу. Но тутъ-то имъ и подгадилъ г. Крыленко, развалившій окончательно Армію. Кромѣ «пропаганды» у большевиковъ не было оружія. Но такое оружіе тогда еще не было страшно побѣдителямъ всего міра. Они пригрозили заносчивымъ, но недальновиднымъ и весьма неопытнымъ управителямъ Россіи своею реальною и очевидною силой и, не получивъ требуемаго, двинули свои войска впередъ, легко забирая голыми руками легіоны великаго полководца г. Крыленки!

Большевики тотчасъ же подчинились, и германцы получили все — чего хотѣли. А хотѣли они тогда, между прочимъ, раздѣленія Россіи, чтобы впредь она была во всякомъ случаѣ слабѣе и не мѣшала бы имъ во всѣхъ политическихъ и экономическихъ дѣлахъ Германіи. Въ силу такого намѣренія германцы заключили сепаратный договоръ съ украинцами-демократами (весьма похожими на большевиковъ) и обязались помочь имъ въ случаѣ нападенія большевиковъ.

Послѣдніе не замедлили произвести такое нападеніе, а германцы не замедлили выполнить свой договоръ, и двинули на Украину свои войска въ февралѣ 1918 г.

Къ іюню 1918 года вся Украина была въ рукахъ германцевъ, которые легко заняли ее, сравнительно весьма слабыми силами. Легіоны великаго полководца Крыленки, тѣ русскіе люди, которые избивали своихъ офицеровъ, жгли помѣщичьи усадьбы и продавали казенное имущество — бѣжали, какъ жалкіе зайцы, при появленіи на горизонтѣ германской каски!

На Украинѣ водворился сразу порядокъ, особенно когда нѣмцы передали власть оффиціальную въ руки Гетмана Скоропадскаго — человѣка со славнымъ боевымъ прошлымъ, но безъ всякаго административнаго и дипломатическаго опыта.

Украина сдѣлалась вдругъ культурнымъ оазисомъ Россіи, гдѣ можно было жить, не ожидая ежеминутно —

обыска, грабежа, издѣвательства ,насилія и убійства, т. е. всего того, что переносили русскіе граждане въ областяхъ, гдѣ господствовали большевики. Здѣсь на Украинѣ не было и голода, который съ первыхъ дней сопровождалъ большевистскій режимъ, какъ характернѣйшее его слѣдствіе.

Здѣсь, на Украинѣ, каждый могъ работать для себя, не опасаясь нашествія коммунистовъ, кои отбирали «излишки», не только золота и бриллiантовъ, но — и муки, и скота, и яицъ, и масла, и домашней птицы, и всего, что угодно г. г. коммунистамъ.

Украина сдѣлалась обѣтованной землей, куда стремились со всѣхъ концовъ Россіи всѣ обездоленные, ограбленные, гонимые за то ,что были «офицерами», «чиновниками», «буржуями», или просто — кое-что имѣли, хотя бы пріобрѣтенное многолѣтнимъ тяжелымъ трудомъ.

Но появленіе нѣмцевъ на Украинѣ оказало благотворное вліяніе, не только на тѣ области, которыя они заняли: они повліяли и на Донскую Область и на Кубанскую. На Дону приближеніе нѣмцевъ сильно ободрило людей порядка. А «добровольческая» армія Деникина не могла бы существовать безъ «поднявшагося» противъ большевиковъ Дона, коему нѣмцы, конечно, сильно помогли, обезпечивъ флангъ и тылъ со стороны Украины. Мало того, и Донъ и Деникинъ*) получили изъ Украины и прямо отъ нѣмцевъ не малую матеріальную помощь. Правда, Деникинъ неизмѣнно считалъ германцевъ «врагами». Но все же онъ не можетъ отрицать, что германская оккупація принесла его Арміи большую пользу. А я убѣжденъ, что безъ помощи нѣмцевъ, и Донъ и Деникинъ были бы раздавлены большевиками еще весною 1918 года.

Вообще нѣмецкая оккупація Украины въ 1918 году сильно помогла антибольшевикамъ.**) Она могла бы создать сильный антибольшевистскій фронтъ, если бы сами антибольшевики, хотя бы на время, отрѣшились отъ славянской розни и соперничества. Но увы, раз-

*) Черезъ Атамана Краснова съ помощью всякихъ пожертвованій и пополненій, шедшихъ изъ Украины.

**) Хотя въ это же время агенты Императорскаго Правительства Германіи, не только сотрудничали съ большевиками въ Москвѣ, но и заключали тайные договоры о поддержкѣ ихъ.

ныя программы, честолюбія, мѣстничества, взаимные упреки, стремленіе къ власти безъ всякихъ основаній на это (всѣ хотѣли быть губернаторами и генералами), — все это губило общее ихъ дѣло.

Россіи нуженъ былъ прежде всего и больше всего порядокъ, а не споры о монархіи, республикѣ, автономіи и т. п. Порядокъ надо создавать соотвѣтствующими реформами, коихъ ждало населеніе. Прежде всего необходимо было немедленно провести въ жизнь земельную реформу; затѣмъ на очереди была реформа «рабочая»; затѣмъ — оздоровленіе администраціи, возстановленіе Арміи, промышленности, торговли, финансовъ, путей сообщенія и т. д. Работы было много: большевики разрушили всю жизнь. Но начинать нужно было съ главнаго: съ земельной реформы и съ созданія Арміи, и, конечно — въ дружномъ согласіи всѣхъ антибольшевистскихъ областей. Только дружная работа всѣхъ государственныхъ элементовъ и при томъ веденная на началахъ порядка и общихъ интересовъ, а не началахъ мщенія и личныхъ интересовъ, могла бы обезпечить успѣхъ антибольшевикамъ. Но у нихъ не было ни согласія ни общаго стремленія къ порядку, во имя общихъ, а не частныхъ, интересовъ.

Я не буду описывать событій гражданской войны въ Россіи. Я отмѣчу только общія для всѣхъ антибольшевиковъ и главнѣйшія причины ихъ неудачъ, хотя временами они имѣли большія шансы на успѣхъ въ борьбѣ съ тѣми, кои заставили ихъ взяться за оружіе.

На Украинѣ германцы пробыли до 1918 года. Въ этомъ году ихъ самихъ постигла неудача на западномъ фронтѣ, а затѣмъ и — разложеніе Арміи. За 6—7 мѣсяцевъ германской оккупаціи Украины можно было провести земельную реформу, подобрать сносную администрацію и создать, если не армію то, во всякомъ случаѣ — надежные полицейскіе отряды въ каждомъ уѣздѣ, которые потомъ могли войти въ войсковые кадры. Все это можно было сдѣлать и должно было сдѣлать. Но —

антибольшевистскіе верхи комплектовались преимущественно изъ прежней русской бюрократіи, а потому обладали обще-русскими недостатками и прежде всего — легко и быстро забывали вчерашній день, прошлые уроки!

Увидя нормальную жизнь на Украинѣ многіе вообразили, что всѣ страданія кончены, что впереди не будетъ уже невзгодъ и испытаній, а потому — давай приниматься за старое: кто — возстанавливалъ свое состояніе; кто —неумѣренно пополнялъ свои убытки; кто—бралъ взятки; кто — спекулировалъ; кто — къ власти тянулся по законамъ революціи, т. е. считаясь только съ своимъ аппетитомъ и наглостью; кто — просто пользовался жизнью: кутилъ, игралъ въ карты, жуировалъ по ресторанамъ и садамъ! Дѣлу отдавались немногіе, да и тѣ — безъ вниманія къ прошлому опыту...

Глядя на всю эту недавно еще страдавшую «публику» — можно было подумать, что въ Россіи не было революціи, не было ужасовъ развала фронта и дезертирства милліоновъ людей, носившихъ «почетное» званіе воина; не было неслыханныхъ еще грабежей; не лилась безвинная братская кровь; не совершались дикія насилія, передъ коими блѣднѣетъ все, что зналъ въ этой области цивилизованный міръ!

Все это было забыто.

Украина зажила вновь старою русскою жизнью (хотя и съ украинской «мовой») и не использовала нѣмецкой оккупаціи для установленія прочнаго правопорядка.

Я знаю, что нѣмцы мѣшали созданію Арміи на Украинѣ. Но почему власть на Украинѣ не провела немедленно земельную реформу, не создала земскую и государственную стражу (полицію) въ достаточномъ числѣ; почему она не имѣла приличной, т. е. добросовѣстной и знающей свое дѣло администраціи, — это для меня непонятно, если не учесть вышеуказанныхъ особенностей русской жизни и свойствъ русской бюрократіи — недобросовѣстной, легкомысленной и плохо освѣдомленной!

Вся эпопея «Украины» въ 1918 году весьма характер-

на, какъ картина дѣятельности русской бюрократіи и вообще — русскихъ «буржуевъ» въ періодъ затишья гражданской войны и освобожденія отъ революціонныхъ эксцессовъ. Интриги, самомнѣніе, неумѣренныя и необоснованныя честолюбіе, легкомысліе, недальновидность и верхоглядство; эгоизмъ и непониманіе обстановки — все выявилось тогда съ новой силой.

Впрочемъ, все это неудивительно: что вы хотите отъ легкомысленныхъ р у с с к и х ъ аристократовъ и «буржуевъ»?

Но кто меня т о г д а поразилъ своею н е д а л ь н о в и д н о с т ь ю, такъ это — нѣмцы, германцы!

Тѣ самые германцы, которые такъ предусмотрительно изготовились къ міровой войнѣ и такъ блестяще ее вели въ теченіе 4½ лѣтъ!...

Столь чтимые мною (за военные подвиги и серьезный патріотизмъ) германцы — въ 1918 году на Украинѣ ничего не поняли и вели себя (съ политической точки зрѣнія) ниже всякой критики...

Если бы въ 1918 году почтенные германцы не зарывались на Западѣ и не уподоблялись русскимъ «незнаямъ» на Востокѣ, то — Германія, показавшая міру небывалый «классъ» военной мощи, не дожила бы до того позорнаго краха, который постигъ ее въ концѣ 1918 года, и послѣдствія коего она переживаетъ сейчасъ...

Великая Германія Бисмарка и Вильгельма 1-го получила Возмездіе при Вильгельмѣ 2-мъ — за свое участіе въ русской катастрофѣ и за недальновидную и жадную политику!

Если эти строки попадутся на глаза генералъ-лейтенанту Менгельбиру, генералъ-маіору Мальцману, маіору Бредову, ротмистру графу Альвенслебену и другимъ офицерамъ нѣкогда великолѣпной германской Арміи, съ которыми я бесѣдовалъ въ 1918 году — пусть припомнятъ они прошлое.

Прошлое! Сколько разъ оно давало случай къ благополучному окончанію войны — в с ѣ х ъ разорившей и всѣхъ р а з в р а т и в ш е й!? Сколько разъ можно было

остановить позорную свалку и избіеніе людей неизвѣстно во имя чего и для кого!? Сколько разъ можно было установить пріемлимыя условія мира и приняться за культурную жизнь и мирное сотрудничество народовъ, коимъ еще много есть мѣста на землѣ и нѣтъ пока надобности для взаимоистребленія во имя «тѣсноты» на земномъ шарѣ! Тоже и въ отношеніяхъ классовъ и положеній людей: всѣмъ хватитъ мѣста и работы... Но нѣмецкая дипломатія была ослѣплена и ослѣпила другихъ. Она уже катилась въ пропасть, а по дорогѣ зацѣпила съ собой и Украину и всю Россію, которую можно было еще въ 1918 году остановить отъ опьяненія собственною кровью!..

Украину послѣ нѣмцевъ заняли такъ называемые «украинскіе демократы», ядро коихъ составляли разные «балабачанцы», «петлюровцы», «натіевцы» и другіе подростки въ военной формѣ, руководимые г. г. учителями, писарями, приставами, земскими дѣятелями и младшими офцерами, обратившимися вдругъ въ полковниковъ, есауловъ и «отомановъ»!

Эти господа безъ труда отняли власть у г. г. Лигнау,*) Рагозъ и проч. и проч. и стали водворять всюду свои «соціалистическіе» порядки. Но... подоспѣвшіе большевики, еще легче выгнали вонъ «устроителей жизни», не понявшихъ своевременно, что жизнь требуетъ не мщеній и избіенія, а — честнаго труда и честныхъ побужденій, основою которымъ служитъ христіанская мораль.

И погибла Украина гетмана Скоропадскаго, несумѣвшая найти равнодѣйствующей народныхъ чаяній и точки опоры въ созданномъ ею положеніи вещей, ибо не сумѣла создать прочнаго, твердаго, устойчиваго порядка. Не сумѣла потому, что не знала положенія вещей и не понимала создавшейся обстановки. До какой степени все общество не понимало того, что совершается кругомъ, свидѣтельствуетъ между прочимъ, довольно распространенное мнѣніе, что большевизмъ уже изжитъ въ Россіи,

*) Генералъ, вдругъ забывшій русскій языкъ и усердно поддерживавшій разныхъ „натіевцевъ“, „балабачанцевъ“, кои потомъ въ мигъ спихнули въ Харьковѣ — и его и г-на „вивѣра“, бывшаго тогда помощникомъ Генералъ-Губернатора.

и она находится уже на порогѣ выздоровленія, а на Украинѣ нѣтъ еще полнаго порядка только потому, что она еще не вкусила всѣхъ прелестей большевистскаго режима. Это мнѣніе было мнѣ противно, какъ явное недомыслiе и дѣтскій лепетъ въ устахъ взрослыхъ людей. Каждый разъ, когда раздавался этотъ лепетъ, въ немъ звучали старые, знакомые мотивы и старая, знакомая недальновидность.

«Шапками закидаемъ», кричали г. г. «патріоты» въ отвѣтъ на указаніе необходимости серьезнаго леченія русскихъ недуговъ; «японцы — макаки ничего не стоятъ», храбро заявляли они же передъ войною 1904 года; «ничего — все образуется», говорилъ премьеръ Горемыкинъ; «слава Богу у насъ нѣтъ парламента», авторитетно заявлялъ Столыпинъ; «Россія еще скажетъ свое слово: ей незачѣмъ идти за старухой Европой» добавляли «истинно-русскіе» прихвостни; «мы готовы для войны съ Германіей», увѣрялъ ген. Сухомлиновъ!

На міровой войнѣ опять были слышны оптимистическія возгласы (вмѣсто реформъ): «Погодите, скоро будемъ въ Берлинѣ»... «Россія не въ такихъ еще передѣлкахъ была — все уладится, все образуется!» Затѣмъ, когда образовался полный провалъ на фронтѣ и въ тылу, русскіе оптимисты заявляли, что «русскій народъ не сказалъ еще послѣдняго слова: онъ молчитъ еще» (хотя народъ этотъ давно уже грабилъ помѣщиковъ и буржуевъ). Когда же русскій народъ сказалъ свое слово, побивъ міровой рекордъ въ дѣлѣ грабежа и безчинства; когда онъ дикой толпой послѣдовалъ призыву большевиковъ, натравлявшихъ его на своихъ же братьевъ — офицеровъ, помѣщиковъ, купцовъ, чиновниковъ; когда онъ, въ лицѣ своихъ «доблестныхъ» воиновъ бросилъ фронтъ, чтобы грабить тылъ; когда, избивъ своихъ офицеровъ и разрушивъ армію, эти «воины», какъ зайцы, бѣжали толпами при видѣ единой германской каски, тогда... тогда стали говорить, что «онъ еще не изжилъ большевизма»!

Но, какъ только стало спокойно, тотчасъ же послѣдовало оптимистическое убѣжденіе, что «Россія уже изжила большевизмъ», а слѣдовательно — все обстоитъ благопо-

лучно, ничего новаго не надо, все старое было хорошо?!...

Такое же недомысліе и незнаніе дѣйствительности звучало потомъ въ самонадѣянныхъ и жалкихъ рѣчахъ о близкомъ паденіи большевиковъ, о движеніи на Москву, о прочности Харькова, Ростова и проч...

Такого же происхожденія были потомъ и недальновидныя и даже легкомысленныя увѣренія о побѣдахъ надъ большевиками въ 1920 г. и заявленія о близости возвращенія на Родину въ 1921 году.

Всюду было одно и тоже: непониманіе обстановки и желаніе видѣть не то, что есть, а слѣдовательно — и дѣлать не то, что нужно.

Такова была общая тенденція на всѣхъ фронтахъ, гдѣ только собирались осколки прежней русской бюрократіи и имущихъ классовъ, ограбленныхъ и гонимыхъ тѣми людьми, которымъ удалось использовать для себя провалъ господъ «правящихъ» на міровомъ экзаменѣ 1914—16 годовъ.

Однако, все же, справедливость требуетъ сказать, что Украина Скоропадскаго была наиболѣе умѣренной и лояльной организаціей, стремившейся къ примѣненію только гуманныхъ мѣръ даже по отношенію къ непримиримымъ и буйствующимъ элементамъ.

Не могу пройти молчаніемъ вопроса объ украинскомъ языкѣ.

Оставлю въ сторонѣ всякія политическія соображенія и доводы.

...Нужно было строить жизнь, да еще въ хаосѣ страстей и въ экономической разрухѣ.

Вы администраторъ или иная «власть»... Жизнь предъявляетъ къ вамъ самыя разнообразныя, неотложныя и многочисленныя требованія... Вы должны ясно и кратко отдавать распоряженія, говорить рѣчи, объяснять, указывать, давать совѣты, сноситься письменно съ многими учрежденіями и лицами... Потребности идутъ со всѣхъ сторонъ; вамъ мало 24-хъ часовъ въ сутки...

И вдругъ, въ это время у васъ отнимаютъ... языкъ: способность къ ясной, краткой и выпуклой рѣчи!!. Но этого мало: не только вы, но и окружающіе васъ и народъ не владѣетъ хорошо той рѣчью, которую назвали «украинской мовой» и заставляли всѣхъ чиновниковъ ее примѣнять.

Повторяю: можно признавать, ради политическихъ цѣлей — необходимость языка, который считается «народнымъ», но — только въ принципѣ, только принципіально. На практикѣ же введеніе языка, коимъ не владѣетъ интеллигенція, должно было отложить до болѣе покойныхъ временъ и даже — до появленія у власти другого поколѣнія, изучившаго языкъ и давшаго ему гибкія и широкія формы.

Не слѣдуетъ забывать, что рѣчь есть величайшій факторъ управленія, и что употребленіе англійскаго языка не сдѣлало американцевъ англичанами.

Такъ и Украинцамъ не слѣдуетъ избѣгать красиваго и могучаго русскаго языка.

Никакая политика не должна тормозить устройства жизни, ибо прежде всего надо жить сносно, по человѣчески, а потомъ уже выдвигать тѣ или иныя групповыя тенденціи, хотя бы и для совершенствованія жизни... Нынѣшнее положеніе Россіи — наглядный тому примѣръ: всѣ думаютъ только: какъ бы не умереть съ голоду.

Гонимые большевиками люди собрались на всѣхъ окраинахъ Россіи и всюду, не имѣя другого выхода, брались за оружіе, отстаивая свое право на нормальную жизнь.

Такимъ образомъ появились: сибирскій фронтъ во главѣ съ адмираломъ Колчакомъ; сѣверный — ген. Миллера, сѣверный, вѣрнѣе сѣв.-западный — ген. Юденича; Донской — генерала Краснова, Добровольческій — ген. Деникина (на Кубани), а потомъ — Крымскій — ген. Врангеля.

Всѣ они имѣютъ одни и тѣ же характерныя особенности съ нѣкоторыми оттѣнками въ деталяхъ и въ эпизодахъ, созданныхъ обстановкою. Пусть одинъ изъ нихъ,

напримѣръ, сѣверный ген. Миллера и Донской ген. Краснова были руководимы лучше другихъ и верхи вели себя болѣе сознательно и менѣе эгоистично и самонадѣянно, чѣмъ на другихъ фронтахъ, но — всюду царила: славянская склонность къ спорамъ и мѣстничеству и всѣ недостатки русской бюрократіи царскаго времени. Всѣ они въ минуты успѣховъ забывали недавніе уроки и становились легкомысленно самонадѣяны, а въ минуты неудачъ — поддавались быстрому разложенію, приводившему ихъ къ катастрофамъ. Но самое главное: все поведеніе антибольшевиковъ и въ особенности въ отношеніи населенія мало чѣмъ отличалось отъ поведенія большевиковъ.

Грабежи, произволъ, безпорядокъ въ организаціи, стремленіе къ власти и захвату; кутежъ и распущенность власти и лицъ близко къ ней стоящихъ... Все это было, если не въ такой степени, какъ у большевиковъ, то во всякомъ случаѣ въ степени достаточной для возмущенія населенія...

А между тѣмъ борющіяся стороны не имѣли одинаковаго удѣльнаго вѣса и моральнаго значенія въ глазахъ народныхъ массъ. Большевики были въ глазахъ темной массы «своими» (и это было вѣрно по тѣмъ теоретическимъ принципамъ, кои проповѣдывались усиленно большевиками, а также и по тѣмъ практическимъ мѣрамъ, кои съ самаго начала революціи казались народнымъ массамъ столь заманчивыми).

Между тѣмъ антибольшевики — какіе бы принципы они не выдвигали — являлись противниками тѣхъ заманчивыхъ обѣщаній, коими не скупились большевики, и во всякомъ случаѣ являлись стороной буржуазной или, какъ говорили малороссы — «панской».

— Наши идутъ! Говорилъ народъ при приближеніи большевиковъ.

— Господа пришли! Говорилъ тотъ же народъ, при входѣ къ нимъ антибольшевиковъ.

Въ этомъ различіи — центръ тяжести всей русской гражданской борьбы.

Какъ бы ни были утопичны принципы большевиковъ и вредны ихъ мѣропріятія—темная масса имъ вѣрила,

а нѣкоторыя мѣропріятія (напримѣръ передача народу чужой земли и права грабежа) были абсолютно пріятны и цѣнны въ глазахъ темнаго люда.

Антибольшевики, при самомъ разнообразномъ ихъ составѣ, были руководимы генералами, господами, барами, помѣщиками, т. е. тѣмъ элементомъ, который никогда не пользовался довѣріемъ народныхъ массъ.

При такихъ условіяхъ — антибольшевики должны были вести себя исключительно корректно — всегда и вездѣ, а власти ихъ — немедленно проводить тѣ мѣропріятія, кои могли бы примирить ихъ съ темнымъ народомъ и внушить ему искреннее довѣріе къ намѣреніямъ и дѣйствіямъ антибольшевиковъ...

Между тѣмъ послѣдніе дѣлали все обратно — допуская и грабежи, и пьянство, и воровство, и спекуляцію, и насиліе, и небрежность на службѣ, и всякаго вида захваты, и невниманіе къ самымъ элементарнымъ истинамъ...

Я не говорю объ «ошибкахъ» :они всегда будутъ. Я говорю о повальномъ умопомраченіи, поддерживавшемъ убѣжденіе народныхъ массъ, что антибольшевики — не свои, а — «паны», помѣщики, генералы, чиновники...

Что касается ошибокъ, то они иногда были настолько очевидны что до сихъ поръ я не могу найти объясненій для многихъ изъ нихъ.

Напримѣръ, зачѣмъ понадобился Донскому Атаману Краснову такой генералъ, какъ Н. І. Ивановъ. Какъ «знамя»???

Но неужели же П. Н. Красновъ не зналъ ген. Иванова?...

До октября 1918 г. я никогда не встрѣчалъ ген. Иванова, однако, зналъ что, будучи Командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа, онъ любилъ «дорожки», посыпанныя пескомъ, казармы, убранныя вѣточками; зналъ очень хорошо церковную службу»... Этого для меня было достаточно. И никакія успѣхи на Ю.-Западномъ фронтѣ не могли измѣнить моего мнѣнія. Встрѣтивъ его впервые въ октябрѣ 1918 года — я нашелъ то, что ожидалъ. Правда, генералъ Красновъ не далъ ему оперативной власти: всѣ части «Южной» Арміи на Дону

были подчинены въ оперативномъ отношеніи казачьимъ офицерамъ. Но — въ такомъ случаѣ: зачѣмъ и для чего нужна была эта декорація? Въ то же время казачье командованіе было на столько слабое, что я считаю невозможнымъ разбирать событія, прилагая къ нимъ масштабъ регулярной войны и нормальной Арміи.

Тщетны были организаторскіе, дипломатическіе и ораторскіе таланты ген. Краснова: тамъ гдѣ ведется вооруженная борьба, тамъ прежде всего нужна правильно организованная Армія и хорошее командованіе ею.

Я не отрицаю колоссальныхъ жертвъ и трудовъ Донцовъ и въ частности ихъ Атамана П. Н. Краснова.

Они рѣшительно помогли Деникину — и въ 1918, и въ 1919 году. Скажу больше: безъ Дона и Краснова Добровольческая армія погибла бы еще въ 1918 году.

Но все же я не могу не сказать, что и на Дону, какъ и въ Добровольческой арміи въ значительной степени дѣйствовало общее качество антибольшевиковъ: забвеніе вчерашнихъ уроковъ.

Къ этому порядку вопросовъ относится и старая истина, что... даже для варки простой каши надо учиться, а полководцы изъ капитановъ бываютъ разъ въ столѣтіе, а можетъ быть и рѣже.

Я еще разъ повторяю, что не пишу исторіи, не описываю событій, а только — причины и свойства, создавшія эти событія.

Такъ вотъ на Дону, какъ и въ другихъ мѣстахъ всѣ полѣзли безудержно въ генералы, и власть этому не препятствовала, а даже, видимо, поощряла.

Въ результатѣ, эта пагубная тенденція внесла самый безумный карьеризмъ въ Армію и какафонію въ ея дѣла. Иллюстрировать не буду такъ какъ для этого пришлось бы касаться подробностей, общему читателю не интересныхъ.

Въ январѣ и февралѣ 1919 года, послѣ нѣсколькихъ «ударовъ» пропаганды и наступленій, удачныхъ для большевиковъ, донской фронтъ быстро началъ разлагаться, и только прибытіе частей Добровольческой Арміи задержало большевиковъ передъ Новочеркасскомъ.

Только весною 1919 года Донцы вмѣстѣ съ Добровольцами двинулись впередъ подъ общимъ командованіемъ ген. Деникина.

Это продвиженіе было бы совершенно невозможно безъ двухъ причинъ: безъ помощи союзниковъ Россіи въ міровой войнѣ и безъ большихъ дефектовъ въ организаціи большевиковъ! Союзники снабжали всемъ, начиная отъ танковъ, орудій и снарядовъ и кончая медикаментами, продуктами и даже инструкторами! Большевистскіе «воины» въ ту пору еще митинговали и больше думали о своемъ благополучіи, чѣмъ о самопожертвованіи.

Благодаря этимъ причинамъ «добровольческій» фронтъ взялъ верхъ надъ большевиками и сталъ быстро подвигаться впередъ къ Харькову, Кіеву, Воронежу, а затѣмъ и къ Курску и Орлу.

Въ августѣ 1919 года ген. Деникинъ былъ фактическимъ хозяиномъ всей Украины и заявилъ о скоромъ занятіи Москвы.

Между тѣмъ, не надо было быть пророкомъ или просто прозорливымъ человѣкомъ, чтобы еще въ маѣ 1919 года предсказать полный п р о в а л ъ деникинскаго фронта. Даже я, сидѣвшій въ деревенской глуши (гдѣ я пахалъ собственноручно землю, отказавшись отъ всякой политической дѣятельности) имѣлъ возможность предсказать полный крахъ деникинской организаціи, е с л и о н а н е и з м ѣ н и т ъ с в о и х ъ «а л л ю р о в ъ».

Вотъ тому основанія:

Глядя на все творившееся кругомъ, можно было подумать, что кто-то сверху сказалъ: «Наша взяла! Ну, теперь бери, друзья «свои» всѣ должности, всѣ мѣста, всѣ прерогативы и выгоды власти». «Иксъ не знаетъ военнаго дѣла въ большомъ масштабѣ; онъ молодъ, легкомысленъ до крайности; онъ вѣчно пьянствуетъ и безобразничаетъ на глазахъ у подчиненныхъ; онъ не имѣетъ понятія о воспитаніи солдатъ, — ничего: за то, за нимъ идутъ!» Вотъ аргументъ для обращенія поручика въ генералы!

Идутъ? Идутъ потому только, что большевики еще не организовались; потому-что англійскіе танки подпи-

рали; наконецъ —впереди грезилась добыча, перспектива наживы. *)

М. М. — неповоротливый, пьяный толстякъ, не обладающій никакими военными талантами, но онъ — «свой», и ему вручаютъ Армію. М...въ — извѣстный грабитель, кутила и пьяница, умѣвшій писать только реляціи о тѣхъ дѣлахъ, коихъ не было, — но онъ тоже «свой»... И такъ далѣе — всюду «свои», хотя и мало пригодные для отвѣтственнаго дѣла. Къ тому же господа эти усердно занялись устройствомъ именно «своихъ» дѣлишекъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ ничего путнаго ожидать нельзя было. Газеты того времени въ раіонѣ занятомъ Добровольческой Арміей отличались удивительнымъ однообразіемъ: они всѣ воспѣвали подвиги добровольческихъ вождей, ихъ таланты; воспроизводили ихъ рѣчи, ихъ предсказанія о скоромъ занятіи Москвы. Никто не говорилъ правды и не предостерегалъ о грядущемъ. Когда я попытался въ очень скромной статьѣ сказать частицу правды въ формѣ воспоминаній о 1918 годѣ, статью эту долго не принимали, а потомъ напечатали въ урѣзанномъ видѣ и съ оговоркою.

Я наблюдалъ событія со стороны**). Однако, мнѣ дважды пришлось побывать на фронтѣ. (Въ Августѣ и въ ноябрѣ 1919 г.).

И вотъ ч т о я видѣлъ тамъ:

Полное отсутствіе организаціи и порядка. Все двигалось какъ-то ощупью, случайно, безъ продуманности и безъ предвидѣнія; безъ знаній и безъ контроля сверху.

Я видѣлъ дѣтей, игравшихъ роли генераловъ и полковниковъ, и при томъ — безъ основательнаго знанія своихъ ролей. Это была поистинѣ печальная картина обѣщавшая полный крахъ всего предпріятія. Но, что особенно тяжко было наблюдать, это — постоянное повтореніе стараго, уже пройденнаго, уже испытаннаго и пережитаго. Опять легкомысліе, опять эгоизмъ, опять самомнѣніе ни на чемъ не основанное! Опять нуваженіе къ

*) Старые люди потомъ говорили про такого генерала: „ты развратилъ нашихъ сыновей“.

**) Мое имя было „одіозно“ добровольческимъ верхамъ; да и для меня они были слишкомъ далеки отъ идеаловъ.

знаніямъ и серьезному опыту; опять внѣшность и форма, опять слова вмѣсто дѣла!

Чтобы не утруждать читателя описаніемъ печальныхъ событій и обрисовкой дѣятельности и всѣхъ пріемовъ властей на Украинѣ въ 1919 году — я перечислю лишь важнѣйшіе дефекты власти, кои по моему мнѣнію, были серьезными причинами катастрофы, постигшей Добровольческую организацію въ 1919 году.

1) Не только верхи всѣхъ ранговъ — военные и статскіе, но даже малыя власти, какъ напримѣръ командиры полковъ, батарей, разныя «комиссіи» и «тыловики» обзавелись «собственными» вагонами и даже поѣздами, иногда обставленными съ роскошью.

Въ этихъ поѣздахъ они переѣзжали, а временами и жили, подолгу не выходя изъ вагоновъ.

Конечно, изъ поѣздовъ войскъ не видно, да и войска не видятъ начальниковъ, особенно, если послѣдніе увлекаются вагоннымъ сидѣніемъ и не показываются среди войскъ, а въ тяжкіе дни — предпочтительно держатся «вагоннаго» управленія! Я видѣлъ не одного такого начальника въ дни катастрофы въ ноябрѣ, и удивлялся ихъ привычкамъ и пріемамъ управленія. Жили они хорошо, одѣты были отлично и даже «шикарно» (точно на балъ или на свадьбу), вели себя удивительно «императивно», но — лишь въ отношеніи къ жителямъ и малымъ чинамъ.

Въ дни отхода нашихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи въ 1914 году или въ тяжкое время 1915 года приходилось видѣть старыхъ генераловъ, которые не раздѣвались недѣлями и спали на соломѣ въ одной комнатѣ со своими офицерами, а питались лишь хлѣбомъ и кипяченою водою, слегка подкрашенною чаемъ... А тутъ въ 1919 году, когда все поставлено на карту — я видѣлъ молодыхъ людей, коимъ въ пору ротами и эскадронами командовать, въ жениховскихъ костюмахъ, раздушенныхъ и вылощенныхъ, въ то время — когда на фронтахъ гибли остатки мужественныхъ и честныхъ войскъ, когда взрывались ихъ бронированные поѣзда, бросались танки и автомобили, когда о т с у т с т в і е у п р а в л е н і я сводило «на нѣтъ» колоссальныя жертвы, не только цвѣта русской молодежи, цвѣта идейныхъ и доблестныхъ людей, но всего

русскаго народа, обреченнаго на соціалистическіе опыты съ безконечными голодовками!

Холить свои усы, часами возиться съ своимъ туалетомъ — могутъ только тѣ, у которыхъ дѣло идетъ хорошо. Такіе могутъ позволить себѣ даже роскошь неисполненія приказовъ (см. выше): «побѣдителя не судятъ». Но тѣ, у кого катастрофа уже началась на фронтѣ, тѣ не имѣютъ права (если они хоть немного отдаютъ себѣ отчетъ въ своихъ правахъ и обязанностяхъ) заниматься собою въ ущербъ общему дѣлу.

А сколько такихъ господъ я видѣлъ въ Добровольческой Арміи въ 1919 году!

2) Пьянство и кутежи господъ поручиковъ и капитановъ въ генеральскихъ штанахъ, доходившее, не только до пьяной стрѣльбы въ потолокъ (забава довольно распространенная въ нѣкоторыхъ кругахъ нашего офицерства и даже новаго «генералитета»), но и до стрѣльбы другъ въ друга (игра въ «кукушку»)!

Представьте себѣ людей, видѣвшихъ разложеніе фронта, видѣвшихъ избіеніе солдатами собственныхъ (иногда совершенно ни въ чемъ неповинныхъ и доблестныхъ) офицеровъ; людей, пережившихъ весь позоръ бѣгства этихъ же русскихъ солдатъ съ фронта; позоръ Брестъ-Литовска и бѣгства русскихъ «революціонныхъ» солдатъ передъ германцами въ 1918 году, и храбрость тѣхъ же «фронтовиковъ» при грабежахъ и злодѣяніяхъ надъ своими же братьями въ тылу, — представьте себѣ, говорю я, русскихъ офицеровъ... Казалось бы, что испытанія и ужасы жизни научили и состарили даже молодыхъ; казалось бы, что они поняли всѣ ошибки прошлаго и ужасъ настоящаго и будущаго (если они потерпятъ пораженіе); казалось бы, что сердце ихъ горитъ, умъ сосредоточенно мыслитъ, лицо забыло улыбку... голова посыпана пепломъ траура!

И вдругъ, вмѣсто всего этого — пьяныя оргіи! Да еще какія? — Съ криками, пѣснями, гоготаніемъ, свистомъ, стрѣльбою въ стѣны и другъ въ друга... И это — вездѣ, во всѣхъ городахъ, во всѣхъ раіонахъ! При чемъ примѣръ подаютъ начальники такихъ ранговъ, какъ командиры корпусовъ, а въ кутежахъ безъ стрѣльбы — даже

командующіе Арміями! Куда идти дальше въ области легкомыслія и несерьезности?

Родная мать — Родина лежитъ распятая на смертномъ одрѣ! А они находятъ пѣсни, смѣхъ и даже пьяныя оргіи въ ихъ полной программѣ!

Развѣ такая организація достойна побѣды? Развѣ народная масса могла довѣрять такой власти?..

3) Контроля и глаза сверху не было.

Главнокомандующій былъ занятъ «высшей» политикой, и если появлялся «на фронтѣ» то лишь въ штабахъ, кои бывали отъ фронта въ 100—200 верстахъ (даже штабы дивизій)!.. Подобнаго безобразія не было въ міровую войну. Впрочемъ, всѣ недостатки міровой войны, которые я выше подчеркивалъ, блѣднѣютъ передъ тѣми явленіями, кои довелось наблюдать на фронтѣ и въ тылу Добровольческой организаціи въ 1919 году. Вспоминать тошно...

4) Съ формированіями творилось нѣчто ужасное: каждый корнетъ и поручикъ видѣлъ себя уже командиромъ того полка, въ коемъ онъ служилъ до революціи.

Всюду возстанавливались «свои» полки. При этомъ, на фронтѣ было 10—20 человѣкъ, а въ тылу 300—400!

Въ результатѣ тылъ переполнялся праздными людьми и колоссальными обозами, а фронтъ рѣдѣлъ не по днямъ, а по часамъ.

5) Господа «верхи», сидѣвшіе въ «собственныхъ» вагонахъ и поѣздахъ, не могли, конечно, препятствовать низамъ также «устраиваться». Поэтому поѣздные составы служили, не только для комфортабельной жизни и переѣздовъ г. г. начальниковъ съ ихъ многолюдными штабами, но и для обезпеченія всѣхъ войсковыхъ частей продовольствіемъ. Каждый полкъ, даже баталіоны и батареи имѣли «свои» поѣздные составы и «свои» паровозы!

Начальникъ военныхъ Сообщеній Арміи генералъ М. говорилъ мнѣ, что за Н. арм. корпусомъ числится 40.000 разныхъ вагоновъ и что отобрать ихъ невозможно, такъ какъ они охраняются спеціальными нарядами, вооруженными даже пулеметами...

Что было съ этими поѣздами эшелонами, нагруженными всякимъ добромъ, при бѣгствѣ Арміи на югъ — описывать не берусь: врядъ-ли подыщу слова.

6) Формализмъ и бумага процвѣтали, какъ и въ старое время, равно какъ и другія слабости. Благодаря этому, страдало сильно дѣло снабженія войскъ одеждою, снаряженіемъ и всякимъ имуществомъ, хотя все доставлялось союзниками въ изобиліи.

7) Отношеніе къ офицерамъ, оставшимся по ту сторону фронта, было враждебное, угрожающее, что, конечно, могло только усилить противника, давъ ему вѣрныхъ сотрудниковъ.

Такъ было въ Арміи, безъ которой нельзя вести военныхъ операцій, хотя бы гражданская часть была бы въ блестящемъ видѣ.

Но гражданская часть была не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ и военная, такъ какъ была въ совершенно неопытныхъ рукахъ генераловъ, никогда не вѣдающихъ народнаго хозяйства *).

Гражданскій центръ вобралъ въ себя довольно густую массу разнообразныхъ осколковъ русскаго чиновничества и дворянства.

Всѣ они потянулись къ министерскимъ портфелямъ и губернаторскимъ мѣстамъ... Тучное и безполезное «Особое Совѣщаніе» раздавало эти должности съ помощью «вліяній» на г-на «диктатора». А послѣдній велъ себя въ высокой степени «императивно», не видя ничего далѣе небольшой группы «избранныхъ» лицъ...

Въ результатѣ: вмѣсто земельной реформы — колоссальная, воровитая, бездѣльная, спекулирующая и трусливая администрація, бросившая свои «губернаторскіе» и другіе посты при первыхъ признакахъ опасности и поспѣшившая на югъ, опережая войска и населеніе. Но забавнѣе всего, что «Особое Совѣщаніе», руководимое генералами, т. е. военными людьми, не понимало, что Москвы имъ не видать, какъ своихъ ушей и съ легкимъ сердцемъ

---

*) Во главѣ гражданской части былъ сначала генералъ А. М. Драгомировъ, а потомъ генералъ Лукомскій. Военною же частью вѣдалъ пресловутый генералъ Романовскій, — молодой чиновикъ Главнаго Штаба, продуктъ „алексѣевскихъ" реформъ по ускоренію производства.

создало администрацію для тѣхъ губерній, кои не были еще заняты Добровольческой Арміей!

Не удивительно, что при такихъ условіяхъ тылъ распухалъ и развращался съ каждымъ днемъ.

Не удивительно, что и военные верхи, состоявшіе изъ младенцевъ и людей случая, да еще въ громадномъ большинствѣ любившихъ покутить или приверженныхъ къ алкоголю — не отдавали себѣ отчета въ событіяхъ: они преступно увѣряли себя и другихъ, что все идетъ хорошо, что скоро они будутъ въ Москвѣ; а потомъ — когда попятились быстро назадъ и когда катастрофа уже началась — также преступно увѣряли, что ничего серьезнаго нѣтъ, что городъ такой-то «не будетъ сданъ» и проч. Благодаря, этой безстыжей лжи или грубому самообману, несчастный обыватель страдалъ выше всякой мѣры.

Еще 24 ноября 1919 года Харьковская городская Дума была увѣрена въ полной прочности и безопасности города Харькова, а 28-го ноября въ немъ уже не было властей!.. Такія явленія наблюдались очень часто и въ дни міровой войны, но никогда они не отражались на населеніи такъ тяжко, какъ въ гражданской распрѣ.

Эту постыдную ложь властей, постоянно успокаивающихъ населеніе, нельзя оправдать даже военными соображеніями:

Во-первыхъ — ничего благопріятнаго для военныхъ событій эта ложь не вносила: съ нею или безъ нея войска неудержимо катились назадъ; а во-вторыхъ — господа «власти», видимо, вѣрили своей лжи. Доказательствомъ могутъ служить: ихъ элегантный, спокойный и самоувѣренный видъ въ салонъ-вагонахъ и роскошныхъ квартирахъ, ихъ выпивки и кутежи и самыя оптимистическія предначертанія для новыхъ формированій.

Младшая «власть» также, повидимому вѣрила, что все «образуется» и они вновь будутъ имѣть свой фронтъ, свои квартиры, штабы и прочее. Надо было видѣть что именно было навалено въ вагонахъ поѣздовъ, непрерывною лентой шедшихъ на югъ! Какого только скарба, какой утвари тамъ не было?!

Увидя столы, скамьи, шкафы, кровати въ обозѣ ко-

менданта Штаба Арміи, я обратился къ генералу Ч....ну съ вопросомъ:

— Куда вы тащите всю эту рухлядь?

— Не могу же я вновь заводить все это на новомъ мѣстѣ. Былъ отвѣтъ коменданта.

Онъ, видите-ли, вѣрилъ еще, что будетъ жить со своимъ учрежденіемъ гдѣ-то «на новомъ мѣстѣ!»

Но если такъ могли ошибаться люди, стоявшіе вдали отъ военныхъ операцій, то такія ошибки непростительны для войсковыхъ начальниковъ, особенно тѣхъ, которые претендовали на опытъ и знанія. Однако, эти господа, не только обманывали обывателя и себя, — они обманули даже союзниковъ, въ лицѣ ихъ военныхъ представителей.

Въ началѣ ноября я имѣлъ случай бесѣдовать съ французскимъ представителемъ генераломъ Манженомъ высказать ему мой пессимистическій взглядъ на событія. Я не наблюдалъ въ моемъ собесѣдникѣ яснаго пониманія обстановки, а главное — причинъ того краха, который уже начался.

Но еще болѣе страннымъ и непростительнымъ является фактъ крайней неосвѣдомленности и плохой оріентировки англійскаго представителя генерала Брикса.

Въ вагонѣ генерала Юзефовича я читалъ 7—9 ноября 1919 г. телеграмму генерала Брикса, въ которой онъ восхваляетъ вождей Добровольческой Арміи въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, не забывая похвалить даже такихъ, кои занимались пьянствомъ и кутежами!

Телеграмма кончалась словами: «Ваше дѣло правое, а потому съ Вами Англія».

Я не буду долго останавливаться на знаменательной послѣдней фразѣ. Скажу только, что она не расходится съ моимъ мнѣніемъ о тогдашнемъ поведеніи оффиціальной Англіи и тогда и теперь я увѣренъ, что Англія съ момента начала міровой войны и до весны 1920 года поддерживала Россію (потомъ Добровольцевъ) искренно и усердно. Безъ помощи Англіи Россія не оправилась бы въ 1916 году послѣ фатальнаго отхода 1915 года. Безъ Англіи Добровольцы Деникина были бы сброшены на Кубань еще весною 1919 года. Тѣмъ не менѣе ясно, что

представители союзниковъ ошиблись въ своихъ наблюденіяхъ въ Россіи въ 1917—1919 года, ошиблись такъ же, какъ ошиблись и нѣмцы въ 1918 году въ своей «русской» политикѣ!*)

Если бы представители Союзниковъ оріентировались правильно и своевременно — они потребовали бы отъ ген. Деникина или полнаго измѣненія «добровольческихъ» порядковъ, или — передачи власти другому. Дѣло было общее, и имъ нельзя было рисковать ради личныхъ самолюбій или честолюбій. Но союзные Представители поняли дѣйствительность тогда, когда было уже очень поздно! А можетъ быть они и до сихъ поръ ее не понимаютъ?...

Не понимаютъ, что — пьянство и грабежъ — плохіе помощники при водвореніи порядка и возстановленія культурной жизни?

Не понимаютъ, что — салонъ-вагоны, большія штабы, большіе обозы, большіе аппетиты къ наградамъ — бичъ войскъ?

Конечно, все это они очень хорошо понимаютъ, но тогда, въ 1919 году они не оріентировались своевременно.

Въ ноябрѣ 1919 г. Добровольческая Армія генерала Деникина покатилась стремительно и въ величайшемъ безпорядкѣ на югъ.

Описывать это ужасное событіе не входитъ въ мою задачу: я указалъ причины краха. Изъ нихъ главная: отсутствіе правильной организаціи и управленія Арміей, затѣмъ — отсутствіе порядка въ тылу и потомъ уже — неизмѣнное опозданіе съ земельной реформой.

Эпизоды не нужны. Я укажу лишь одинъ — для подтвержденія моихъ взглядовъ на военные порядки и «дальновидность» добровольческихъ вождей.

17 декабря 1919 г. я добрался до Ростова, съ великой скорбью покинувъ свои озимые посѣвы, пахоть на весну,

*) Только французскій генералъ Жаненъ понялъ истинное положеніе вещей въ 1917-омъ году. Но онъ былъ замѣненъ генераломъ Нисселемъ, совершенно непонимавшимъ происходившаго тогда въ Россіи.

всѣ крестьянскія работы, которыя были такъ фатально прерваны неудачною работою неудачныхъ русскихъ генераловъ, знавшихъ свое дѣло не лучше, а хуже тѣхъ, кои провалили войну 1904—5 г., а потомъ и войну 1914—1916 годовъ.

Въ Ростовѣ я нашелъ штабъ Н корпуса. Мнѣ сообщили, что «Ростову никакая опасность не грозитъ»

По городу тянулись безконечные вереницы обозовъ въ перемѣшку съ всадниками, обозначавшими «Армію». Эти «войска» шли черезъ городъ днемъ и ночью въ теченіи 10 сутокъ!

Это бѣгство обозовъ напоминало мнѣ Менсгутъ 14-го августа 1914 года и народное бѣдствіе 1915 года... Но только тогда на войсковыхъ повозкахъ не было того «обывательскаго» имущества, какое наполняло въ изобиліи повозки кубанскихъ, донскихъ и добровольческихъ войсковыхъ частей. Кромѣ того, было и другое отличіе: тамъ все же были люди, которые останавливали бѣгущихъ и приводили въ порядокъ уходящія въ тылъ части; а здѣсь не было даже попытокъ къ прекращенію общаго бѣгства: все уходило «по домамъ», кромѣ тѣхъ, у коихъ дома остались въ рукахъ большевиковъ.

Ежедневно, однако, я слышалъ заявленіе властей о «благополучіи», а 25-го декабря прочелъ на улицѣ два приказа: одинъ за подписью генерала Деникина, а другой — за подписью ген. Романовскаго. Первый упрекалъ населеніе въ паническомъ настроеніи и требовалъ, чтобы г. г. «паникеры» — «хотя бы не мѣшали войскамъ», а второй изображалъ положеніе на фронтѣ, какъ не внушающее никакихъ опасеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же было вывѣшено объявленіе о мобилизаціи на 26-е декабря.

Въ Ростовѣ въ это время было не мало властей: командующій войсками всего раіона, начальникъ обороны города, генералъ губернаторъ, комендантъ (послѣдній былъ въ Ростовѣ уже больше года).

Казалось, что за спиной такой самоувѣренной власти можно спокойно жить. Однако, я наблюдалъ непрерывное исчезновеніе изъ Palace Hôtel'я (лучшая гостинница Ростова) всѣхъ генераловъ съ ихъ семьями и всѣхъ щеголей

и щеголихъ. Къ 25-му декабря я былъ единственный генералъ въ гостинницѣ, куда 9 дней передъ тѣмъ я едва попалъ за полнымъ отсутствіемъ мѣстъ. Между прочимъ, мнѣ еще разъ довелось видѣть печальныя картины тогдашнихъ войсковыхъ нравовъ и даже приводить въ порядокъ компанію офицеровъ, во главѣ съ ихъ командиромъ, перепившуюся до того, что пришлось вызывать войсковой нарядъ, для прекращенія ихъ стрѣльбы по своимъ же офицерамъ.

На другой день, часовъ около 5 дня я былъ на главной улицѣ Ростова и обратилъ вниманіе на движеніе конной колонны со стороны противника въ тыловомъ направленіи. Колонна была безъ обозовъ и очень густая, что и заставило меня обратить на нее вниманіе. Оказалось, что это была Н казачья дивизія, бросившая нѣсколько часовъ тому назадъ свою артиллерію и бѣжавшая отъ большевиковъ, атаки которыхъ она даже не приняла! Обстановка для меня была ясна.

Я вернулся въ гостинницу, и черезъ часъ я былъ въ поѣздѣ генерала К. Въ штабѣ отряда еще не было извѣстно о случившемся, и я былъ первымъ вѣстникомъ печальнаго факта появленія Н казачьей дивизіи на улицахъ Ростова. Только при мнѣ къ начальнику штаба генералу Д. явился офицеръ связи съ докладомъ о присутствіи противника... на окраинахъ Ростова.... Поѣздъ генерала К. вскорѣ послѣ того отошелъ отъ станціи и я видѣлъ изъ оконъ вагона несчастныхъ жителей Ростова, спасавшихся — кто въ чемъ былъ — по слабому льду рѣки Дона!... Потомъ я видѣлъ въ поѣздѣ г.г. Генералъ-Губернатора, Коменданта города и другихъ «особъ», важныхъ еще сегодня днемъ и совершенно ничтожныхъ — вечеромъ!

Sic transit gloria mundi. Но лучше скажемъ: такъ бываютъ наказаны люди, которые забываютъ, что даже для печенія пироговъ или для починки сапогъ надо учиться... А чтобы быть хорошимъ генераломъ надо не только учиться, но и таланты имѣть

А здѣсь, за ошибки и неосновательную самоувѣренность нѣсколькихъ людей пришлось жестоко расплачиваться невиннымъ людямъ... Впрочемъ — какъ и во всей

нашей злополучной гражданской войнѣ: одни творятъ ошибки, а другіе расплачиваются!

Картины бѣгства Добровольческой организаціи Деникина совмѣстно съ организаціями Дона, Кубани и Терека — описаны довольно правильно въ книгѣ «Въ станѣ бѣлыхъ», изданной, кажется, при участіи донскихъ генераловъ С. и К., а также — въ романѣ ген. Краснова: «Отъ двуглаваго орла къ красному знамени».

Картины эти дѣйствительно ужасны и врядъ-ли найдется кисть и краски, чтобы изобразить трагизмъ десятка тысячъ людей, которые бросили свои дома, свои поля, свое имущество, даже близкихъ людей; прошли въ невѣроятныхъ условіяхъ сотни и тысячи верстъ для того — чтобы... у берега моря собственноручно застрѣлить своего боевого товарища, а самому вплавь или на лодкѣ искать спасенія на переполненномъ людьми пароходѣ, изъ котораго угрожаютъ стрѣльбою по своимъ же, въ виду переполненія парохода! Или — кто можетъ изобразить ужасы ночи въ старой рыбачьей баржѣ, переполненной людьми и имуществомъ въ 3—4 раза больше нормальной грузоподъемности барки?! Вода въ трюмѣ поднялась до уровня положенныхъ на ящикъ тифозныхъ больныхъ; всѣ здоровые сдѣлались больными, некому и нечѣмъ вычерпывать воду; волны бурнаго моря перекатываются черезъ всю баржу, мачты трещатъ, лебедку вывернуло въ основаніи, моторъ испорченъ, команда матросовъ изъ трехъ турокъ, ни слова не говорящихъ по русски — плачетъ, видя неминуемую гибель; среди пассажировъ паника — крики, стрѣльба! И все это послѣ столькихъ переживаній, начиная съ 1914 года и особенно послѣ 1917 года. Послѣ бездны обидъ, неправды, мукъ и усилій воли!...

Но что особенно меня поражало въ теченіе всей эпопеи 1919 года, это — отсутствіе дѣятельнаго управленія со стороны властей, отсутствіе личнаго ихъ вліянія на дѣла. Такъ было при наступленіи. Можете-ли вы себѣ представить — что было при отступленіи?!

Все было предоставлено себѣ. Все шло — какъ хотѣло. Ни малѣйшаго слѣда организаціи, управленія, предвидѣнія! Начальники по прежнему сидѣли въ вагонахъ и торопились къ берегу моря, чтобы поѣзда ихъ не были

бы задержаны скопленіемъ вагоновъ на станціяхъ, и чтобы... занять мѣста на пароходахъ!.. Многіе изъ «властей», недавно еще разыгрывавшіе роль важныхъ «особъ», поторопились скрыться даже тайно отъ своихъ начальниковъ и отъ своихъ подчиненныхъ.

Глядя на все это безобразіе, на полное безначаліе, я невольно спрашивалъ: да какое же право имѣли эти люди брать власть въ свои руки, если они не могли управлять сносно даже въ дни успѣховъ, посланныхъ имъ судьбою (а не подготовленныхъ ими самими). И съ горестью пришлось отвѣчать: это все тѣ же люди, коихъ выдвинули на міровой войнѣ бездарные порядки бездарныхъ верховъ; это — все тѣ же навыки и пріемы стараго времени, но еще усугубленные, расширенные, разцвѣтшіе подъ вліяніемъ «безкровной» революціи, когда все оказалось дозволеннымъ, все возможнымъ, все доступнымъ! Когда — вчерашній прапорщикъ и совершенный неучъ въ военномъ дѣлѣ — сегодня смѣло и нагло брался за должность Главнокомандующаго; когда вчерашній капитанъ или подполковникъ не стыдился присваивать себѣ чинъ полковника, въ то время когда вчерашній полковникъ или подполковникъ лѣзъ уже въ генералъ-лейтенанты и даже дальше!

Безстыдству и жадности не было конца въ революціи. Они перешли по наслѣдству и къ «бѣлымъ» организаціямъ. Когда я оставилъ должность командующаго 7-мъ коннымъ корпусомъ (въ декабрѣ 1917 года), мое мѣсто занялъ поручикъ 21-й конной батареи Лебедевъ. Этотъ гусь выбрался послѣ корниловскаго выступленія въ «комиссары» корпуса, а потомъ, послѣ приказа прапорщика и учителя гимназіи г. Крыленко о «демократизаціи» Арміи, господинъ Лебедевъ былъ «избранъ» на должность командира корпуса.*)

Этотъ безстыдникъ съ университетскимъ значкомъ говорилъ генералу Моравицкому, занимавшему тогда должность начальника штаба корпуса: «хоть часъ да нашъ!»

---

*) Какъ вамъ нравится г. поручикъ и его избиратели?

Вотъ психологія господъ поручиковъ и капитановъ въ генеральскомъ обличіи... У многихъ изъ нихъ глаза разгорѣлись при видѣ неожиданныхъ и небывалыхъ перспективъ, и не одинъ поручикъ, капитанъ и полковникъ использовалъ бѣдствіе Родины, чтобы «спрофитовать» и добыть себѣ чинъ, который, при нормальныхъ условіяхъ, не видать бы ему — какъ своихъ ушей, ибо ничего геройскаго или полезнаго для общаго дѣла онъ не сдѣлалъ — въ міровой войнѣ, какъ и въ послѣдующіе годы. Ничего, кромѣ фатальныхъ и непростительныхъ ошибокъ, да еще — на фонѣ легкомыслія, кутежей и просто — пьянства.

Я понимаю и сочувствую продвиженію впередъ молодыхъ талантовъ. Но эти таланты должны быть доказаны жизнью, фактами. Одной храбрости (если она еще не фальсифицирована) не достаточно для генерала, хотя это качество и очень цѣнно въ начальникѣ. Нужны еще — знанія военнаго дѣла, умѣніе воспитывать и вліять на войска, способность понимать обстановку, даръ предвидѣнія и безконечная энергія, трезвая конечно. Храбрые же люди могутъ быть и полными невѣждами или пьяными сумасбродами! Но здѣсь, въ этой наградной вакханаліи, не было никакихъ данныхъ для «выпеканія» полководцевъ и генераловъ изъ самыхъ посредственныхъ людей, коимъ въ пору командовать эскадронами или самое большое — полками. Это бѣснованіе съ наградами крайне характерно, не только для революціи, но и для господъ бѣлыхъ». Всюду былъ данъ кличъ: «тащи — кто что можетъ!» Одни бросались къ казеннымъ сундукамъ и частнымъ сейфамъ, а другіе — къ чинамъ, должностямъ, поѣздамъ, автомобилямъ и спирту!.... И даже лучшіе ничего не видѣли, ничего не понимали, ничего правдиво не критиковали, а занялись устройствомъ своихъ дѣлъ или поддакиваніемъ и подпѣваніемъ «молодымъ героямъ», ведшимъ всѣхъ насъ... прямо въ пропасть и къ краху! Да еще къ какому краху!?

———

Положеніе генерала Врангеля было много тяжелѣе положенія генерала Деникина.

Генералу Деникину помогли нѣмцы, занявъ Украину въ 1918 году; ему помогъ генералъ Скоропадскій, позволявшій всѣмъ желающимъ ѣхать къ Деникину; ему помогъ генералъ Красновъ — удачной борьбою съ большевиками на Дону и передачею Добровольцамъ многаго, полученнаго имъ отъ нѣмцевъ и украинцевъ; ему помогли союзники, давшіе, не только все нужное для Арміи имущество, но даже инструкторовъ и морскую силу.

Генералу Врангелю же помогли сначала только Англичане, гарантируя Крымъ отъ захвата большевиками.

Но Врангель повторилъ почти всѣ ошибки Деникина, за исключеніемъ земельной реформы, которая, впрочемъ, была проведена съ нѣкоторымъ опозданіемъ и не могла имѣть большого вліянія въ силу ограниченности территоріи.

Изъ другихъ плюсовъ Врангеля можно указать на борьбу его съ грабежами и преступностью (но не съ пьянствомъ и кутежами, хотя самъ онъ и не подавалъ дурного примѣра) и перемѣну въ отношеніяхъ къ плѣннымъ и зарубежнымъ офицерамъ, а также и къ возможнымъ союзникамъ. Но Армія по существу оставалась прежняя, со всѣми ея прежними недостатками, и хотя ее наименовали «русская Армія», но въ дѣйствительности она оставалась «Добровольческой», какой была и при Деникинѣ. Тѣ же «дивизіи» изъ 400 штыковъ, тѣ же поручики на роляхъ генераловъ; тѣ же «вундеркинды» всюду — и въ военной и въ гражданской администраціи; тотъ же протекціонизмъ, тѣ же «свои» вездѣ, та же «лавочка» всюду; то же служеніе лицамъ!... Въ «русской» Арміи совершенно не было даже обыкновенныхъ порядковъ регулярной Арміи, безъ которыхъ Армія перестаетъ быть военнымъ организмомъ. Такъ: младшіе командовали старшими безъ всякихъ данныхъ на такое предпочтеніе; боевые генералы занимали въ тылу гражданскія и даже писарскія должности, подчиняясь какимъ-то страннымъ полковникамъ (преимущественно молодымъ), которые почему-то тоже не посылались на фронтъ и почему-то вели себя весьма важно и помпеозно. Управленіе Генеральнымъ Штабомъ было

вручено офицеру, который гораздо лучше зналъ жандармское, чѣмъ военное дѣло. Во главѣ печати стоялъ статскій «подростокъ», который командовалъ генералами, полковниками, и у дверей котораго дежурили офицеры! Въ печати царила лесть и ложь, какъ и въ 1919 году. Людей правды гнали и оскорбляли самымъ недостойнымъ и неприличнымъ образомъ.

Въ гражданскомъ управленіи царилъ прежній хаосъ,*) воровство, спекуляція и большія злоупотребленія властью.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ порядковъ — если бы Крымъ удержался, ему все же угрожалъ голодъ: хлѣбъ не былъ своевременно вывезенъ изъ Мелитопольскаго и Геническаго раіоновъ.

Но самое главное — по заявленію самого Врангеля — на фронтѣ у него было 40 тысячъ войскъ, а въ тылу 300 тысячъ военныхъ!

А почему не обратно? Или — хотя бы пополамъ?

Почему? — Да по тѣмъ же самымъ причинамъ — почему и у Деникина въ 1919 году фронтъ былъ жидкій, а тылъ пухлый...

Много доблести было проявлено на фронтѣ. Много жертвъ было добавлено къ злополучному русскому мартирологу; но все — въ пустую! Выиграла только Польша, которой Врангель помогъ основательно и которая, безстыдно и недальновидно бросила своего спасителя на произволъ судьбы.

Я знаю хорошо Польшу и ея исторію**). Это — нація съ большимъ порывомъ, съ большими дарованіями. Но у ней нѣтъ спокойнаго и основательнаго мышленія и дара предвидѣнія. Она склонна жить минутами, увлекаться миражами. Много горя ей причинило русское Правительство еще со временъ Екатерины Великой, а потомъ послѣ возстаній 1830—31 г. и 1863 года. Много разоренія ей принесла міровая война и грабежи русскихъ воиновъ. Но все это не можетъ быть основаніемъ для проявленія *ненависти* къ русскому народу и русской интеллигенціи,

*) Даже „виверъ" Туровъ выплылъ на губернаторскій постъ, какъ и при Деникинѣ, откуда его убрали только передъ эвакуаціей.

**) Не даромъ я прослужилъ въ губерніяхъ „Царства Польскаго" съ 1888 года по 1917 годъ — почти безъ перерыва. И въ моихъ жилахъ течетъ польская кровь. съ примѣсью еврейской, очевидно.

которая всегда относилась съ полной терпимостью и даже сочувствіемъ къ польскому народу, представителямъ коего она оказывала всѣ знаки вниманія и гостепріимства даже въ ихъ изгнаніи и скитаніяхъ по русской землѣ. Еще менѣе основаній имѣетъ Польша для агрессивныхъ дѣйствій противъ Россіи въ цѣляхъ захвата коренныхъ русскихъ областей. Польшѣ не слѣдовало отхватывать отъ Россіи никакихъ кусковъ и кусочковъ... А генералу Врангелю не слѣдовало помогать полякамъ!... Если же онъ началъ наступленіе безъ связи съ поляками, то, — какъ самостоятельная военная операція, наступленіе это велось въ духѣ авантюры и при томъ въ хаотическомъ порядкѣ. А дессантная операція на Таманскомъ полуостровѣ есть сплошная каррикатура на военныя дѣйствія....

Вообще, если всмотрѣться ближе въ событія 1920 года въ Крыму, то приходится сознаться, что горькій опытъ Деникина и его войскъ не многому научилъ Врангеля и его сподвижниковъ! Даже въ отношеніяхъ къ обществу Врангель и Деникинъ имѣютъ много сходства: то же неумное самодержавіе, то же самомнѣніе, то же усыпленіе общества оптимистическими извѣстіями, кричащими сообщеніями о побѣдахъ и увѣреніями о близости конца страданіямъ...

Конецъ оказался дѣйствительно близкимъ; ближе чѣмъ можно было ожидать, даже при самомъ пессимистическомъ настроеніи... Но только совсѣмъ не тотъ конецъ, какой предрекалъ Врангель и его сотрудники!...

Еще 1 октября (стар. стиля) въ Крыму раздавались самыя оптимистическія предположенія, и даже 24—26 октебря газеты пѣли дифирамбы Врангелю и увѣряли (по указкѣ сверху), что Крымъ крѣпокъ — какъ никогда!.. Еще 27 октября, усыпленный обыватель Крыма и даже чиновники не подозрѣвали возможности эвакуаціи. А 29 октября эта эвакуація уже началась фактически, и конечно — въ великомъ смятеніи и поспѣшности.

Съ обывателемъ вновь власть продѣлала то самое гнусное дѣйствіе, которое столько разъ продѣлывалось при отступленіи съ 1915 года: успокаиваютъ и даже зло смѣются надъ «паническимъ »настроеніемъ обывателя, а по-

томъ... въ три счета покидаютъ городъ (или село), предлагая обывателю собираться въ пять минутъ съ «ручнымъ» багажемъ или безъ всякаго багажа!.. Только тѣ, что стояли близко у центра могли принять мѣры для спасенія своего имущества. Остальные, тѣ кто вѣрилъ властямъ и особенно тѣ, которые никогда не занимались — ни спекуляціей, ни накапливаніемъ валюты (про всякій пожарный случай) — остались «при печальномъ интересѣ», т. е. на пароходѣ съ ручнымъ багажемъ и безъ гроша въ карманѣ!

Повторяю: близость краха и вобще его возможность тщательно скрывались властью.*) И этого она не имѣла права дѣлать: общія дѣла не терпятъ тайнъ отъ тѣхъ кого они касаются, т. е. отъ общества, если нѣтъ увѣренности въ успѣхѣ. А такъ какъ въ данномъ случаѣ этой увѣренности быть не могло, то власть была о б я з а н а обратиться къ обществу съ откровеннымъ изложеніемъ дѣла передъ его выборными представителями, прося ихъ совѣта и содѣйствія.

Между тѣмъ никакого обращенія къ общественнымъ силамъ не было: въ Крыму власть вела себя также самодержавно, какъ и на Украинѣ (1919—1920 г. г.) и даже хуже — деспотично.**) Слѣдовательно, приходится сказать, что власть в н о в ь оказалась н е д а л ь н о в и д н о й.

Эта особенность русской власти красною нитью проходитъ чрезъ всю русскую жизнь съ давнихъ поръ, и является она прямымъ слѣдствіемъ: съ одной стороны — легкомыслія и самоувѣренности власти, построенныхъ на легкихъ и случайныхъ успѣхахъ въ прошломъ; а съ другой стороны — отсутствія знаній, опыта и привычки къ отвѣтственности.

Власть въ Крыму самонадѣянно отвергла предложеніе Англичанъ, сдѣланное въ мартѣ 1920 г. — о «нейтрализа-

---

*) Даже культурные и умные американцы — адмиралъ Макъ-Колли и капитанъ Коллеръ были въ пріятномъ заблужденіи; въ особенности послѣдній, восторгавшійся разными „вундеркиндами", по примѣру англійскаго генерала Б . . . а въ 1919 году (см. выше).

**) О чемъ свидѣтельствуютъ многіе факты; между прочимъ эпизодъ съ генераломъ Лукьяновымъ, вынужденнымъ застрѣлиться нелѣпое преданіе суду генераловъ Сидорина и Кельчевскаго; казнь сестры милосердія и т. п.

ціи» Крыма, и самоувѣренно перешла въ наступленіе противъ большевиковъ въ маѣ 1920 г. Обстоятельства сложились благопріятно: наступленіе дало значительный успѣхъ. Что же сдѣлала власть?...

Съ земельнымъ закономъ медлила; хлѣба въ Крымъ не свезла; тыла не организовала; армію не вывела изъ добровольческаго сумбура; базы не расширила (дессантомъ въ Одессѣ); союзниковъ на Украинѣ не пріобрѣла*); Крыма къ оборонѣ не подготовила; о планомѣрномъ отходѣ къ берегамъ моря не подумала; всѣхъ средствъ обороны не исчерпала — ни людскихъ, ни матеріальныхъ....

Военная исторія знаетъ примѣры длительной обороны населенныхъ пунктовъ, при чемъ крѣпость создавалась на глазахъ противника и въ условіяхъ гораздо болѣе тяжелыхъ, чѣмъ тѣ, что были въ Крыму въ октябрѣ 1920 года. (Севастополь 1855—56 г., Плевна 1877 г., Царицынъ 1918—19 г.) Почему же Крымъ не могъ защищаться долго, тѣмъ болѣе, что море было не въ рукахъ большевиковъ и съ моря шла всякая матеріальная помощь отъ союзниковъ?

Почему не былъ организованъ постепенный и медленный отходъ къ морю? А вмѣсто него — прямо отъ перешейковъ все бросилось бѣжать къ морю, чуть ли не въ розсыпную! При чемъ сигналъ къ бѣгству данъ былъ властью, объявившей о правѣ «желающихъ» уѣзжать!..

Военному простительно сдѣлать политическую ошибку; онъ можетъ оказаться слабымъ въ дѣлахъ гражданскихъ; наконецъ могутъ быть ошибки и въ военныхъ операціяхъ... Но какъ не предусмотрѣть планомѣрный и медленный отходъ къ морю и защиту Крыма? — Это элементарное положеніе, очевидно, упущено въ хаосѣ интригъ и въ туманѣ самомнѣній!

Наконецъ, почему герои Ставки не предпочли смерть за свои идеалы, смерть въ честномъ бою, въ борьбѣ не безъ шансовъ на успѣхъ, а избрали бѣгство и проклятую эвакуацію? Ту самую эвакуацію, которая привела большинство (но не всѣхъ) къ нищенскому и безко-

*) Даже боялась успѣховъ Махно и запретила печатать его сводки.

нечно тяжкому существованію на чужбинѣ. Вѣдь этому существованію нѣтъ имени, нѣтъ словъ для опредѣленія! И если оно лучше «россійскаго» въ физическомъ отношеніи (хотя и это сомнительно), то во всякомъ случаѣ оно хуже въ моральномъ отношеніи, ибо оставшійеся на Родинѣ могутъ сказать: намъ тяжко, но мы не покинули нашей Родины въ тяжкія минуты ея жизни»...

А что можемъ сказать мы — эмигранты?...

А тутъ, какъ нарочно въ голову лѣзутъ воспоминанія, и всѣ—не въ пользу россійской Власти, не въ пользу тѣхъ, кому повиновались, а нѣкоторые и вѣрили...

— Легкомысленное и даже пошлое и преступное якшаніе власти съ черносотенными элементами, расчитывавшими погромной и протекціонной политикой возстановить престижъ самодержавія, сильно подорванный войной 1904—5 годовъ...

Самое неприличное обращеніе съ Государственной Думой и постоянная борьба съ нею...

Занятіе побрякушками и парадами и невниманіе къ назрѣвшимъ нуждамъ народа и арміи...

Постоянныя смѣны министровъ — въ поискахъ умнаго, изворотливаго и «благонадежнаго»...

Неготовность арміи передъ войной; особенно же ея командного элемента...

Общая паника передъ германцами вообще, а послѣ побѣдъ Гинденбурга въ Восточной Пруссіи — въ особенности...

Быстрая приспособляемость чиновниковъ всѣхъ видовъ и органовъ, нашедшихъ свои выгоды — и въ затяжной войнѣ, и въ безславномъ отступленіи, и въ слѣдованіи «примѣру 1812 года»...

Безстыжая погоня за всякими благами, начиная отъ большихъ окладовъ при нолѣ расходовъ; изобиліе наградъ при ничтожномъ числѣ настоящихъ подвиговъ и, наконецъ, грабежъ...

Совѣстливому, да еще непьющему человѣку трудно было дышать: И ясно видѣнъ былъ неизбѣжный провалъ (вмѣсто занятія Берлина еще въ Августѣ 1914 года!), если на смѣну бездарности и легкомыслія не явится хотя бы... сознаніе своей несостоятельности.

Но бездарность была упряма и до конца вѣрила въ свою правоту и въ... «авось»...

«Авось» не помогъ; не вывезъ!...

Все повалилось въ бездну...

Армія, созданная Петромъ Великимъ; укрѣпленная Минихомъ; давшая Румянцева, Суворова, Скобелева; видѣвшая Берлинъ, Парижъ и Константинополь; армія, усвоившая военную дисциплину и понятія рыцарства,— эта армія первая обратилась въ смрадный трупъ!

И — надо было видѣть, какъ спасались «дальновидныя» крысы съ гибнущаго корабля (большинство начальниковъ «благоразумно» ушли съ фронта въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ 1917 года) и какъ растаскивали «товарищи» имущество — казенное и частное!!.

Жутко становится — когда вспоминаешь картины прошлаго...

Но вотъ посвѣтлѣло: лучъ надежды на порядокъ принесъ... недавній врагъ — германцы.

Югъ Россіи могъ бы сорганизоваться, и давъ народу землю и права, установить прочный правопорядокъ.

Такъ — гдѣ тутъ?... Вновь — легкомысліе и недальновидность. Вновь интриги и эгоизмъ!

Забыты всѣ недавніе уроки... «На Москву», «не допущу», «разнесу»... и прочія «повелѣнія» послышались на всемъ югѣ вмѣстѣ съ неудержимымъ пьянствомъ и произволомъ.

И въ то время, какъ на фронтѣ и въ тылу становилось все хуже и хуже, вожди, кои обо всемъ узнавали съ большимъ опозданіемъ, въ тайнѣ мечтали о... «торжественномъ входѣ въ Москву»!...

Организаціонный сумбуръ; адскій карьеризмъ; всюду произволъ властей и рядомъ — самая удушающая канцелярщина. Начальники въ 200—300 верстахъ отъ своихъ войскъ — въ барской обстановкѣ, въ «traine de lux'ахъ», въ роскошныхъ автомобиляхъ и съ самыми радужными перспективами (см. выше)... А вожди, вмѣсто энергичнаго приведенія въ порядокъ всего этого безобразія — тоже въ 500—600 верстахъ отъ войскъ и тоже — въ радужныхъ мечтахъ!... Катастрофа уже на-

чалась, а вожди — въ тылу, въ щегольскихъ костюмахъ и въ радужномъ настроеніи.

Но провалъ, и при томъ грандіозный, былъ возмездіемъ вождямъ, властямъ, грабителямъ и пьяницамъ, взявшимся вершить дѣло, какъ берутся сапожники печь пироги.

Съ этой точки зрѣнія я ихъ и разбиралъ, и критиковалъ всегда и всюду.

Взялся за общее дѣло — такъ дѣлай его добросовѣстно, не жалѣя себя, или—уйди; да, уйди во-время, а не тогда, когда передъ тобою стоятъ съ «подписнымъ листомъ: «благоволите подписать отреченіе!»

Кошмаромъ проходятъ картины бѣгства Добровольческой Арміи въ 1919—20 годахъ.

Прежде всего — растерянность, нераспорядительность и дурной примѣръ разныхъ властей: всѣ думаютъ только о спасеніи себя и своего имущества бѣгствомъ. Объ оборонѣ никто не заикается; слова «стой» никто не произноситъ!...

Живя въ деревенской глуши, я слѣдилъ издали за «добровольческими» дѣлами и былъ очень невысокаго мнѣнія о ея высшихъ дѣятеляхъ... Но я и въ мысляхъ не допускалъ того, что потомъ пришлось увидѣть собственными глазами.

Все бѣжало, обгоняя другъ друга и... таща за собою свои безконечные «эшелоны» съ награбленнымъ имуществомъ! «Эшелоны» эти были особеннымъ бичемъ войскъ: ихъ, конечно, пришлось бросить; но сколько муки и зла натворили они войскамъ и населенію, и служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ!...

Такъ докатились до Екатеринодара (послѣ скандальной сдачи Новочеркаска и Ростова).

А тамъ—опять интриги; опять самолюбія, опять самодержавіе; опять неправильная оцѣнка обстановки; опять самомнѣніе и рядомъ — полная нераспорядительность...

И вновь все понеслось дальше, къ берегу моря — къ Новороссійску — въ прежнемъ сумбурѣ и въ прежнемъ безволіи той самой власти, которая еще недавно упивалась почетными встрѣчами, тріумфальными пріемами и правомъ «повелѣвать» миръ и войну!

Насмотрѣлся я и въ Харьковѣ, и въ Ростовѣ, и въ Екатеринодарѣ, и въ Новороссійскѣ на эту власть! И хочется кричать «караулъ»: вѣдь мы жили безъ властей, а только среди произвола большихъ и малыхъ носителей атрибутовъ власти, вѣрнѣе—имитаторовъ власти, мечтавшихъ о многомъ, но прежде всего о своей карьерѣ...

Ограбленные одними, обездоленные другими — русскіе люди, не удостоенные вниманія властей (хотя и честно служившіе Россіи въ прошломъ) — съ трудомъ добрались до Крыма.

Тамъ они думали найти или честную смерть или — возможность возвращенія въ родныя мѣста, въ родные углы, къ землѣ и труду.

Но имъ не пришлось дождаться ни перваго, ни второго.

Власть въ Крыму повторила почти всѣ главнѣйшія ошибки предыдущаго періода, не взирая на предупрежденія и недавній кошмарный опытъ...

И приходится вполнѣ согласиться съ генераломъ Я. А. Слащевымъ въ его обвиненіяхъ противъ генерала Врангеля.

Первоначальный успѣхъ, видимо, и тутъ вскружилъ голову и наполнилъ сердце несбыточными мечтами!

Самодержавная власть, самодержавныя рѣшенія, но не самодержавный, а — общій провалъ...

И какой провалъ!? При поддержкѣ Франціи и Америки и почти при равенствѣ силъ противника! А если бы своевременно были приняты правильныя мѣры, то было бы и превосходство въ силахъ надъ противникомъ. Вѣдь по заявленію Врангеля, сдѣланному въ Константинополѣ (въ ноябрѣ 1920 г.), у него въ тылу было 300 тыс. военнаго контингента, а на фронтѣ 60 тысячъ !

Но «лавочка», эгоизмъ, легкомысліе и недальновидность все сгубили.

— Мы сами все знаемъ; мы сами все умѣемъ—было написано на лицахъ многочисленныхъ врангелевскихъ «вундеркиндовъ» отъ полковниковъ до полныхъ генераловъ (эти чины предпочтительны для «вундеркиндовъ»)!...

Ну вотъ и сумѣли... привести насъ голыми на чужбину, въ одинъ день бросивъ «Крымскія позиціи» и въ

одну недѣлю отдавъ «неприступный Крымъ» съ колоссальнымъ имуществомъ, кромѣ судовъ торговаго флота!

Стоило изъ-за этого 7 мѣсяцевъ мучить людей и нести громадныя жертвы?...

Но жертвы несли, конечно, не всѣ одиноковыя, какъ и теперь ихъ несутъ не всѣ...

Съ невеселыми думами ѣхали изъ Константинополя въ Юго-Славію голодные и измокшіе русскіе «бѣженцы» — преимущественно офицеры и генералы бывшей Россійской Арміи (не Крымской — «русской», а — большой, Россійской Арміи).

На душѣ была сплошная ночь: чувствовалось полное банкротство старой Россіи...

У честныхъ людей, у тѣхъ, что не лукавили съ совѣстью, ни подо что не поддѣлывались, въ дамки не лѣзли, никого не грабили, спекуляціей не занимались, взятокъ не брали; валюту не накапливали, въ политику не играли, въ Наполеоны не записывались, — у этихъ людей оказался въ рукахъ «ручной багажъ», а въ карманахъ пустота!... Родина была далеко сзади, а въ ней близкіе люди, все имущество, всѣ прежніе труды, вся прошлая жизнь! Все было отнято...

Но съ эвакуаціей Крыма отняты были даже послѣднія надежды, самыя скромныя и чистыя мечты!

Съ паденіемъ Самодержавія многіе мечтали о Новой Россіи. Конечно, не кровавой и безумной. Мечтали о Россіи — чистой, разумной, грамотной, трудолюбивой, честной, благородной и дѣловитой; Россіи — богатой знаніями и талантами своихъ сыновъ; Россіи — могучей ихъ преданностью и сознаніемъ общности интересовъ; Росіи — Красивой и работоспособной.

Но Судьбѣ угодно было дать міру иное зрѣлище.

Судьбѣ угодно было держать Россію въ собственномъ плѣну и бить ее ея же руками. Сначала съ помощью легкомысленныхъ бездарныхъ людей, подготовившихъ ея неготовность къ міровому экзамену; потомъ — съ помощью глубочайшихъ канцеляристовъ и эпикурействующихъ бюрократовъ, прова-

лившихъ ее на міровомъ экзаменѣ; потомъ — съ помощью смѣси — алчныхъ звѣрей съ авантюристами, садистовъ съ пропойцами, соціалистовъ съ капиталистами, республиканцевъ съ монархистами; вахмистровъ и полковниковъ, одинаково присвоившихъ себѣ генеральскія должности проходимцевъ, и царскихъ сановниковъ, одинаково неспособныхъ къ государственной работѣ.

А въ сущности: старой Россіи сдѣлалось дурно; у ней началась рвота, и вотъ она изрыгнула: съ одной стороны — безуміе темнаго люда, а съ другой — ту бюрократическую пробку, которая такъ долго мѣшала нормальному развитію Страны'..

Такъ окончила свое существованіе старая Россія, — Россія, родившаяся въ мукахъ грабежа, насилія, голода и разврата Смутнаго времени; не погибшая тогда только благодаря благоразумію и самопожертвованію Мининыхъ и Пожарскихъ; Россія, вскормленная трудами первыхъ Романовыхъ съ помощью Филаретовъ, Морозовыхъ, Ртищевыхъ, Стрешневыхъ, Ордынъ-Нащокиныхъ и Матвѣевыхъ, коимъ приходилось бороться съ невѣроятными нравами, доходившими тогда до «содоміи въ храмѣ»; Россія, двинутая мощною рукою Петра Великаго на путь культурной жизни и развитія; получившая крещеніе и первое воспитаніе на этомъ пути заботами великаго человѣка, не знавшаго отдыха и отдавшаго всѣ свои силы и способности служенію своей Родинѣ!

Такъ погибла блестящая Россія Екатерины Великой, которая, не взирая на свои человѣческія слабости, отлично вела Государственную колесницу, выбирая талантливыхъ помощниковъ и умѣя отличать правду отъ лжи; Россія 1812 года, нашедшая въ себѣ силы съ честью перенести великое несчастіе Страны въ ея борьбѣ съ міровымъ геніемъ и дождаться, пока увлеченіе этого генія не погубило его самого; Россія, принесшая столько жертвъ для освобожденія Европы въ 1813—15 годахъ: Россія, спасшая въ 1849 году неблагодарную Австрію; Россія — освободительница Болгаріи, покровительница всѣхъ православныхъ странъ и вѣчная заступница всѣхъ славянъ! Пала Россія — расточительная и легкомысленная, но

богатая, всегда щедрая и гостепріимная; Россія, не умѣвшая жить для своего будущаго, но много сдѣлавшая для будущаго другихъ; Россія преступная, но только передъ собою; Росія — блестящая и даже красивая, но устарѣвшая и застывшая въ мысляхъ о былой удачѣ въ борьбѣ съ невзгодами; Россія—красавица въ молодости, но пережившая свою славу и не сумѣвшая во-время измѣнить свою жизнь, сообразно съ требованіями зрѣлаго возраста!

Такъ погибла и надежда на скорое возстановленіе въ Россіи нормальной человѣческой жизни, построенной на началахъ этики, той самой этики, которая отличаетъ человѣка отъ хищнаго звѣря.

И массы русскихъ людей, по большей части совершенно невинныхъ (напримѣръ, женщины и дѣти) влачатъ на Родинѣ жалкое существованіе, голодное физически и нелѣпое морально.

А въ то же время другіе русскіе люди (тоже много невинныхъ) скитаются по чужимъ землямъ, какъ нищіе прося гостепріимства и заработка. И даютъ имъ — кто что можетъ: даютъ изъ жалости или ради прежнихъ заслугъ ихъ Матери-Россіи. И трудится русская интеллигенція, зарабатывая въ потѣ лица насущный хлѣбъ свой! Чѣмъ только она не занимается? Плотники, столяры, сапожники, лавочники, писаря, чертежники, сторожа, шофферы, настройщики роялей, музыканты въ ресторанахъ, пѣвчіе, актеры, портные и портнихи, булочники, повара, судомойки, кучера, каменщики, маляры, носильщики и проч. и проч.

Смотри Россія и радуйся (если это можетъ тебя радовать): твои офицеры, генералы и сановники — какъ работаютъ на роляхъ чернорабочихъ, писарей, сторожей чужихъ границъ и мелкихъ чиновниковъ!

Они не даромъ проходили университетскіе курсы, разныя академіи! Теперь это имъ пригодилось для таскания камней и переписыванія бумагъ!

А тѣмъ временемъ у тебя дома — полуграмотные и дикіе люди «заворачиваютъ» комиссаріатами и разрушаютъ, то-бишь, строютъ твой домъ.

Какъ это поучительно для другихъ и полезно для тебя!

Впрочемъ, можетъ быть, ты за умъ взялась уже?...

Слышно, разрушивъ Армію и убивъ массу офицеровъ, ты принялась строить новую Армію на... старыхъ началахъ? Помогай Богъ!

Но зачѣмъ же было тогда развращать солдатъ и натравливать ихъ на своихъ же офицеровъ?

Зачѣмъ нужна была вся эта моральная и физическая грязь, вонь и всѣ преступленія, коимъ нельзя подыскать названія?...

Во всякомъ случаѣ не скрою: «тяжело ходить по чужимъ лѣстницамъ». Не даромъ Викторъ Гюго сказалъ: «Un homme, si vaillant devant la mort, était faible devant l'exil!» Да и то сказать: все отняли... Оставили только пошлую жизнь...

Не скрою: сознаніе нелѣпости и безполезности всего совершившагося въ Россіи душитъ меня, давитъ и угнетаетъ ежедневно!...

Не скрою, что думы о прошломъ назойливо лѣзутъ въ голову. И грустно, и тяжко вспоминать безпечную недальновидность давнихъ и недавнихъ вождей Россіи. Безконечно тяжко знать, что богатѣйшая Страна обратилась въ нищую, стоящую съ протянутой рукой передъ лицомъ всего міра!...

Вымираютъ села... Разрушаются города... Вымираетъ населеніе, вымираетъ отъ голода! Болѣзни и грязь покрыли тѣло и душу народную, а руки его въ крови, въ крови братьевъ...

И все это — плоды прошлаго:

«Что посѣешь — то и пожнешь!»

Все это — возмездіе. Возмездіе за прошлые грѣхи, за узкій эгоизмъ правящихъ.

Эгоизмъ этотъ постоянно развращалъ самихъ владѣльцевъ его, ослаблялъ аппаратъ управленія и отравлялъ безуміемъ и непониманіемъ народныя массы...

Аппаратъ далъ трещину, управители не сумѣли во время его починить, и народное безуміе бурною волною залило всѣ части стараго аппарата.

Глава IX.

НАСТОЯЩЕЕ РОССІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕЯ ПРОШЕДШИМЪ.

Что же осталось сейчасъ отъ нѣкогда богатой и тароватой Россіи? Что осталось отъ славянскаго колосса, отъ Страны, въ которой солнце не заходило?

— Съ одной стороны — урѣзанная, общипанная, разоренная, обѣднѣвшая территорія, населенная голоднымъ и одичавшимъ народомъ.

А съ другой стороны — жалкая, разношерстная эмиграція, спорящая, враждующая и, въ массѣ, безконечно страдающая.

Для культурнаго міра, и то, и другое — болѣзненные наросты, злокачественныя опухоли.

Для насъ русскихъ — и то, и другое — невиданное міромъ несчастіе, неизбывное горе, горе, коему нѣтъ названія!

— Уяснить себѣ причины этого несчастья, т. е. правильно познать обстановку — необходимо; необходимо вдуматься въ событія, ихъ связь и послѣдствія: вѣдь все исходило одно изъ другого, каждый день приносилъ лишь плоды предшествовавшихъ дней; что сѣяли — то и пожали!

Вотъ почему я всѣми способами, всѣми пріемами пересматриваю прошлое, стараясь рельефнѣе изобразить его истинную связь съ настоящимъ.

Только этимъ путемъ можно подойти къ вѣрному пониманію обстановки, а слѣдовательно и найти линію поведенія для будущаго.

Прежніе россійскіе шофферы вели государственную колесницу Россіи самостоятельно, самодержавно.

Они взимали съ пассажировъ хорошую плату, а объ остальномъ просили ихъ не безпокоиться. Пассажиры вѣрили и повиновались: старался заняться — кто чѣмъ могъ, не вмѣшиваясь въ дѣло содержанія и веденія автомобиля. Но шофферы оказались не на высотѣ взятаго на себя обязательства. Не разъ, и не два, а много разъ Государственная колесница загрузала и останавливалась въ пути. Тогда важные «самодержцы» звали на помощь пассажировъ; но не въ качествѣ совѣтниковъ и сотрудниковъ, (шофферы не допускали даже мысли, чтобы пассажиры могли работать съ ними, какъ сотрудники), а только въ качествѣ грубой силы. Пассажиры подпирали своими спинами и плечами автомобиль, напрягали всѣ силы, гибли въ большомъ числѣ на этой работѣ, и... выручали колесницу: она двигалась дальше.

Между тѣмъ аваріи стали учащаться. За послѣдніе сто лѣтъ ихъ было семь*). Это нѣсколько много для государственной колесницы, скроенной и сколоченной даже изъ русскаго матеріала.

Пассажиры стали задумываться и опасливо прислушиваться къ стуку колесъ и частей машины ненадежнаго экипажа. Среди пассажировъ появились скептики, усумнившіеся въ способностяхъ шофферовъ.

Стали пассажиры совѣщаться группами, партіями. Но шофферы тотчасъ же узрѣли въ этихъ дѣйствіяхъ великое «вольнодумство» и, не долго думая, стали выбрасывать изъ автомобиля подозрительныхъ и неугодныхъ имъ пассажировъ. Остальные тотчасъ же притихли, и все пошло опять прежнимъ порядкомъ: шофферы жили въ свое удовольствіе, мало занимаясь ремонтомъ автомобиля и содержаніемъ его въ порядкѣ, даже не осматривали его тщательно; а пассажиры корпѣли надъ личными дѣлишками.

Вдругъ колесница подошла къ перекрестку. Самонадѣянные шофферы избрали путь, именуемый «міровая война».

Пассажировъ не спрашивали. Но они и не возражали, еще разъ повѣривъ шофферамъ — что автомобиль

*) Войны: 1805, 1807, 1812, 1830—31, 1855-6, 1877-78, 1904-5 г.г.

способенъ идти этой дорогой. Во всякомъ случаѣ, разъ двинувшись по избранному пути, они готовы были помогать шофферамъ для достиженія цѣли путешествія.

Пустились въ путь. И вдругъ, поломка за поломкой — съ первыхъ же дней пути. Катастрофа за катастрофой слѣдовали съ фатальной настойчивостью. Сначала были поломки отдѣльныхъ частей (катастрофы 2, 1, 10 и другихъ Армій). Исковерканныя части замѣнялись запасными. Но вотъ, обнаружился полный недостатокъ смазки (недостатокъ снарядовъ). Машина перегрѣлась до крайности; всѣ скорости, кромѣ задняго хода, были поломаны; автомобиль двигался назадъ въ облакахъ дыма и паровъ, треща, ломаясь и перегрѣваясь все больше и больше.

Пассажиры давно уже везли колесницу на своихъ спинахъ и плечахъ; они выбивались изъ силъ; они видѣли необходимость предпринять что-то рѣшительное, и не знали, какъ и что сдѣлать. Общее мнѣніе наблюдательныхъ людей было, что шофферы не знаютъ автомобильнаго дѣла, что они не умѣютъ руководить сейчасъ въ общей бѣдѣ; что они не умѣютъ выбирать себѣ помощниковъ и что съ такими шофферами ничего нельзя ждать, кромѣ гибели. Однако, большинство пассажировъ (народъ) не понимало въ чемъ дѣло; они жаждали только освобожденія отъ работъ по выручкѣ автомобиля. Въ то же время небольшая группа пассажировъ и постороннихъ людей (прохожихъ)—злобно радовались провалу шофферовъ, расчитывая выиграть самимъ на этомъ провалѣ самонадѣянныхъ простаковъ. Какъ? Они еще не знали. Но они видѣли затруднительное положеніе неумныхъ упрямцевъ и рѣшили: пользуясь обстановкой, пересѣсть изъ заднихъ рядовъ поближе къ рулю; а если будетъ возможно, то и за руль взяться, а затѣмъ ужъ стать и полными хозяевами автомобиля. Они надѣялись на поддержку темнаго и утомленнаго пассажирскаго большинства. И не ошиблись.

Какъ ни уговаривали главнаго шоффера честные и дальновидные пассажиры — перемѣнить своихъ помощниковъ и измѣнить пріемы управленія Государственной колесницей, — ничто не дѣйствовало на главнаго шоффера: онъ былъ упрямъ, а плохіе помощники боялись ли-

шиться теплыхъ мѣстъ! Благоразумные пассажиры были въ отчаяніи, а люди, относившіеся недоброжелательно къ шофферскому управленію, ликовали, равно какъ и недальновидные люди, не желавшіе понимать истинныхъ причинъ общаго несчастія и сваливавшіе все на какихъ то всемогущихъ, вездѣсущихъ, всевѣдующихъ и всесильныхъ евреевъ и массоновъ!

— Если во всемъ виноваты «всемогущіе» и «вездѣсущіе» евреи и массоны, тогда значитъ нельзя и не нужно бороться съ ними? Тогда остается только склонить голову, ибо — какъ и съ кѣмъ вы будете бороться? Организація невидима и въ то же время «вездѣсуща» и «всемогуща!» Съ кого начинать, къ кому адресоваться, на кого нападать физически? Не на еврейскую же голытьбу? Да и это не поможетъ: вырѣжьте все еврейство, но останьтесь съ вашими качествами и съ вашими пріемами управленія — и все останется по старому; ничего кромѣ бездарности и неуспѣшности въ работѣ у васъ не будетъ!

Такъ говорили благоразумные пассажиры. Но шофферы и ихъ сторонники слишкомъ вѣрили въ свои силы и въ покорность пассажирской массы.

Между тѣмъ автомобиль стоялъ на мѣстѣ, а машина работала на себя, треща, стуча и дымя... Наконецъ, вода въ радіаторѣ закипѣла, вспыхнулъ бензинъ. начался пожаръ.

Пассажиры заметались, не зная что дѣлать... Главный шофферъ вмѣсто того, чтобы принять рѣшительныя мѣры для тушенія пожара, бросилъ руль и удалился отъ горящаго автомобиля... Пожаръ, раздуваемый той группой пассажировъ, кои жаждали этого момента, охватилъ всю колесницу. Эти люди подстрекали темную пассажирскую массу къ поджогамъ, грабежу и убійству имущихъ пассажировъ: въ общей свалкѣ и смятеніи легче было захватить имущество шофферовъ и богатыхъ пассажировъ; легче было захватить руль автомобиля... Они обѣщали темной массѣ новую обстановку, новую жизнь: всѣмъ хватитъ мѣста въ переднихъ рядахъ, никто не будетъ обиженъ и никому въ отдѣльности не нужно будетъ заботиться о себѣ — все будетъ общее,

всѣ будутъ накормлены, одѣты и устроены изъ общихъ средствъ!

И повѣрила темная масса. Награбила она вдоволь, упилась кровью братьевъ, пустила по міру милліоны людей и ждетъ новой государственной колесницы — съ роскошными каютами и обильными обѣдами.

Но... каюты и обѣды достались какъ будто не всѣмъ, а только нѣкоторымъ!? Прочая пассажирская масса стоитъ у «разбитаго корыта» и, кажется, находится сейчасъ далѣе отъ счастья, чѣмъ была до пожара Государственной колесницы.

Во всякомъ случаѣ, русскій народъ находится въ ужасномъ положеніи: нищета физическая обратилась въ хроническую голодовку; недостатокъ орудій производства, умѣнія работатѣ и разнузданность моральная привели Страну къ дезорганизаціи.

Въ Россіи нѣтъ права, нѣтъ моральныхъ устоевъ, нѣтъ ничего священнаго, святого и неприкосновеннаго.

Воровство, взяточничество, грабежъ, убійство, ложь, надругательство, издѣвательство и всѣ виды насилія процвѣтаютъ какъ нигдѣ.

Мнѣ скажутъ: «да вѣдь и прежде можно было — и красть, и лгать, и взятки брать? Полюбуйтесь — какую картину прошлаго нарисовали вы сами!»

Да, я не принадлежу къ апологетамъ прежнихъ русскихъ порядковъ. Не мнѣ защищать эти порядки и оправдывать поведеніе русскихъ властей всѣхъ видовъ и ранговъ. Но въ отвѣтъ на поставленный вопросъ я долженъ сказать:

— Да, въ Россіи и прежде обманывали, воровали, взятки брали и т. д. Но все это дѣлалось скрытно. Такими дѣйствіями и безстыдствомъ не гордились, такъ какъ и принципіально, и по формальному закону они не дозволялись. Тотъ, кто ихъ совершалъ — рисковалъ и передъ закономъ, и передъ обществомъ. Его ожидала кара. Хотя въ частныхъ случаяхъ многимъ и удавалось избѣгнуть кары, но въ основѣ общественной жизни и государственнаго строя лежали законы христі-

анской морали и вытекающаго изъ нихъ (или согласованнаго съ ними) права. Были уклоненія отъ этихъ законовъ (что и погубило Россію), но все же законы этики и права были, и они всѣми признавались. Въ силу этихъ законовъ въ душѣ многихъ съ дѣтскаго возраста выросталъ собственный Судія, неподкупный и правильный — совѣсть.

Совѣсть, законы христіанской морали, законы государства, основанные на стремленіи къ правовому порядку,—вотъ что сдерживало людскія страсти до революціи, и вотъ что было попрано революціей, вліяніе которой разлилось широкой рѣкой по всей Россіи, не исключая и антибольшевиковъ и русской эмиграціи.

Прежде, до революціи, крестьянамъ можно было сказать:

— У васъ мало земли, вы нуждаетесь въ ней? Вы получите ее отъ Государства. Оно купитъ землю у владѣльцевъ и передастъ вамъ на льготныхъ началахъ уплаты за нее. Даромъ, насильно и безъ уплаты Государство ничего не возьметъ и даромъ оно ничего и никому не дастъ: если можно сегодня пустить по міру помѣщиковъ, промышленниковъ, купцовъ и чиновниковъ, ограбивъ ихъ до-чиста, то завтра можно ограбить всякаго, а послѣзавтра отобрать все награбленное у грабителя да еще въ придачу прихватить и его собственные сапоги!

Государство не можетъ такъ поступать, если оно хочетъ порядка въ странѣ.

Прежде, до революціи, можно было рабочимъ сказать:

— Вы мало получаете за вашъ трудъ? Работодатель хорошо зарабатываетъ, роскошно живетъ, а вы бѣдствуете и кромѣ того необезпечены въ случаѣ болѣзни и старости?

Государство издастъ законъ о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ и объ участіи рабочихъ въ доходахъ предпріятія. Но оно не можетъ лишить предпринимателя всѣхъ выгодъ предпріятія, ибо — какая же сила будетъ тогда двигать людей на предпріятія, на рискъ, инціативу, изобрѣтенія, если отъ всего этого человѣкъ не будетъ

видѣть выгодъ для себя? Государство не можетъ убивать иниціативу и стремленіе людей къ совершенствованію, къ прогрессу — иначе оно погибнетъ.

Прежде, до революціи, можно было сказать солдатамъ:

— Вы недовольны обращеніемъ съ вами начальства и вообще вашимъ подневольнымъ положеніемъ? Государство сдѣлаетъ все возможное, чтобы улучшить ваше положеніе, облегчить вамъ выполненіе вашего долга. Государство измѣнитъ кореннымъ образомъ законъ по отбыванію воинской повинности: все здоровое физически мужское населеніе будетъ проходить солдатскіе ряды въ возрастѣ отъ 18-ти до 20—21 года; только пройдя солдатскіе ряды на общемъ основаніи можно продолжать образованіе — гражданское или военное. Только пройдя черезъ солдатскіе ряды вмѣстѣ со всѣми, на общихъ, одинаковыхъ для всѣхъ началахъ можно будетъ думать объ офицерскомъ рангѣ.

Государство издастъ законы, благодаря которымъ на военной службѣ не будетъ «господъ» и ихъ «слугъ», а будутъ только слуги Государства, работники общаго дѣла.

Но Государство не можетъ измѣнить основныхъ принциповъ организаціи Арміи и законовъ дисциплины, равно какъ и стѣснять волю начальника волею подчиненнаго въ дѣлѣ службы. Каждый служащій будетъ имѣть точно регламентированныя обязанности (прежде всего), а потомъ — права и возможность приносить жалобу на нарушителей его правъ. Но повиновеніе подмастерья мастеру — необходимое условіе всякой работы; а уваженіе къ мастеру, опыту, знаніямъ и сѣдинамъ — нормальное и логическое явленіе во всякой культурной организаціи.

Такъ можно было сказать (и нужно было сдѣлать) прежде, до революціи.

А теперь?

Теперь никакимъ словамъ никто уже не вѣритъ.

Никакіе доводы и обращенія къ здравому смыслу или совѣсти не проймутъ теперь людей, вкусившихъ ядъ

вседозволенности и вседостижимости; людей, пившихъ кровь братьевъ, какъ воду!

Голодъ? Голодъ ослабляетъ физическую силу народныхъ массъ и понижаетъ ихъ волю. Въ то же время теперь, какъ и прежде — сытый голоднаго не разумѣетъ, особенно если сытый залилъ свѣтъ совѣсти людской кровью и слезами...

Особенно, если сытый получилъ власть послѣ долгой голодовки и всякихъ лишеній...

Теперь онъ наверстываетъ потерянное и упивается властью, игнорируя всѣ уроки жизни!...

Власть захватываетъ, власть увлекаетъ многихъ въ бездну эгоизма.

Власть, это—отрава, которая помрачаетъ умъ и слѣпитъ глаза... Только немногіе люди смотрятъ на власть, какъ на бремя, и берутся за нее только во имя общаго блага, забывая себя, какъ сдѣлалъ тотъ легендарный лоцманъ, который въ минуту опасности на водѣ отстранилъ отъ руля Петра Великаго и, взявъ управленіе судномъ въ свои руки, благополучно привелъ баржу къ пристани.

Много-ли людей, которые идутъ къ власти безъ самолюбивыхъ тенденцій и отдающихъ общему дѣлу всѣ свои силы, не ожидая наградъ и не ища ихъ?!

Большинство ищетъ власти, большинство тянется къ ней — видя въ ней источникъ благосостоянія и всякихъ наслажденій... И добываютъ эти наслажденія, покупая ихъ цѣною страданій другихъ людей. Забывая, что за страданія, причиненныя другимъ, придется дать отчетъ, и что возмездіе за неправду ждетъ каждаго...

Волна безумнаго эгоизма захлестнула Россію. Тоже грозитъ и другимъ странамъ.

И горе имъ, если они не опомнятся во-время!...

Сейчасъ многіе жадно смотрятъ на Россію, какъ на легкую добычу... Они спѣшатъ къ больному, чтобы... воспользоваться имуществомъ, не думая, что воздухъ въ комнатѣ больного насыщенъ смертоносными микробами!...

Глава X.

ЧТО ТАКОЕ — РУССКАЯ КАТАСТРОФА.

Я уже говорилъ, что къ такому явленію, какъ русская катастрофа (революція и ея послѣдствія) нельзя подходить съ узкимъ масштабомъ, возлагая вину на отдѣльныя личности или даже на группы людей.

Передъ нами трагедія народа въ 160 милліоновъ, народа съ 1000-лѣтней исторіей.

Въ жизни этого народа, конечно, много общаго съ жизнью другихъ народовъ.

Вспомните, напримѣръ, Францію 18-го вѣка.

Въ 1715 году умираетъ король — Солнце, говорившій: «Государство, это — я»...

А черезъ 78 лѣтъ въ Парижѣ на эшафотѣ падаетъ голова его потомка Людовика XVI-го!

— Что же произошло? Гдѣ причины такой перемѣны обстановки?

— Вотъ онѣ въ послѣдовательной зависимости, въ порядкѣ происхожденія:

Самодержавіе, произволъ наверху, безконтрольность, привиллегіи потомкамъ по заслугамъ предковъ (а иногда и безъ заслугъ), благосостояніе за счетъ казны (Государства), изнѣженность верховъ, праздность, незнаніе своего дѣла, недобросовѣстность... разстройство государственнаго аппарата, разстройство народнаго хозяйства (голодъ), неудачныя войны...

Все это породило: зависть и злобу однихъ и справедливую критику другихъ...

За 70 лѣтъ накопился громадный запасъ неудовольствія и злобы. А къ этому времени и государственный аппаратъ сильно ослабѣлъ...

Лишенные привиллегій почувствовали свою силу и значеніе и... свалили привиллегированныхъ!

Вотъ что было во Франціи въ 18-мъ столѣтіи.

То же произошло и въ Россіи въ 20-мъ вѣкѣ.

Разница лишь въ деталяхъ, въ обстановкѣ, осложненной міровой войной (неудачей для Россіи), адской темнотой русскаго народа и интернаціональными лозунгами вожаковъ русской революціи.

Взгляните на разсматриваемый вопросъ еще шире: загляните въ глубь исторіи всѣхъ временъ и народовъ.

Передъ вами развернется длинный рядъ картинъ борьбы людей между собою изъ-за благъ земныхъ, такъ называемая — «борьба за существованіе, вѣрнѣе: борьба за лучшее существованіе».

Къ сожалѣнію, культура въ области матеріальной дѣлаетъ большіе успѣхи, чѣмъ въ области моральной.

Это обстоятельство способствуетъ увеличенію экономическаго и соціальнаго неравенства людей. Съ другой стороны, усиливается исканіе человѣчества — какъ бы уменьшить это неравенство и создать подобіе Царства Божьяго на землѣ.

Искатели лучшей жизни не всегда ограничивались проповѣдями, ученіями и обращеніемъ къ совѣсти и здравому смыслу сильныхъ міра сего. Очень часто, пользуясь легкомысліемъ правящихъ и недовольствомъ управляемыхъ, они организовывали возстанія противъ власти...

Если бы власть имущіе (они же и — богатые) всмотрѣлись лучше въ уроки жизни, они поняли бы не только безнравственность, но и непрактичность роскошной жизни среди нуждающихся полуголодныхъ людей. Послѣдніе, подстрекаемые наиболѣе активными элементами (тоже преимущественно изъ голодной братіи), являются постоянной угрозой благополучію правящихъ (богатыхъ).

Казалось бы, здоровый смыслъ указываетъ правящимъ путь для охраны ихъ же собственныхъ персонъ и сноснаго житія. Однако... вотъ ужъ 2.000 лѣтъ раздается соотвѣтствующая проповѣдь и скорбный голосъ повто-

ряетъ: «легче верблюду пройти чрезъ игольныя ворота, чѣмъ богатому въ Царствіе Божіе!»

Правящіе (богатые) неизмѣнно думали и думаютъ: «на нашъ вѣкъ хватитъ». А въ это время другіе — неправящіе, но желающіе править, небогатые, но желающіе быть богатыми, настойчиво твердятъ полуголоднымъ, завистливымъ и темнымъ массамъ :

«въ борьбѣ обрѣтете вы право свое».

Массы охотно вѣрятъ и поддаются вліянію вожаковъ.

Такъ нарождались всѣ потрясенія человѣческихъ обществъ.

Такъ было и въ Россіи.

Только здѣсь общечеловѣческое зло (экономическое неравенство людей) было усилено вѣками рабства, развратившаго и рабовъ и рабовладѣльцевъ.

Вотъ почему русскіе рабовладѣльцы столько разъ проваливались на міровыхъ экзаменахъ, пока окончательно провалились на послѣднемъ экзаменѣ (война 1914—1917 г.).

Этимъ воспользовались враги старой русской власти и, опираясь на недовольство темныхъ массъ, толкнули Россію въ бездну крови, разоренія и ужаса...

Посмотрите на Германію. Военная неудача и тамъ вызвала паденіе старой власти. Но тамъ народъ давно живетъ сознательной жизнью; школа и патріотизмъ сглаживаютъ классовую рознь, а правящіе давали всегда много образовъ добросовѣстности, аккуратности и умѣренности жизни. Германскій государственный корабль, веденный слишкомъ неосторожною рукою, сѣлъ на мель, но не разломался... Конечно, враги (или оппозиція) старой власти не замедлили использовать неудачу старой власти.

Всюду, гдѣ старая власть, такъ или иначе, оказалась несостоятельной, ея мѣсто заняли соціалисты — давнишніе искатели лучшей жизни.

Да будетъ благословенно стремленіе человѣческой мысли къ улучшенію формъ человѣческаго общежитія. Соціализму принадлежитъ видное мѣсто въ этомъ стремленіи, и этой заслуги у него нельзя отнять.

Но почему же соціализмъ, получившій всю полноту власти въ Россіи, не далъ улучшенія жизни, а наоборотъ — ухудшилъ даже ту несовершенную жизнь, которая была въ Россіи при прежнемъ строѣ?

Почему Россія потеряла свое мѣсто въ политической и экономической жизни культурнаго міра? Почему страна обнищала, а голодовки не прекращаются, не взирая на колоссальныя природныя богатства ея?

Я вижу двѣ причины:

1) Соціализмъ пришелъ въ Россію въ видѣ крайней формы (коммунизмъ).

2) Соціализмъ пришелъ въ Россію революціоннымъ, а не эволюціоннымъ путемъ.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ положеній.

Въ основѣ коммунизма лежитъ: общность труда и общность земныхъ благъ.

Значитъ: и здоровый, и больной, талантливый и неспособный, трудолюбивый и лѣнивый, энергичный и вялый, старый и молодой, опытный и неопытный, съ заслугами въ прошломъ и безъ нихъ,—всѣ равны, всѣ имѣютъ право на одинаковый жизненный пай! Ни зависть, ни злоба, ни жадность, ни ревность, ни всякая иная страсть не должны нарушать этого права. Всѣ трудятся, какъ могутъ, всѣ стремятся къ лучшему, не учитывая при этомъ сосѣда, и всѣ имѣютъ право на общее достояніе, а потому никому не нужно никакой собственности...

Все это правильно, вѣрно и справедливо.

Такъ и будетъ организована жизнь людей...

Но только не въ нашу эру!

Для коммунизма нужны чистые, идеальные люди,— безстрастные, справедливые, полные любви къ ближнему и сознанія бренности всего земного!.. Эти чистые и безстрастные люди не будутъ завидовать, не будутъ грабить, не будутъ обогащаться за счетъ другого, не будутъ учитывать перепадающіе другому «кусочки».

Отсюда ясно, что идти къ коммунизму можно только черезъ высокое усовершенствованіе человѣческой личности, черезъ очищеніе человѣка отъ эгоизма, отрѣшеніе его отъ своего «я».

Человѣкъ, отрекшійся отъ своего «я», можетъ осуществить коммуну въ ея чистомъ, благородномъ и полезномъ для міра видѣ.

Но можно ли мечтать о коммунизмѣ при тѣхъ свойствахъ людей, коими они сейчасъ обладаютъ?

Въ нашу эру человѣкъ полонъ своего «я»...

Онъ вьетъ свое гнѣздо, стремится наилучшимъ образомъ обставить себя и своихъ близкихъ. Онъ заботится о будущемъ; хочетъ и въ будущемъ обезпечить лучшее существованіе себѣ и своимъ дѣтямъ. И все это даетъ ему — собственность, пріобрѣтенная иногда трудами цѣлыхъ поколѣній! Безъ собственности онъ не станетъ работать, а тѣмъ болѣе — совершенствовать свой трудъ.

Собственность это — краеугольный камень общественной жизни въ нашу эру.

Всякій, кто искренно думаетъ объ улучшеніи формъ человѣческаго общежитія, долженъ считаться съ этимъ свойствомъ человѣческой природы. Тотъ, кто дѣйствительно хочетъ блага людямъ (а не только себѣ); кто мечтаетъ о лучшихъ формахъ жизни, тотъ не долженъ отнимать у человѣка собственности; но зато — всѣми силами долженъ стремиться къ сокращенію человѣческаго эгоизма, къ обузданію всѣхъ животныхъ страстей. Другими словами: хотите улучшить общую жизнь — стремитесь къ осуществленію высокихъ началъ человѣческой морали, той морали, которая вся выражается въ немногихъ словахъ: «любите другъ друга!...» И тогда всѣмъ будетъ хорошо, и жизнь улучшится, и люди приблизятся къ идеальнымъ формамъ общежитія.

Старый русскій строй палъ отъ узкаго и слѣпого эгоизма правящихъ, которые не хотѣли видѣть дѣйствительной жизни и не считались съ нею. Большое накопленіе враждебныхъ старой власти силъ произвело взрывъ разрушительный не только для правящихъ, но и для всей Страны.

Въ этомъ послѣднемъ, т. е. въ наличіи взрыва, а не эволюціи, заключается вторая причина неудачи соціалистическаго опыта въ Россіи.

Революція въ полудикой странѣ стала вводить новые порядки...

Если бы крайнія, идеальныя формы общежитія были выдвинуты, какъ отдаленный идеалъ, а къ достиженію его былъ избранъ путь постепеннаго усовершенствованія личности и государственнаго аппарата, то Россія давно оправилась бы отъ міровой войны, не имѣла бы ужасовъ гражданской войны и вѣрными шагами шла бы къ усовершенствованію своей жизни...

Но упорство старой власти и фанатизмъ новой власти привели Россію къ бурной ломкѣ всего русскаго зданія! На старый строй были спущены всѣ своры человѣческихъ страстей... И старый строй палъ истерзанный на клочья. Но вмѣстѣ съ нимъ истерзаны или уничтожены всѣ запасы и богатства, накопленные общими силами народа русскаго въ теченіе многихъ столѣтій. Русскій народъ сорвалъ съ себя оковы стараго строя (а не снялъ ихъ осторожно), и въ порывѣ опьяненія злобой и заманчивыми перспективами — порвалъ на себѣ всю одежду, изломалъ и уничтожилъ обстановку своего жилища и запасы своего хозяйства, искалѣчилъ свое тѣло, заплевалъ свое лицо и развратилъ свою душу!

Вотъ почему паденіе стараго строя не двинуло русскій народъ по пути культурнаго развитія, почему Россія урѣзана въ территоріи, а русскій народъ хронически голодаетъ то въ одной, то въ другой своей области.

И впредь не удадутся всѣ опыты улучшенія жизни, веденные внѣ законовъ морали, внѣ стремленій къ усовершенствованію личности.

«Заповѣдь новую даю вамъ: любите другъ друга».

И нѣтъ другого пути къ улучшенію жизни на землѣ.

Тотъ, кто искренно захочетъ идти по этому пути, — тотъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ найдетъ соотвѣтствующіе способы и средства для согласованія идеи съ требованіемъ момента. Душа его — свѣтлая, чистая и человѣколюбивая — нигдѣ не допуститъ неправды и ненужныхъ страданій, а тѣмъ болѣе — власти звѣриныхъ

инстинктовъ и безумныхъ оргій узкаго, грязнаго, скотскаго эгоизма.

Улучшать жизнь съ помощью грабежа, всякаго насилія и упраздненія морали — нельзя.

Власть, кому бы она ни принадлежала, должна положить въ основаніе своей дѣятельности — общее благо (а не насиліе однихъ надъ другими), безпристрастіе и справедливость.

Если событія привели новыхъ людей къ государственному рулю силою, то тотчасъ, ставъ у власти, они должны прекратить не только всякія насилія, но даже и тѣнь ихъ, стремясь изгладить изъ памяти людей кровавые дни прошлаго... Иначе въ Странѣ будутъ царить только страсти и пороки. Такая страна обречена на нелѣпое существованіе и даже на гибель.

Дѣйствительно: сила Страны въ трудоспособности ея населенія и въ знаніяхъ; для того и другого нужны — увѣренность въ завтрашнемъ днѣ и поощреніе знаніямъ; тамъ же, гдѣ насиліе введено въ пріемы государственнаго управленія, а знанія и опытъ мало цѣнятся, тамъ никто не станетъ трудиться отъ души, а талантъ и знанія не найдутъ примѣненія...

Вотъ гдѣ причины длящагося возмездія, посланнаго Россіи за давніе и недавніе грѣхи ея сыновъ.

Еще нѣсколько словъ — объ интернаціональныхъ тенденціяхъ.

Семья, племя, народъ, нація, соединеніе націй въ одномъ Государствѣ, раса, человѣчество — вотъ ступени развитія человѣческаго общежитія.

Сейчасъ человѣчество находится еще въ стадіи развитія націй. Думать о человѣчествѣ еще рано, надо заняться еще много вѣковъ подготовительной работой по усовершенствованію личности.

Во всякомъ случаѣ идти къ интернаціоналу можно только во имя общихъ, а не партійныхъ интересовъ.

Зовите къ братству всего міра.

Зовите всѣхъ къ сотрудничеству, къ дѣятельной

взаимопомощи. Стройте храмъ человѣчеству. Но стройте его чистыми руками и съ чистой совѣстью, а не кровавыми руками и не съ готентотской моралью.

Уже Христосъ проповѣдывалъ общее братство. Но не звалъ къ насилію, а только — къ любви, къ милосердію, взаимопомощи. Онъ звалъ къ тѣмъ единственнымъ средствамъ, кои ведутъ къ земному раю, къ чистому интернаціоналу.

И этотъ призывъ Христа не столь ужъ утопиченъ: нужно только, чтобы люди дѣлали соотвѣтствующіе (правильные) выводы изъ уроковъ исторіи и чаще вспоминали, что поѣздъ человѣческаго бытія мчится со скоростью 100.000 км. въ часъ, не останавливаясь на станціяхъ и на ходу выбрасывая своихъ пассажировъ, безъ багажа! Послѣдній остается на Землѣ.

П. Залѣсскій.

Юго-Славія.
МОСТАРЪ.

25 марта, 1925 года.